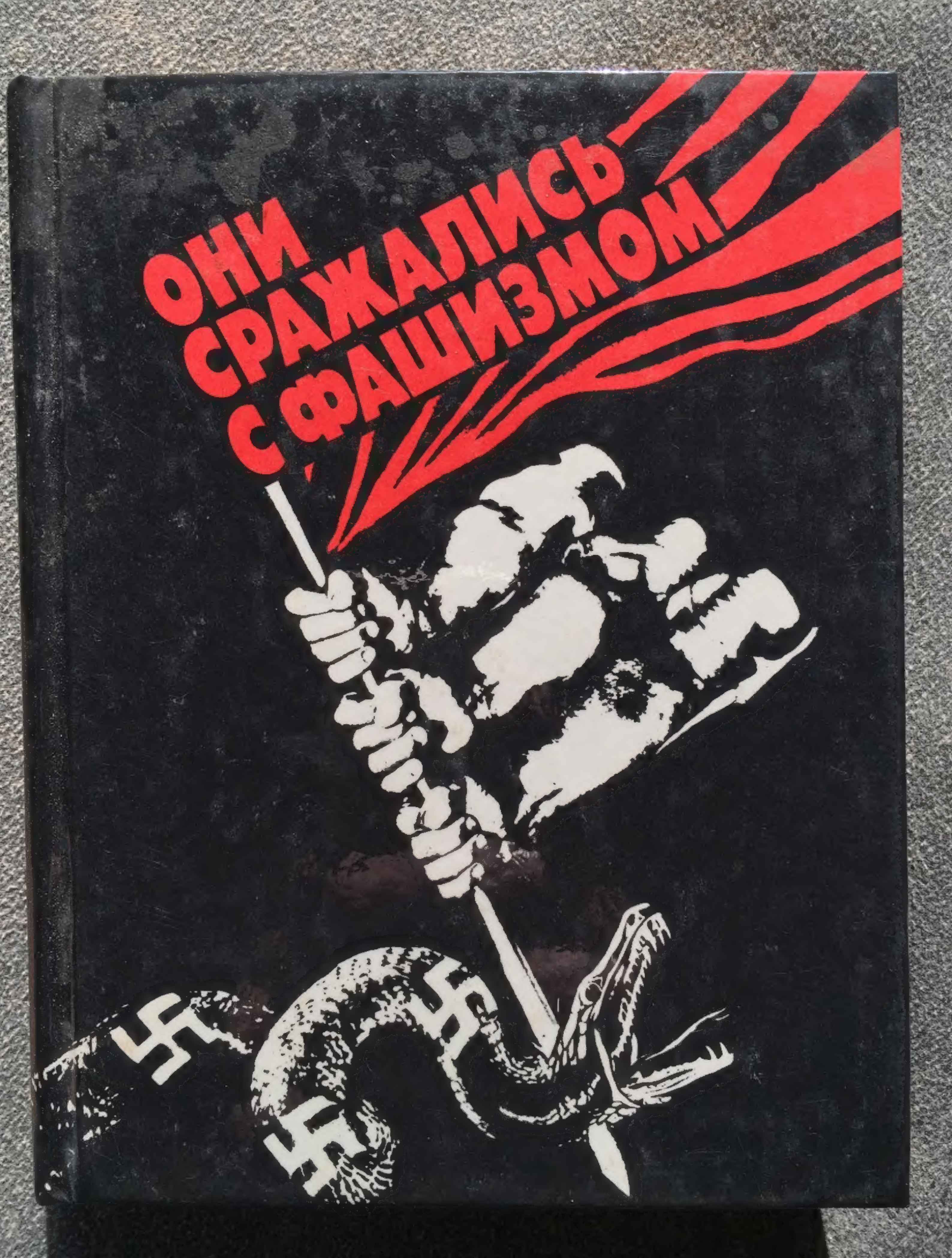
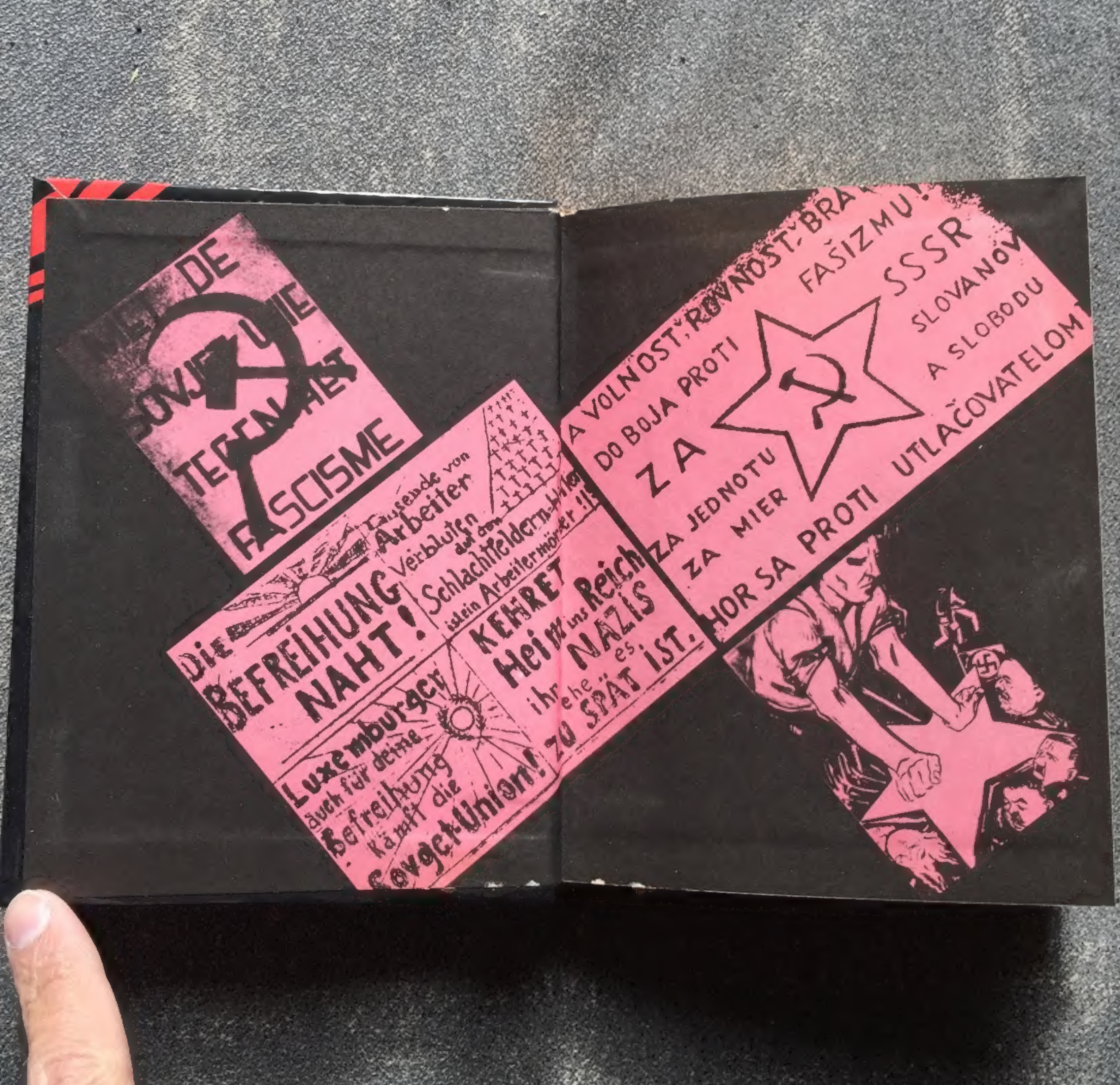
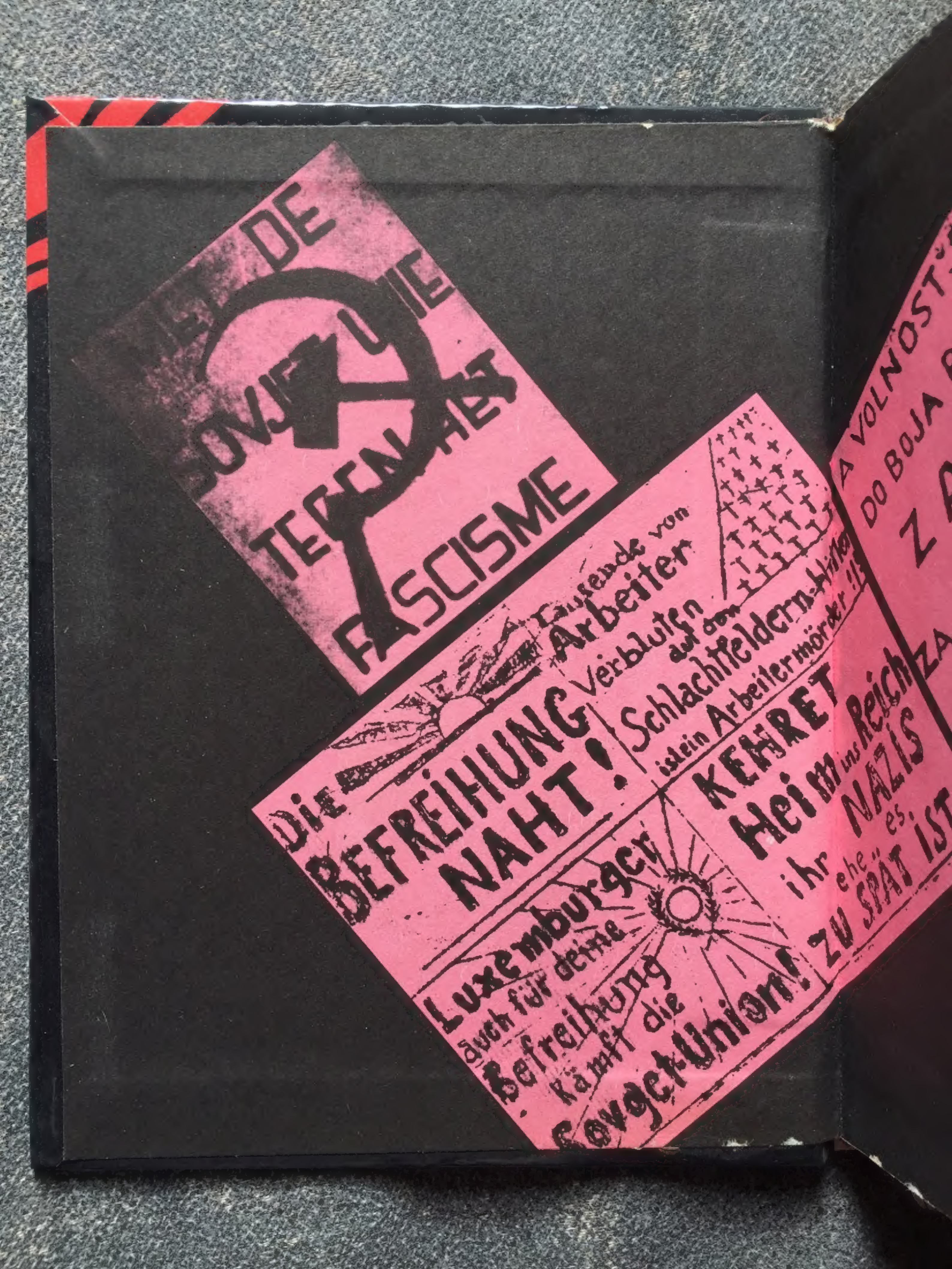

ОНИ
СРАЖАЛИСЬ
С ФАШИЗМОМ


DE
FASCISME
Tausende von Arbeiter verbluten auf den Schlachtfeldern
Arbeitermörder!
Die Befreihung naht!
Luxemburger auch für deine Befreihung kämpft die Sowjet-Union!
Kehret heim ins Reich ihr Nazis ehe es zu spät ist.
A VOLNOSŤ, ROVNOSŤ, BRA
DO BOJA PROTI FAŠIZMU!
ZA SSSR
ZA JEDNOTU SLOVANOV
ZA MIER A SLOBODU
HOR SA PROTI UTLAČOVATEĽOM!



DE
TEGEN HET
FASCISME
Die
Befreihung
naht!
Tausende von
Arbeiter
verbluten
auf den
Schlachtfeldern
ist ein Arbeitermörder!!!
Luxemburger
auch für deine
Befreihung
kämpft die
Sowjetunion!
Kehret
Heim ins Reich
ihr Nazis
ehe es
zu spät ist
DO BOJA

A VOLNOSŤ, ROVNOSŤ, BRA

DO BOJA PROTI FAŠIZMU!

ZA SSSR

ZA JEDNOTU SLOVANOV

ZA MIER A SLOBODU

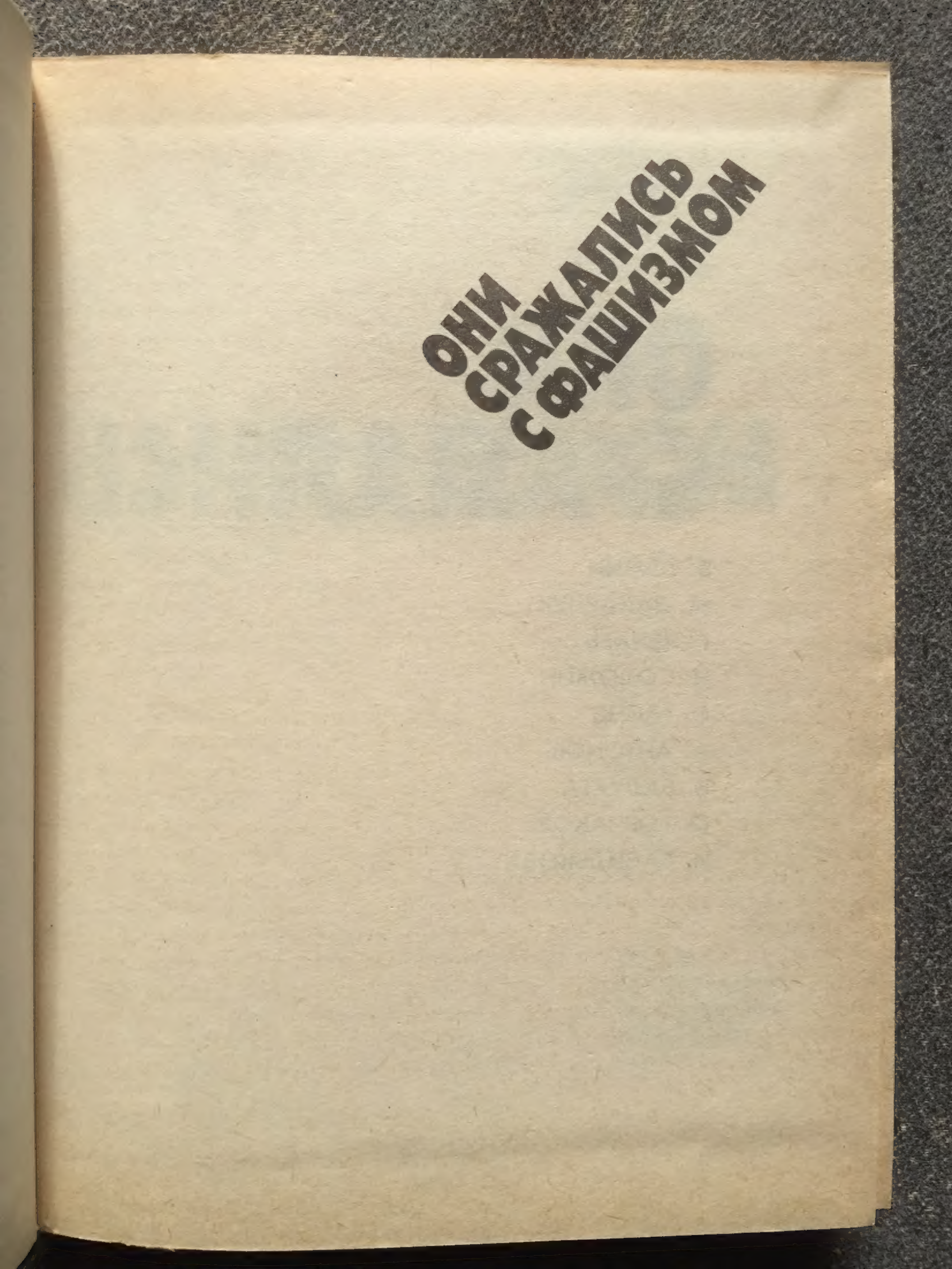
HOR SA PROTI UTLAČOVATEĽOM

ins Reich

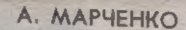
NAZIS

és

SPÄT IST.



ОНИ СРАЖАЛИСЬ С ФАШИЗМОМ


А. МАРЧЕНКО
С. ШЕВЫКИН
В. ИЛЫК
А. СГИБНЕВ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ С ФАШИЗМОМ

В. ТОМИН
М. ЗАХАРЧУК
Г. НЕЧАЕВ
Н. СОЛОМИН
С. ТАЙНС
А. АНТОНОВ
К. БАЛУХТА
О. ГОРЧАКОВ
И. ВАСИЛЬКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1988

А. МАРЧЕНКО
С. ШЕВЫКИН
В. ИЛЫК
А. СГИБНЕВ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ

В. ТОМИН
М. ЗАХАРЧУК
Г. НЕЧАЕВ
Н. СОЛОМИН
С. ТАЙНС
А. АНТОНОВ
К. БАЛУХТА
О. ГОРЧАКОВ
И. ВАСИЛЬКОВА

С ФАШИЗМОМ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1988

ББК 63.3(2)722.5
0-58

Составитель В. Р. ТОМИН

0-58 **Они** сражались с фашизмом / Сост. В. Р. Томин.— М.: Политиздат, 1988.— 432 с.
ISBN 5—250—00593—4

Книга «Они сражались с фашизмом» написана писателями и журналистами, которые на документальной основе рассказывают об антифашистах-интернационалистах, вставших в тяжелые годы Великой Отечественной войны вместе с советским народом в один ряд борцов против фашизма и принимавших активное участие в боевых действиях на фронтах, в партизанских отрядах и в подполье.

В очерках показаны судьбы Героя Советского Союза Антонина Сохора, Альдо и Хорхе Виво, Шандора Ногради, а также других героев-антифашистов.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

О $\frac{0505030202—275}{079(02)—88}$ 103—88 ББК 63.3(2)722.5

ISBN 5—250—00593—4

СОДЕРЖАНИЕ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ С ФАШИЗМОМ

На переплете использован фрагмент плаката художника **Джона Хартфильда.**

Заведующий редакцией **А. В. Никольский**
Редактор **К. О. Меликян**
Младший редактор **Т. К. Сперанская**
Художник **Б. Г. Попов**
Художественный редактор **Е. А. Андрусенко**
Технический редактор **Г. М. Новакова**

ИБ № 7313

Сдано в набор 03.06.88. Подписано в печать 24.10.88. А 00146. Формат 70×108 1/32. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,90. Усл. кр.-отт. 19,43. Уч.-изд. л. 19,13. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 212. Цена 90 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

А. Марченко

«ПРИКАЗ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЫПОЛНЕН»

9 мая 1985 года мне посчастливилось с трибуны у Мавзолея видеть парад, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вот проплывает Знамя Победы, прошли батальоны фронтовиков и героев тыла. Вот маршируют ветераны Войска Польского, а за ними — парадный расчет чехословацких фронтовиков, боевых соратников генерала армии Людвика Свободы, трижды Героя ЧССР и Героя Советского Союза, президента ЧССР в 1968—1975 годах, прошедших с ним славный боевой путь.

Многие из них — боевые друзья и соратники первых чехословацких Героев Советского Союза Отакара Яроша и Антонина Сохора. С ними я хочу увидеться после завершения парада. Мне говорили, что после прохож-

дения парадным маршем мимо Мавзолея они вернутся от Спасской башни к трибунам и будут смотреть парад.

Как только парад завершился и на Красной площади наступила тишина после грохота танков и самоходных орудий, бронетранспортеров и ракетных тягачей, я двинулся к чехословацким друзьям, пробираясь через толпу. Первым, кого увидел в группе чехословацких фронтовиков, был полковник в отставке Сергей Петрас. На его груди, как и у всех, чехословацкие и советские награды. Но Петрас имел не только орден Ленина, но и ордена Богдана Хмельницкого и Александра Невского — таких наград не было ни у кого из чехословацких ветеранов. Мы с ним обнялись. Впрочем, поцелуев и объятий в тот час на Красной площади было много, и это никого не удивляло. И тут Петрас вздохнул:

— Кого не хватает на этом параде, так это нашего командира Людвика Свободы, да Сохора с Ярошем. Жаль, не дожили. Но раз мы здесь, то они с нами. В сердцах наших...

Антонин Сохор родился возле Дортмунда в Вестфалии за две недели до начала первой мировой войны. В тогдашней Австро-Венгрии, куда входила Чехия, его отец-шахтер не смог найти никакой работы. Лишь в Германии удалось устроиться на работу в Логберге. Вот тут-то и родился малыш, которого назвали именем отца. Вскоре старшего Антонина Сохора призвали в императорскую армию, а мать с малышом перебрались в Духцов — все же трудности войны легче переносить не на чужбине. Но и после окончания войны не стало легче — заработки шахтеров в буржуазной Чехословакии оставались мизерными. А тут еще отец вернулся с войны инвалидом.

Ему только что минуло шестнадцать лет, когда название его города, где он учился и вырос, облетело не только всю Чехословакию, но стало известно и во многих странах мира. 4 февраля 1931 года жандармы с ведома буржуазного правительства расстреляли голодную демонстрацию безработных шахтеров, протестовавших против бесправия и нищенских пенсий. В своем репортаже «Духцов, 4 февраля 1931 года» Юлиус Фучик писал: «Один из забойщиков показал мне свою книжку,— он получил двадцать шесть крон, на которые должны жить целую неделю пять членов его семьи». Здесь Тоник Сохор впервые услышал свист пуль, увидел пролитую кровь и убитых шахтеров. Один из убитых был лишь чуть старше Тоника...

Для Тоника Сохора февральские события 1931 года, а затем стачка в шахтерском городе Мосте весной 1932 года явились школой политического воспитания, уроками классовой борьбы.

В 1936 году его призвали в армию. В Тренчине в Западной Словакии он прилежно осваивал воинские дисциплины, зная, что в условиях угрозы фашистской агрессии надо уметь хорошо владеть оружием. Десятки тысяч воинов, как и Антонин Сохор, готовы были сражаться против гитлеровцев. Но... сражаться не пришлось.

Двадцатичетырехлетний Сохор тяжело переживал позорную капитуляцию. «Как солдату мне стыдно, я страдал от своего бессилия»,— писал он родным. Однако самые суровые испытания были еще впереди...

После демобилизации он вернулся в Духцов, который был уже в составе рейха. Вскоре его отправили на принудительные работы в лагерь в Биттерфельде под Лейпцигом, откуда он с четырьмя товарищами сумел бежать: помогло превосходное знание немецкого языка. В июле 1939 года он перешел границу и прибыл в Краков, где оказался среди воинов Людвика Свободы.

В сентябре 1939 года, после нападения гитлеровцев на Польшу, «польский легион» чехословацких воинов начал отходить на восток. В районе Тернополя, соединившись с Красной Армией, чехословацкие воины провели зиму под Каменец-Подольском, а весной перебазировались в Суздаль, где их через год и застала весть о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Отсюда группа чехословацких офицеров и ротмистров была переведена в Горьковскую область, а потом двумя классными вагонами отправились в Бузулук к месту формирования чехословацкой воинской части в СССР.

В Куйбышеве их вагоны поставили в тупик, и они после встречи с послом Зденеком Фирлингером смогли ознакомиться с городом на Волге. Сохор пошел вместе с Отой Ярошем, с которым сдружился еще в Кракове. На одном из зданий по Куйбышевской улице они увидели мемориальную доску и, возможно, прошли бы мимо, если бы не чешская фамилия на ней. Оказывается, в этом доме в 1918 году жил чешский писатель Ярослав Гашек. Ота и Тоник зачитывались его романом еще в Чехословакии, но снова перечитали «Бравого солдата Швейка» в Суздале, на этот раз в русском переводе...

5 февраля 1942 года Сохор вместе с Ярошем и другими добровольцами прибыли в Бузулук, где началось формирование чехословацкой воинской части. Из тысячи воинов «польского легиона» в Советском Союзе осталось лишь 93 человека. Остальных эмигрантское буржуазное правительство в Лондоне постаралось вывезти из СССР, стремясь помешать созданию воинской части из чехов и словаков на территории Советского Союза, боясь их «большевизации».

Бузулук встретил их сильным морозом. От здания вокзала они строем пошли в город, ежась от холода после теплых вагонов. Но и в казарме было холодно,

в ведрах замерзла вода... Бузулукский райисполком выделил чехословацкой части близ Котлубани участок леса для заготовки дров. Людвик Свобода направил туда «лесную бригаду»; две полуторки при 35-градусном морозе круглосуточно возили дрова за 45 километров по обледенелой дороге. Кабины автомашин не отапливались, водителя спасал лишь тулуп и валенки, но и в рукавицах мерзли руки, а чтобы стекла не замерзали, приходилось растирать на них соль. Зимний день короток, машины не новые, часто в пути их приходилось ремонтировать на сильном морозе. Водители валились с ног от усталости и простуды. Антонин добровольно вызвался помочь. За две недели напряженного труда Сохор не раз возвращался с обмороженными щеками или пальцами. Но в казармах стало тепло, в таких условиях уже можно было проводить учебные занятия.

Некоторые офицеры ворчали: не дело командира выполнять солдатскую работу... Но воины оценили поступок Сохора. Его еще больше стали уважать, стремились попасть в учебное подразделение, которым он командовал. Сохор был также заместителем начальника школы младших командиров. Одного из выпускников — Арношта Штайнера — он сам направил на учебу в офицерскую школу, сказав: «Будешь хорошим офицером». И не ошибся. Арношт Штайнер прошел весь боевой путь от Соколова до Праги, награжден советским орденом Красного Знамени, семью чехословацкими боевыми крестами... Никто не имел их больше, чем он. Людвик Свобода писал, что о храбрости поручика Арношта Штайнера можно написать целый роман...

В Бузулуке тогда собрались политические эмигранты, советские граждане чешской и словацкой национальностей. Хотя формировавшийся батальон организационно подчинялся эмигрантскому правительству в Лондоне,

его душой были чехословацкие коммунисты во главе с Клементом Готвальдом и Яном Швермой. В Бузулуке находился видный деятель КПЧ Богуслав Врбенский. Для непосредственного руководства партийно-политической работой, которая велась неофициально, туда же был направлен известный переводчик произведений В. И. Ленина на чешский язык Ярослав Прохазка, после войны ставший генералом армии, а потом и ректором Карлова университета. В Бузулук прибыл и Ченек Грушка, о котором можно прочесть в сборнике «Мы будем бороться вместе», изданном Политиздатом в 1985 году.

Летом 1942 года бойцы чехословацкого батальона оказали помощь сельским труженикам в уборке урожая. Руководил подразделением воинов, работавших в селе Лисья Поляна, подпоручик Антонин Сохор. Чехи, словаки и закарпатские украинцы трудились также вместе с жителями Ново-Александровки, Палимовки и других сел Бузулукского района.

В разгар битвы на Волге, 28 августа 1942 года, командир части Людвик Свобода обратился к И. В. Сталину и Клементу Готвальду с просьбой направить чехословацких добровольцев на советско-германский фронт. Чехословацкие воины в октябре 1942 года получили боевое оружие: пулеметы и минометы, противотанковые ружья и самозарядные винтовки, пистолеты и автоматы ППШ. Антонин Сохор сам отбирал преимущественно молодых ребят в свой взвод разведчиков-автоматчиков. Каждое отделение имело ручной пулемет.

У сохоровцев был свой девиз.

— Приказ...— начинал перед строем подпоручик.

— ...должен быть выполнен!— отвечали автоматчики.

Этим девизом бойцы приветствовали друг друга при встрече. Один начинал: «Приказ...», а второй заканчивал: «...должен быть выполнен!» С этим девизом

взвод, а потом рота, батальон автоматчиков, которыми командовал Сохор, прошли боевой путь от Соколово до Праги. И не было случая, чтобы боевой приказ не был выполнен. Сохор умело поддерживал авторитет младших командиров, поощрял инициативу каждого воина.

В конце января 1943 года батальон полковника Свободы отправился на передовую. По пути на фронт чехословацкие воины узнали о завершении битвы на Волге, прочли сообщение Совинформбюро о своем отъезде на фронт. 4 февраля 1943 года в дневнике батальона появилась запись: «Сообщение об отъезде на фронт чехословацкой части в эшелоне было распространено специальным изданием «Нашего войска» и вызвало огромное воодушевление. Одновременно был начат сбор денег на танк «Лидице» для Красной Армии. За первые десять минут собрали 20 600 рублей. Инициатором сбора денег был взвод разведчиков-автоматчиков, командир взвода подпоручик Антонин Сохор». За два дня собрали 50 тысяч рублей, а 11 февраля в Мичуринское отделение Госбанка было сдано 100 тысяч рублей на танки «Лидице» и «Лежаки» в память чешских деревень, уничтоженных гитлеровцами в 1942 году.

17 февраля 1943 года эшелон с чехословацкими воинами прибыл в Острогожск. Здесь бойцы присутствовали на концерте фронтового ансамбля песни и пляски, им был показан фильм «Секретарь райкома». Утром командующий Воронежским фронтом Ф. И. Голиков знакомился с воинской выучкой чехословацких добровольцев. После учения, в котором участвовал взвод из роты Отакара Яроша, эшелон двинулся на Валуйки. Отсюда начали многодневный пеший переход через Волчанск и Белгород в Харьков. Впереди батальона следовали разведчики-автоматчики Сохора.

Навсегда запомнили чехословацкие воины первую же деревню, в которую они вступили, выгрузившись

в Валуйках. Сохор вел своих разведчиков по пепелищу и гневно восклицал:

— Не забудем, не простим!

Глядя на печные трубы вместо хат, тополя, превращенные в виселицы, колодцы, куда бросали фашисты тяжело раненных советских воинов, слушая рассказы жителей о зверствах гитлеровцев, бойцы молча стискивали кулаки, вспоминая своих близких, которые находились еще под игом оккупантов и ждали освобождения. Сердца воинов обжигало пламя ненависти. Все увиденное и услышанное звало к отмщению. Здесь впервые солдаты Сохора поняли, что такое фашизм, и у каждого защемило сердце: живы ли родные и близкие, о которых они ничего не знали с 1939 года?..

Сохор был дежурным офицером в здании по переулку Руставели в Харькове, где остановился батальон на отдых. Из штаба обороны Харькова после полуночи прибыли полковник Людвик Свобода и начальник штаба батальона надпоручик Отакар Рытирж с приказом немедленно выступать к Соколово. Сохор объявил боевую тревогу. Он получил задание двигаться со своими автоматчиками впереди колонны, обеспечивая безопасность подразделений еще необстрелянного батальона. Свобода пояснил, что возможен встречный бой с танками противника, если они прорвутся через рубеж обороны в Тарановке. Автоматчики Сохора должны быть начеку и своевременно предупредить об опасности.

Первым шло отделение Сергея Петраса, которого Сохор ценил не только за хладнокровие, рассудительность и храбрость: Сергей в составе отдельного комсомольского полка участвовал в боях под Москвой и имел уже немалый фронтовой опыт.

Встречного боя с танками врага не произошло: героические защитники Тарановки стояли насмерть. Роты

чехословацкого батальона заняли свой рубеж обороны на берегу реки Мжа, имея приказ не пропустить к Харькову через реку ни одного вражеского танка. Над соседней Тарановкой клубился дым, оттуда непрерывно слышались разрывы бомб и снарядов, доносилась пулеметная и винтовочная стрельба. Разведчики Сохора не раз приходили в Тарановку в дни героической обороны села гвардейским полком К. В. Билютина, в котором с каждым днем оставалось все меньше бойцов. Однажды и сам Антонин Сохор вместе с начальником разведки батальона Войтехом Эрбаном побывали у полковника Билютина. Тарановка горела, но гвардейцы стояли насмерть, не пропуская танки врага. Известие о подвиге группы истребителей танков под командованием гвардии лейтенанта Петра Широнина воодушевило чехословацких добровольцев. Позднее широнинцев стали называть «украинскими панфиловцами»— все 25 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза.

Гитлеровцы, не сумев сломить сопротивление защитников Тарановки, обошли ее и ударили на Соколово, бросив на усиленную роту Отакара Яроша 60 танков, полтора десятка бронетранспортеров и до двух батальонов автоматчиков. Разведчики Сохора первыми обнаружили грозящую опасность, увидев вышедшие на исходные позиции вражеские танки. Посланные Сохором связные своевременно предупредили Отакара Яроша и Людвика Свободу о приближении противника. Начался ожесточенный бой. Автоматчики Сохора появлялись во главе со своим командиром в самых опасных местах. Раненный в предплечье Сохор не только не покинул поле боя, но организовал воинов, получивших ранения, на оборону командного пункта. В наградном листе отмечается, что он вывел из строя противотанковой гранатой бронетранспортер с автоматчиками

врага. Он одним из последних покинул горящее Соколово.

28 марта 1943 года Сохор прибыл в Бузулук для лечения в госпитале № 3315, но не мог он спокойно лежать на госпитальной койке. Уже 30 марта он приступил к обучению нового пополнения младших командиров, передавая свой фронтовой опыт. Узнав из Указа от 17 апреля 1943 года о награждении чехословацких воинов, однополчане горячо поздравили Сохора с орденом Красного Знамени. Вскоре его вызвали в Москву. Герой боев за Соколово присутствовал на III Всеславянском митинге, посещал рабочих, встречался с советскими воинами. Вместе с ним была Мария Пишлова, которая в Соколово также была ранена и награждена орденом Красной Звезды. 9 мая 1985 года майор Мария Квапилова (Пишлова) была участником Парада Победы на Красной площади. Встретившись после парада, мы вспоминали с ней о ее пребывании в Москве весной 1943 года и об Антонине Сохоре, который тоже мог быть участником этого парада...

Летом 1943 года в Новохоперске развернулось формирование 1-й отдельной чехословацкой бригады. Туда из Москвы вместе с Людвиком Свободой и Марией Пишловой прилетел и Антонин Сохор. Его назначили командиром роты автоматчиков и в канун отправки бригады на фронт присвоили воинское звание поручика. Молодым бойцам своей роты, еще не участвовавшим в боях, Сохор рассказывал о боях за Тарановку и Соколово, о широнинцах и о своем друге Отакаре Яроше, первым из иностранных граждан удостоенном звания Героя Советского Союза, о его героической гибели в Соколово.

В Новохоперске Антонин Сохор увидел Клемента Готвальда, Яна Шверму, Зденека Неедлы, Зденека Фирлингера, прибывших для вручения бригаде боевого знамени, для бесед с воинами.

Сюда же пришла и радостная весть о рождении сына. Разделенная радость — двойная радость. Счастливый отец отпраздновал в кругу боевых друзей появление Людвика Сохора, получившего имя в честь Л. Свободы. Он с гордостью называл своего сына «маленьким автоматчиком».

В боевой характеристике 29 сентября 1943 года, в канун выезда 1-й отдельной чехословацкой бригады на фронт, Л. Свобода писал, что Антонин Сохор «очень инициативный, решительный, энергичный, самостоятельный, в боях проявил себя отлично». Ему не было еще и 30 лет. Он любил пошутить, послушать рассказы бывалых, знал много туристских песен, полюбил советские фронтовые песни.

В лесу под Киевом чехословацкая бригада развернула свое боевое знамя. До границ родной земли осталось 500 километров... Рота автоматчиков, приданная танковому батальону бригады, отличилась в боях за освобождение столицы Советской Украины. Танкисты Владимира Янко и автоматчики Антонина Сохора участвовали в боях за детский санаторий, киностудию, завод «Большевик», вокзал и на рассвете 6 ноября 1943 года вышли к Днепру южнее Лавры. Антонин Сохор двигался чаще всего на броне командирского танка Т-34 «Ян Жижка». Но нередко приходилось вступать в рукопашную, а потом забираться на броню танков «Соколово», «Лидице», «Капитан Ярош»...

Бывший боец роты Сохора, участник Парада Победы-85 генерал-майор запаса Штепан Бунзак вспоминает: «Для меня боевым крещением явилось сражение за Киев. Я своими глазами видел, какой отчаянной смелости человеком был Антонин Сохор».

После освобождения Киева автоматчики Сохора двинулись на Васильков, сражались у Черняхова. Однажды, ближе к вечеру, рота остановилась на ночлег. Командир

роты дремал, сидя на танке Рихарда Тесаржика, а его автоматчики и саперы подпоручика Карела Балаша расположились на земле, лежали на броне танков. Командир взвода автоматчиков подпоручик Петрас прислал связного и сообщил, что гитлеровцы решили пробиться на стыке советской дивизии и чехословацкой бригады. Когда темень сгустилась, фашисты предприняли атаку. Автоматчики Сохора и танкисты Тесаржика открыли плотный огонь. Но гитлеровцев было свыше трехсот, и Сохор шесть раз поднимал в контратаки своих автоматчиков. Был тяжело ранен ротмистр Бернард Бражина. Гитлеровцам не удалось прорваться. Утром насчитали до двухсот вражеских трупов.

За героизм и отвагу, проявленные в боях с врагом, поручику Антонину Сохору 21 декабря 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Жене Штефании он послал письмо в Бузулук: «Высокую честь и награду я получил для подразделения своих автоматчиков. Радуюсь за них и горжусь ими...»

30 декабря 1943 года во время боя за Руду у Белой Церкви Сохор лицом к лицу в дверях дома столкнулся с фашистом. Не растерявшись, по-немецки сказал ему, что дом окружен и сопротивление бессмысленно. Фашист бросил автомат и сдался. А вскоре Сохор выяснил, что в его автомате не оставалось ни одного патрона.

На пороге другого дома Сохор услышал детский плач. На широком столе лежал грудной ребенок. Сохор хотел его запеленать и положить на кровать, но в последний момент успел заметить проводок к мине под столом...

За отличия в боях по освобождению Киева чехословацкая бригада была награждена орденом Суворова II степени, за Белую Церковь — орденом Богдана Хмельницкого I степени. Здесь есть и вклад автоматчиков Сохора. В боях под Жашковом он снова был ранен, но в госпиталь идти наотрез отказался.

Герой Советского Союза поручик Сохор был включен в состав делегации бригады на митинг славян-воинов, проходивший в Колонном зале Дома союзов. 24 февраля 1944 года М. И. Калинин вручил ему орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», которые засверкали рядом с орденом Красного Знамени и тремя чехословацкими боевыми крестами, которыми он был награжден за Соколово, Киев и Белую Церковь.

10 апреля 1944 года началось формирование 1-го чехословацкого армейского корпуса, в котором Антонин Сохор уже командовал батальоном автоматчиков в танковой бригаде. В старой довоенной чехословацкой армии не было частей и подразделений автоматчиков. Сохор явился фактически первым командиром автоматчиков в новой чехословацкой армии. Он непрестанно изучал боевой опыт Советской Армии, особенно новые уставы и литературу. Но неоценимую помощь оказали советские инструкторы Федор Золотарев и Борис Шелюхин (последний вскоре стал начальником штаба батальона автоматчиков). В ходе предыдущих боев Сохор убедился, что в бою решающую роль играет не только умение и физическая закалка, но и морально-политические качества воинов. С особым уважением он относился к своему пожилому автоматчику Антонину Кориме, которого ценил еще и Ярош. Корима в 1932 году приехал с семьей в СССР и трудился в знаменитой коммуне «Интергельпо» в Киргизии. Здесь его приняли в ВКП(б). Сохор всегда прислушивался к мнению Коримы, которого автоматчики называли «батей»— ему тогда было около сорока и у него был опыт работы директором кожзавода.

Сохор имел исключительную память, убедительно приводил факты, мог заинтересовать слушателей и воздействовать на них. Своим командирам рот и взводов он рекомендовал: лучше дважды или трижды сказать

кратко, конкретно, чем один раз многословно, надо изучать характер своих автоматчиков. Однажды, дело происходило на Волыни, в селе Чешско-Малина, он привел новичков к месту гибели 374 невинных жертв фашистов, уничтоживших это село вместе с жителями, и в краткой эмоциональной речи призвал воинов сурово наказать фашистов за бесчеловечное преступление. Его призыв глубоко проник в души бойцов.

21—25 августа 1944 года редакция корпусной газеты «За свободне Ческословенско» распространила среди воинов анкету с просьбой ответить на вопрос: «Что мы уносим из СССР?» Ответы печатались в многотиражке, а позже под таким названием вышла и брошюра. Надо было ответить о самом запоминающемся событии или впечатлении, с которым воины вступят на родную землю, покидая территорию Советского Союза. Чем же запомнилось Сохору пятилетнее пребывание в Стране Советов? Каково его самое незабываемое впечатление? Это ведь могло быть и первое впечатление о пребывании на советской земле, и древний Суздаль, где они проживали в старом монастыре, и Днепр, и Волга, и Оренбуржье, жаркое летом, но суровое зимой. Да мало ли что могло запомниться об СССР за пять лет разлуки со своей родиной! Читая эти ответы, видишь, что разные у людей были впечатления. И о городах, в том числе и о Бузулуке, и о природе, и о людях, их братском отношении к утратившим родину.

А Сохору больше всего запомнилось мужество защитников Тарановки в марте 1943 года. Ведь прошло больше года, сам Сохор уже неоднократно был на волосок от смерти, дважды она метила его пулей и осколком, но боевой офицер не мог забыть героизм широнинцев, мужество гвардейцев, оборонявших небольшими силами Тарановку от значительно превосходивших их по численности гитлеровцев. «Вспоминаю пер-

вые бои, в которых мы стояли бок о бок с мужественными бойцами Героя Советского Союза полковника Билютина. Они сумели сделать то, что нам казалось невозможным, и, выполняя приказ, держали на указанном рубеже целую немецкую дивизию,— писал Антонин Сохор, сам ставший Героем Советского Союза.— Мы старались драться так, как они. Старались и стараемся». Так вот где истоки героизма самого Сохора, мужества его бойцов! В боевой дружбе, скрепленной кровью советских и чехословацких воинов.

Одной из самых ярких страниц советско-чехословацкого боевого содружества является эпопея боев в Карпатах, где на Дукле прозвучал лозунг Клемента Готвальда «С Советским Союзом на вечные времена и никогда иначе!». В сентябре 1944 года 1-й чехословацкий армейский корпус генерала Л. Свободы принял участие в операции 38-й армии генерал-полковника К. С. Москаленко, предпринятой в помощь восставшему словацкому народу. Особенно тяжелые бои разгорелись за высоту 534, прикрывавшую подступы к чехословацкой границе. В течение восьми суток высота неоднократно переходила из рук в руки, пока ею не овладели танкисты Героя Советского Союза Рихарда Тесаржика и автоматчики Героя Советского Союза Антонина Сохора. Здесь же отличились танкисты Рудольфа Ясиока и пулеметчики Венделина Опатрного, прошедших боевой путь от Соколово до границ Чехословакии. Обоим посмертно присвоено после войны звание Героя ЧССР.

В боях за высоту 534 в голову был ранен Рихард Тесаржик, а из тела Антонина Сохора врачи извлекли 218 осколков гранаты. Лишь через три месяца он смог вернуться на фронт. В конце декабря 1944 года его назначили начальником отделения штаба корпуса, в этой должности он воевал уже до конца войны.

Успех взвода, роты и, наконец, батальона автоматчиков во многом зависел от командира, который личным примером увлекал бойцов в наступательном бою, умело отражал атаки врага, когда приходилось обороняться. Сохор знал каждого своего солдата в лицо, знал о нем все: откуда он родом, кто он по профессии, кем мечтает быть. Сохор никогда не забывал отметить отличившихся в бою воинов, представить достойных к повышению в звании и к награждению. Он был требовательным командиром, но никогда не требовал невозможного, невыполнимого. Он лично отбирал в свою роту или батальон пополнение, вызывая добровольцев на «трудную и опасную работу», где требуется мужество, отвага и решительность.

Храбрецами из храбрецов были его автоматчики.

Выше уже говорилось о Бернарде Бражине. Участник боев за Соколово, он отличился в боях за Киев, а под Черняховом был тяжело ранен. Ему ампутировали руку, но он вернулся на фронт в разгар боев на Дукле и продолжал воспитывать своих воинов. Сейчас Бернард Бражина живет в Братиславе, является членом Словацкого ЦК Союза борцов против фашизма. Орден Красного Знамени за Киев, медаль «За отвагу» за Соколово — памятные знаки о его боевом пути.

Хотелось бы рассказать еще об одном автоматчике — Рудольфе Пешке. Ему не было еще и восемнадцати лет, когда он в феврале 1942 года приехал в Бузулук и попал к Сохору. Под Сталинградом погибли его отец и старший брат. В боях за Соколово, где погибла половина автоматчиков взвода Сохора, Пешка был тяжело ранен осколком снаряда, но после госпиталя снова встал в строй.

Первым взводом автоматчиков в роте Сохора в боях за Киев командовал Сергей Петрас, а вторым — Рудольф Пешка, окончивший в Новохоперске офицерскую школу,

но получивший лишь звание четаржа. Подпоручиком он стал в боях за Белую Церковь. Командиром второй роты батальона автоматчиков он был в боях за Дуклинский перевал. Когда его автоматчики окончательно овладели высотой 534, у него от роты осталось лишь восемь человек... Будучи ранен, поручик Рудольф Пешка остался в строю, 6 октября вступил на землю Чехословакии, а 14 октября стал командиром механизированного разведотряда. Уже три боевых креста отличали бывалого воина. Он участвовал также в боях за Остраву, куда пробился 28 апреля, обеспечивая успех всей чехословацкой танковой бригады. Рудольф вместе с танкистами спешил на помощь восставшей Праге, но был тяжело ранен в последнем бою с фашистами... Последний бой всей войны...

Когда после войны он побывал в Соколово, то обнаружил в списке на памятнике и свою фамилию: здесь его считали погибшим. А он связал свою жизнь с Остравой, здесь начал работать и одновременно учиться, закончил Высшую горную школу, курс института управления Высшей экономической школы в Праге. Год он учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в 1975 году стал кандидатом технических наук, является автором или соавтором 28 изобретений и рационализаторских предложений, в 1981 году стал лауреатом Государственной премии ЧССР имени Клемента Готвальда. Вот уже пятнадцать лет он работает директором, а потом и генеральным директором концерна «Витковице», рабочий день его длится по 16 часов в сутки. Член ЦК КПЧ полковник запаса Рудольф Пешка и на трудовом посту руководствуется девизом Сохора «Приказ должен быть выполнен!».

Он принял участие в Параде Победы-85 в Москве, поблагодарив за честь, отправился в Волгоград, с которым традиционно дружит Острава, и здесь, на берегу

Волги, отпраздновал 40-летие Победы над фашизмом. Металлургические и машиностроительные заводы концерна «Витковице» выпускают мирную продукцию, хорошо известную во многих странах земного шара... Так сражался, так трудился один из когорты сохоровцев.

А Антонин Сохор остался в армии после войны. Майор Сохор успешно закончил Военную академию имени Антонина Запотоцкого. Его послали на дипломатическую работу — некоторое время был военным атташе в Румынии, но его тянуло в войска, он добился возвращения в часть, развивающую боевые традиции чехословацко-советского ратного содружества.

Когда в феврале 1948 года буржуазная реакция попыталась осуществить переворот в Чехословакии, Антонин Сохор пошел к рабочим крупнейшего машиностроительного завода в Праге, рассказал им о боях за Соколово, где принял первый бой чехословацкий батальон, о Тарановке, обеспечившей им успешное боевое крещение. Общее собрание заводского профсоюза ЧКД в Либне приняло единодушное решение — в честь 5-летия боев в Соколово с марта и впредь именовать свое предприятие заводом ЧКД — Соколово. В разгар правительственного кризиса, когда еще президент Бенеш не принял отставку буржуазных министров, Сохор 23 февраля выступает на собрании корпуса национальной безопасности в Праге.

А 8 марта, в пятую годовщину боев, он выступил на митинге в честь переименования предприятия в завод ЧКД — Соколово. В торжествах приняли участие работники советского посольства, военные атташе СССР, Польши и Югославии, многие участники совместных боев.

В ночь с 15 на 16 августа 1950 года подполковник Антонин Сохор погиб в автомобильной катастрофе. При столкновении автомобилей никто, кроме него, не пострадал... В речи у его могилы Ченек Грушка говорил:

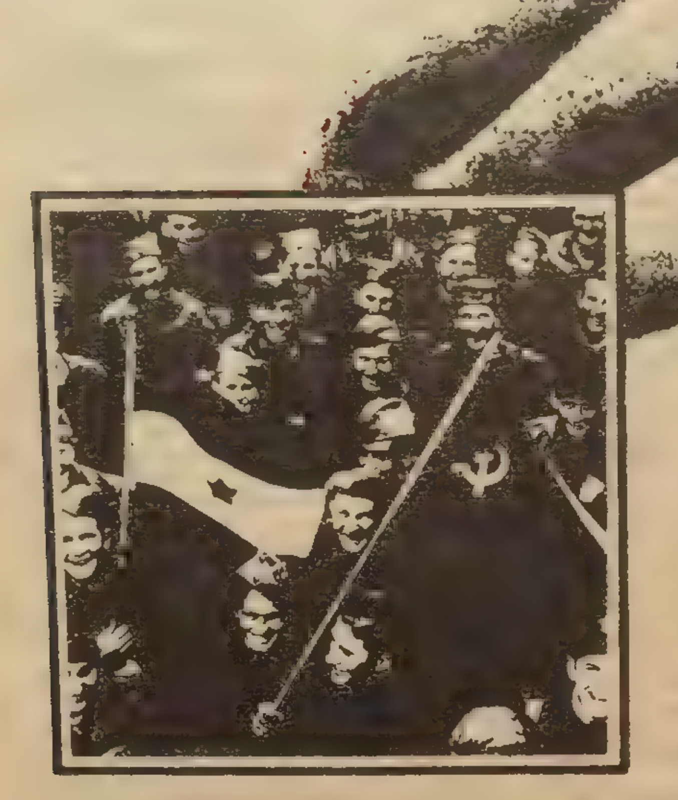
«Ушел преждевременно один из самых героических бойцов нашей истории, которому огромная Страна Советов оказала самую высокую честь... В лице Сохоры мы потеряли также блестящего командира, который прекрасно владел богатым опытом, полученным в боях совместно с самыми лучшими воинами всего мира»...

В 1955 году урна с прахом героя была установлена в здании Национального пантеона на горе Витков в Праге. Президент ЧССР Антонин Запотоцкий присвоил ему звание генерал-майора посмертно. Сопровождая прах героя, боевые друзья несли 18 орденов и медалей, которыми были отмечены ратные подвиги Антонина Сохора.

Его имя присвоено Эрвеницкой электростанции в Северной Чехии, где вырос славный сын чешского народа. Улицы Антонина Сохора есть в Праге и ряде городов и сел Чехословакии. Свято чтут память героя боев за Соколово и харьковчане. Одна из улиц города носит имя Героя Советского Союза генерал-майора Антонина Сохора. Экспонаты, рассказывающие о его ратном пути, представлены в Музее советско-чехословацкой дружбы в селе Соколово, а также в музеях харьковских средних школ № 35 и 94. Изображен отважный воин и на диораме, занимающей центральное место в экспозиции соколовского музея. Антонин Сохор и Отакар Ярош идут в рукопашный бой, возглавляя контратаку своих бойцов. Таким его изобразили харьковские художники В. Л. Мокрожицкий, В. В. Парчевский и И. Я. Эфроимсон. Его портрет запечатлен на почтовой марке, выпущенной в ЧССР.

По пути отца пошел Людвик Сохор, родившийся 1 сентября 1943 года в Бузулуке,— «маленький автоматчик». После окончания Военных академий имени М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилова полковник Людвик Сохор продолжает службу в чехословацкой Народной армии.

Сыновья верны боевым традициям отцов.



С. Шевыкин

ВМЕСТЕ ЗА СВОБОДУ

Шандор Ногради вспоминал:

— Как-то один из руководителей Коминтерна, Дмитрий Мануильский, обладавший тонким чувством юмора, сказал мне:

— Слышал, ты соперничаешь с Левитаном — и не без успеха.

— Нет, с ним нет,— ответил я.— Самое важное — превзойти будапештских дикторов. А, как говорят друзья, это мне удается.

Никогда бы не подумал, что диалект северных районов Венгрии, на котором я говорил, станет причиной моей популярности как диктора радио.

Действительно, в начале войны голос Шандора Ногради олицетворял собой Радиостанцию имени Кошута.

Так, именем предводителя борьбы за свободу и независимость страны в середине XIX века, назвали венгерские патриоты-коммунисты, находившиеся в эмиграции в Советском Союзе, свой радиопередатчик. Венгерские товарищи с первого же дня его работы совершенно верно решили, что своих целей передачи смогут достичь только в случае, если они вызовут доверие у народа. А это было не так-то просто: следовало разрушить стереотипы, насаждавшиеся более двух десятилетий хортистской пропагандой. Здесь «просто» правды было мало — необходимо было «заставить» слушателей поверить этой правде!

Специалисты могут назвать вам десятки методов, как можно достичь этого, и они же скажут, как сложно бывает соединить их воедино, не упустив ничего существенного и одновременно не «переборщив», как часто, казалось бы, ювелирная работа сводится на нет мелочью: не той интонацией диктора, неверным ударением в слове, неуместной паузой и т. п. Но все это дефекты, устранимые при упорных занятиях. А самое страшное, что случается, когда слушатель просто не верит диктору: «Не наш человек! Что бы ни говорил — не наш!» Это окончательный приговор. Тут уж ничего не поделаешь. А встречаются голоса — счастливые случайности! — которые становятся «голосами времени», вспомним того же Ю. Б. Левитана.

Думаете, для этого достаточно иметь крепкие голосовые связки, уметь отличать буквы друг от друга, не потерять всех зубов в драке? Нет! Этого мало! Чтобы твой голос стал символом, необходимо иметь голову и сердце. Голову, в которой те же мысли, заботы и мечты, как и у миллионов твоих соотечественников. Сердце, которое бьется в том же ритме, что и у твоих братьев и сестер по всей стране. Сердце, через которое прошли все твои мысли, все страдания и чаяния твоего наро-

да. Сердце, которое может позвать за собой! И вот к зову, «голосу» этого сердца невольно прислушается каждый.

Можно ли натренировать такой «голос»? Безусловно. Для этого требуется «всего-то-навсего» выяснить, кто ты есть? с кем ты есть? какими вместе вы хотите быть? И сделать все, чтобы это свершилось. Правда, не следует забывать, что в эту интеллектуальную работу нужно вовлечь и сердце, чтобы оно ни на мгновение не усомнилось в правоте головы.

И тогда твой голос, если ты говоришь правду, не соврет, ему поверит каждый, кому дорого то же самое, что и тебе.

Так, может быть, причину успеха Шандора Ногради — диктора Радиостанции имени Кошута — следует искать не в его провинциальном произношении, а в его голосе, который был понятен любому венгерскому рабочему, крестьянину, интеллигенту, готовому подняться на борьбу за свободу и независимость родины.

Шандор Ногради родился 14 мая 1894 года в деревеньке Фюлек близ Лошонца [1] в семье небогатого пекаря. Работа отца определяла весь уклад жизни небольшой по тем временам семьи: у Шандора было еще две младших сестренки. В деревне, а позднее, когда Ногради перебрались в город, и там считалось, что придет конец света, если каждый день к завтраку, обеду и ужину не будет на столе свежеиспеченных караваев, булочек, ватрушек. Поэтому огонь в пекарне не затухал практически в течение всех суток. Спать хлебопеку удавалось лишь урывками по три-четыре часа, пока новая партия

---

[1] Ныне город Лученец на территории Чехословакии.

теста подходила в кадках. Соответственно всей семье булочника приходилось приспосабливаться к такому очень жесткому трудовому ритму и вся ее жизнь была подчинена лишь одной цели: не опоздать ни на минуту ни с одной из операций, иначе не поспеешь вовремя с булочками, а значит, можешь остаться и без грошей, необходимых для покупки новой партии муки, дрожжей, дров, да и самим не на что будет одеться и поесть — окажешься в положении того знаменитого сапожника, который всю жизнь щеголяет босиком.

Уж прямо-таки совсем мрачная картина получается о детских годах Шандора. Но нет! В том-то и дело, что нелегкий труд не угнетал семейство Ногради. Угнетала лишь невозможность отдохнуть от забот хотя бы денечек, а так... Разве не интересно наблюдать, как вдруг начинала пузыриться, «ворчать» бывшая пару минут тому назад безмолвной масса теста! А как увлекательно «ваять» фигурные ватрушки, крендельки! А что может быть лучше, чем промозглым осенним вечером следить за языками пламени в печи, раскаленной так, что, кажется, не выдержат сейчас темные тучи на небе: «пшыкнут» и испарятся.

Однако такие радости — всего-навсего детские забавы. По крайней мере, так считал отец Шандора. Когда настало время выбирать будущую профессию сыну, он заявил:

— Пекарем ты не будешь! Выучись на цирюльника — это не пыльное занятие — или на кого-нибудь еще, а булочником тебе не быть!

Разговор состоялся в 1908 году, когда работать в пекарнях было уже значительно легче, чем прежде: воскресенье стало выходным. Отныне целые сутки можно было не разводить в печах огонь. (Правильнее даже сказать: запрещено.) Ногради-старший так объяснял перемены:

— Говорят, в прошлом году русские взбунтовались, поэтому и у нас запретили воскресную работу.

Речь шла, конечно, о революции 1905—1907 годов в России.

Справедливости ради следует сказать, что и сам Шандор не очень-то рвался в булочники. Он любил читать. Прекрасный мир книги открылся для него в гимназии, которую он посещал с неизменным удовольствием. Шандор зачитывался приключенческими и фантастическими романами Мора Йокаи, Кальмана Миксата и, конечно, Жюля Верна. Последний особенно привлекал его: ведь чудеса, совершаемые его героями, вовсе и не были чудесами. Для их осуществления требовалось-то просто изобрести какую-нибудь машину — и порядок.

— Буду инженером!

Но как им стать? Ответ напрашивался сам собой: надо поехать в Будапешт и там с помощью младшего брата отца устроиться для начала учеником в какой-нибудь мастерской. Сказано — сделано. И вот в 1909 году Шандор Ногради в столице.

И хотя Будапешт начала века лишь формально считался столицей № 2 дуалистической Австро-Венгрии и, как следствие, был лишен блеска и шика, присущих первым городам Европы, безусловно это был город, обойти вниманием который не мог ни один уважающий себя путешественник. Кроме величественных архитектурных ансамблей, оставленных городу прежними эпохами, в Будапеште возникали новые комплексы, призванные, по замыслам патриотически настроенной буржуазии, продемонстрировать Вене величие и независимость венгерского духа.

На окраинах росли корпуса фабрик, многие из которых соперничали с ведущими фирмами Европы. По всему городу были разбросаны многочисленные мелкие и средние промышленные мастерские.

В одной из них, носящей громкое название Завод по производству люстр «Готтфрид Б. и тов.», начал свой трудовой путь 15-летний Шандор Ногради. «Машинный парк» предприятия ограничивался одним шестисильным бензиновым мотором, но для вчерашнего провинциала и это было приобщением к чудесам всесильной техники, чем он был очень горд. На первых порах работа ученика, как и повсюду, состояла из выполнения мелких поручений, не всегда связанных с производством. Впрочем, постоянная беготня по Будапешту давала возможность познакомиться с казавшимся необъятным городом, завести знакомства, да и вообще разнообразила жизнь.

Одним из постоянных поручений Шандора была своевременная доставка в цех «Газеты металлистов», печатного органа профсоюза рабочих, связанных с производством и обработкой металла. Шандор и сам вскоре стал членом этой организации. Дело в том, что в Будапеште в то время профессиональные организации рабочих были довольно сильны. Так, если на предприятии появлялся новичок, не желавший вступать в организацию, начинались «репрессии»: от прибивания башмаков гвоздями к полу до приваривания к ручным часам, оставленным в раздевалке, пятикилограммовых цепей от люстр. Новичок вставал перед выбором: или вступить в профсоюз, или покинуть завод. Третьего пути не было.

Постепенно Шандор все больше втягивался в рабочее движение. Поначалу участие ограничивалось для него только рамками мастерской, где он работал. Осенью 1910 года он вместе с четырьмя другими учениками «Готтфрид Б. и тов.» устроил забастовку. Требование было лишь одно: мастер должен отпускать их по домам немного раньше.

Высказав свои претензии, пятеро молодцов гордо воссели на мусорный ящик перед цехом и стали ждать,

когда к ним явится кто-то из мастеров и ласково скажет, что теперь они будут бегать к своим девчонкам пораньше. Ждать пришлось долго, до самого вечера, когда пришла пора убирать помещение. Тут нервы у парней не выдержали, и они пошли в цех и взяли в руки метлы и совки. Мастера сделали вид, будто ничего не произошло. Так закончилась первая забастовка Шандора Ногради.

Следующая же принесла осязаемый результат. Жильцы дома, где Шандор ютился в квартире вместе с семьей дяди, начали забастовку в знак протеста против повышения платы за жилье. Их почти месячная борьба увенчалась успехом. Радости Шандора, как и других молодых людей, составлявших большинство населения дома, не было предела.

Однако такие частичные победы не удовлетворяли юношу. Ему хотелось участвовать если не в революции, то уж по крайней мере в «настоящем движении», имеющем свою политическую платформу. Желание это пришло не вдруг. Во многом его созреванию способствовали все те же книги, любовь к которым он сохранил на всю жизнь. Только теперь это были уже не романы, а брошюры социалистов. Интерес к ним пробудил все тот же дядя. Он работал в типографии, и поэтому собрать библиотечку из нужных книг не составляло для него труда. Ее-то штудированием и занялся Шандор.

Не все ему было понятно. Но главное — необходимость объединения рабочих для отстаивания своих прав — он уяснил твердо. А тонкости можно постичь и в ходе работы в рамках партии. Шандор пошел записываться в социалисты. Но его ждало разочарование: не достигших 18-летнего возраста в социалисты не записывали.

Горевал он, правда, недолго. Вскоре, в конце 1911 года, ему пришлось покинуть Будапешт. К этому вре-

мени Шандор стал похож на выжатый лимон. Он сильно осунулся, цвет лица приобрел действительно лимонный оттенок, дыхание стало неровным, появился кашель, сотрясавший все тело. Это было следствием постоянного соприкосновения с ядовитыми кислотами, которыми у «Готтфрида Б. и тов.» обрабатывали медные части люстр.

Врач предписал немедленно оставить такую работу и переселиться в местность с чистым воздухом. Путь лежал в Лошонц, где тогда жили родители.

Там Шандор, отлежавшись после столичных передряг, довольно быстро получил новую специальность — электромонтажника — и начал работать на местном заводе по производству сельскохозяйственной техники. В Лошонце его и застала первая мировая война. Разразилась она для него совершенно неожиданно, и понять, что это за война, он не мог довольно долго. По его собственному признанию, ему была наиболее близка позиция его бабушки, высказанная ею в разговоре с соседом:

— Покарай бог этих пруссаков, что стольким парням приходится идти на фронт погибать!

— Не пруссаков надо карать, матушка, а русаков.

— Да не все ли равно: пруссаков или русаков. Провались они все, коли разевают рот на чужой каравай!

«Уж если я ничего не смыслю в этой войне, то лучше и не соваться ни во что»,— решил для себя юноша. Он продолжал учебу в Высшей коммерческой школе, начатую еще в 1913 году. Как и все работники военных предприятий, он имел «бронь» и в свободное от работы время изучал политэкономию, географию, бухгалтерское дело, иностранные языки: немецкий и французский — и прочие премудрости.

Естественно, война затронула и его, но далеко не самой страшной своей стороной: он знал, что такое ги-

бель на фронте родных и близких, что такое карточная система, постоянное недоедание, многочасовое ночное стояние в очередях к продовольственным складам. Все это переносилось как должное. Поворот в сознании происходил медленно. Его начало связано с появлением в Лошонце квалифицированных рабочих с будапештских заводов.

Это были действительно представители лучших традиций венгерского рабочего класса, с четко выраженной позицией по вопросам войны, кипящие ненавистью к своим хозяевам, в которых они видели те самые силы, в чьих интересах и ведется бойня в Европе. Их влияние все больше распространялось на пролетариат провинциального Лошонца, не избежал его и Шандор Ногради.

Во время одного из жарких споров в конторе он смело заявил старшему мастеру:

— Я социалист,— хотя слабо представлял себе, как сейчас «выглядят» социалисты, так как с начала войны перестал даже читать газеты.

— И чего же хотят социалисты?

— ...Я бы хотел, чтоб никогда больше не было войны!— осмелился ответить Шандор только от своего имени.

Но война, казалось, непосредственно входит и в его жизнь: весной 1918 года «бронь» отменили и направили юношу в роту для подготовки унтер-офицеров.

Вид будущего командира Имперской армии отражал положение Австро-Венгрии в целом: бахилы разных размеров и явно изготовленные не на одной фабрике, грязные белые холщовые брюки, серый, весь в каких-то пятнах френч и истрепанная фуражка.

Шандор Ногради, ненавидевший войну, но не имевший ничего против армейской службы в тылу, усердно занимался тактикой до ноября 1918 года, когда, к его великому счастью, его службе, как и миллионов других

по всей Европе, пришел конец: война завершилась. Единственно о чем он искренне жалел, что не сможет больше наблюдать на плацу занятий инструкторов с венгерскими солдатами, вернувшимися из России в соответствии с условиями Брестского мира. А на это стоило посмотреть!

На глазах этих парней происходила революция в России, многие из них были активными участниками событий. Воевать за своих господ они больше не хотели — скорее, против них. Но их согнали силой в штрафные команды и вели переподготовку. Самые «резвые» офицеры рассказывали им о зверствах большевиков; длилось это часами. Затем наступала очередь практических занятий:

-- Цепью... интервал шесть шагов... шагом марш!

И командир, не оглядываясь, гордой походкой двигался вперед. А солдаты как стояли кучей, так и оставались стоять. И лишь одну команду они выполняли беспрекословно. Когда офицер, все также не оборачиваясь, горланил:

— Ложись!

Не спеша, с толком, с чувством солдаты устраивались на земле. Они отдыхали.

Итак, ноябрь 1918... Не существует более Австро-Венгрии. «Лоскутки», из которых состояла империя Габсбургов, превращаются в самостоятельные национальные государства. В результате буржуазно-демократической революции в Венгрии, получившей название «революции хризантем», устанавливается республика. Когда схлынула первая волна восторгов, выяснилось, что особым доверием у трудящихся новый порядок не пользовался, инстинктивно они чувствовали, что это не то, чего они ждали, что их положение, по сути, не претерпело никаких изменений. Такие настроения сыграли свою роль и в дальнейшей судьбе Шандора Ногради.

3 Заказ № 212

Вернувшись в Лошонц, недавний «бравый солдат» с удивлением и страхом узнал, что рабочие завода, где он прежде трудился, избрали его своим профсоюзным лидером. Долго отнекивался Шандор, но в конечном итоге его сразил довод, что он, с одной стороны, вроде как свой, рабочий, а с другой — едва ли не инженер, и хозяева завода, по крайней мере, выслушают его.

Делать нечего — пришлось Шандору вспоминать некоторые уроки, полученные в годы ученичества в Будапеште. Так он, скорее по воле обстоятельств, чем по собственному убеждению, входит в рабочее движение. Ну а раз уж так — он со всем усердием берется за доверенное дело, пытается разобраться в массе политических течений того времени, чтобы найти то самое, которое наиболее полно отвечает его собственным устремлениям, да и нуждам его товарищей по работе, по судьбе.

Шандор был из породы людей, которые принимают важные решения не кавалерийской атакой, а в результате длительной осады, сомневаясь во всем и не доверяя на слово никому. Но уж если они убеждаются в истинности, справедливости овладевших ими идей, то борются за них до последнего.

Вот и Шандор немало слышал о революции в России, что-то доходило до него о взглядах большевиков, но все это оставалось для него лишь одним из многих вариантов решения вопроса о своей дальнейшей судьбе, судьбе нации. Для того чтобы убедиться, что российский опыт — это та основа, используя которую можно смело идти в бой с любым врагом, нужен был какой-то внешний толчок. И весна 1919 года подтолкнула его, да не просто слегка хлопнула по плечу, а нанесла довольно увесистый удар, от которого, правда, в голове только прояснилось.

Всего-то (или целых?) 133 дня венгерский пролетариат чувствовал себя хозяином своей судьбы. Но эти

четыре с небольшим месяца оставили в его памяти незабываемый след. Когда спустя годы забылись многие конкретные меры революционного правительства, его достижения и просчеты, дух того времени продолжал согревать сердца. Наверное, наиболее полно он выразился 1 мая 1919 года, когда сотни тысяч будапештцев вышли на улицы и площади города, чтобы выразить свою поддержку идеям венгерских коммунистов и заявить о солидарности с борьбой рабочих и крестьян Советской России.

Будапешт еще никогда не был столь нарядным. Создавалось впечатление, что все художники столицы днями и ночами трудились над праздничным убранством города: на площадях возвышались триумфальные арки, огромные скульптурные группы символизировали мощь и несокрушимость рабочей республики, все окна, балконы, подъезды были задрапированы кумачом. Звучали оркестры, повсюду слышался смех. Ликованию не было предела.

Таким запомнился революционный Будапешт и Шандору. Сам он с юношеским максимализмом сожалел, что не совершил ничего героического в дни, которые, казалось, дышали подвигом. Но найти свое место в круговерти событий было непросто, особенно для молодого человека, не обладавшего ни опытом революционной борьбы, ни серьезными познаниями ни в одной из областей экономики. К примеру, Ногради оказался практически беспомощным, когда ему было поручено контролировать работу Государственной статистической службы. В конечном итоге он решил, что больше всего пользы республике он сможет принести, вступив в Красную Армию, сила или слабость которой должны были в итоге решить и саму судьбу венгерского народа. Однако и здесь его ждало разочарование: командование, вместо того чтобы направить его на фронт, решило исполь-

зовать почерпнутый им на унтер-офицерских курсах опыт, а также умение вести агитацию среди солдат для подготовки добровольческих рот красноармейцев. Хотя Шандор и понимал важность возложенных на него обязанностей, душа его не успокоилась, пока не было получено разрешение отправиться с одной из рот на фронт, да еще и на Северный! В то время армия революционной республики вела знаменитый победоносный Северный поход. К великому разочарованию Ногради и других бойцов его роты, в боях им так и не довелось участвовать: они просто-напросто не могли угнаться за стремительно уходящим все дальше и дальше фронтом. Тогда было решено вернуть часть в Будапешт, где к тому времени существовала реальная опасность выступления контрреволюционных сил. И тут Ногради с товарищами опоздали: к моменту их прибытия мятеж был подавлен. Вот так, волею судьбы не довелось пылавшему жаждой борьбы юноше встать с оружием в руках на защиту дела, которое уже стало для него делом всей жизни. С поникшей головой, с глазами, полными вопроса-упрека, обращенного ко всему миру: «Как могли так легко потерпеть поражение справедливость, благородство и здравый смысл, пробившие себе дорогу к людям сквозь мрак и грязь!?»— он встретил 1 августа весть об отставке правительства Венгерской Советской Республики.

Самое обидное для Шандора Ногради заключалось в том, что он не смог принять участия именно в вооруженной борьбе республики, которая, что для него, как и тысяч и тысяч соотечественников, было совершенно ясно, потерпела поражение как раз в неравной битве с интервентами, а отнюдь не в борьбе за умы и сердца народа. А если идеи остались непобежденными,— значит, они живут и будут жить и обязательно взойдут новой све-

жей порослью, взойдут, когда почва для них вновь будет «взрыхлена». С такими мыслями покидали летом 1919 года Венгрию многие «республиканцы», спасаясь от беспощадного белого террора. Однако они уходили, чтобы снова прийти, но вернуться обогащенными опытом борьбы рабочего класса других стран. Они включались в нее, куда бы их ни забрасывала судьба.

Шандора Ногради она забросила для начала не особенно далеко: вновь он оказался в Лошонце, который теперь, правда, находился на территории буржуазной Чехословакии. Не давая себе ни часа передышки, Ногради сразу же включается в деятельность по созданию коммунистической организации. В то время в Чехословакии не было коммунистической партии, ее созданию во многом препятствовал национализм, получивший широкое распространение в среде рабочих после провозглашения самостоятельного национального государства. Однако, когда «страсти» поутихли, для пролетариата Чехии и Словакии стало ясно, что врагов следует искать не среди людей, разговаривающих на другом языке, а среди тех, в чьих руках находятся политическая власть, фабрики и шахты. Такой поворот в сознании народа сделал возможным создание в конце 1921 года Коммунистической партии Чехословакии. В работе съезда, объединившего все марксистские течения республики в единую организацию, принимал участие и Шандор Ногради. Это не осталось без внимания полиции, и он впервые оказывается в тюрьме, хотя и ненадолго. Никаких конкретных обвинений против него выдвинуть было невозможно, и вскоре он вновь на свободе и начинает активную работу по организации Коммунистического Молодежного Союза Чехословакии.

После образования Союза он становится одним из пяти его секретарей. Работа была интересной: постоянные встречи с десятками молодых рабочих и интелли-

гентов, жаркие дискуссии обо всем на свете, организация нелегальных курсов для активистов и чтение лекций на них, беспрерывные поездки по стране: Шандор вскоре мог не просто назвать почти любой из множества средневековых замков страны, но и сказать, за каким по счету поворотом откроется вид на его башни или стены.

Видимо, судьба решила, что с Чехословакией Ногради ознакомился уже достаточно основательно и пришла пора заняться достопримечательностями Берлина: чехословацкая буржуазная пресса выбрала Шандора мишенью для нападок как «самого главного красного террориста», из-за чего и пришлось эмигрировать в Германию, где он пробыл недолго.

В октябре 1923 года произошла его первая встреча с Москвой, куда он прибыл по решению руководства Коммунистического Интернационала Молодежи. Работа в центральном аппарате этой организации означала огромную честь и одновременно служила признанием предыдущей деятельности молодого коммуниста, свидетельствовала о возросшей теоретической подготовке недавнего стихийного борца за интересы пролетариата.

Итак, Москва! Что в первую очередь бросилось в глаза провинциалу от революции в столице бурлящего мира?

Да скорее, даже не в глаза! Первым что-то родное уловило сердце. Это был тот самый дух революции, которым был наполнен первомайский Будапешт 1919 года. Это была неуемная жажда созидания внутри страны и одновременное внимание ко всему, что происходит в мире. С ним Шандор Ногради столкнулся в первые же дни в Москве.

Как-то к нему в комнату вошел в сопровождении переводчика широкоплечий матрос с улыбкой в пол-Москвы.

— Дмитрий. От московского комсомола,— представился он.— Хочу попросить вас рассказать нам о делах немецкой молодежи.

— Согласен. Но выступать я могу только на венгерском или немецком.

— На немецком вполне подойдет. Я переведу.

— Но, насколько я вижу, вы не понимаете по-немецки.

— Не волнуйтесь — переведу,— уверенно сказал матрос, хлопнув ладонью по своей широкой груди.

Выступление Шандора Ногради вызвало бурю оваций среди слушателей, хотя для него самого навсегда осталось тайной, о чем говорил Дмитрий. Из его «перевода» Шандор уловил только упоминания об Австралии и Африке, о которых сам он не сказал ни слова.

Этот эпизод отнюдь не заслонил от Ногради главного: в те годы в Стране Советов действительно любили произносить громкие слова, но за ними стояли еще более громкие дела, которые сотрясали и потрясали весь мир. Венгерский коммунист с удовольствием бы включился в этот процесс переосмысливания действительности, преобразования ее, сотворения чудес, о которых он мечтал, зачитываясь в детстве Жюлем Верном, но его тянуло поближе к Родине, которая не так давно сама жила этим и вскоре вновь будет жить, верил он. Поэтому, когда румынские коммунисты обратились к Шандору Ногради с просьбой оказать помощь в организации нелегальной работы на территории с преобладающим венгерским населением, он, не раздумывая, откликнулся.

Немногое, правда, успел он совершить в Румынии, «сигуранца» не дремала — и вот казематы подземной военной тюрьмы. Казалось, это надолго. Даже в письме, тайно отправленном невесте с Москву, Шандор писал, что свадьбу, пожалуй, придется отложить на несколько лет.

Но — удачный побег, и Ногради вновь в Москве. Последовали три спокойных года, когда наконец-то революционер-практик получил возможность разобраться,

что же он делает и как: это были три года напряженного изучения теории классовой борьбы. А три года непрерывного учения под руководством известного знатока марксизма Ласло Рудаша — это прекрасный университет.

Именно в это время завершилось формирование Шандора Ногради как коммуниста-ленинца, для которого теория и практика революционной борьбы пролетариата слились воедино. Он уже не мыслил своей жизни без непрерывного процесса движения вместе с народом к счастливой жизни, которую надо построить, какие бы преграды ни вставали на пути. Уже тогда у него был поставлен «голос», которому верили и за которым шли.

Деятельная природа Ногради не позволяла ему надолго выключаться из практической деятельности. И вот осенью 1928 года он вновь в Чехословакии. А затем — Париж. Он стал одним из руководителей широкого антифашистского движения в 30-е годы, одним из трех секретарей Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма. Вскоре его знает вся Европа. Он выступает на многотысячных митингах в крупнейших городах континента — его голос узнают все, кому дорог мир, кто понимает опасность, которую несет фашизм.

Но Ногради не только проповедует — он действует. На его долю выпала нелегкая миссия сбора средств на оружие для Испанской Республики, он же занимался доставкой военного снаряжения и техники для антифашистской Испании.

Затем Ногради вновь в Москве, вновь в Коминтерне. Нелегкое это было время. Как известно, во второй половине 30-х годов немало коммунистов-интернационалистов стали жертвами сталинского произвола. Шандора Ногради миновала сия чаша. И в то время, и позднее он не раз искал объяснение этому, но ясного ответа на вопрос дать не мог. В конечном счете он решил, что ему просто-напросто повезло.

Как бы то ни было, спасения от тяжелых мыслей и раздумий не было, единственное, что хоть на какое-то время отвлекало от них,— работа. Ногради возглавлял сектор информации отдела печати Коминтерна. Это означало, что он являлся в одном лице главным и ответственным редактором «Бюллетеня», выходящего дважды в день на русском и немецком языках. Издание выходило тиражом 170—180 экземпляров и предназначалось для информирования руководителей партии и правительства, а также редакций ведущих газет о событиях в мире на основе сообщений зарубежной печати и радиостанций. Помимо этого, Ногради редактировал множество книг и брошюр. Работы действительно было, что называется, невпроворот, она занимала практически все время, остававшееся ото сна. Казалось, что уплотнить рабочий день невозможно, но...

Это «но» в июне 1941 года властно и стремительно вошло в жизнь каждого советского человека, в жизнь тысяч интернационалистов, для которых Советский Союз стал столь же дорогим понятием, как и Родина.

Первой реакцией Шандора Ногради на нападение фашистской Германии на СССР стало желание взяться за оружие и наконец-то встретиться лицом к лицу с ненавистным врагом, что не удалось ни во время Венгерской Советской Республики, ни на земле далекой Испании. И естественно, что уже в первые дни Ногради вместе с тысячами и тысячами москвичей был на стадионе «Динамо», где формировались добровольческие полки.

Для того чтобы убедиться, что Ногради удовлетворительно видит в очках, медицинская комиссия попросила его рассказать о том, что он видит в окне. Затем выяснили, сколько может пройти без привалов этот 47-летний венгр, и решили, что он годен для службы в строевых частях. Но вдруг открылась дверь, в комнату вошел невысокого роста человек.

Это был начальник отдела кадров Коминтерна Гуляев. Ногради показалось, что обрушились небеса.

— Надеюсь, вы не за мной?— спросил он с надеждой, хотя и понимал, что оснований для нее практически нет.

— Как раз за вами. Георгий Михайлович,— назвал по отчеству Димитрова,— просил вас немедленно явиться на рабочее место.

— А откуда вы узнали, что я здесь?

— А где же вам еще быть?—закрыл полемику Гуляев.

Ногради не посмел ослушаться, он понимал, что стране нужны и бойцы на фронтах, и солдаты пропаганды, которую в военных условиях ни в коем случае нельзя было обескровливать.

Таким образом, он вновь обосновался в своем кабинете в здании Коминтерна, где проработал вплоть до его самороспуска в 1943 году. Однако теперь Шандору Ногради пришлось выполнять двойную нагрузку по сравнению с довоенной: он стал ведущим диктором и одним из основных авторов передач Радиостанции имени Кошута. Вот уж когда начались поистине бессонные ночи, приходилось писать и писать не смыкая глаз, а затем садиться к микрофону и бодрым, уверенным голосом читать сводки Совинформбюро. А днем — уже привычная работа над «Бюллетенем». Спать удавалось лишь урывками, а не спать — только напряженно работая да устраивая почаще перекуры. С табаком, правда, было туговато, приходилось добывать его, пускаясь на всяческие хитрости. Например, Ногради время от времени просили редакции, вещавшие на другие страны, писать материалы и для них, так как, объездив всю Европу, он прекрасно знал, как можно лучше осветить ту или иную проблему с учетом традиций каждого народа. Шандор никогда не отказывал товарищам, благодарность принимал «борзыми»— сигаретами. А особенно

пристрастился он к махорке. На удивление друзьям по Радиостанции имени Кошута, он ухитрялся доставать ее даже в Уфе, куда на несколько месяцев была эвакуирована редакция.

Словом, работы хватало, она была интересна, а главное — необходима. И Ногради прекрасно сознавал это. Может быть, в иных условиях он и не пожелал бы заниматься ничем иным, но шла грандиозная битва, в которой решалась не только судьба его родины, Советского Союза, а и судьба социализма, будущее идеалов, борьбе за которые посвятил свою жизнь венгерский коммунист. И его неудержимо влекло на фронт или хотя бы поближе к практической деятельности, связанной с непосредственной вооруженной борьбой. Созреванию такого настроения особо способствовали успехи Красной Армии. В 1943 году становилось ясно, что недалек час, когда она вступит и на землю Венгрии. Ее народ оказался в результате политики режима Хорти в трудном положении. Сражаться против СССР, которому правительство страны, будучи верным союзником Гитлера, объявило войну, он не желал, с другой стороны, и организовать достаточно сильное сопротивление ненавистному режиму был не в состоянии: за годы диктатуры из рядов организованных демократических сил выбыли наиболее активные участники, подполье в условиях непрекращающегося террора властей не могло разрастись достаточно широко, много преданных бойцов революции находилось в эмиграции, и на их долю, считал Ногради, выпадала особая миссия. Одним из важнейших ее аспектов должна была стать разъяснительная работа среди военнопленных венгров, которых стало особенно много после разгрома советскими войсками 2-й венгерской армии на Дону зимой 1942/43 года. По решению командования Красной Армии и Заграничного бюро Коммунистической партии Венгрии в лагерях воен-

нопленных формировались антифашистские группы, которые впоследствии проходили подготовку в партизанских школах с целью последующей заброски на территорию Венгрии и ведения там боевых действий против фашистов с активным вовлечением в борьбу местного населения и, в первую очередь, действующих в подполье коммунистов.

Это была уже практическая работа, которой так заждался Шандор Ногради. И поэтому, когда весной 1944 года ЗБ КПВ поручило ему подбор соответствующих людей и проведение среди них политической работы в партизанской школе, с воодушевлением взялся за новое дело.

Костяк будущих венгерских партизанских отрядов составляли выпускники Центральной Красногорской антифашистской школы и солдаты, перешедшие ранее на сторону Красной Армии и сражавшиеся в составе партизанских отрядов и соединений под командованием Наумова, Федорова, Сабурова, Ковпака и других. С начала 1944 года большинство из них прошло через школы особого назначения при Украинском штабе партизанского движения. Базировалась ШОН в Закарпатье, близ границы с Венгрией, где предстояло действовать партизанам.

Венгры, как и представители других национальностей, готовящиеся к борьбе в тылу фашистов на территории своих стран, изучали под руководством опытнейших советских инструкторов тактику и методы партизанской борьбы, особенности района предполагаемой заброски. Отрабатывались боевые действия в лесу, в условиях горной, болотистой местности. Немало внимания уделялось политической подготовке слушателей. Эту-то работу и возглавлял Шандор Ногради.

Сложности возникли совсем не там, где он предполагал: специально разъяснять этим людям, ставшим

или бывшим и ранее убежденными антифашистами, необходимость беспощадной борьбы с «коричневой чумой» не требовалось — все сведения о внутриполитическом положении Венгрии, о росте движения Сопротивления внутри страны они впитывали как губка, а вот выбрать из этих горящих желанием немедленно включиться в борьбу на родной земле наиболее подготовленных, способных объединить вокруг своих групп местное население воинов-организаторов оказалось ох как непросто! Достойны были буквально все! И все рвались в бой! Да и многие просто уже соскучились по родным лесам и степям, деревням и рекам!

А закарпатский ландшафт так напоминал гористую часть севера Венгрии, прекрасно знакомую Ногради, по которой он так тосковал все годы разлуки с родиной! Шандор участвовал во всех практических занятиях партизан: он досконально изучил саперное дело, без промаха стрелял из автомата, пистолета и другого оружия, стал неплохим топографом и специалистом по тактике партизанской войны — всего не перечислишь. Он был непременным участником всех марш-бросков, имитаций нападений на охрану мостов, умело выбирал место для засады. Особенно по душе ему пришлись ночные марш-броски. В темноте почему-то совершенно отчетливо представлялось, что он ведет в бой своих товарищей не против группы, исполняющей сегодня роль противника, а против немецких фашистов или их венгерских приспешников в горах Шалготарьяна. Он так мечтал об этом!

Но вскоре ШОН перевели подальше от линии фронта — под Киев. Однако это было лишь чисто географическое удаление от цели. На самом деле тут началась непосредственная подготовка групп для проникновения на территорию Венгрии. Немало их было подготовлено и сформировано при непосредственном участии

Шандора Ногради. И вот настал день, которого он ждал 25 лет,— 8 октября. Поздно вечером группа из шести человек, возглавляемая Ногради, заняла места в «дугласе», который должен был доставить их через линию фронта. Как и все, кто отправлялся на задание в тыл врага, Шандор и его товарищи произнесли слова клятвы венгерских партизан, текст которой был составлен также им самим:

«Я... по собственному желанию, добровольно вступивший в ряды венгерских борцов за свободу, клянусь, что приложу все свои силы и знания для борьбы за полное освобождение венгерского народа, против ненавистного врага: немецких фашистов и предавшего родину Хорти и их приспешников. Как солдат Национальной Независимости, я клянусь в верности свободной, независимой и демократической Венгрии — святому идеалу великих борцов прошлого за свободу нашей страны. В интересах достижения этой цели я готов достойно встретить все невзгоды и опасности, а если необходимо — то и отдать свою жизнь. Обещаю без колебаний выполнять все приказы командования, до последнего сражаться вместе с моими товарищами и строго хранить все тайны народного движения борьбы за свободу. Если же по какой бы то ни было причине я унижусь до предательства нашего святого дела и товарищей — пусть меня покарает беспощадно суровый закон народного движения борьбы за свободу».

Командование решило, что столь малочисленная группа Ногради, как, впрочем, и другие отряды, сможет действовать эффективно на территории Венгрии исключительно в случае, если постепенно «обрастет» людьми, разделяющими цели антифашистов. Наладить же контакт с ними в условиях оккупации страны гитлеровцами было неимоверно трудно. Поэтому отряд должен был пополниться в первую очередь венгерскими

партизанами, сражавшимися в большом числе на территории Словакии в составе чехословацких и советских партизанских соединений.

Вскоре, действительно, отряд Ногради насчитывал уже 60 человек. Это было поистине интернациональное братство: большинство, конечно, составляли венгры; немало было и словаков, которые не только оказывали содействие в продвижении отряда по земле Чехословакии, но и остались со своими соратниками и в Венгрии; неоценим был и опыт искушенных советских партизан Евгения Лапшова и Сергея Рахманова.

Шандор Ногради решил, что уже на территории Венгрии стоит придерживаться совета легендарного Ковпака, полученного еще в Киеве: «Необходимо стремиться, чтобы в отряде было, по крайней мере, человек 200—250; занять подходящий плацдарм и обосноваться на нем, устроить базу, откуда и совершать налеты». Где точно будет устроена база, Ногради не знал, но был уверен, что следует продвигаться в район Шалготарьяна, одного из центров угледобычи, где всегда жили традиции рабочего движения. К тому же Шандор с детских лет прекрасно был знаком с местностью. Однажды они вместе с Лапшовым отправились в разведку близ селения Мучень:

— Видишь, Женя, вот там спиртозавод, правда, он уже давно не работает. А вон тот дом на окраине — кузница, а тот, покрытый красной черепицей,— управляющего усадьбой. В корчму надо подняться по лестнице.

— Откуда вы все это знаете, товарищ командир?

— Эх, Женя! Да я здесь знаком с каждым деревцем.

— Вот это здорово!

Особо обрадовал партизан первый прием на земле Венгрии. Вернувшиеся с задания разведчики доложили:

— Немцев нет, только красавица овец пасет.

— Откуда знаешь, что красавица?— спросил Ногради.

— Докладываю: это и в темноте видать.

— Не бесстыдничали?

— Никак нет... только когда я поторопил ее открыть дверь, она сказала, что мы можем и обождать, пока она нацепит юбку.

Очаровательная хозяйка довольно любезно приняла нежданных гостей, накормила-напоила досыта, но все время с опаской поглядывала на дверь. И вот та отворилась, и на пороге появился высокий, стройный парень. Увидев партизан, он не на шутку перепугался, но после того, как жена (а это оказался хозяин дома) шепнула ему несколько слов, лицо его просияло и он спросил, обращаясь к собравшимся за столом:

— Вас уже покормили?

— Да я сварила гуляш,— откликнулась жена.

— Ай! Не смыслишь ты в этом ничего, женщина!.. Выбери самый жирный кусок и свари настоящий гуляш!

С таким же гостеприимством встречали партизан повсюду. Не было у Ногради и отбоя от желающих вступить в его отряд. Сначала он базировался в охотничьем замке в шести-семи километрах от Шалготарьяна, занятого механизированными и танковыми немецкими частями. Среди шахтеров города уже давно ширилось сопротивление фашистским захватчикам, проявлявшееся в саботаже работы, а порой дело доходило до того, что горняков просто невозможно было заставить спуститься в забои, и тут не помогал даже самый безжалостный террор оккупантов. Но до организации вооруженной борьбы было еще далеко. Появление же в окрестностях отряда Ногради дало возможность наиболее решительным шахтерам, да и другим рабочим и крестьянам близлежащих деревень вступить в его ряды и встать на путь прямой борьбы с фашистами.

В отдельные дни к Ногради являлись группы по 60 человек. А слухи, как обычно, еще более преувеличивали число присоединившихся к партизанам, а также боевой потенциал их. Об этом свидетельствует и следующий случай в селении Каранчберень. Там размещался батальон хортистской армии под командованием подполковника. В один из дней Шандор Ногради направил ему письмо, в котором предлагал либо присоединиться к своему отряду, либо отойти из селения в один из окружавших село лесов. И подполковник, выйдя из подчинения немецкого командования, отошел. Здесь, однако, проявилась не только боязнь партизан, но и понимание многими венграми, еще продолжавшими сражаться на стороне Германии, неизбежности скорого поражения гитлеризма и нежелание воевать со своими соотечественниками, вставшими на защиту интересов Родины.

Однако отряду Ногради вскоре пришлось покинуть живописный охотничий замок, и как раз из-за того, что эта база стала хорошо известной не только среди местного населения, но и командованию немецких частей, которых скопилось в окрестностях Шалготарьяна немало. Естественно, ждать от них такого же примерного поведения, как и от батальона венгерской армии, не приходилось, а вот окружить замок и разгромить партизан, среди которых опыт боевых действий имели лишь люди, пришедшие с Ногради из Словакии (в ходе переходов до территории Венгрии им не раз приходилось вступать в бой с гарнизонами гитлеровцев, расположенными на пути следования), они могли довольно легко и быстро. В этой ситуации командир принимает решение передислоцироваться к подножию невысокой горы Моноса и обосноваться на хуторе Абрончош. Казалось, что в этом местечке, защищенном со всех сторон небольшими горами и холмами, партизаны, по крайней

мере, могли не опасаться внезапного столкновения с немецкими частями. Одновременно отсюда, пробираясь лесными тропинками, можно было совершать рейды в любом направлении, где появлялись небольшие части отступающих фашистов.

А таких было в те дни конца декабря 1944 года великое множество. Соединения Красной Армии находились совсем близко, они вынудили германские части в беспорядке отступать из района Шалготарьяна. Шоссейные дороги были не в состоянии пропустить танковые колонны, артиллерию, пехоту, обозы, зачастую оказывавшиеся ближе к линии фронта, чем, скажем, противотанковые батареи. Поэтому командование немецких частей приняло решение отступать и по лесным дорогам, которые, впрочем, оставались для него полной загадкой: было ясно, где они начинались, но непонятно, куда вели, может, и в тупики, где находились известняковые карьеры. Не случайно поэтому, что в окрестностях Абрончоша время от времени появлялась немецкая разведка. Была она, как правило, столь малочисленна и деморализована, что, завидев нескольких партизан, направивших дула автоматов и пулеметов на мотоциклы, сдавалась, не вступая в бой. Хотя случались и стычки, в которых получали ранения и гибли лучшие разведчики отряда Ногради.

Не имея достоверных донесений, фашистские части миновали район Моносы, и люди Ногради чувствовали себя там довольно спокойно. 28 декабря главные силы партизан —95 человек — расположились в крестьянских хатах, чтобы отогреться после очередного рейда. Ночью часть бойцов собралась в доме своего командира, где шли бесконечные разговоры и споры о том, что же будет после войны, как надо будет организовать жизнь по-новому, что делать с теми, кто по своим убеждениям или по недомыслию помогал режиму Хорти и даже

впоследствии немецким оккупантам; большинство же уставших и намерзшихся за день воинов спали так крепко, что, казалось, их не разбудит даже взрыв бомбы неподалеку от хаты...

Разбудил. Но только не взрыв бомбы или снаряда, а выстрелы партизанских дозорных: в Абрончош вошла колонна СС. Венгерские патриоты, быстро сориентировавшись, открыли сильный огонь из всего имеющегося у них оружия. Очумевшие от неожиданности гитлеровцы метались по всему хутору, голося, словно бабы на пожаре. Правда, они уже имели богатый опыт отступления, что их, вероятно, и спасло от полного уничтожения, и, кое-как организовав свои ряды, немцы отступили на расположенную неподалеку возвышенность, откуда обрушили на партизан шквал пуль. Ногради счел необходимым отвести отряд под прикрытие леса на склоне Моносы. Бойцы его отряда не отвечали на вражеский огонь, однако решительно пресекали все контратаки противника. И лишь к 10 часам утра остатки батальона СС смогли вырваться из долины и, разбившись на маленькие группки, продолжить бегство, но не на запад, куда они стремились, а на север — в сторону границы с Чехословакией. Этим же путем покидали пределы Венгрии и все прочие недобитые гитлеровские солдаты и офицеры 29 декабря. А к вечеру этого же дня партизаны Шандора Ногради перестали быть таковыми: они оказались уже по другую сторону линии фронта, которую Красная Армия с каждым часом отодвигала все дальше. Наконец-то Ногради и его боевые соратники были на земле своей родины, свободной от фашистской тирании.

То, что Шандор Ногради вновь был на свободной земле родины, отнюдь не означало конца борьбы: еще находились в руках фашистов Будапешт, множество других городов, сел и деревень многострадальной Венг-

рии. Неблизко еще было 4 апреля 1945 года — день, когда последний немецкий оккупант под мощными ударами советских войск вынужден был убраться из пределов страны. Венгерские партизаны стояли перед выбором: или и дальше помогать частям Красной Армии в изгнании захватчиков, или включиться в строительство новой Венгрии, в создание демократических основ будущего государства.

В соответствии с решением ЗБ КПВ, с согласия командования Красной Армии, было решено, что более целесообразным станет, если закаленные в боях партизаны Ногради, как и многих других отрядов, окажут содействие новому демократическому правительству, сформированному 22 декабря 1944 года в Дебрецене на освобожденной территории.

Наряду с Временным национальным правительством функционировало и Временное национальное собрание — представительный орган, многие депутаты которого избирались заочно. Велико же было удивление Шандора Ногради, когда по прибытии со своими соратниками в Дебрецен он узнал, что и его имя фигурирует среди депутатов. Его избрали представители крупного промышленного центра — города Мишкольца. Он поинтересовался у друзей:

— Откуда вы знали, что я жив?

— Надеялись, верили в тебя.

Окрыленный Ногради помчался на большой партизанский митинг, на который стекались все новые и новые отряды с освобожденной территории. Ногради знал большинство из храбрых воинов — ведь они проходили выучку под его началом в особой партизанской школе. И его приветствовали со всех сторон: Шандор всегда пользовался расположением соратников. Не случайно именно его попросили выступить от имени всех венгерских партизан. Свою речь он закончил словами:

— Мы, венгерские партизаны, и в будущем по первому призыву Временного национального правительства всегда будем готовы отдать свою кровь и жизнь за независимость Родины, за демократию и счастье народа!

Слова эти Шандору Ногради неоднократно пришлось подтверждать поступками. Новые задачи оказались ничуть не легче, чем те, которые он постоянно решал последние четверть века. Ему, как и другим коммунистам, необходимо было доказывать народу, что их программа возрождения страны отвечает чаяниям трудящихся, что эта программа реальна и что у коммунистов достаточно сил и умения претворить ее в жизнь. А убеждать следовало не речами, что прекрасно умели делать и искушенные буржуазные политики, а конкретными действиями. Самому Ногради предстояло оправдать доверие, каким пользовался его «голос» во время эмиграции, продемонстрировать, что на самом деле он говорил не голосовыми связками, а сердцем.

Пробыв в Дебрецене меньше недели, Шандор Ногради по указанию партии отправился в Мишкольц, где ему предстояло заняться организацией партийной работы в Северо-Венгерской области, в состав которой тогда входили пять нынешних областей. Бывшего партизана снабдили мандатом, что было совсем нелишним, учитывая, что в Мишкольце его никто лично не знал, хотя он и представлял город во Временном национальном собрании. Ногради предстояло доказать рабочим и крестьянам севера страны, что они не ошиблись, оказав ему столь высокую честь.

А дел у секретаря областной организации КПВ было непочатый край. Требовалось как можно скорее наладить выпуск промышленной продукции, обеспечить население продовольствием, создать новые демократические органы административного управления — всего не назовешь. Заводы же лежали в руинах, разрушенные

в ходе ожесточенных сражений и взорванные отступавшими фашистами; поля оставались необработанными, так как неизвестно было, кому они теперь принадлежат; старые чиновники саботировали все организационно-политические мероприятия новых властей. Но Шандора Ногради все эти трудности не смущали, он и не ждал легкой жизни, а незамедлительно включился в борьбу на новом для себя фронте. Правда, ему самому не удалось завершить многое из задуманного. Это сделали его преемники. А партия решила, что ему предстоит возглавить другую битву, вошедшую в историю венгерского народа как «битва за уголь».

В ноябре 1945 года Ногради становится государственным секретарем Министерства промышленности. Специальных знаний ему, конечно, недоставало, но их отсутствие с лихвой возмещал огромный опыт организационной работы. И неспроста ни в одной из поздних книг о героической борьбе венгерских шахтеров за «хлеб индустрии» не забывали особо отметить выдающуюся роль Шандора Ногради в обеспечении успеха кампании, позволившей стране взяться за восстановление экономики. Вот как подводила итоги этой битвы газета «Сабад Неп» 7 мая 1946 года: «Этот успех одновременно является и успехом всего процесса восстановления страны. Как только в вагоны стало загружаться все больше и больше угля, «вздохнула» тяжелая промышленность, заработали новые мартены и пошли новые составы по железным дорогам. Текстильные предприятия смогли начать переработку советского хлопка для обеспечения населения одеждой. В результате высоких достижений шахтеров в конце апреля обеспечено достаточное количество угля для предстоящего обмолота зерна, а также заметно улучшились перспективы снабжения столицы и городов в провинции топливом для обогрева жилищ».

Талант организатора, проявленный Шандором Ногради в «битве за уголь», был высоко оценен правительством Венгрии: он был назначен на новый, более высокий пост государственного секретаря Совета Министров. И в новой должности Ногради оставался верен себе, принимал самое активное участие в наиболее важных мероприятиях новой Венгрии: национализации промышленных предприятий, разделе земель, реорганизации армии. Впрочем, вскоре ему пришлось уже вплотную заняться как раз делами армейскими, а точнее — приданием четко выраженного классового характера новым вооруженным силам в качестве начальника Политического Управления Народной Армии. Погоны Ногради носил с 1949 по 1956 год, пока обострившаяся обстановка в стране не позвала его на новую ответственную работу — заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Венгерской партии трудящихся, образовавшейся в 1948 году в результате объединения КПВ и социал-демократов на платформе коммунистов и просуществовавшей до осени 1956 года. Ясно сознавая смертельную опасность угрозы контрреволюции, нависшей над Венгерской Народной Республикой, чувствуя ее приближение, Шандор Ногради берется за новый участок работы в надежде, что сможет внести свой вклад в устранение опасности. Но было поздно. В октябре 1956 года вспыхнул мятеж.

Ногради вместе с несколькими сотрудниками своего отдела находился в здании Центрального Комитета партии. Работа, однако, велась беспорядочная, толком никто не знал, что следует предпринимать. Осмысленный характер ей придало только непосредственное участие в подготовке номеров нового печатного партийного органа — газеты «Непсабадшаг».

После подавления контрреволюции началось создание новой массовой партии рабочего класса — Венгер-

ской социалистической рабочей партии. И Ногради снова в первых рядах коммунистов, которым приходится все начинать сначала: бороться за доверие народа, опять восстанавливать производство, заниматься проблемами организации сельского хозяйства. В тяжелом положении оказалась Венгрия и на международной арене: приходилось выдерживать злобные нападки недругов на Западе, разъяснять свою новую политику друзьям в социалистических странах. И вот партия посылает испытанного интернационалиста на дипломатический фронт. Член Центрального Комитета ВСРП назначается послом сначала в Пекин, затем в Ханой.

А когда партии потребовался кристально честный, беспредельно преданный народным интересам человек, способный возглавить Центральную контрольную комиссию ВСРП,— она вновь призвала Шандора Ногради. И с 1960 по 1966 год, пока тяжелая болезнь не оторвала его от активной общественной деятельности по борьбе за чистоту звания коммуниста, он с честью выполнял свой долг.

Для многих праздничный день 1 января 1971 года был омрачен известием о смерти Шандора Ногради. Ушел человек, имя которого для целого поколения венгров и множества людей в Советском Союзе, Чехословакии, Германии, Франции, Испании и в других странах стало символом исконного рабочего, вставшего на путь борьбы за освобождение пролетариата, всех трудящихся и самого мужавшего в этой борьбе, сумевшего подняться до вершин философского понимания неотвратимости этой борьбы и неизбежности победы в ней.

В. Илык

ФЕЛИКС ШЕФФЛЕР ИЗ ГРУППЫ № 117

14 апреля 1944 года в Налибокской пуще под Барановичами к партизанам перешел роттенфюрер СС Эрвин Ханзен. Когда часовой остановил его, фашист показал листовку. В правом нижнем углу стоял шифр: «Группа № 117 НКСГ». А через несколько дней разведчики перехватили следующий приказ:

«Главнокомандующий полиции и соединений СС района Барановичи.

Секретно!

Всем полицейским участкам и службам вермахта, расположенным в области Минска! Роттенфюрер войск СС Эрвин Ханзен, выполняющий особое поручение, находится в настоящее время в пути. Каждая часть и

учреждение обязаны в случае его просьбы оказывать ему необходимое содействие.

10.4.1944 г.
Греймас, штурмбаннфюрер СС».

«Особым поручением» роттенфюрера было проникновение в группу № 117. Агент гестапо был изобличен и получил по заслугам.

Под условным названием в тылу врага действовала специальная группа Национального комитета «Свободная Германия». В ее составе были советские офицеры и немецкие антифашисты. Командиром группы являлся капитан Алексей Козлов, инструктором по спецпропаганде — старший лейтенант Галина Хромушина, инструктором по разведке — капитан Иван Колос. Под их руководством Гуго Барс, Феликс Шеффлер, Карл Ринагель и Герберт Генчке вели работу по разложению гитлеровских войск, призывали солдат прекратить кровопролитную войну. Они выпускали листовки, распространяли их в гарнизонах, принимали участие в боевых операциях.

Наш рассказ — о судьбе и боевых делах одного из членов группы № 117 НКСГ.

ШРИФТ ИСТОРИИ

В Гамбурге всегда пахнет морем. Этот запах соленого бриза, корабельного дыма и смолы мальчишки впитывают с детства, когда бродят по набережной и читают названия кораблей со всего света. Крик чаек будит в душе грезы о больших плаваниях, морских штормах. В сердце поселяется мечта.

Заболел морем и Феликс Шеффлер. Мать не хотела отпускать старшего сына от домашнего очага. Но после смерти мужа, мелкого служащего, семья стала

жить совсем бедно. Девяносто марок пенсии на четыре рта — очень мало.

Феликс часами простаивал в порту. Сходили на берег матросы, сорили деньгами. Угощали подростка пивом и рассказывали о далеких, как сказка, странах. Затаив дыхание, слушал их паренек. Тесный гаштет «Одиннадцать баллов» казался ему в те минуты морским кубриком, а свежая струя воздуха из открытого окна — легким бризом.

Однажды после такой встречи с «морскими волками» Феликс пришел домой и сказал:

— Не хочу быть продавцом. Пойду, мама, в матросы. В море лучше платят.

В 1932 году шагнул Феликс Шеффлер на палубу корабля. Пять лет бороздил он моря и океаны, был в больших и малых портах. Многое довелось повидать матросу — и заморские страны, и яркий блеск богатства, и полынную горечь нищеты. «Нет лучше родной земли, нет ничего дороже! Не заменят ее никакие острова с пальмовыми рощами!» Так размышлял молодой моряк, возвращаясь в свою гавань после очередного плавания. Только многого не знал он тогда о родной Германии. О стране, где вместо игрушек штамповались пушки и танки. Вдали от людских глаз росли длинные и мрачные бараки, обвитые колючей проволокой. По ночам мирный сон людей нарушали облавы: искали коммунистов.

Гамбургский матрос был далек от политики. О нацизме он имел смутное представление. Поэтому и призыв в армию в 1938 году был для него обычным делом. «Всех берут, пришла и моя очередь,— думал Феликс.— Потом, после армии, снова вернусь на море».

Однако второй раз прийти к знакомому причалу Феликсу было суждено лишь спустя много лет. Военные походы по странам Европы — Польше и Чехослова-

кии — были похожи на увеселительные прогулки. От легких побед кружилась голова молодого солдата. Он гордился, что служит великому фюреру. Но в сентябре 1941 года гордости Феликса пришел конец.

Дивизия рвалась к Ленинграду. Юго-западнее Шлиссельбурга разгорелся жаркий бой за небольшой поселок. Между редких сосенок у дощатого барака лежал Феликс, ожидая сигнала в атаку. Вокруг были карьеры торфяных разработок, заполненные водой. Солдаты вымокли, пока достигли этого рубежа. Каждый надеялся, что сейчас будет последняя атака. Еще рывок — и поселок взят, будь он проклят.

Феликс ежился от холодной октябрьской воды, от мокрой формы. «Скорее бы вперед,— думал он.— А там будь что будет. Выживем — в тепле понежимся. Умрем — Германия почтит трауром. Жаль только матушку. Тужить будет старушка. Тьфу, черт! Что за мысли лезут в голову? Не к беде ли?»

Команда прозвучала, как всегда, резко и неожиданно. Феликс не помнил, сколько времени он бежал вперед. Остановила его тишина. Внезапная пугающая тишина. Несколько секунд солдат недоумевал: почему так тихо? Феликс нажал на крючок автомата и понял — у него кончились патроны. Оглянувшись, он увидел, что группа солдат отошла и скрылась в перелеске. Недалеко лежали сраженные в бою. Атака захлебнулась.

Солдат стоял по грудь в воде и раздумывал: что же делать? Он не понял, как перед ним, словно из воды, появились красноармейцы.

— Хенде хох!

Феликс вздрогнул. Он вспомнил свои раздумья перед боем. Значит, предчувствия не обманули его. Вот она, беда. Плен!

В комнате его сторожил пожилой солдат. Он сидел и сурово поглядывал на молодого немца. «Ему бы с

девчонками якшаться. Сейчас для него самая пора,— думал красноармеец и тяжело вздыхал.— А он меня убивать пришел». Вытащив кисет, солдат сделал две самокрутки. Одну себе, другую сунул связанному пленному.

— Кури, камарада. Наш табак — што хрен. Горький, да вкусный.

Феликс ничего не понял, но затянулся жадно. Непривычная крепость вызвала надсадный кашель, в горле першило. «Издевается, что ли, надо мной? — подумал он.— Скорей бы кончали...» Его раздумья прервали шаги. Вошел офицер и солдат.

— Пойдем,— сказал солдат, кивнув Феликсу на дверь.

Шли по улице. Она вела к роще. «Наверное, там»,— решил Шеффлер, и все окружающее стало для него мертвым. Но они прошли всю рощу, а выстрела, которого ждал пленный, не прозвучало.

В Елабужском монастыре под Казанью становилось тесно. Пленные прибывали в лагерь каждый день. Усталые, обессилевшие от ран, они рассказывали о пережитых ужасах, проклинали войну. Были и другие — воинственно настроенные. Такие оправдывали свой плен случайностью: кончились патроны, был ранен, попал в окружение.

Феликса не покидало душевное смятение. Особенно остро он почувствовал его, когда послушал рассказы одного пленного солдата. Тот уже побывал в отпуске за «геройские дела на фронте». В первом же бою после возвращения из Германии солдат попал в плен.

— Вот и продолжается мой отпуск. Только небо теперь надо мной в крупную клетку,— горестно произносил солдат.— Эх, лучше б его не было совсем.

Ты видел колючую проволоку на заборе? — спросил он однажды Феликса.— На родине эта проволока — дефицит. Не хватает на концлагеря. Вся Германия — тюремный барак...

Солдат опустил голову. Нервно теребя папиросу, он зло сплюнул. Затянувшись, посмотрел на окружающих:

— Знаете, что мне сказал один товарищ в Берлине? Колючая проволока напоминает наш готический шрифт. История не простит нам, что мы пишем ее страницы таким шрифтом...

История... А что он знал об истории своей Германии? Феликсу вспомнился разговор, который произошел в первые дни пребывания в лагере. Советский офицер показал на портрет Карла Маркса.

— Скажите, кто этот человек?

— Я не знаю этого бородача,— равнодушно ответил он.

Теперь, когда Шеффлер прочитал «Манифест Коммунистической партии», он со стыдом вспоминал тот случай. Оказывается, в истории, которую изучали в гимназии, не обо всем сказано. Не дает она ему ответа: каким же шрифтом продолжать ему, простому немцу, историю своей родины?

Гудит по ночам вьюга за монастырскими стенами. Не спится бывшему унтер-офицеру. На столе лежит зачитанный «Манифест». Его политический букварь. Трудно, очень трудно дается эта наука, которую основали немец Маркс и русский Ленин.

«Плохо, очень плохо знаешь ты историю»,— укорял себя Феликс. Ему вспомнилось время солдатской муштры. Тогда они тоже изучали историю. Каждый урок преподаватель заканчивал одной и той же фразой.

— Изучайте историю! История — любимый предмет Гитлера!

Что же они, покорители мира, изучали? Тридцатилетнюю войну, Семилетнюю войну. Войну с Австрией. Франко-прусскую войну 1870—1871 годов. Первую мировую войну. Тезисы второй мировой...

Война, война, война... История Германии — это история войн. Потому и любит фюрер историю. Он хочет вписать в нее новую главу — создание германского рейха. Но почему он, Феликс, простой солдат, должен был заполнять кровавые страницы истории будущей великой Германии?

Утром Феликс выглядывал в окно. Первая капель извещала о ранней весне. Какова она будет? Что принесет эта «пленная» весна?

Прошло две таких весны. Наступило лето 1943 года. В июле Феликс Шеффлер и его товарищ по судьбе Гуго Барс оказались в подмосковном городе Красногорске. Депутаты от своих лагерей, они присутствовали на учреждении Национального комитета «Свободная Германия». Здесь парни из Гамбурга повстречали еще одного земляка — профессора Линдау. Гуго Барс рассказал Феликсу о том, что профессор до прихода нацистов к власти был вожаком коммунистов в Гамбурге. Его имя очень известно в городе.

Феликс и Гуго остались в Красногорске. Вторая жизнь, начатая в лагере, продолжалась в антифашистской школе. Вновь потекли месяцы политучебы. Любви к свободе и ненависти к врагам их учил немец — коммунист Линдау. Учили советские товарищи. А потом была присяга антифашистов:

«— Я сын немецкого народа, любящий свою Родину и свой народ, клянусь до последней капли крови бороться до тех пор, пока мой народ вновь не обретет свободу, пока не будет покончено с фашистской тиранией, гитлеровским режимом».

«ФЕЛИКС, ТЫ — НАСТОЯЩИЙ ПАРТИЗАН»...

Самолет сделал круг над поляной.

Тугая струя холодного воздуха ворвалась в раскрытый люк. Внизу пылали партизанские костры. Налибокская пуща принимала гостей с Большой земли.

Первым прыгнул капитан Алексей Козлов, за ним — Феликс Шеффлер. Затем вперед шагнула Галина Хромушина, другие товарищи. Ночь скрыла фигуры парашютистов. На втором заходе был сброшен груз: оружие, боеприпасы, «партизанки» — печатные машинки.

Управляя стропами, Шеффлер, приземляясь недалеко от костра, подвернул ногу. К нему подбежало несколько человек. Они помогли освободиться от парашюта. Посыпались вопросы:

— Как самочувствие?

— Чуть в костер не угодил, задери тебя леший! Первый раз, что ли, прыгаешь?

— Первый...

— Откуда родом, земляк?

— Я немец.

— Что?!!

— Да это наш немец. Ты что, Петро, не слышал, о чем комиссар говорил? Это наши немцы, из Москвы. Вместе с нами воевать будут.

— А-а, из Москвы,— вновь произнес партизан, который поначалу удивился такому происхождению гостя с неба.— Значит, все равно земляк, если из Москвы.

Группа № 117 вначале находилась в бригаде имени Чкалова, затем — в бригаде имени Сталина. Изданием листовок занимались Карл Ринагель и Герберт Генчке. А Гуго Барс и Феликс готовились к походам «в гости». Такое распределение обязанностей было не случайным. Гуго и Феликс, бывшие солдаты, хорошо знали орга-

низацию службы в немецких гарнизонах. Им, как говорится, и карты в руки.

Первый выход решено совершить в Барановичи. Город является важным железнодорожным узлом. В нем много гитлеровских частей, полиции. Здесь же находилась крупная авиабаза.

На аэродроме бывало до сотни самолетов, которые совершали налеты на Курск, Орел и другие города. Сведения о таком гарнизоне очень нужны.

К разведке антифашисты готовились тщательно. Подгоняли фашистскую форму, тренировались в строевой подготовке. Изучали врученные документы.

Первым отправился «в гости» «фельдфебель» Гойер — Феликс Шеффлер. Вместе с партизаном Дмитрием Стенько он ушел в Барановичи. Недалеко от города зашли в хутор отдохнуть у знакомого крестьянина.

Увидев Дмитрия с немецким фельдфебелем, мужик оцепенел. Стенько улыбнулся.

— Испугался, Макарыч? Это свой человек, партизан. Но он и вправду немец.

— Зачем смеешься над стариком? Как это может быть? Немец — наш партизан?!

Феликс засмеялся.

— Фашисты ваши враги,— сказал он.— Я честный человек, простой матрос. Я не хочу больше убивать честных людей, потому и стал партизаном. Гитлер и мой враг.

Макарыч накормил партизан. Прощаясь с ними, он сказал Дмитрию:

— Я думаю, Дмитро, так: немцы идут в партизаны. Значит, Гитлер будет без солдат. Тогда Гитлеру — капут. Верно?

— Верно. Очень верно, Макарыч,— ответил Стенько.— Вот победим Гитлера, покончим с войной, Феликс новую жизнь в Германии будет создавать...

5 Заказ № 212

На окраину города, где находилась явочная квартира, добрались благополучно. Ночью Феликс вышел «на работу». К рассвету листовки висели повсюду: на домах, заборах, афишных тумбах, на центральной площади и на вокзале.

Утром, в одиннадцать часов, Феликс снова пошел в город. Около листовок толпились люди. На видных местах уже стояла охрана. Фашисты не разрешали подходить своим солдатам и читать листовки.

Феликс повернул к вокзалу и вдруг услышал по радио объявление. Оно было передано сначала по-немецки, а потом по-русски.

«Внимание! Внимание!

В городе действует партизанский разведчик, переодетый в форму солдата армии фюрера. Сегодня ночью разведчик расклеил бандитские листовки. Тому, кто задержит партизана-разведчика, немецкое командование выдаст награду — пять тысяч марок!»

«Пять тысяч марок! Это немало. Но все-таки дешево!» — размышлял Шеффлер, успокаивая нервы. Руки сжимали в карманах гранаты. Он попросил их у капитана Ивана Колоса перед выходом на разведку: «На случай, если попадусь, чтобы живым не достаться...»

«Поход» прошел нормально. Документы, которые были вручены Феликсу в партизанском штабе, не вызвали подозрений. Он выполнил задание успешно. Собранные сведения были очень ценными.

— Теперь, Феликс, ты настоящий партизан,— хвалили его народные мстители.— Боевое крещение принял.

Такие походы стали регулярными. Карл Ринагель побывал в Молодечно. Затем Гуго Барс и Феликс Шеффлер отправились в Дзержинск. Задание: разведать систему огневых укреплений и численность гарнизона, а также распространить листовки. Явка —

«Зина Камичковская, дом № 11». Пароль — «Большой привет от Павла».

На заре попрощавшись с приветливой Эмилией Францевной Тумилович, хозяйкой явочной квартиры в деревне Туряково, Барс и Шеффлер ушли. Миновав лес, вышли на опушку. В сплошной пелене тумана, который стлался низко над полями, расплывалась черная нитка — дорога на Дзержинск.

— До города три километра,— сказал Петр Шугай, командир разведчиков.— Держитесь правее. Мы ждем вас здесь, как договорились.

Явочную квартиру по старому адресу разведчики не нашли. Оказалось, что в школе, где раньше жила эта семья, разместился немецкий лазарет. Квартиру Зины занял гитлеровский подполковник. Ординарец предложил двум фельдфебелям зайти попозже.

Они ушли в город. Афиша извещала о том, что в солдатском клубе демонстрируется фильм. Барс и Феликс зашли в клуб. До конца сеанса не сидели. Встали и, пробираясь через ряды, разбросали часть листовок.

Отойдя в укромное место, антифашисты долго совещались: идти или нет в дом № 11? Решили рискнуть. Постучали в дверь. Вышел сам подполковник. Четко прищелкнув каблуками, два фельдфебеля лихо представились.

— Истребительная команда номер 504! — доложил Шеффлер.

— Ваши документы?

Барс протянул свое удостоверение. Подполковник просмотрел его и взялся за телефон. Когда ему ответили, он попросил соединить с комендатурой.

Гуго и Шеффлер обменялись взглядами.

Ловушка?

Феликс сунул руку в карман, нащупал револьвер. Но опасения оказались напрасными. Подполковник спро-

сил, куда выселили семьи из школы. Ему сообщили.

В доме, на который указал им подполковник, Феликс и Барс застали Зину.

— Большой привет от Павла,— произнес тихо Гуго.

— Я не знаю никакого Павла,— сухо ответила девушка.

Друзья повторили пароль второй раз, третий. Тогда девушка принесла фотоснимок. На нем было запечатлено несколько человек.

— Покажите, где Павел.

Феликс показал на молодого человека во втором ряду. Зина улыбнулась и устало опустилась на скамейку.

— Напугали вы меня очень. Таких партизан вижу впервые. Потому и пароль не признавала.

Три дня действовали антифашисты в городе. Собирали сведения о численности гарнизона. Распространяли листовки и беседовали с солдатами. На полевом пункте питания получили «свой» дорожный паек. Когда стояли в очереди, разговорились с солдатами. Нашлись земляки. Некоторые из гамбуржцев недавно вернулись из отпуска, рассказывали о родном городе.

— В развалинах целые кварталы лежат. Американцы разбомбили наш Гамбург. В общем, мы здесь все крушим, а дома у нас то же самое творится. Что будет дальше? — рассуждал высокий ефрейтор, поглаживая раненую руку.— А вы не были в отпуске?

Феликс покачал головой.

— Нет,— равнодушно протянул он,— не были. Не пришло, видать, наше время.— Феликс подмигнул Гуго.— Надеемся, что фюрер не забудет своих верных солдат. А пока пошлем родным весточку, что воюем за великую Германию храбро.

Феликс подошел к почтовому ящику и опустил два письма.

Военная почта работала аккуратно. После войны Феликс узнал, что из занесенного снегами Дзержинска письма благополучно дошли в его родной и далекий от белорусского города Гамбург.

Выполнив задание, Барс и Шеффлер снова пришли к Тумиловичам. Здесь Барсу и Шеффлеру рассказали занятную историю. Когда они толкались на базаре в Дзержинске, их увидела Ванда Тумилович — дочь Эмилии Францевны. Она узнала, что это те двое партизан, которые были у них в доме вместе с Павлом Хмелевским. Но почему они в немецкой форме? Шпионы? Девушка наблюдала за ними. Она видела, как они бесцеремонно подходят к другим гитлеровским солдатам, закуривают, бродят вместе по базару.

«Так и есть, шпионы!» — решила девушка и немедленно отправилась домой. Ее рассказ напугал Эмилию Францевну. Она не могла успокоиться до тех пор, пока не пришел Петр Шугай. Он рассказал женщине правду о немцах.

После обсуждения своих дел партизаны сели ужинать. Хозяйка поставила на стол хлеб, кислое молоко, мясо.

— Спасибо, мама! — поблагодарили Гуго и Феликс за ужин.

— На здоровье, сынки! — сказала Эмилия Францевна.— Никогда не думала, что немцы вот такие же, как и вы,— обыкновенные люди. Заходите, когда будете рядом.

Не один еще раз приходили антифашисты в этот гостеприимный дом. «Партизанская мама», как звали Эмилию Францевну, всегда была рада «необыкновенным немцам».

ПЕРЕКРЕСТОК ЖИЗНИ

Весной и летом 1944 года 1-й и 2-й Белорусские фронты начали широкое наступление. Операции регулярных

войск согласовывались с действиями партизан, которые ежедневно увеличивали боевой счет. Взлетали на воздух эшелоны с техникой и железные дороги. Уничтожались местные гарнизоны, охрана мостов, обозы врага. Оранжевые языки пламени и черные столбы дыма вставали над городами и станциями. Белорусская земля горела под ногами оккупантов.

Для членов группы 117 наступил тот момент, когда помощь антифашистов, владеющих немецким языком, знающих организацию службы в частях вермахта, стала особенно необходимой. Это было в начале мая. Разведка установила: в гарнизонах паника. Фашистские войска отступают, тылы эвакуируются, укрепляется вражеская оборона.

И тогда в группе был разработан дерзкий план: выставлять регулировщика на важном перекрестке и направлять отходящие в тыл части прямо в партизанское кольцо. Это предложение Шеффлера было всесторонне обсуждено в штабе соединения на совещании командиров бригад и отдельных отрядов. Генерал Платон, командир соединения, дал свое «добро».

В свете луны тускло поблескивала каска. Партизаны, засев в кустах, наблюдали за Феликсом. Как заправский регулировщик, со специальной бляхой полевой жандармерии на груди, он степенно расхаживал по шоссе. Пост был установлен на перекрестке двух дорог.

Наступила полночь. Послышался шум. Подъехали мотоциклисты. Поговорив с регулировщиком, они помчались дальше. Феликс сообщил, что узнал: скоро подойдет немецкая часть, и снова занял свой пост. Примерно через час к перекрестку подошло подразделение пехоты. Феликс подал знак. «Стой!»

— Полевое охранение! Где командир? — спросил Шеффлер тоном, не допускающим возражений.

Подошел офицер. Это был командир полка. Регулировщик четко отдал честь, доложил обстановку:

— Эта дорога отрезана противником. Вы должны использовать обходной путь...

Регулировщик указал на глухую, безлюдную дорогу, уходящую в глубь леса.

Подошла большая колонна. Свернув с шоссе, фашисты двинулись в указанном направлении. Когда они прошли два километра, перед колонной появился Герберт Генчке. Он остановил колонну и заговорил:

— Соотечественники! Выслушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы вы остались живы. Кругом партизаны. Но они не откроют огня, если вы добровольно сдадитесь в плен. Складывайте оружие! Я, немец, гарантирую вам жизнь.

— Что?! Это провокация! Расстреляю! — закричал командир полка. Но в этот момент из укрытий показались партизанские группы. Без единого выстрела полк был пленен.

Друзья поздравили Шеффлера с удачным осуществлением задуманного плана. Подобных операций было проведено немало. И никогда регулировщику не изменяло чувство выдержки и хладнокровия, особенно в те минуты, когда гитлеровские командиры ставили под сомнение указание регулировщика или хватались за пистолет. Были и бои. В тот же день, в первый день «регулирования движения», Феликс Шеффлер, Гуго Барс и Герберт Генчке вместе с партизанскими разведчиками отправились на новое задание.

Семь часов — партизанское время!

С этого часа в фашистских гарнизонах выставлялись часовые. В деревнях начиналось патрулирование полицейских. Оккупанты и их прихвостни знали: партизаны выходят «на работу». С семи часов начинается рельсовая война, налеты на гарнизоны, охота за «языками».

Примерно в семь часов группа миновала лес. Вышли на опушку, вдоль которой прилепился хутор. Командиру партизанской разведки Колосу было известно, что здесь постоянных «хозяев» нет. Наезжали фашисты за продуктами, приходили из соседних деревень полицейские за самогоном.

Переждав полчаса в кустах, Колос подал знак. Партизаны поднялись и гуськом потянулись к крайнему дому. Едва они прошли мимо огорода и поднялись на пригорок, как раздались частые выстрелы. Партизаны залегли. Что это? Засада? Случайное столкновение? «Что же делать? Судя по выстрелам, у них перевес,— раздумывал Колос.— Возвращаться нельзя. Задание важное...» А пули свистели над головой.

Неожиданно с земли поднялся Шеффлер. Он был в форме лейтенанта германской армии.

— Прекратить огонь! — закричал он по-немецки.— В кого стреляете?

Выстрелы прекратились.

— Кто командир? Ко мне!

Из-за кустов поднялась одна фигура, потом вторая, третья. Вот уже человек десять врагов осторожно идут к Феликсу. Как поступить? Огонь открывать нельзя. Перед ними Феликс. Что он задумал?

Цепь фашистов была уже совсем близко. На их мундирах были различимы нашивки, награды. Вдруг Феликс резко упал на землю. Тотчас заработал его автомат.

— Огонь! — скомандовал Колос.

Через несколько минут короткий бой закончился. Группа продолжала выполнять боевое задание.

Благодаря мужеству и находчивости Феликса Шеффлера и других антифашистов летом 1944 года партизаны провели двадцать шесть засад. В плен без лишнего кровопролития было захвачено около двадцати тысяч гитлеровских солдат, бегущих из «минского котла».

Бывали и такие группировки врага, командиры которых не желали сдаваться в плен. Партизанам приходилось принимать бой.

Вечером 3 июля разведка донесла: в направлении Налибокской пущи движется немецкая колонна. Состав: солдаты на автомашинах, артиллерийская батарея. Командир бригады имени Сталина созвал срочное совещание. Пригласили Барса и Шеффлера.

— Что будем делать, товарищи? — обратился к антифашистам Павел Гулевич, комбриг.— Парламентарить?

Феликс встал.

— Конечно, Павел Иванович. Мы готовы, правда, Гуго?

Барс утвердительно кивнул головой.

— А пушки вас не пугают? — продолжал комбриг.— С такой поддержкой вряд ли фашисты пойдут на переговоры. Может, сделаем исключение? К чему рисковать своей жизнью, Феликс?

— Товарищ командир! Принять бой никогда не поздно. Но ведь в нем будут рисковать жизнью и десятки партизан. Я думаю, исключений делать не надо. Несмотря на пушки.

Командир бригады дал свое согласие на переговоры. Партизанская группа, возглавляемая начальником штаба Иваном Карповым, организовала засаду за деревней, через которую лежал путь фашистской колонны. Позиция была удобной. Партизаны окопались на опушке леса. Перед ними лежала открытая болотистая поляна. За ней глубокая речка, отрезающая путь к отходу.

На землю спустилась ночь. Карпов выслал вперед наблюдателей. Прошло несколько часов ожидания. В полночь послышался рокот моторов. Колонна подошла к реке, остановилась. Вскоре началась переправа. Примерно через час машины стали строиться в походный

порядок. В этот момент Барс и Шеффлер вышли навстречу колонне, потребовали вызвать командира. Офицер отказался принять предложение партизанских парламентеров. Он подал команду: развернуться к бою.

Ночную тишину нарушили пулеметные и автоматные очереди. Невидимые лесные мстители метко разили врага. Каждый метр поляны находился под огнем. Батальон, который охранял штаб 217-го гренадерского полка, был разбит. В плывунах и болотной жиже застряли и другие батальоны и приданные им средства этого полка. Большая часть гитлеровских солдат сдалась в плен. 217-й полк перестал существовать.

Группа № 117 НКСГ находилась в тылу врага полгода. В августе 1944 года, успешно выполнив свою задачу, члены группы вернулись в Москву. Сдав отчет о своей деятельности, они расстались. Каждого ждали новые боевые дела.

Контр-адмирал Феликс Шеффлер любит приходить к морю, когда штормит. Дует с Балтики прохладный ветер, гонит на берег волны. Они тихо перемывают песок, с легким звоном перекатывают прибрежную гальку, с шумом разбиваются возле больших камней. Слушает контр-адмирал эту вечную мелодию морской стихии и вспоминает разные годы своей жизни. Вспоминает Белоруссию...

Шеффлер побывал в Налибокской пуще, встречался с боевыми друзьями, вспоминал вместе с ними те дни, когда довелось быть в одном строю с белорусскими партизанами. Орденом Отечественной войны I степени отмечены его боевые заслуги. И та развилка дорог под Минском стала для него тем перекрестком, откуда он пошел к другим целям своей жизни, к новому причалу. Спустя два десятилетия он стал контр-адмиралом Народного военно-морского флота ГДР.

А. Сгибнев

МОСТЫ БРАТСТВА

— Посмотрите, какой красавец...

Честно говоря, ничего мы особенного не заметили: мост как мост. Метров сто пятьдесят длиной, без каких-либо излишеств — просто надежный, просто очень и очень нужный мост. Ведь жители сел, разделенных в районе Мендзыжеча рекой, особенно в половодье, пользовались дальними объездами, тратили понапрасну время, горючее, нервы. Что делать? Забот у народной власти много, до всего сразу не дойдешь, хотя люди видят, сколько самоотверженных усилий предпринимается ею во имя обновления жизни.

Вдруг кто-то из активистов деревни Стары-Дворек, вернувшись с совещания в Гмине, равнозначного нашему районному, рассказал, что в одном из населенных пунк-

тов появился мост, и построили его в качестве дара советские воины-саперы. Они проводили учения, и вот, руководимые братской дружбой к польскому народу, в часы досуга выполнили обоюдно желанный заказ.

— А почему бы и нам не попытать счастья?

Ходоки отправились в советскую воинскую часть, прибывшую на очередные учения. Так, мол, и так, помогите нам. Сидели дружески, курили, вели неторопливую беседу, старики вспоминали весну сорок пятого года, когда отцы и деды нынешних солдат освобождали здешние места, вспоминали с великой-великой благодарностью.

— Попробуем вам помочь, дорогие товарищи,— ответил подполковник Александр Палий. Он подозвал к себе подполковника Вячеслава Антоненко, старшего лейтенанта Федора Гридина, старшину Владимира Назарова, рядовых Александра Мезонова, Александра Бутко и Адама Лавренюка, посоветовался с ними и подтвердил по-военному кратко:

— Да. Сделаем!

Закипела работа в армейских руках, работа с песней, с шуткой-прибауткой, через день-другой уже обозначились контуры ударной стройки, а еще через несколько дней мост был торжественно передан жителям и тут же, на летучем митинге, окрещен именем «Дружба», с каким и остается по сегодняшнее время.

Седьмой год мосту, седьмой год идут по нему машины, люди, идет дружба. Чуть позже появилась на нем табличка с фамилиями советских саперов, чуть позже появилось еще одно добавление: все они, оказывается, награждены медалями «На страже мира» и почетными знаками «За заслуги в развитии Зеленогурского воеводства».

— Вы не находите, что перед нами мост-символ? — спросил один из польских друзей, сопровождавших

нас.— Он соединяет не только берега, но и нашу общую историю, наши сердца...

И словно бы сами собой, стали выстраиваться в памяти люди, встречи, события — все, что дороже золота, крепче металла.

1. СЕРДЦА, ОПАЛЕННЫЕ ОГНЕМ

Удивительно, мы с полчаса, не менее, расспрашивали варшавян, как проехать на улицу Зимнюю, и буквально в считанные минуты отыскали с их помощью клуб «Рязанцы», находящийся... на этой самой Зимной. Для непосвященных скажем: «Рязанцы» — это клуб офицеров запаса Войска Польского, прошедших вместе с нами от Ленино до Берлина, от Оки до Эльбы.

— Военные ветераны — наша гордость, наша опора,— сказали нам в Варшавском городском комитете ПОРП. И пошли неизбежные в таких случаях цифры, примеры, фамилии. Но вскоре беседа из мирного, спокойного, синеющего весенними красками апреля 1985-го перекинулась в недавнее тяжкое время, когда на страну, на защитников социализма накатывались разрушительные волны анархии и хаоса. Офицеры запаса шли в заводские цехи, в учреждения, в студенческие аудитории в парадных мундирах, с орденами и медалями, полученными под огнем, шли, атакуя отступничество, разоблачая враждебность, чаще всего слепую, спровоцированную извне. 14 декабря 1981 года, на второй же день после введения в стране военного положения, в «Жолнеж вольности» появилось заявление «рязанцев»: «Все для спасения Отчизны!» Оно было первым, оно, будто рожденное на поле боя, в разгар боя, дышало яростью, оптимизмом, силой, оно звало к действию, к победе, как под Ленино когда-то, на

плацдармах Одры, у Бранденбургских ворот. Сутками не бывали ветераны дома, лезли в гущу озверелых демагогов из «Солидарности», чтобы прилюдно сорвать с них маски контрреволюции. Вчерашние командиры, работники политотделов и штабов, инженеры, интенданты, они стали комиссарами, идеологическими бойцами.

— Спасибо за достойную работу в период военного положения! — благодарил их Военный совет национального спасения. В кругу друзей многие из ветеранов могут показать письмо, адресованное им лично Первым секретарем ЦК ПОРП и главой правительства генералом армии Войцехом Ярузельским, в котором он назвал своих бывших однополчан «заслуженными фронтовиками» и особо подчеркнул: «Ваше участие в общественной работе является хорошим примером гражданской позиции ветерана».

— Мы несказанно рады такой оценке, — говорит полковник в отставке Антони Ямрозиньский — председатель клуба «Рязанцы».

Нам не доводилось встречаться раньше, но кажется, что знакомы десятилетия, до того Антони обаятелен в разговоре, близок — по-родственному, по-братски. Может, биография тому «виной»? Она вся, до капли последней переплетена с нашей, советской, как корни могучего дерева. Отец и мать — пролетарии, сын, лет с двенадцати, слесарь, жили впроголодь, жили беспросветно, без малой надежды, что жизнь эта изменится когда-нибудь к лучшему, лишь с детства, как молитву, как заповедь, слышал Антони: «Помни, на Востоке у нас не просто сосед — друг наш, брат наш!» В семье пели русские песни, читали русские книги, имя Ленина почиталось как самое дорогое. Юноша Антони Ямрозиньский не понимал, а полковник Антони Ямрозиньский хорошо, очень хорошо понимает, какому риску под-

вергали себя его родители, если не то что за портрет Ленина — за томик Пушкина в домашней библиотеке, за «Песню о Соколе» Горького можно было угодить в жандармскую каталажку... Спасибо им, отцу и матери, первым политическим учителям, что на всю жизнь преподали пример пролетарского единения, пролетарского трудового братства!

И когда заполыхало небо над советской границей, когда бронированные чудища Гитлера, растоптав пол-Европы, двинулись на Страну Советов, Антони, оказавшись с польскими беженцами в Белоруссии, вступил в истребительный батальон, дрался смело, дрался, не страшась ничего, пока пуля врага не подкосила его...

— Лечись как следует,— поцеловал комбат, склонившись над санитарными носилками.— Война, видно, надолго, еще встретимся, чтобы за все расплатиться с фашистами!

Не один день пролежал Антони в госпитале. Лечился не только лекарствами — любовью советских людей лечился. Сколько будет жить — никогда не забудет, как детишки по поручению старших несли в палаты корзины с фруктами, горы невиданных прежде лепешек, как прямо с заводов, из институтов приходили нянечки-сиделки, девчушки совсем, и каждый из них, искалеченных войной, был для этих добровольных помощниц отцом, братом, был спасителем и защитником. Вот когда убедился Ямрозиньский, что Красная Армия — это сам народ, что победить такую армию нельзя.

Однажды у койки на табуретку присел комиссар госпиталя. «Смотрите, Антони...» — и протянул «Красную звезду». Заметка была маленькая, а сердце заколотилось — не унять! В газете сообщалось, что Советское правительство удовлетворило просьбу Союза польских патриотов в СССР о создании дивизии имени

Тадеуша Костюшко и что формирование ее уже началось. В Рязань без промедления ушла телеграмма: «Запишите и меня, красноармейца Ямрозиньского!»

— Будете в Рязани,— просит Антони Ямрозиньский,— низко-низко поклонитесь ей. Я многим обязан этому древнему русскому городу. Он дал мне отеческий приют. В Рязани нашел я свою любовь, свою жену — тогда Валю, теперь Валентину Михайловну. У нас трое сыновей, все они офицеры Войска Польского...

А дальше все было, как у сотен, у тысяч поляков, решивших сердцем, совестью, что путь на Варшаву идет через Берлин, только через Берлин,— он самый ближний, самый честный, самый достойный...

У Антони Ямрозиньского...

У Казимира Валюка...

У Зигмунда Хущи...

У Романа Леся...

У сотен, у тысяч поляков...

«Вместе с Красной Армией — к Победе!» — раздумчиво-взволнованно произносит полковник в отставке Роман Лесь, перенимая эстафету в коллективной дружеской беседе ветеранов. Когда родились эти слова, подобные клятве,— сейчас, сегодня, в 1985-м? Нет, полковник Роман Лесь повторяет то, что в 1943-м, в далеких-далеких отсюда Сельцах, сказал на митинге перед принятием присяги молоденький жолнеж Роман Лесь, то есть он сам. С берегов Оки — в сражение под Ленино. «Страшно было?» — спрашиваю. «Страшно»,— отвечает без рисовки. Но в руках было оружие, в сердце — ненависть — и отступил страх. В архиве дивизии хранится запись: «Жолнеж Р. Лесь участвовал за день в семи атаках, его боевой азарт вдохновлял других, даже раненный, он не покинул роты...» И еще одна запись: «Бой разгорелся неожиданно, осколок вражеского снаряда сразил командира взвода, его обязанно-

сти под огнем, прижавшим всех к земле, взял смело Роман Лесь...» Это, добавим в пояснение, случилось уже под Варшавой. Таковы две записи, короткие, торопливые, а как много видится и слышится в них!

«Запишите,— подсказывает мне незаметно Антони Ямрозиньский,— полковник Лесь был членом Военного совета национального спасения». Невольно продолжаю в мыслях: и тогда, в 1939-м, в годину катастрофы — спасение страны... и недавно, когда тоже смертельная опасность над ней нависла... Гордая, великая обязанность солдата!

В том же самом дивизионном костюшковском архиве есть яркая запись, касающаяся и хорунжего Казимира Валюка. Как ходил он за «языком», а привел вместе с друзьями чуть ли не отделение. Но я не буду цитировать фронтовой документ, потому что хорунжий, уже в звании полковника, сидит передо мной и повторяет в смущении: «Было... было такое...» Казимир возвращает разговор к началу войны: «Меня пригласили в разведку, я сразу согласился. Забросили в Польшу, почти в места, где родился. Весь район кишел гитлеровцами, велись усиленно оборонительные работы, в леса по ночам стягивались новые части. Мы выходили в эфир порой по три-четыре раза на дню, сведения передавали обширные. Вскоре гитлеровцы выследили нас, несколько раз окружали, но затянуть петлю не смогли. К несчастью, был ранен, пуля пробила легкое, выйти к своим удалось лишь через три месяца, и то благодаря советскому лейтенанту, разведчику, действовавшему рядом. Если бы найти его — он мне все равно что брат...

Седой... Израненный... А как молоды глаза полковника Валюка! Как сердце молодо!.. Солнечный лучик прошелся по наградам на мундире — их у него более двадцати, польских, советских...

— Незабываемое время! — раздумчиво-торжественно произносит полковник, надевший шинель в молодости и не снимающий ее многие годы.

Из той же, из огневой памяти возвращается в сегодняшний день и Зигмунд Хуща, генерал дивизии. Четверо его братьев уже воевали — к ним спешил пятый, младший. Сначала он был красноармейцем, потом жолнежем — костюшковцем. Дивизия Берлинга, вспоминает Зигмунд, выступала на фронт. Ее напутствовала Ванда Василевская — председатель Союза польских патриотов, известная писательница. Страстно, набатно говорила она, обращаясь к ним: «...Когда вы пойдете в бой, справа и слева от нашей дивизии будут сражаться советские дивизии. Братское плечо советского союзника будет поддерживать вас...»

— Да, мы были всегда вместе, шли вперед как сыновья одной матери по имени Свобода, как товарищи по великому воинскому братству...

Эти слова, принадлежащие Зигмунду Хуще, костюшковцу и «рязанцу», как нельзя ярче отражают настроение ветеранов. В клубе на Зимной — боевая пора, все активисты «расписаны» по заводам и школам, институтам и селам. Лекции — нередко на улицах, площадях, где сподручно и фотовыставку развернуть, и с наступлением темноты фронтовую кинохронику показать. Очень популярны в Польше экскурсии выходного дня по местам боевой славы. Ходишь по земле, еще, кажется, пахнущей порохом, склоняешься над бруствером чудом уцелевшего окопа, всматриваешься в бомбовые воронки — и ближе, дороже становится спасительный подвиг человека в пилотке или конфедератке.

А главное, ведет тебя по грозовой Истории ее свидетель, ее творец и ее хранитель! Нам довелось видеть харцеров, по-нашему пионеров, в музее своей же школы, они там наверняка бывали не один раз, но вот

перед ними участники боя, запечатленного на стендах, вот советского ветерана сменяет в рассказе ветеран польский, обнимаются они, не стесняясь слез,— и разве можно когда-нибудь забыть эту встречу?! Кстати, в этой же школе под Колобжегом выступал недавно уже знакомый нам генерал дивизии Зигмунд Хуща. Он, участник Парада Победы в сорок пятом, подарил ребятам книгу — альбом, посвященный тому памятному событию: «Посмотрите, вот и мы, польские воины, плечом к плечу с легендарными советскими полками, проходившими по Красной площади».

Вместе! Плечом к плечу! — это и движет всю военно-патриотическую работу, проводимую в Польше. Вместе с Советской Армией! Плечом к плечу с ней — и тогда, и сейчас! Ветераны Войска Польского по-отцовски помогают юным следопытам осмыслить наш совместный великий подвиг, ставить выше золота братство, товарищество, возникшие между нами и окрепшие в годы наивысшего испытания. Трепетно выписываю в блокнот свидетельства, отысканные в последнее время, свидетельства, работающие во имя памяти, во имя дружбы. О чем они? Кому принадлежат?

Голос подпоручика В. Зелевского (3-я рота, 2-й полк дивизии имени Т. Костюшко) прорывается из-под Ленино. Сражение закончено, сражение первое и успешное. «Со всех сторон до нас доносились восклицания: «Ур-ра!.. Поляки — орлы!.. Герои!..» Мне сжало горло. Я глянул на своих солдат. Казалось, душой они все еще на переднем крае — напряженные, готовые к атаке... Даже раненые, да, даже они думали о новых боях.

Километра два, а то и больше мы шли лесом. Мне на всю жизнь запомнилась первая кружка горячего чая, выпитая на советской батарее. Помню, как нас окружили, и обнимали, и целовали, и поздравляли... Настоящие друзья... Настоящие братья...»

А это уже Польша, недалеко отсюда Висла. Ряд закопченных труб обозначали места недавних пожарищ, где некогда стояли деревни и жили люди. В колодцах, заваленных трупами замученных, не было воды.

— Мы рвались вперед на крыльях ненависти,— пишет полковник Леон Грегорович.— Бой был до удивления коротким, когда конфедератки и пилотки замелькали на том уже берегу. Да и раненых, если сравнить с другими боями, было немного. Плохо, что санитары из-за вражеского огня не всюду могли пробиться к ним. Я видел вблизи неподвижно лежавшего нашего солдата, пули так и рыскали вокруг него. Мы не знали, был он убитый или тяжелораненый, мучило одно: как ему помочь? Кто отважится на верную смерть? К счастью, смельчак нашелся.

В какую-то минуту я заметил, что перед нами лежит еще кто-то. Серая шинель выдавала в нем советского воина. Присмотрелись повнимательнее: красноармеец живой. Вот он осторожно пошевелил одной рукой, потом другой, а немного погодя подтянул ноги. Значит, двигался. Двигался с осторожностью, с напряжением — обстрел не прекращался. Было видно, как осколки и пули рвали землю вокруг. Но советский солдат упорно полз и полз — прямо к польскому солдату, неподвижно распростертому на земле...

Бой продолжался...

После того как было сломлено сопротивление гитлеровцев, мы нашли на поле боя прижавшихся друг к другу двух солдат — советского и польского. Сраженный в голову польский солдат умирал. Советский тоже лежал неподвижно, прижав руки к груди. Затем он открыл на мгновение глаза, увидел нас и с трудом вымолвил: «Я хотел его спасти». Его лицо болезненно вытянулось, тело выпрямилось и навсегда застыло. И теперь, через годы, все эти годы, когда я слышу

слова: «Нерушимое польско-советское братство по оружию»,— всегда перед моими глазами встает та далекая фронтовая картина и человек в окровавленной шинели, в серой шинели благородного советского солдата!

Прав, бесконечно прав полковник Войска Польского Леон Грегорович! И мы, советские ветераны, участники сражений за Польшу, когда думаем о вашей стране, о вашем народе, вспоминаем: море цветов и слезы радости, и объятия, чисто материнские, отцовские. Нас ждали, нас встречали, как родных сыновей... А если становилось трудно армии — и советской, и польской, шедшей рядом,— целые города, поселки, деревни поднимались, чтобы хоть чем-то помочь дорогим освободителям. Летчики, которыми командовал Герой Советского Союза гвардии майор Иван Яловой, никогда не забудут, как после страшного снегопада, забившего аэродром, к ним на выручку явилось двести — триста граждан города Радома. Люди трудились, не жалея себя, люди падали и вставали, зато сколько было счастья в их глазах, когда краснозвездные соколы снова уходили в клокочущее фронтовое небо.

А как доблестно показали пролетарскую солидарность рабочие Познани! Добровольческие боевые группы, созданные ими, вместе с нашими частями штурмовали опорные пункты врага, вели разведку, спасали раненых. В разгроме гарнизона, укрывшегося в цитадели, участвовало — мы всегда помним эту цифру — без малого полторы тысячи поляков, не носивших шинелей.

Два эпизода... Но разве их два? Их бесчисленное, бесчисленное множество, составляющее песнь нашего братства, украшающее совместно пройденную дорогу...

— Слушаю! — Антони Ямрозиньский, прикрыв ладонью телефонную трубку, говорит, что звонят с завода «Урсус». В чем просьба тракторостроителей? Оказывается, вчера или позавчера один из «голосов», беспре-

станно атакующих Польшу, закатил чуть ли не часовую радиопередачу, тщась очернить наши фронтовые взаимоотношения. И дескать, Советы «экономили» на снабжении Войска Польского... И участки на поле боя выделяли полякам потяжелее... Пакость за пакостью лилась из эфира, авось кто-то клюнет на нее...

— Это — ложь! — вскричали в один голос ветераны. У них все доказательства имеются, что это ложь; вот виденное ими самими, вот документы, хранящиеся в советских и польских архивах. Во-первых, дивизия имени Тадеуша Костюшко и все остальные формировались по гвардейским штатам. Во-вторых, даже тогда, когда Верховный Главнокомандующий лично распределял многие виды оружия и техники — их просто-напросто не хватало,— Советская страна ничего не жалела для поляков. И еще деталь — очень важная, трогательная деталь: воины польских частей пользовались теми же льготами, что и советские. В этом правда, именно в этом,— скажут рабочим «Урсуса» армейские ветераны.

Они уехали, пропагандисты в погонах. Значит, в заводском цехе состоится беседа. Значит, там, при одобрении актива, будет дан бой — и врагу, что за рубежом, и его подголоскам внутри, смакующим клеветнические измышления.

«А помнишь, товарищ...» — доносится на русском и польском. Да, мы, ветераны, все помним. Ничего не забыли. И никогда не забудем! Потому что память боевых побратимов — это оружие, это сила, неподвластная времени.

2. СЫН ИЗ РОССИИ

Человек подполз к заболоченному озеру, отыскал краешек чистой воды и с ужасом отпрянул от нее: на него глянуло лицо чужое и страшное. «Неужели это я!» —

вырвалось со стоном. Да, это ты, Иван Максимович Хрущев, это ты. Сколько прошло суток, как враги сбили тебя, боевого летчика, Героя Советского Союза? Сколько? Трудно ответить на этот вопрос: потерян, кажется, счет и дням и ночам... Много километров пройдено по незнакомым лесам, но к своим пока выбраться не удалось. Силы на исходе, ноги кровоточат, в голове шум. А вокруг гитлеровцы.

Человек пытается встать, но в изнеможении падает. Достанет из кармана сырую картофелину — вчера целый куст попался,— погрызет, отдохнет немного и снова в путь — на восток. Сначала вон до того кустика, от него — до березки... Раскисать, Иван Максимович, нельзя, ты должен выжить, ты еще поднимешься в небо, чтобы драться с врагом.

Десятки раз летал капитан Хрущев на бомбежку глубоких вражеских тылов. Порой казалось, что небо в клочьях от разрывов зенитных снарядов, но краснозвездные машины достигали цели и сбрасывали на головы гитлеровцев свой карающий груз. Да вот подбили. Война есть война. Но и без самолета нужно оставаться бойцом, выжить, вернуться в строй.

Тишина в лесу. Даже птиц не слышно. Но тишина эта обманчивая. В любую минуту жди лающее: «Хальт! Хенде хох!» А то и выстрел. Так что ползти нужно осторожнее, чтобы под тобой и сучок не хрустнул.

Иван Максимович поднимался, ковылял, опираясь на палку, а больше полз...

Вдруг до настороженного слуха донеслось: «Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь».

«Кто-то, видимо, косит»,— мелькнула мысль, и летчик пополз в направлении звука. Последние кусты, деревья, и перед ним — просторная поляна. На ней двое — худощавый мужчина с косой и рослая крестьянка.

Сердце заколотилось: кто они — друзья, которые

помогут, или враги? Если враги... Иван Максимович проверил пистолет, потом негромко позвал:

— Товарищи...

Мужчина поставил косу:

— Кто-то звал нас, Ядвига?

— Товарищи...

Они побежали на зов. Под кустом, чуть приподнявшись на локте, лежал заросший щетиной человек.

— Я советский летчик, офицер,— прошептал он.— Меня подбили немцы... Вот мой документ.

Крестьяне склонились над незнакомцем: в его глазах засветились радость и надежда.

— «Капитан Иван Максимович Хрущев»,— прочитал косарь.— А я — Феликс Янович Домбровский, это моя жена — Ядвига Антоновна. Мы поляки,— представился он.

Так они познакомились. Познакомились, чтобы стать друг другу роднее родных.

Феликс Янович и Ядвига Антоновна соорудили в лесу шалаш для летчика, ухаживали за ним, делились всем, что было.

Между тем гитлеровцы всюду искали выпрыгнувшего с парашютом советского пилота. Вывешивали приказы один грознее другого. Росла цена за предательство: сначала давали за летчика пять тысяч марок и корову, потом десять, пятнадцать тысяч марок, причем рейхсмарок, а не каких-то оккупационных бумажек.

Домбровские только возмущались этим торгом и с ненавистью ругали оккупантов, которые растоптали Польшу, забили патриотами тюрьмы и концлагеря, расстреляли брата Феликса — рабочего, коммуниста... Нет, лучше умереть, чем быть Иудой. Супруги еще внимательнее ухаживали за летчиком.

Был случай, когда Домбровские чуть было не попались. Они шли в лес, в корзине несли яйца, творог,

каравай свежего хлеба и кусок сала, выменянный у кабатчика.

— Хальт! — истошно крикнул невесть откуда появившийся гитлеровец.— Куда идете? Зачем?

Сразу, конечно, за корзину.

— А, партизанам несете! Сейчас я вам, швайн,— пуф-пуф!

Как удалось отговориться от него, Домбровские и сейчас объяснить не могут. Наверное, голодным был гитлеровец. Забрал все из корзины и ушел, грозя, что если еще раз поймает, то уж не миновать им пули.

...Дважды мне довелось побывать в семье замечательных польских патриотов. Помнится, в первый приезд Домбровский долго рассказывал о том, как они прятали Ивана Максимовича, выхаживали его, как достали патроны для пистолета и как прощались с ним, когда в деревню вступила Советская Армия.

— Часто вспоминали мы этого летчика. Хороший человек — смелый, добрый. Обещал, что всю жизнь за отца и мать будет считать нас. И конечно же никакой награды мы за это не ждали, разве доброе дело само по себе не награда?

Старик поднялся, вышел в соседнюю комнату и вернулся уже в пиджаке, на котором алел орден Красной Звезды.

— Вот видите, ваше правительство наградило,— тепло, не справляясь с волнением, говорил Феликс Янович.— Спасибо за награду, большое спасибо!

Ядвига Антоновна показывала мне письма, присланные Героем Советского Союза Иваном Максимовичем Хрущевым. Он стал уже подполковником, ушел в запас, живет в городе Днепропетровске, трудится на заводе.

— Передайте ему,— просила Ядвига Антоновна,— что живем мы хорошо. Квартира у нас удобная, пенсию государство платит достаточную. Вообще жизнь в Поль-

ше изменилась, труженики теперь настоящими хозяевами стали. Вашим воинам спасибо за это, ведь они нам свободу отвоевали...

Поздним вечером мы прощались. У Домбровских собрались человек сорок односельчан, не меньше. Все в один голос просили передать советским людям приветы и самые наилучшие пожелания. А Феликс Янович снова сажает меня за стол, приносит мой блокнот и записывает в нем:

«Советским воинам.

Мы вас любим и благодарим, дорогие товарищи. Подвиг Советской Армии в борьбе с германским фашизмом не забудется никогда. Будьте и сейчас зорки, чтобы ни один враг не подобрался внезапно к странам социализма.

Старый солдат и ваш друг польский крестьянин Феликс Домбровский».

И долго, пока было видно из машины, стоял он у своего дома, прижимая руку к сердцу.

Не ожидал я, что вскоре снова придется увидеть Домбровских. И на этот раз вместе с Иваном Максимовичем Хрущевым. Дело в том, что мы оба были участниками поезда Дружбы.

Всю дорогу волновался Иван Максимович: удастся ли встретиться с Домбровскими. Все расспрашивал: не болен ли Феликс Домбровский, не в отъезде ли где-нибудь.

— Поверьте,— говорил Иван Максимович, всматриваясь в темное вагонное окно,— с такой радостью, бывало, к отцу лишь ездил...

Подполковник Хрущев показывает подарки, которые купил для своих друзей. Феликсу Домбровскому он везет золотые часы.

— Пусть памятью для него будут!

...Напрасно беспокоился Иван Максимович, польские товарищи хорошо поняли его душевное состояние, его волнение и помогли увидеться с Домбровскими, хотя и пришлось, как говорят, сделать большой крюк. Повсюду летчика-героя встречали как друга, показывали ему плоды трудов своих, край свой, неузнаваемо переменившийся в послевоенные годы. Щецинский воеводский комитет ПОРП и воеводская Рада народова постарались сделать эту встречу подлинным праздником братства и дружбы.

По пути в деревню Хоцивель, где живут Домбровские, Иван Максимович осмотрел город Щецин, освобожденный Советской Армией, однополчанами летчика Хрущева. Фронтовики помнят этот город иным: истерзанным, разбитым. Гитлеровцы, отступая, разрушали его с какой-то необъяснимой жестокостью. Американские, английские и западногерманские борзописцы пророчили: ничего, мол, не выйдет у Польши, не сможет она восстановить и наладить жизнь в этих местах.

Но предсказания «пророков» не сбылись. В Щецине, как и на всех землях новой Польши, бурлит созидательная жизнь. Город предстал перед нами как город-труженик, город помолодевший. Он обновился. На месте прежних развалин и пепелищ выросли новые дома, заводы, фабрики. Строительство продолжается. Всюду — устремленные в небо башенные краны.

В день, когда мы побывали в Щецинском порту, у его причала стояло 57 иностранных судов. Погрузка и разгрузка налажены четко, люди трудятся вдохновенно. И не могут они по-иному трудиться!

Горячей была встреча в деревне Хоцивель. Все жители собрались на площади перед зданием Рады народовой. Вот Феликс Домбровский, его жена Ядвига, сын их Кароль с женой.

В квартире Домбровских все выглядит по-праздничному. Ивана Максимовича усаживают на самое почетное место. Рядом с ним Феликс Домбровский. Завязывается оживленная беседа. Хозяева и гость расспрашивают друг друга о жизни и делах, о том, как крепнет великий союз народов-соседей. Провозглашаются тосты за дружбу и счастье, за боевую сплоченность наших стран...

Домбровские счастливы неимоверно: за столом ведь, за их столом сидит не просто гость, сидит сын — сын из России...

3. ЕСТЬ ШКОЛА ПОД БЕЛОСТОКОМ

В тесной конторке бригадира Голембы я беседую с передовыми кораблестроителями Щецина Станиславом Войтеком и Александром Стефанским. Молодые, лет примерно по двадцать восемь — тридцать, почти одинакового роста, они очень похожи друг на друга. И волосы — белесые, словно выгоревшие под солнцем, и глаза — серые, большие, как будто отразились в них озера Белостокского воеводства, в котором они родились. Только у Стефанского скулы чуть заостренные, отчего он кажется немного усталым. Да и говорит он скупо, глуховатым голосом. Не то что Войтек — тот по характеру, чувствуется, восторженный, рассказывает о себе, о работе быстро, горячо.

— Так вот,— частит он,— кончили мы школу, куда же теперь, думаем? В школе учились хорошо, мечтали в институт после этого, а отцы наши — и мой, и вот его, Александра,— говорят: «Идите, ребята, на завод». Отцы у нас давно дружат, оба в дивизии Костюшко воевали, линию в жизни держат правильную... Мы их послушались, стали выбирать место. А тут в газетах

призывы: молодежь, тебя ждут земли на Одре, богатые, чудесные земли. Там все есть — не хватает лишь рабочих рук. Поезжай туда, приложи свои силы, возроди край, возвращенный твоему отечеству Советской Армией.

Рассказ так и льется из уст Станислава. Стены конторки будто раздвинулись. Мысленно я вижу, как из деревни Гибы выходят в большой мир двое парней. Дорога у них впереди хоть и нелегкая, но счастливая, светлая. Ведь в жизнь выходят не пасынки Польши, а ее хозяева. Это отцы их, гонимые нуждой, метались по всей стране в поисках работы, хлеба. У сыновей судьба иная. На щецинской судоверфи, куда приехали ребята, их взяли охотно, определили на курсы, помогли освоить азы сложного кораблестроительного мастерства. Теперь и Станислав и Александр, хоть и сами молодые, имеют учеников.

Александр больше молчал во время беседы, так, вставит изредка одно-два слова, уточнит какую-нибудь деталь в рассказе. А тут вдруг, переменившись в лице, заговорил не менее энергично:

— Да что ты, Станислав, все о нас, о нашей работе. Мы ведь с тобой забыли сказать, какую школу окончили. Это, пожалуй, интереснее будет для советского товарища.

И уже обращаясь ко мне, сказал:

— Понимаете, школа наша носит имя Ивана Шандурова, вашего советского офицера...

Школа имени Шандурова! Что это, легенда, рожденная благодарными сердцами польских граждан? Нет, дорогой читатель. Это правда, похожая на легенду. И я расскажу о ней все, что узнал в тот день от Станислава Войтека и Александра Стефанского.

Когда гитлеровцы захватили Польшу, Станиславу и Александру было по шесть-семь лет. Они уже за-

были сейчас, как вступили враги в их деревню, что и как было. Помнят только одно: примерно через неделю после оккупации фашистский комендант собрал около школы все население и объявил по-немецки, нисколько не заботясь, поймут его или нет, что школа отныне для поляков закрывается, что в ней будут учиться немецкие дети.

Все это люди поняли потом, когда комендант в сопровождении орды телохранителей ушел. Всем стало страшно — и взрослым, и детям. Школа... Пусть она и невзрачная на вид, но ведь в ней учились многие поколения крестьян, отцы и деды тех вот пострелят, что собрались на деревенской площади и от страха жмутся к взрослым.

Школы для польских детей не будет. Значит, польский ребенок — это человек второго сорта, ему, выходит, не обязательно знать грамоту, достаточно, что ее будут знать «киндердейчи», представители «высшей» расы.

— Да, вот так и не стало у нас школы,— со вздохом произнес Александр.— Расходились все по домам понурые, убитые несчастьем, словно похоронили кого-то из родных или близких.

Не жизнь была, а тяжелая, изнуряющая пытка. Чуть что не понравилось фашистам — расстрел, виселица. Особенно распоясались они, когда появились у нас в лесах партизаны. Жители носили партизанам хлеб, одежду, указывали тайные тропы, сообщали разные сведения о гарнизонах гитлеровских войск. Никакие кошмары оккупации не убили в наших людях воли к сопротивлению, к борьбе. Все, кто мог, ушли в партизаны. Даже некоторые женщины...

На лицах друзей появилась печаль — так близко их сердец коснулись тяжелые воспоминания. Они никогда не забудут своего детства, полного ужасов. К счастью,

летом сорок четвертого года пришел конец испытаниям — со стороны Гродно послышались выстрелы орудий, вскоре передний край придвинулся к самим Гибам.

— Теперь,— заговорил Станислав,— пора рассказать и о главном. Гитлеровцы бежали как трусы, не успев даже прихватить с собой всего награбленного имущества. Они только разбросали по всему селу листовки, в которых грозили: вот, дескать, придут русские Иваны и уничтожат всех поляков. Берегитесь.

— И еще,— вставил Александр,— школу фашисты перед бегством сожгли...

— Да-да, не пощадили, подлецы,— продолжал Станислав,— дотла спалили, ничего не удалось спасти. Если бы видели вы, как мы, детишки, плакали, разбирая головешки. Нам казалось: не помещение школы сгорело, а мечты наши. И все наши надежды были на Советскую Армию. Она спасла нас, она и поможет. Сколько слышали мы рассказов от взрослых об этой армии — и никогда ни одного худого слова.

Не обманулись в своих надеждах Станислав Войтек, Александр Стефанский и их сверстники по всей Польше. Русский воин пришел на польскую землю не врагом, как писали об этом гитлеровцы, а другом, освободителем, защитником. Человек в порыжелой от солнца гимнастерке, в пилотке с алой звездой, в стоптанных кирзовых сапогах, этот человек — советский воин — оказался родным, как отец, близким, как брат. Разве могут забыть когда-нибудь эти двое польских тружеников, как в сорок четвертом, в августе, еще мальчишками, услышали они первый приказ советского командира солдатам:

— Сварите как можно больше каши, накормите детей...

И сам, измученный, наверное, до смерти только что закончившимся боем, не ушел, пока не увидел, как

повар сварил эту кашу и щедрым черпаком раздал ее ребятам.

— Офицер остался у нас комендантом,— рассказал Станислав.— Теперь он будет жить всегда в истории нашего села. Звали его Иван Константинович Шандуров, на погонах было четыре маленькие звездочки, значит, капитан. Еще на погонах виднелись скрещенные пушки.

Да, судя по рассказу Станислава Войтека и Александра Стефанского, жители Белостокского воеводства свято хранят память о советском капитане Иване Константиновиче Шандурове, который, будучи комендантом, все делал, что было в его силах, чтобы помочь полякам в налаживании жизни, в ее обновлении. Много изб восстановили советские солдаты, чтобы разместить к зиме бездомные семьи. И не помнит ни одна семья, вселенная в эти дома, чтобы комендант не зашел, не спросил о том, как устроились, не испытывают ли в чем нужды.

— Знаете,— вдруг снова заговорил Стефанский,— что он еще сделал? Школу, да-да, школу для нас открыл. Словно памятник себе поставил, не преувеличиваю. Вы только вспомните обстановку: пять лет не учились польские дети. И еще бы несколько лет не было ее, если бы не Иван Константинович. И это понятно. Ведь школ не имели сотни сел, сразу не открыть их повсюду.

А школа в Гибах была открыта одной из первых, примерно дней через 12—15 после освобождения села. Однажды комендант попросил крестьян собраться на общую сходку. Состоялась она на том же месте, что и пять лет назад, при гитлеровцах, но прошла совсем иначе. Гитлеровский комендант закрыл тогда школу, а советский комендант решил открыть ее, чтобы дети первого сентября сели за парты. Иван Константино-

вич Шандуров вышел на крыльцо комендатуры вместе с только что избранным председателем Рады народовой Виталисом Роматовским и заговорил, как всегда, спокойным и негромким голосом.

— Друзья! Товарищи! — начал Иван Константинович. — Скоро учебный год начнется, и мы должны подумать о школе для ребятишек. Пять лет они не учились, надо, чтобы день первого сентября стал для них праздником. Вношу предложение — открыть школу. Давайте посоветуемся, что нужно сделать, чтобы школа начала работать...

Первые минуты стояла такая тишина, что, кажется, слышалось каждому только учащенное биение собственного сердца. Школа для ребятишек! И первым об этом подумал советский комендант.

Потом, когда волнение улеглось, завязался оживленный разговор, посыпались вопросы:

— А где открывать ее, ведь здание-то сгорело?

— Где учебники взять?

— Где учителя найдем?

Десятки вопросов смущали народ. Но самое непонятное другое. Фронт еще совсем рядом, километрах в двадцати — тридцати. И больше всего удивляло, что капитан, будто забыв о войне, размышлял вслух:

— Не так уж труден вопрос о школе, как может показаться с первого взгляда. Я вот советовался с моим адъютантом лейтенантом Павлюком — он сам учитель в прошлом. Договорились с ним, что учебники и тетради достанем. Павлюк, кстати, уже уехал за ними в Гродно, думаю, пустым назад не вернется... А в отношении помещения мой совет таков: подберите наиболее подходящий дом из тех, что пустуют, отремонтируем его сообща — вот вам и школа. Солдаты столы и скамейки изготовят — среди них любые мастера найдутся.

7 Заказ № 212

Капитан сошел с крыльца и добавил на ходу:

— Ну, я все сказал, теперь за вами очередь, решайте...

И крестьяне стали решать — всерьез, по-хозяйски. И дом для школы определили, и стали обсуждать, где доски для столов и скамеек взять. И об учителе вспомнили, он когда-то здесь преподавал.

— Антони Жегарский вернется, он хороший человек...

И тут же договорились, кто после сходки отправится за Жегарским.

Шли дни, дела со школой заметно подвигались. Вернулся лейтенант Павлюк: привез учебники, карандаши, тетради. Даже карту мира отыскал. Под вечер однажды появился на сельской улице и учитель Антони Жегарский, которого в Гибах уважали и любили. Он тоже сначала не верил, что школа будет, но когда увидел, как ею занимается комендант, и сам преобразился — откуда только в таком возрасте силы взялись. Обошел окрестные села, попросил у знакомых учителей недостающие пособия. Кто-то из сельских умельцев, сейчас уже и фамилию никто не помнит, наделал из стреляных гильз чернильниц. Солдаты почти заканчивали заготовку теса...

Между прочим, столы и скамейки делать им не пришлось. Прибежали к Шандурову несколько подростков и сказали, что в одной из деревень недалеко от линии фронта сгорела школа, а парты спасли. «Вот бы их нам»,— предложили они и сами же вызвались поехать за ними.

В ночь подводы с крестьянами и советскими солдатами из комендатуры направились к передовой. Нелегкой была эта поездка, опасной, но все обошлось благополучно: на рассвете «экспедиция» вернулась, доставив несколько десятков парт.

1 сентября 1944 года на освобожденной польской земле открылась первая школа. Капитан Иван Константинович Шандуров не скрывал своей радости, когда вместе с учителем вошел в класс. Он по-настоящему был счастлив, что помог начать учебу, начать новую жизнь этим вот мальчишкам и девчонкам, которых гитлеровцы пытались сделать своими рабами.

— Учитесь старательно, мои юные друзья,— сказал капитан,— слушайтесь учителя, вырастайте умелыми строителями новой Польши.

Крестьяне, собравшись у школы, горячо благодарили советского офицера. А потом по его предложению взялись за лопаты и вырыли неподалеку щели на случай бомбежки.

— А я — на фронт, в свою батарею. Надо гитлеровцев добивать.

И ушел, оставив на память польским друзьям фотографию.

Такова история, связанная с открытием школы под Белостоком. Но она имеет продолжение. И об этом нельзя не рассказать.

Дело в том, что вскоре в Гибы кто-то принес печальную весть о гибели капитана Шандурова. «Под Сувалками погиб капитан»,— подтверждала молва. Острой болью отозвалась эта весть в крестьянских сердцах. Не хотел верить этому лишь один человек — Антони Жегарский.

Каждый учебный год начинал он рассказом о капитане Советской Армии Шандурове, о его горячем сердце, о том, что польские дети должны свято хранить в своей памяти его имя. А сам продолжал время от времени посылать письма на родину Ивана Константиновича, в Саратов, где тот работал до войны. Но письма, к несчастью, возвращались обратно, адресат не находился.

В это время в селе строилась новая школа, просторная, светлая, кирпичная. Жегарский задумал увековечить память Шандурова и назвать школу его именем. Письмо, написанное учителем в районный комитет ПОРП, одобрили все крестьяне.

И вот школа в Гибах готова к открытию. В торжественной обстановке у входа в нее жители села прикрепили мемориальную доску, в которой говорилось, что школа эта называется в память о капитане Иване Константиновиче Шандурове его именем. Надпись заканчивалась словами: «Вечная слава герою, погибшему за наше счастье!»

И опять это еще не конец истории. Только недавно выяснилось, что капитан Иван Константинович Шандуров под Сувалками не погиб, а был тяжело контужен. После лечения в госпитале он снова воевал с фашистами и уволился из армии лишь в 1946 году.

Иван Константинович работал инженером на том же заводе, что и до войны, и очень жаль, что письма из Польши не нашли его. Умер он 1 июня 1953 года. В Саратове живут его жена, кандидат медицинских наук Мария Ивановна Шандурова, сын Виктор — инженер-строитель. Они теперь переписываются с польскими друзьями. И провели однажды свой отпуск в Гибах. Здесь им оказали горячий прием. Мария Ивановна и Виктор побывали в школе, оставили запись: «От всей души благодарим польский народ, жителей с. Гибы, всех учителей и учеников, которые свято чтут память советских воинов и имя русского офицера Ивана Шандурова».

Вернувшись в Москву, я нашел в архиве личное дело Ивана Шандурова. Записи в нем говорят о том, что это был настоящий коммунист, замечательный патриот. Родился Иван Константинович 22 июня 1905 года. В 1925 году вступил в партию, работал на заводе,

в МТС, служил в армии. За мужество и храбрость в боях за Родину награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями.

...Уже темнело, когда закончилась наша беседа со Станиславом Войтеком и Александром Стефанским. Они знают, что семья капитана Шандурова отыскалась и с ней налажена переписка.

Мы вышли из конторы.

— Передайте, пожалуйста, горячий привет жене капитана и его сыну,— попросили меня кораблестроители.— Скажите им, что мы гордимся Иваном Константиновичем и всегда будем помнить о нем.

Потом, отойдя немного, снова остановились и, перекрывая шум подъемных кранов, пневматических молотов, строительный шум судоверфи, крикнули:

— Всем советским людям привет!

4. ПШЕНИЦА МАЙОРА БЕЛЯЕВА

Спидометр «Варшавы» отсчитывает одну сотню километров за другой. Серое, с оспинками выбоин асфальтированное шоссе стремглав убегает под колеса машины, а легкая пыль, вихрясь, оставляет за ней едва заметный след.

Только вчера впервые услышали мы от нашего переводчика Владислава Вороновича фамилию «Беляев», а сегодня нам называют ее вот уже в пятый или десятый раз. «Майор Беляев», «пшеница майора Беляева» и просто «пшеница Беляева».

Кто он, этот Беляев? Почему о нем с таким уважением и любовью говорят поляки? Может быть, селекционер, если с его именем связывают какую-то пшеницу? Причем же тогда «майор»?

Мы недоумеваем: объясните, дорогие друзья, в чем тут дело, что вы имеете в виду. А Владислав Воронович, восторженный и неутомимый человек, настойчиво подступает:

— Как, вы не знаете майора Беляева?

— Какого Беляева? Да Беляевых,— отвечаем мы,— у нас в стране, наверное, столько же, сколько Петровых и Ивановых.

На лице переводчика отразилось явное разочарование. Такой же вид и у других наших собеседников, только что показавших нам свой богатый сельскохозяйственный кооператив.

И он поведал нам историю — простую, правдивую, и волнующую. Его дружно дополняли крестьяне, собравшиеся вокруг нашей машины. У каждого сохранились в памяти какие-то детали этой истории.

...Советские части, неотступно тесня врага, продвигались к Одеру. Земля, опаленная беспощадным пожаром войны, возвращалась к жизни. Выходили из лесов польские крестьяне, таща за собой на повозках немудреный домашний скарб. Опечаленные и растерянные, смотрели они на печные трубы, сиротливо торчавшие на месте сельских домов. Но, как ни тяжело было на душе, люди понимали, что в их жизни свершилось самое главное: они получили свободу, о которой так долго мечтали, теперь их судьба зависит от них самих.

Застучали топорами плотники, чтобы на пепелищах, еще пахнущих горьким дымом, возвести хотя бы временные постройки, способные укрыть от непогоды. Потянулись в поля хлеборобы. Но перед крестьянами вставал неумолимый и жестокий вопрос: где взять коня, чтобы вспахать землю, где взять семена, чтобы бросить их в свежую борозду? Кулаки — те быстро купили лошадей, достали семена. А что делать беднякам?

— Думали-думали крестьяне,— продолжал, все более оживляясь, Владислав,— и решили обратиться за помощью в деревушку Пасенец, где стояла советская воинская часть. Может, помогут чем солдаты?

Выбор пал на бедняка из бедняков Мацея Бубень, он и отправился в Пасенец. «Будь смелее, Мацей»,— напутствовали его односельчане. И вот шагает Мацей в рубахе, застиранной и залатанной до того, что неизвестно, чего на ней больше, заплат или живого места. Не лучше и штаны, заправленные в кирзовые опорки.

Шагает и думает: «А не зря, конечно, мужики в Пасенец делегата направили». Сколько знал он случаев за свою жизнь, когда русские помогали полякам, отзывались на их горе и несчастье.

— Я уверен, они и сейчас не откажут нам,— говорил отец шагавшему рядом сынишке. И маленькому Владиславу хотелось как можно скорее увидеть их — ведь сколько о них говорили взрослые, с каким нетерпением ждали их прихода.

За мыслями и разговорами не заметили, как дошли. И вот уже в полукилометре на рыжем, не успевшем еще зазеленеть холме показался Пасенец. Войдя в поселок, увидели, как солдаты чистили и поили лошадей. Мацей смотрел на них и глаз не мог отвести.

— Смотри, сынок,— показал он на гнедого мерина.— Если бы нам иметь такого коня, то я ничего больше не захотел бы...

— Дальше все было так.— Переводчик достал из портфеля порядком уже потрепанную книжку, нашел нужную страницу.— В этой книжке — она называется «Вызволение», что по-русски означает «Освобождение»,— опубликовано воспоминание Владислава Бубень, сына Мацея.— И принялся читать:

«Командовал советским подразделением молодой офицер, майор. Он принял нас сердечно.

— Что скажете?— спросил он у нас на ломаном польском языке.

Отец сначала утратил дар речи. Потом низко поклонился и стал говорить о своей нужде. Майор, слушая отца, усадил нас за стол, угостил «Казбеком». Отец говорил ему, что у нас в доме нет кавалка (куска.— А. С.) хлеба, что соседи пашут и сеют, а мы не имеем коня, чтобы вспахать поле, и должны работать у кулаков.

— Так что же вам нужно?— спросил майор.

— Хочу,— сказал отец,— попросить у вас на несколько дней коня.

Майор встал, взял отца за руку, и мы вышли во двор, где солдаты чистили коней. Миновав двор, вошли в сарай. Отец увидел того самого мерина.

Майор усмехнулся и, обратившись к солдату, который поил мерина из ведра, приказал:

— Отдайте коня этому человеку!

И, повернувшись к отцу, добавил:

— Этот конь добычливый!

Мы с отцом остолбенели: такого коня никогда у нас не было. Это был красивый мерин четырех лет.

— А теперь,— сказал майор,— чтобы коня у вас не отобрали, получите документ.

На листке, вырванном из блокнота, майор написал: «Коня гнедой масти Советская Армия дарит бедняку Мацею Бубень».

И подписал: «Майор Беляев».

На печати, которую майор приложил к документу, виднелась надпись и цифра: «Войсковая часть 54122».

— Ну, отец,— произнес майор,— ступайте домой, пашите и сейте всем на пользу.

На прощание майор взял наш адрес, дал нам свой. В доме у нас не было конца радости. Мать расплакалась от счастья.

На другой день перед нашей хатой остановилась повозка, запряженная армейскими лошадьми. На повозке сидели два солдата.

— Здесь живет Мацей Бубень?— спросил один из них.

— Тут,— ответила со страхом мать. Она, как потом рассказывала, подумала, что солдаты приехали забирать коня обратно.

Солдаты спрыгнули с фурманки, внесли четыре полных мешка и ящик. Поставили все это у нас в сенях.

— Это от майора Беляева,— объяснили они.— Наш командир желает вам и вашим соседям-беднякам хорошего урожая...

Когда солдаты уехали, мы заглянули в мешки. Два из них были наполнены пшеницей, два других ячменем, в ящике были консервы.

Пшеницу мы посеяли и назвали ее «пшеницей майора Беляева».

Переводчик, закончив читать, отложил книжку в сторону.

— Вот какая история,— промолвил он в волнении.— Не знаю, что и добавить к прочитанному.

А добавить можно вот что. Много лет прошло с той поры, а в деревнях под Лодзью нет другого более популярного сорта пшеницы, чем «пшеница майора Беляева». Она шумит и колосится на полях, даря людям за их труд тугое золотистое зерно.

А когда кончается страдная пора уборки урожая, во всей округе празднуют «Дожинки» — веселый, многоцветный праздник крестьянского счастья. Все — мужчины, женщины и дети — одеваются в красивые национальные костюмы, плетут венки из колосьев и живых цветов, везут на телегах, тоже украшенных, снопы пшеницы, мешки с зерном нового урожая, румяные хлеба, выпеченные из муки свежего помола.

Те самые люди, которые не так давно были батраками на родной земле и с грустью пели:

Несем урожай, несем,
В господский дом несем!

теперь поют вдохновенно:

Идем с урожаем, идем,
Золотое зерно народу несем!

И еще поют эти люди о незабываемой весне сорок пятого года, весне освобождения, о советских солдатах, принесших им свободу.

5. ЛЕЙТЕНАНТ С УЛИЦЫ ГОРЬКОГО

В Лодзи на текстильном комбинате меня познакомили с Ядвигой Высоцкой, одной из лучших ткачих.

— Помогите ей, если сможете,— попросил секретарь цеховой парторганизации.— Ядвига к вам не к первому обращается, но ответа еще не получила.

— Да-да, помогите,— вступает в разговор мастер ткацкого цеха Станислав Малиновский.— Если удастся найти этого человека, которого ищет Ядвига, вы, как журналист, не пожалеете...

По всему чувствовалось, что просьба Ядвиги Высоцкой необычная, потому и стала ее просьба не только личной, но и общественной. И вот мы сидим с ней, неторопливо беседуем. Ей нет еще и сорока, но она уже почти седая.

— Думаю,— начинает Ядвига,— нет нужды рассказывать вам, как жилось нам в годы гитлеровской оккупации. Каторгой назвать эту жизнь и то, пожалуй, не совсем точно будет. А перед самым вашим приходом фашисты вообще озверели. Аресты и расстрелы стали повсеместными.

За сутки до вступления в Лодзь Красной Армии гитлеровцы арестовали большую группу рабочих на нашей фабрике, в том числе моего мужа и меня. «Вы саботажники,— сказал гестаповец,— мы вас расстреляем!» Я думала, умру от страха — не за себя, а за ребенка, ведь тремя днями раньше я стала матерью. Не пожалели, подлые, с ребенком бросили меня за колючую проволоку.

— Нас,— продолжает Ядвига,— отправили в лагерь в Пабианицах, неподалеку от Лодзи. Мы знали, что километрах в трех-четырех от Пабианиц — глубокий ров в лесу, там гитлеровцы расстреливают арестованных.

Время тянется мучительно долго. Лихорадочно работает мысль и все в одном направлении: удастся ли спасти ребенка, спастись самим? Погибать не хотелось, ведь с востока уже доносились артиллерийские залпы. Значит, Красная Армия совсем близко, вот-вот придет и сюда.

Ядвига с трудом сдерживает слезы — так остро волнуют ее воспоминания о страшных сутках, проведенных в концлагере. Затуманены слезой и глаза Станислава Малиновского, старого польского коммуниста. Ведь он был арестован и пережил все это вместе с Высоцкими.

— К счастью, мужу моему,— продолжает Ядвига,— ночью удалось бежать. «Пойду навстречу русским,— говорил мне Зигмунд перед уходом,— крепись, может, успеем выручить».

А канонада все ближе и ближе, гитлеровцы буквально из себя выходят, неистовствуют. Чуть рассвело, выгнали они нас прикладами из лагеря и, построив колонной, повели в сторону яра. Внутри закаменело все — ни слез, ни страха. Значит, это конец. Только идти стараемся медленнее, чтобы оттянуть страшный час.

Посмотреть тогда на нас со стороны — жуткая картина. Измученные все, подавленные, идем, ноги с тру-

дом переставляем. Много после этого я фильмов о войне пересмотрела, видела колонны обреченных, но такой страшной, как наша, видеть не приходилось.

Ядвига, не стесняясь слез, рассказывает об этом шествии смертников с таким гневом, словно все это происходило не много лет назад, а лишь вчера.

— И вот, когда нам осталось перейти лишь автостраду, за которой недалеко уже тот ужасный яр, из лесу неожиданно выскочили ваши солдаты с автоматами в руках, что-то кричат, не расслышать. Мы упали на дорогу, на бетон, я только малютку поспешила прикрыть собой на случай, если бы охрана подняла стрельбу. Но фашисты храбры с безоружными. А увидели советских воинов и в панике разбежались.

— Вставайте, товарищи, вы свободны!— услышала я над головой молодой сильный голос. Приподнялась, вижу, стоит на дороге лейтенант, лет двадцати, не больше, улыбается нам. Лицо коричневатое, но, наверное, не от летнего загара, а от пороховой гари и пыли. Глаза усталые, но в них столько тепла, душевного света. Мы обнимать его, целовать. Смущается, показывает на моего мужа:

— Вот его благодарите. Это он провел нас сюда кратчайшим путем. Без него мы никак не поспели бы вовремя.

Но мы-то понимали, кто нас в действительности спас. Не муж мой, конечно, а вот этот лейтенант, бойцы, что стоят рядом с ним. Они, изменив маршрут, пошли к нам на выручку, не жалея себя.

Тут и муж подбежал ко мне, взял ребенка, поднес к лейтенанту, нашему спасителю.

— Он родился только,— сказал Зигмунд,— у него имени еще нет. Он должен был умереть, но вы его спасли. Прошу, дайте ему имя.

— Правильно,— закричали в толпе,— правильно, Зигмунд! Пусть пан лейтенант сам назовет твоего сына.

Все происходило, как во сне. Лейтенант осторожно взял на руки мальчонку, тепло, по-отцовски взглянул на него и сказал:

— Счастливый он, не будет знать гнета, унижений. Хороший хлопец вырастет. Что же касается имени, то я за это не берусь, вы сами найдете ему имя, так лучше будет.

Потом написал на кусочке газеты свой адрес, фамилию, имя и отчество. И пошел со своими бойцами в сторону Лодзи.

— И мы решили,— заканчивает Ядвига,— все, кто был на этой дороге, по которой вели нас на смерть, что назовем его Александром, в честь лейтенанта. Ведь на записке было написано: Александр Иванович.

Ядвига жалеет, что мы не имеем возможности увидеть ее сына. Он уже вырос, отлично учится! Но еще больше она жалеет, что не может разыскать своего спасителя, написать ему.

— Какое несчастье,— с горестью говорит она,— в суматохе потом бумажку, которую дал лейтенант, потеряли. Помню только имя его и отчество. И жил он в Москве, на улице Горького, в доме восемь. А фамилию, хоть убейте, никто не помнит. Вот почему и прошу вас, найдите лейтенанта, помогите нам увидеться с ним. Мы его никогда не забудем, никогда.

...Прошло уже много месяцев после этой встречи. Но мне не удалось пока отыскать Александра Ивановича.

Вот и конец моему рассказу. Разные годы, разные люди, разные поступки, а все они сами собой объединяются в понятие — «мосты». Мосты общей нашей советско-польской дружбы и общего братства.

Вечные, нестареющие мосты...

В. Томин

ЗДРАВСТВУЙ, ФРИЦ!

В один из февральских дней 1985 года у станции метрополитена «Октябрьская» встретились двое, и первые слова, которые произнес москвич Петр Михайлович Рыбкин, приветствуя своего старого друга, были просты:

— Здравствуй, Фриц!

В ответ седой мужчина, худощавый и подтянутый, молча пожал ему руку и обнял его. Так встретились два бывших советских солдата, вместе когда-то шагавшие по фронтовым дорогам войны. Они встретились в тот день впервые за долгие годы, отделявшие их от памятного майского дня 1945 года, заставшего их в Берлине. Они пришли туда в рядах одной армии и там расстались, потому что у каждого был свой путь и своя судьба.

Известный немецкий ученый — историк Фриц Штраубе приехал в Москву в научную командировку из ГДР и впервые за сорок лет встретился здесь со своим однополчанином и другом. Бывший военный врач П. М. Рыбкин долгие годы ничего не знал о его судьбе. Несколько лет тому назад он с радостью узнал из публикации в немецком иллюстрированном журнале, что его друг Фриц Штраубе жив, стал ученым и живет в столице ГДР Берлине. Он написал в редакцию письмо, получил его адрес, и вот теперь, в Москве, друзья встретились, чтобы вспомнить прошедшие годы, своих фронтовых товарищей, не доживших до Победы. Им было что рассказать друг другу, ведь они не виделись сорок лет.

Совсем юным студент Московского медицинского института Петр Рыбкин встретил тот роковой день — 22 июня 1941 года, когда гитлеровская Германия напала на нашу страну. Вместе с товарищами он рыл противотанковые рвы, строил укрепрайон на дальних подступах к советской столице, затем, оказавшись на оккупированной врагом территории, в партизанском отряде, работал в госпитале, спасал жизнь наших солдат. Вернувшись в Москву, закончил институт и в сентябре сорок третьего был направлен на фронт, в особую часть для сбора немецких военнопленных солдат. Туда же в декабре 1943 года в качестве военного переводчика приехал молодой немецкий антифашист Фриц Штраубе. С израненной белорусской земли начался совместный боевой путь друзей к Победе.

Много лет тому назад в одном из номеров газеты «Нойес Дойчланд» я увидел три фотографии: на первой — голенастый мальчишка в коротких штанишках, на второй — юноша в советской офицерской форме, на третьей — улыбающийся мужчина. Это был один и тот же человек — доктор Фриц Штраубе, известный немец-

кий ученый-историк, автор ряда работ по истории СССР. На телестудии ДЕФА в Потсдаме мне показали документальный фильм популярных немецких кинопублицистов В. Хановского и Г. Шоймана «Я — Фриц», в котором рассказывалось об удивительной судьбе мальчишки, выросшего в нашей стране и ставшего убежденным антифашистом, коммунистом-интернационалистом.

Позже, в октябре 1977 года, мы познакомились и уже в первый вечер проговорили допоздна. Потом встречались еще много раз. И вот что мне стало известно о нем.

12 сентября 1935 года газета «Лейпцигер Нойесте Нахрихтен» опубликовала объявление: «Как уже сообщалось, о месте нахождения учащегося народной школы Фрица Германа Вернера Штраубе, исчезнувшего две недели назад, до сих пор ничего не известно. Штраубе, родившегося 14 марта 1924 г. в Лейпциге, последний раз видели 23 августа в 7 час. 30 мин. утра, по пути в школу, куда он шел из квартиры своей бабушки, проживающей по адресу: Мольткештрассе, 36, вх. IV. На занятия в школу он больше не явился. Не исключено, что этот немного меланхоличный мальчик покончил с собой... Ниже мы еще раз сообщаем данные о нем: Штраубе примерно 1,40—1,50 м ростом, крепкого сложения, белокурые волосы с пробором на левую сторону, серо-зеленые глаза, бледное лицо с веснушками, одет в серый с коричневыми полосками пиджак, штаны того же цвета, коричневые полуботинки и серые гетры. На нем — белая в синюю полоску рубашка с бельевой меткой: «Ф. Шт.» Головного убора не было. Любые сведения о пропавшем мальчике, которые могут помочь в его розыске, про-

сим срочно сообщить в отдел уголовной полиции. При встрече его следует немедленно арестовать...»

Объявление о розыске одиннадцатилетнего беглеца было дано гестаповцами, пытавшимися раскрыть деятельность лейпцигских подпольщиков. Но нацисты напрасно надеялись отыскать юного антифашиста — он бесследно исчез.

Родители Фрица были коммунистами. Отец — Отто Штраубе работал в аппарате Коммунистической партии в городе Лейпциге, а после прихода нацистов к власти был вынужден перейти на нелегальное положение и переселился в Чехословакию, в небольшой приграничный городок Виперта. Он переправлял антифашистов через границу, перевозил и распространял пропагандистскую литературу, выполняя задания ЦК КПГ, выезжал в разные города Германии, избегая встреч с полицией, разыскивавшей его.

Многим читателям известно, что город Лейпциг — колыбель немецкого рабочего движения. Здесь боролись за великие социалистические идеалы Франц Меринг, Клара Цеткин, Роза Люксембург и Карл Либкнехт; здесь в 1900 году В. И. Ленин и его соратники выпускали первую общероссийскую марксистскую газету «Искра»; здесь одержал победу над нацизмом Георгий Димитров. Этот город всегда оставался верен антифашистским, революционным традициям немецкого народа. В нем в годы второй мировой войны отважно боролись против нацистского режима члены нелегальной организации КПГ, возглавляемые мужественным и стойким коммунистом Георгом Шуманом, незадолго до Победы погибшим на фашистской плахе.

Фриц Штраубе не мог остаться в стороне от борьбы, которую вели его отец и мать, их товарищи. Еще будучи немецким пионером, он принимал активное участие в агитационных и выборных мероприятиях КПГ.

8 Заказ № 212

После прихода гитлеровцев к власти он помогал своей матери тайком распространять антифашистские листовки. В их дом часто наведывались агенты гестапо, искавшие отца. Они бесцеремонно производили обыски, установили за матерью и сыном слежку.

Вспоминая о тех страшных годах, Фриц Штраубе рассказывал:

— Фашисты убили и искалечили многих наших товарищей — коммунистов. Эти обстоятельства, вся обстановка, в которой мы тогда жили, развили во мне уже с раннего возраста острое политическое чутье, жгучую ненависть к фашизму, будущую позицию бойца...

Однажды, выследив нескольких подпольщиков, гестаповцы добрались и до моей матери,— вспоминал он.— Во время ночного ареста в сентябре 1935 года мать шепнула мне, чтобы я бежал к отцу...

Ранним утром одиннадцатилетний Фриц незаметно покинул свою квартиру в доме на Фельдштрассе и вышел на улицу. Окольными путями, используя хорошо известные ему проходные дворы и переулки, мальчик добрался до квартиры одного из членов организации, чтобы предупредить его об аресте своей матери. Хорошо запомнилось ему испуганное лицо хозяйки, приоткрывшей дверь и сообщившей, что гестаповцы уже побывали здесь.

Фриц снова вернулся домой. Собрал в свой школьный ранец кое-что из белья, положил несколько учебников и — на этот раз навсегда — покинул родные стены. В другой части города жила его бабушка, которая и приютила внука на несколько дней. Старая женщина проводила его на вокзал, Фриц сел в поезд, который увез его в сторону Рудных гор, к германо-чехословацкой границе. Там, скрытно от пограничных патрулей, мальчик по лесной тропинке, преодолев не-

большой ручей, перешел границу и вскоре добрался до городка, где жил отец.

— В тот самый момент,— вспоминал Фриц Штраубе,— когда я приближался к его дому, из дверей вышел отец. Увидев меня, он застыл в испуге. «Мама»! — вырвалось у него, когда я кинулся ему навстречу. В слезах я сообщил ему, что «сволочи забрали маму». Но отцу и без этого было ясно, что означает мой неожиданный приход: в Лейпциге произошел провал, арестована и мать... Со мной же в комнатушке у отца произошло какое-то неописуемое оцепенение — результат огромного нервного потрясения, подобного я никогда ни до, ни после этого не испытывал. Все-таки надо учесть, что было мне тогда всего одиннадцать лет, и все перенесенное и пережитое оказалось не под силу мальчишке.

Сейчас мне часто приходится выступать перед детьми. Глядя в их лица, я думаю о том, что произошло со мной пятьдесят лет назад, и мое удачное бегство из фашистской Германии кажется теперь мне самому фантастическим и невероятным...

Фриц Штраубе впоследствии узнал, что его побег не остался незамеченным. Гестаповцы вскоре спохватились и установили в их квартире засаду, рассчитывая, что мальчик вернется домой и тогда они схватят его. Дважды в городской газете появлялось объявление о розыске Фрица Штраубе, однако оно никаких результатов не дало.

Пытаясь добиться у Гертруды Штраубе нужных им сведений, фашисты угрожали, что развяжут ей язык, как только схватят сына, но мать держала себя на допросах стойко. Мужественную женщину зверски пытали, палачи сапогами раздробили ей таз и сломали несколько ребер и все-таки не заставили говорить.

Организация Международной красной помощи устроила отъезд Фрица Штраубе из Чехословакии в Советский Союз. Поездка эта оказалась не из простых, так как документы мальчика и сопровождавшего его человека были липовыми, и оба рисковали быть задержанными на территории Польши. Но все обошлось, и они благополучно пересекли государственную границу и прибыли в СССР. Так для юного беглеца-антифашиста началась новая глава его жизни.

В московском Доме политэмигрантов Фриц Штраубе оказался самым молодым. Правда, там находились и другие дети, но те приехали с родителями, а Фриц был один. Все жили одной дружной колонией единомышленников, вынужденных покинуть свою страну и нашедших новую родину здесь, на советской земле. В этом доме часто бывал выдающийся немецкий поэт Эрих Вайнерт, со стихотворениями которого Фриц познакомился еще в Германии. Поэт выступал перед товарищами со своими новыми произведениями, делился творческими замыслами, участвовал в различных мероприятиях.

Однажды, в перерыве одной из таких встреч, Фриц подошел к Эриху Вайнерту и, нисколько не смущаясь, заявил:

— Я тоже сочиняю стихи...

Известный поэт отнесся к этому откровению юного коллеги вполне серьезно, выслушал его и пожелал успеха. Много лет спустя после окончания второй мировой войны Фриц Штраубе еще раз, на этот раз в Берлине, встретился с Эрихом Вайнертом. Он рассказал ему о своем пути в Германию, напомнил об их знакомстве в Москве. Узнав, что Фриц — сын его товарища Отто Штраубе, с которым он был вместе в Испании в интернациональной бригаде, Эрих Вайнерт был особенно обрадован и растроган.

В Доме политэмигрантов Фриц Штраубе прожил несколько месяцев. Затем его направили в Монино, а оттуда — в Ивановский интернациональный детский дом имени Е. Д. Стасовой.

В этом доме, созданном волей и усилиями советских интернационалистов на окраине города Иваново, неподалеку от знаменитой Красной Талки, нашли кров и дружную семью сотни детей зарубежных революционеров — болгары, поляки, чехи и словаки, итальянцы и югославы, китайцы и корейцы...

Одной из самых многочисленных была немецкая группа: дети антифашистов, находившихся в тюрьмах и концентрационных лагерях, сыновья и дочери тех, кто продолжал в подполье героическую борьбу против нацизма. Дети коммунистов, не вставших перед фашистами на колени: Рольф Глюкауф... Иза Гуддорф... Урзула и Эрика Вернер... Соня Гладевиц...

Учительница немецкого языка Паула Хохкеплер поручила Фрицу заботу о библиотеке, в которой имелись книги Гёте, Шиллера, Гейне, Зегерс и других выдающихся писателей Германии. Дети не забывали о своей Родине, порабощенной нацистами. Они много говорили и думали о ней.

В 1936 году в интердоме побывал немецкий коммунист-педагог Фриц Байес. Он встречался с детьми, беседовал с директором детского дома, с педагогами и воспитателями. Ему хотелось все знать: и откуда приехали дети, и как они общаются между собой, не забывают ли родной язык, не тоскуют ли, как учатся, как живут. В своей брошюре «Солнечный дом» Фриц Байес привел слова директора этого дома Н. И. Ляпина, очень точно характеризующие суть их жизни тех дней. «У меня такое впечатление,— говорил он,— что детский дом — это барометр международной политической ситуации. Как только где-либо в мире проис-

ходят крупные политические потрясения или начинаются революционные бои, из этих стран приезжают к нам дети...»

Сыновья и дочери революционеров готовились к грядущим схваткам. Недаром самой любимой у них была песня о немецком антифашисте Карле Бруннере, в которой были такие строки:

Мы не сдаемся, мы идем,
И если грянет бой —
Мы победим и вас сметем
С лица земли долой...

О том, что происходило в Германии, в Лейпциге, Фриц узнавал из писем от родных, которые приходили очень редко, но все-таки приходили. За недостатком улик его мать Гертруду Штраубе выпустили из тюрьмы, она находилась под надзором гестапо и должна была регулярно отмечаться в полиции. Его отец — Отто Штраубе находился в Испании, где в составе Одиннадцатой интербригады участвовал в боях против франкистов.

В своем письме сыну от 6 февраля 1937 года он писал:

«...Мой дорогой Фрицик, уже больше полугода прошло с тех пор, как я не получал писем от тебя... С ноября прошлого года нахожусь в Испании... В Лейпциге, в октябре я говорил с мамой, оставил ей все письма, которые от тебя получил. А вчера я получил от нее два письма... Она получила от тебя только одно с тех пор, как вышла из тюрьмы. По всей вероятности, твои письма забирает гестапо...»

В другом письме, от 8 апреля 1937 года, Отто Штраубе рассказывал:

«Фашистам мы наносим такие удары, что они здорово удирают. Если ты что-нибудь слышал о нашей

победе под Гвадалахарой, то знай, что твой отец тоже там участвовал...»

И, отвечая на вопросы сына, писал далее:

«Твое желание стать летчиком меня очень радует. Я только сожалею, что ты сейчас еще не можешь нам помочь, ибо фашистские бомбардировщики теперь бомбят открытые города и села, и в результате гибнет большое число женщин и детей...»

После поражения национально-освободительной войны в Испании, когда республика пала под ударами объединенных сил итало-германского и испанского фашизма и в результате вероломной политики правящих кругов западных держав, немецкий коммунист Отто Штраубе, как и сотни других интернационалистов, оказался за колючей проволокой лагеря Гюрсе, во Франции. Оттуда, через многие границы, с помощью многих братских рук пришло в Советский Союз, в город Иваново, в детдом письмо — желанная весточка от отца.

«А теперь обо мне... 27 месяцев я участвовал в Испании в борьбе,— писал Отто Штраубе.— Фриц, это была трудная борьба, и нам тяжело, что она так окончилась. Сейчас они нас побили, но не смогли уничтожить. Несмотря на то, что французское правительство заключило нас в концлагерь, мы, если это понадобится, будем бороться на стороне французов с оружием в руках против гитлеровской Германии, если Гитлер нападет на Францию...»

Веселый и жизнерадостный Фриц Штраубе был любимцем интердетдома, многие ребята знали его стихи и гордились своим поэтом. Однажды он написал стихотворение «Туча, лети на Запад», в котором поведал свою мечту о встрече с Родиной, с Германией, с близкими. Туда, на запад, где находится его страна, мчатся облака, которые он видит в небе... Пусть они донесут его привет из страны, где сейчас развеваются крас-

ные знамена, где хозяевами являются рабочие и крестьяне... «Облака,— просил юный поэт,— сообщите родной земле, что придет время, и он вернется домой. Придет с оружием в руках, чтобы принести свободу своему народу...»

И действительно, весной 1945 года Фриц Штраубе пришел на немецкую землю, чтобы освободить своих соотечественников от нацистской клики.

В воскресенье 22 июня 1941 года, возвращаясь вместе со своим другом югославом Владимиром Брацановичем с занятий в кавалерийской школе, Фриц Штраубе обратил внимание на толпы людей, слушавших сообщение по радио. У всех были взволнованные, встревоженные лица.

Война! Так узнал Фриц Штраубе о нападении гитлеровцев на Советский Союз.

В первые дни в различные организации города Иваново поступило свыше 30 тысяч заявлений от трудящихся с просьбой немедленно отправить их на фронт, в ряды действующей армии. Воспитанники интердома не захотели быть в стороне от битвы, которую вели советские братья и сестры, поток заявлений юных добровольцев хлынул в военкомат. Ребята и девочки дежурили во время воздушных тревог на крышах, в своих мастерских шили военную амуницию, работали в совхозе и колхозе. Одна мысль, одно желание владели всеми — сделать как можно больше для страны, ставшей матерью для них.

На полях сражений, на различных фронтах были их товарищи — болгарин Александр Карастоянов, грек Георг Николаиди, поляк Петр Жарский, хорват Жарко Броз, немцы Курт Ремлинг, Густав Шютц, кубинцы Хорхе и Альдо Виво, Энрике Вилар, и весточки от них с нетерпением ждали друзья.

В городе Иваново появились раненые. Для них открылись госпитали, к ним пришли юные шефы из ин-

тердетдома. Вместе со своими товарищами навещал советских бойцов немецкий юноша Фриц Штраубе. Он дежурил в палатах для раненых, принимал участие в самодеятельных концертах, читал стихи.

Так же как и многие его товарищи, Фриц Штраубе подал заявление с просьбой, чтобы его направили на фронт, но ему отказали, так как он был еще слишком молод. Тогда Фриц записался в народное ополчение на курсы пулеметчиков, вместе с другими рыл за городом окопы и противотанковые рвы.

И вот наконец исполнилась его мечта, в январе 1943 года Фриц Штраубе стал советским солдатом. В одном из своих первых писем, адресованных в родной детдом, он рассказывал товарищам:

«Сейчас я нахожусь в Брянске. Выбрал наконец время, чтобы вам написать. Посадка в Иваново прошла удачно. Кое-как устроился в вагоне, сел на свои продукты и таким образом докатил до Москвы... В Москве я был всего-навсего несколько часов и подробно ее осмотреть не смог. В основном она вовсе не изменилась, разрушений не заметить, я не нашел. Покатался вдоволь на метро, прошелся по Красной площади и зашел в кино («Жди меня») — вот и все. Старался, конечно, как можно больше глядеть по сторонам. Накупил несколько вещей и, посмотрев на часы, ужаснулся и помчался на вокзал (нырнул в метро и вынырнул у Киевского вокзала)...

От Москвы до Брянска проехал как нельзя лучше. Во-первых, я ехал в специальном офицерском вагоне. Во-вторых, сами офицеры оказались очень хорошие парни, уже бывавшие на передовой и опять едущие туда. Много пели, играли, рассказывали, шутили, курили. Эх, вы бы знали, какой табак! Какие папиросы! Вот бы сюда наших ярых курильщиков! Пели очень много. Проезжая «белоснежные поля под Москвой»,

пели о них. Слышал много новых грустных и веселых песен. Спал также хорошо. Выглянул в окно и ужаснулся. «Здесь побывали немцы!» — ударило мне в голову. Вы не знаете и не сможете себе представить, на что способны фашисты, что они могут натворить. То и дело видишь под откосом вагон, паровоз, целый состав вагонов. Все без исключения станции взорваны или подожжены. Дома обгорели все, и торчат в небо одни трубы. Места боев под Брянском — ужасны.

Брянска как крупного промышленного и железнодорожного центра больше нет. Выйти из поезда пришлось за несколько километров перед городом, весь путь искромсан снарядами, и рельсы, кривые и винтом завинченные, торчат вверх. Весь центр города выжжен, все большие главные дома взорваны без исключения. Я прошел около стены, которая вся избита пулями — здесь расстреливали русских...»

В другом своем письме Фриц Штраубе продолжает:
«24.XII.43 г.

Это наверху я писал в Брянске... Теперь я почти у места назначения... В Унече меня, после всех мучений, с которыми добрался до этого несчастного разбитого города, приняли хорошо. Видел фрицев. Там были даны мне две возможности: оставаться в Унече или поехать на работу позападнее. Тотчас же меня погрузили на отходившую машину.

Ночевали мы в Новозыбкове — тоже весь разбит. Рано утром уехали и после тряски, мороза и ветра добрались до Гомеля, где остановились. Гомель, старинный и очень красивый город, теперь он очень уродлив. Все без всякого исключения каменные дома разбомбардированы, взорваны, разрушены снарядами или подожжены.

Потом поехали дальше и приехали в Речицу, где я сейчас и нахожусь и пишу это письмо. Здесь мы

будем ночевать или даже останемся подольше. Чем ближе к фронту, тем интереснее, напряженнее и строже вся обстановка...»

Примятые временем знаменитые солдатские треугольники со штемпелями полевых почт военной цензуры... Письма, адресованные в дом, который для Фрица Штраубе остался навсегда родным. Они сохранились у его друзей, и теперь, спустя сорок лет, снова рассказывают об одном из сыновей нашей страны.

«10 декабря 1944 года.

Здравствуйте, десятиклассники!

Сегодня мне принесли сразу три письма из дома. Три раза меня заставляли плясать, подавая одно за другим все письма... Узнал детдомовские новости и сейчас же представляю, как там у вас дела, как закончили вторую четверть (со всеми учетами и собраниями), как встретили Новый год и провели елку. Очень жалко, что не был на елке, а еще больше жалею, что все-таки не закончил 10-й класс. Если бы закончил хоть вторую четверть, то мог бы получить аттестат...

О моей работе. Работаю вовсю, и бывает даже, что приходится работать ночью, потому что пленные доставляются не в определенные часы. Наш лагерь также не находится на постоянном, определенном месте, а двигается по мере того, как продвигается фронт... Могу вас уверить, что в победу Гитлера уже никто не верит, кроме некоторых исключений, единиц, идиотов...

Погода здесь в эту зиму самая удивительная. Неделю назад весь снег вдруг растаял, несколько дней была настоящая весна. Теперь опять снег и подморозило. Передайте привет другим ребятам. Пишите по новому адресу: полевая почта № 24570-Ю.

Ф. Штраубе».

Младшие товарищи, воспитанники интердетдома гордились, что переписываются с фронтовиком. В своих письмах, иногда коллективных, они рассказывали своему другу о школьных делах, успехах и проделках и с нетерпением ждали ответа, который обычно зачитывали вслух. Из вороха пожелтевших от времени писем, бережно сохранившихся в домашнем архиве Фрица Штраубе, приведу короткую записочку, адресованную ему на фронт. Торопливым, неустоявшимся почерком подростка написано всего несколько фраз. Но сколько в них беспокойства о судьбе товарища, от которого давно не было известий.

«Дорогой друг! Что-то от тебя нет долго письма! Случилось с тобой что-нибудь? Напиши хоть что-нибудь! Если получу ответ, то могу ответить. А то не знаю, писать тебе или нет. Крепко жму твою руку. Твой друг Джимми».

Много лет спустя после окончания второй мировой войны из книги немецкой коммунистки и советской разведчицы Рут Вернер «Рапортует Соня», выпущенной в ГДР издательством «Нойес Лебен» в 1977 году и переведенной в СССР, я узнал о судьбе родителей Джимми.

Его отец Пауль Руэгг и мать Гертруда, выполняя свой интернациональный долг, находились в Китае. Летом 1930 года супруги были схвачены полицией и брошены в шанхайскую тюрьму. Суд приговорил их к смертной казни.

Узнав об этом, легендарный советский разведчик Рихард Зорге, находившийся в те дни в Шанхае, раздобыл с помощью товарищей большую сумму денег, которую его соратники передали судьям. В результате приговор удалось изменить — смертная казнь была заменена Руэггам пожизненным заключением. Перенеся неимоверные лишения, они дождались освобож-

дения и после окончания войны вернулись на Советскую Родину, ради которой боролись и жертвовали собой.

Джимми Руэгг окончил школу, институт, живет и работает в Москве, храня верность своим ивановским друзьям.

Но вернемся к фронтовому другу и однополчанину Фрица Штраубе, бывшему военному врачу П. М. Рыбкину, и выслушаем его рассказ о тех далеких незабываемых днях, когда они вместе, русский и немец, боролись во имя одного общего дела, в рядах одной армии.

«1 сентября 1943 года,— вспоминает Петр Михайлович Рыбкин,— я прибыл в город Орел, еще дымящийся от пожаров, и приступил к несению службы в качестве врача на сборном пункте военнопленных 1-го Белорусского фронта. Наша часть вплотную двигалась за войсками, продвигавшимися на запад, принимая относительно небольшие группы военнопленных.

В декабре 1943 года мы прибыли в город Речицу Гомельской области. Фронт в те дни стабилизировался, шли бои местного значения. Вот тогда и прибыл в нашу часть совсем юный Фриц Штраубе, назначенный переводчиком. Мы узнали, что одиннадцатилетним мальчиком он был вынужден бежать из фашистской Германии в Чехословакию, к своему отцу, немецкому коммунисту, а затем — в Советский Союз. Он учился в г. Иваново, вступил в члены ВЛКСМ и в 1943 году добился разрешения вступить в ряды РККА и был направлен в нашу часть, на 1-й Белорусский фронт.

Фриц Штраубе часто помогал мне проводить первичный врачебный осмотр поступающих с фронта немецких военнопленных. Для большинства солдат вермахта наши заботы казались странными, но они при-

нимали их охотно. Мы неукоснительно выполняли обещание советского командования — обеспечить лечением и питанием солдат противника, сдавшихся в плен. Их лечили и не только от ран, но и от фашистского дурмана, прочно засевшего в их головах.

Вспоминается такой эпизод. В начале 1945 года наши войска освободили Освенцим, где гитлеровцами был создан гигантский концлагерь-душегубка для многих сотен тысяч узников разных стран Европы. Наши хозяйственники получили разрешение на несколько сот пар обуви, обнаруженной на складах лагеря. В качестве грузчиков мы взяли с собой наряду с антифашистами и убежденных нацистов, тех, кто не хотел верить в преступления гитлеровского режима.

Командир роты, охранявшей концлагерь, вначале отказался впустить военнопленных немцев, но мы ему объяснили нашу цель, и тогда он разрешил: «Пусть посмотрят на дело рук своих»,— сказал, приказывая поднять шлагбаум.

Наших «экскурсантов» и всех нас увиденное там потрясло. В полной сохранности стояли крематории, газовые камеры и лагерные бараки. На складах груды одежды, обуви и имущества тех, кто был там зверски убит. Все страшные атрибуты смерти... Удиравшие от возмездия фашисты оставили повсюду нестираемые следы.

Мы возвращались на свой сборный пункт молча. Никому не хотелось говорить. Молчали наши солдаты — конвоиры, молчали немецкие солдаты — военнопленные. Молчал наш товарищ — Фриц Штраубе...»

В рядах Советской Армии немецкий антифашист сражался против нацизма, против тех, кто обманул и поработил его народ и толкнул на преступный путь насилия и войны. В обязанности Фрица Штраубе, кроме всего, входило сочинение и чтение воззваний На-

ционального Комитета «Свободная Германия», обращенных к немецким солдатам и офицерам. Главным в его работе было разоблачение фашистской лжи — геббельсовская пропаганда прочно сидела в головах многих.

Пленные гитлеровцы часто задавали Фрицу Штраубе вопрос: действительно ли он немец? Они считали его предателем, об этом некоторые говорили ему прямо в глаза. В спорах с ними молодой антифашист помогал им понять правду, выяснить, кто же является настоящим немцем: нацисты или их противники?

Вместе со своими советскими боевыми друзьями Фриц Штраубе участвовал в допросах немецких солдат и офицеров, в разборе и изучении захваченных трофейных документов, в выявлении лиц, совершивших зверства и преступления на оккупированной советской земле.

В конце 1943 года, почти сразу после прибытия на фронт, ему довелось участвовать в допросе пленного немецкого ефрейтора Вальтера Лессера, который сообщил интересные сведения об Эрнсте Тельмане, узнике фашистской тюрьмы.

Вальтер Лессер до начала войны служил тюремным надзирателем в городе Баутцене, а во время войны, незадолго до призыва в гитлеровскую армию, заведовал хозяйством домов предварительного заключения и тюрем Баутцена.

На допросе он рассказал, что между 7 и 10 октября 1943 года под строжайшим секретом ему сообщили, что в тюрьме находится Эрнст Тельман. С помощью своих сослуживцев Вальтер Лессер сумел пройти к нему в камеру.

«Когда я вошел, Тельман, оторвавшись от чтения книги, с удивлением взглянул на меня, неизвестного ему солдата.

Я никогда не видел Тельмана раньше, но очень хорошо знал его по портретам и тотчас убедился, что это действительно он. Все же я спросил, он ли Тельман, вождь Коммунистической партии. Он, улыбаясь, ответил: «Да, Тельман — это я».

...Так как я в скором времени должен был отправиться на Восточный фронт, я решил спросить его, что он думает о войне против России и о положении Германии.

Эрнст Тельман смотрел на меня некоторое время молча, потом тоном, не допускающим возражений, ответил, что война с Советским Союзом — величайшая ошибка Гитлера. Германия, сказал Тельман, никогда не победит Советскую Россию, потому что Советская Россия за двадцать лет после победоносной Октябрьской революции стала сильнее, чем какое-либо государство. И немецкий народ, сказал Тельман, исключительно заинтересован в дружбе с советским народом».

Слушая рассказ этого военнопленного ефрейтора, Фриц Штраубе и представить себе не мог, что его отец в те дни тоже находился в Германии в одной из нацистских тюрем.

Как теперь известно всему миру, Эрнст Тельман был подло убит фашистскими палачами в ночь с 17 на 18 августа 1944 года в концлагере Бухенвальд.

День за днем, вместе со своими советскими друзьями, солдатами и офицерами Красной Армии, освобождая оккупированную врагом советскую землю, Фриц Штраубе вел борьбу за души обманутых и порабощенных фашизмом людей, одетых в форму солдат вермахта.

И продвигаясь на запад, все ближе к родной земле, покинутой вопреки воле, он все чаще думал о судь-

бе народа, ввергнутого в преступную авантюру гитлеровской кликой.

В одной из своих листовок, написанной в начале 1945 года, Фриц Штраубе писал:

«Наш народ должен жить вопреки лживому утверждению Гитлера, связывающему судьбу немецкого народа с фашистской кликой, за которую он проливает кровь и погибает на фронтах этой войны на Атлантическом вале, на холодном севере и жарком юге. В дни, когда остатки германского вермахта гибнут на немецкой земле, когда в руины превращаются города и села, фашистский призыв «Бороться за каждый куст, за каждый дом...» противоречит интересам нашего народа и Германии. Гитлер связывает свое проклятое существование с жизнью немецкого народа, потому что он рассчитывает жить тем дольше, чем больше немцы будут сражаться за него...»

— Я горд,— сказал Фриц Штраубе,— что Советский Союз оказал мне такое великое доверие... Я служил в Красной Армии в должности офицера-переводчика сперва без звания, а затем лейтенантом...

Несколько дней прожил я в доме Фрица Штраубе, в небольшом поселке Штольценхаген, расположенном неподалеку от Берлина. Днем и вечером, часто до поздней ночи, мы говорили о многом: о его родных, товарищах, вспоминали тех, с кем свела его жизнь за прошедшие годы. И, отправляясь на прогулку, снова возвращались к самому близкому и сокровенному в судьбе антифашиста — к годам тяжких испытаний, которые Фриц Штраубе прошел с честью, как настоящий боец и коммунист-интернационалист.

Говорил он о пережитом со страстью и убеждением человека, который выносил, выстрадал и пронес свои убеждения сквозь череду прошедших лет.

— В документальном фильме «Я — Фриц», расска-

зывающем о моей судьбе, справедливо обращено особенное внимание на вопрос: в чем суть настоящего патриотизма? Как должен вести себя коммунист-патриот, когда он в войне противостоит своим же соотечественникам? Я об этом говорю потому, что одно дело — это агитация, убеждение немецких солдат в несправедливости и преступности развязанной фашистами войны, а другое дело — и это, по-моему, более высокая ступень истинного патриотизма — готовность всеми средствами бороться против своих соотечественников, если они выступают на стороне классового врага.

От некоторых немецких граждан, перешедших во время войны на сторону Национального комитета «Свободная Германия», мне доводилось слышать мнение, что против «своих» пристало бороться только словом, агитацией, а не оружием и другими действенными средствами. С этим нельзя согласиться. Я убежден, что для настоящего патриота не должно существовать никаких, в том числе и национальных, ограничений при защите классовых интересов народа и социализма. Наш лозунг — пролетарский интернационализм не фикция, а факт. В одном из писем, полученных мною уже после войны от одного из советских граждан, были такие слова: «Нам, советским людям, во время войны было страшно тяжело, а немецким коммунистам, боровшимся с нами заодно, духовно было вдвойне тяжелей...»

И, слушая взволнованную исповедь этого много пережившего человека, я хорошо понимал: долог и труден был его путь к дому, к родным и близким. И он прошел его...

Весной 1945 года вместе с Советской Армией лейтенант Фриц Штраубе ступил на родную землю. На одном из самодельных щитов около какого-то сгорев-

шего дома он увидел слова, написанные крупными буквами по-русски: «Вот она, проклятая Германия!» Их написал советский солдат, первым прошедший здесь.

Сложные, противоречивые чувства владели Штраубе в те минуты. Совсем не простыми оказались первые шаги антифашиста по немецкой земле. Он дома и все-таки не дома... Повсюду видна разбитая военная техника, разрушенные здания, толпы беженцев на дорогах войны. Он увидел первых немецких жителей. Женщины, дети, старики. Испуганные, робкие, жалкие... Фашизм оставил в их душах свой страшный след. И все-таки, несмотря ни на что, Фриц верил, что придет время, когда из руин войны поднимется новая, социалистическая Германия.

Нацистский режим был сломлен. Бесчисленные жертвы, принесенные ради Победы, были не напрасны. Для немецкого народа пробил час освобождения, в его истории открылась новая глава.

Лейтенант Фриц Штраубе демобилизовался из Советской Армии и вернулся в родной город Лейпциг. Там с помощью друзей он разыскал своего отца, который работал в антифашистском комитете. Отец и сын встретились спустя одиннадцать лет. Из Испании Отто Штраубе, как и многие другие интернационалисты-интербригадовцы ушел во Францию, там был интернирован и брошен в концлагерь. Правительство Виши выдало немецких антифашистов гестаповцам. Отто Штраубе попал в каторжную тюрьму Вальдхайм со строгим режимом для особо опасных преступников, затем находился в других тюрьмах Германии. Его освободили из застенков в городе Баутцене советские солдаты. Те самые, с которыми был его сын Фриц Штраубе. На всю жизнь запомнилась ему встреча с отцом, а затем и с матерью, которая не сразу узнала в советском офицере своего сына.

Тот день — 17 февраля 1946 года — он не забудет никогда.

— В тот день,— рассказывал Фриц Штраубе,— я подал заявление в КПГ, а на следующий — начал работать заместителем секретаря по вопросам молодежи Лейпцигской партийной организации. Тогда готовилось объединение социал-демократической и коммунистической партий, завершившееся 21 апреля 1946 года основанием СЕПГ. Мне очень помог опыт моей комсомольской работы... То время было удивительным и незабываемым...

Пришел час, и Фриц стал студентом, начал изучать в Дрездене архитектуру, закончил второй курс. Узнав, что в Лейпцигском университете открылся факультет общественных наук, он меняет свои планы и приступает к изучению истории.

— Посвящая себя изучению прошлого, узнаешь многое, что полезно сегодня,— говорит он.— Знания вооружают людей, чтобы они могли решать проблемы современности. Основание СЕПГ — тоже вывод, извлеченный из истории немецкого народа: единство рабочего класса — боевая марксистско-ленинская партия. Трудно переоценить значение этого события для моего жизненного пути...

Фриц Штраубе стал историком. Он участвовал в издании произведений В. И. Ленина на немецком языке, в подготовке научных кадров и работников идеологического фронта для ГДР, опубликовал целый ряд книг и статей, разоблачающих буржуазных фальсификаторов истории. Недавно закончил большую книгу по истории России — от древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая является первым исследованием такого рода, написанным немецким ученым-марксистом.

В городе Лейпциге, в здании старой ратуши, где

ныне размещается музей, в одном из залов я видел в витрине скромный военный офицерский китель бывшего лейтенанта Красной Армии Фрица Штраубе. И рядом с ним — три советские медали, боевые награды немецкого антифашиста. Там же лежал пригласительный билет, когда-то выданный воспитаннику интернационального детского дома имени Елены Стасовой, для входа на собрание, состоявшееся 13 июня 1941 года в Ивановском театре музкомедии. В тот день Фриц Штраубе и его советские товарищи обсуждали вопрос о боевых традициях Ленинского комсомола, в рядах которого молодой немец принял участие в Великой Отечественной войне.

С тех пор прошли годы.

Спустя сорок лет, в мае 1983 года, Фриц Штраубе снова приехал в город Иваново, чтобы посетить родной дом — Интернациональную школу-интернат имени Е. Д. Стасовой, где и ныне живут и учатся сыновья и дочери революционеров: маленькие арабы, африканцы и латиноамериканцы — дети солидарности. И как память о встречах со своими братьями и сестрами по судьбе он бережно хранит фотографии своих юных друзей.

Три юные девушки смотрят на нас с одного из снимков. Их взгляд серьезен и печален. Им лет шестнадцать, от силы девятнадцать — самой старшей. Одна — чилийка, две другие — сестры из Гватемалы. Их родители были убиты у девочек на глазах. Они жили в Иваново, в стенах того самого дома, приютившего когда-то и мальчика Фрица.

— Я в отцы им гожусь,— говорит, не скрывая душевной боли, Фриц Штраубе, седой человек с живыми, молодыми глазами и выразительным лицом. И его можно понять. Их породнила общая судьба.

Хульета, старшая из сестер, и сейчас не в силах спокойно вспоминать о трагедии, пережитой на дале-

кой родине. Слез горечи и гнева не смогли высушить ни заботы и любовь воспитателей, ни дружба ровесников. Когда Фриц Штраубе пришел в школу-интернат, то девушка, преодолев природную робость, заговорила с ним. Потом завязалась переписка. С тех пор в Берлин на имя бывшего воспитанника Ивановского интердетдома приходят письма, дышащие нерушимой верой в победу праведного дела, ради которого пожертвовали собой родители Хульеты и тысячи других борцов. Жизненный путь нашего немецкого друга — пример для многих.

Н. Соломин

У ДРУЗЕЙ ОДНА ДОРОГА

На благодатные земли Придунайской низменности пришла весна. Вокруг Нови-Сада дружно зацвели сады и ровные ряды деревьев оделись, словно невесты, в белый, розовый и ярко-красный наряд. Бодрил и кружил голову свежий, настоянный на степных травах воздух. Перекликаясь гудками, плыли по голубому Дунаю белоснежные пароходы, медленно тащились, разрезая воду острыми носами, прокопченные трудяги-буксиры.

Мирные, привычные для глаза картины. Глядя на красоту окружающей природы, жителям Нови-Сада не верилось, что где-то идет война, льется кровь, охвачены огнем города и села. Борьба с немецкими оккупантами шла не только на просторах России, но и в горах и лесах Югославии, где сражалась Народно-

освободительная армия. А здесь, на равнинных землях Воеводины, рядом с границей с Венгрией, весной 1943 года было относительно спокойно. Оттого местным жителям и казалось, что страшная война их не затронет, пройдет стороной.

Утром Стеван Вргович проснулся в хорошем настроении. Хозяин мастерской, где он работал, за сверхурочные часы дал ему выходной. Еще накануне Стеван обещал маленькому сынишке провести этот день с ним вдвоем на берегу Дуная. С вечера Стеван осмотрел велосипед, подкачал шины, уложил в сумку заботливо приготовленные женой бутерброды. «Лишь бы не подвела погода»,— подумал он, подходя к открытому окну. Однако опасения были напрасными. Сквозь густые заросли жасмина просвечивало голубое бездонное небо.

Стеван уже направился в детскую будить сына, когда в дверь громко постучали. «Кого это принесло в такую рань?» — подумал Вргович, открывая дверь.

На пороге стоял незнакомый мужчина.

— Получите повестку и распишитесь вот здесь.— Хмурый субъект ткнул пальцем в длинный список и, ничего не объясняя, сунул в руку растерявшемуся Врговичу клочок бумаги и торопливо пошел к следующему дому.

В повестке черным по белому значилось, что Стеван Вргович должен прибыть к восьми часам утра по указанному адресу. В случае неявки он будет нести ответственность по законам военного времени.

Радужное настроение мгновенно улетучилось. «Что бы это значило? — думал Вргович, крутя в руках злополучную повестку.— Зачем я понадобился?»

Во дворе двухэтажного здания, обнесенного невысокой чугунной оградой, уже собралась внушительная толпа. Это были молодые, крепкие мужчины в возрасте от 20 до 30 лет. Стеван переходил от одной группы

к другой, прислушивался к разговорам. По всему чувствовалось, что никто из собравшихся не знает толком о причинах вызова и потому высказывали самые фантастические предположения. Большинство склонялось к мысли, что их собирают для трудовой повинности и скоро, через какой-нибудь месяц, всех распустят по домам.

Наступила очередь предстать перед комиссией и Стевану Вргoвичу. Пришлось обойти несколько кабинетов, где его осматривали, ощупывали, прослушивали, просвечивали. Процедура растянулась почти на два часа, только после этого старый седоусый врач вписал в карточку «годен», решив одним росчерком пера дальнейшую судьбу человека.

Вечером Стеван отправился в кафе, стоявшее на тихой, неприметной улице неподалеку от речного порта. Здесь находилась явка местных коммунистов. В тесной, насквозь прокуренной комнате уже находилось несколько членов партии и молодых ребят из Союза коммунистической молодежи Югославии. Все они, как и Вргович, получили повестки и теперь горячо обсуждали возникшую перед ними проблему — идти на принудительные работы или нет. Наиболее смелые и решительные парни считали, что надо немедля пробираться за Дунай, на юг страны, где в горных районах действовала армия Тито. Другие, главным образом семейные люди, высказывались за то, чтобы занять выжидательную позицию.

— Нас всего несколько человек. Мы, конечно, можем уйти к партизанам, но что будет с остальными людьми? Мы не можем бросить их на произвол судьбы. Они внушили себе мысль, что разлучаются с родным домом ненадолго и переубедить их просто невозможно. В этот трудный момент мы, коммунисты, должны быть рядом с ними.

Мобилизованную в Нови-Саде и соседних селах молодежь привезли в небольшой венгерский городок Надькереши на севере страны, где формировался рабочий батальон. Он состоял из четырех рот, каждая из которых имела командира, фельдфебеля и охранников, которые бдительно следили за каждым шагом «мункашей»— так окрестили их местные жители. «Мункаши» в переводе с венгерского означает «работа», «дело». Сразу же по приезде в Венгрию всех югославов перевели на положение военнопленных. Самовольные отлучки запретили, за каждую, даже самую малейшую провинность сурово наказывали, на работу водили строем под охраной вооруженных солдат.

В батальоне собрались люди самых разных специальностей. Были здесь рабочие и крестьяне, студенты и преподаватели и даже один кандидат медицинских наук из Загребского университета Радомир Барабаш. С ним Стеван Вргович сошелся ближе, чем с остальными. Они стали постоянно держаться вместе, во всем помогая друг другу.

Рабочим выдали армейские головные уборы и ботинки, а вся остальная одежда оставалась гражданской, которую они захватили из дома. Она довольно быстро пришла в негодность, и оттого солдаты рабочего батальона вскоре стали похожи на толпу оборванцев.

Утром 20 апреля 1943 года их не вывели, как обычно, за пределы лагеря. На поверке объявили приказ — подготовиться к дороге. Это сообщение вызвало двоякую реакцию: одна половина ликовала, предвкушая быструю встречу с домом, другая, менее оптимистически настроенная часть, заметно приуныла, не ожидая от предстоящих перемен ничего хорошего.

Среди ночи батальон подняли по тревоге и погнали на железнодорожную станцию, где у перрона уже стояли вагоны, предназначенные для перевозки скота. Внутри располагались наскоро сбитые двухэтажные нары. Барабашу, исполнявшему обязанности батальонного врача, отвели место рядом с зарешеченным окном. По соседству с ним расположились Стеван Вргович и двое крепких молчаливых парней — Душко Георгиевич и Момчило Крклюш.

Всю ночь поезд шел без остановки. Он то во весь опор мчался по аккуратно возделанной равнине, то, напрягая все силы, поднимался в гору, затем устремлялся вниз и, словно змея, извиваясь, полз по тесным и темным ущельям. Двери вагонов охранники наглухо закрыли и с наружной стороны закрепили проволокой так, что солнечные лучи и свежий ветерок проникали вовнутрь только через два узких люка, затянутых колючей проволокой.

Наконец шум колес затих и поезд остановился напротив вокзала. На его фасаде висела короткая надпись: «Чоп». «Первая станция России»,— подумал Барабаш.

— Где мы стоим? — послышались вопросы с противоположных нар. Радомир молчал, чувствуя, что новость, которую он им сейчас сообщит, принесет огорчение. Наконец он с трудом выдавил из себя:

— Мы в России.— И сразу же в вагоне наступила немая тишина.

Через день эшелон прибыл в украинский город Коростень — крупный железнодорожный узел. Редкий день обходился без налета советской авиации на эту станцию. После бомбежки на путях валялись искореженные вагоны и платформы, куски разорванных рельсов, повсюду зияли глубокие воронки. Едва самолеты уходили на свои базы, как на разбитую станцию при-

гоняли югославский рабочий батальон. Здесь командовали немцы, то и дело раздавались их грубые окрики: «Давай! Давай! Быстро! Быстро!» Работали до тех пор, пока не устраняли все повреждения и по восстановленным путям не проходили первые составы. Только после этого измученных людей строили в колонны и гнали в бараки. Иногда приходилось трудиться целыми сутками.

Первая рота, в которой числились Стеван Вргович, Душко Георгиевич и Момчило Крклюш, располагалась в селе Пашиновка, находившемся в нескольких километрах от станции. С Радомиром Барабашем они виделись теперь очень редко. Он заведовал батальонным лазаретом, занимавшим в центре города здание бывшей школы.

Всех, кто служил в первой роте, считали неудачниками. Командовал ею грубый и жестокий человек Эден Хекшток, фашист по убеждению и садист по призванию. Самым любимым его занятием было издевательство над людьми. Особенно усердствовал он в периоды запоев, а случались они каждый месяц и продолжались по неделе, а то и дольше. Часть продуктов, которые отпускались на роту, этот ярый нацист воровал и обменивал на самогон.

Как только, пошатываясь, он появлялся в расположении роты, все настораживались, забивались по углам, стараясь не попадаться ему на глаза. Придирки его были самыми нелепыми и труднообъяснимыми, возражать или оправдываться в такую минуту было бесполезно — это только приводило пьяного командира в бешенство.

Как-то раз он прицепился к тихому и покорному возчику Лазару Туту. Вначале оскорблял его, потом, войдя в раж, принялся бить кулаками, затем, озверев, сбил с ног и начал топтать. Измывался до тех пор, пока

солдат не потерял сознание. Если командир не находил для себя объект для издевательств, то поднимал всю уставшую роту по тревоге. Построив в колонну, гнал среди ночи с песней через все село на обширное поле, начинавшееся сразу же за околицей. Одна за другой следовали его команды: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!» И так раз по сто. Когда это упражнение ему приедалось, он заставлял своих подчиненных бегать по кругу, ползать по сырой траве и грязи, и, только немного протрезвев, выбившись из сил, Эден Хекшток вел людей в казарму. Утром на построение они должны были явиться в чистой одежде и начищенной обуви.

С первых же дней Стеван Вргович, Душко Георгиевич и Момчило Крклюш стали подумывать о том, чтобы перебежать к партизанам. Нередко в ночную пору откуда-то из-под Овруча доносились глухие взрывы. Там в обширных лесах украинского Полесья действовали народные мстители, громившие немецких оккупантов. Трое друзей начали искать контакты с подпольем. Действовали предельно осторожно — ведь за общение с местным населением полагалось суровое наказание вплоть до расстрела. Среди немногих русских, работавших на станции, внимание Момчило Крклюша привлек одноглазый осмотрщик вагонов. Несколько раз, уловив благоприятный момент, он передавал югославу сверток с едой. Встречаясь взглядами, Момчило видел, что единственный глаз молчаливого парня выражает неподдельное сострадание. Он пытался заговорить с осмотрщиком о партизанах, но парень делал вид, что ничего не понимает.

Со временем отношения их стали более доверительными. Крклюш не обманулся в своих предположениях — осмотрщик вагонов действительно оказался подпольщиком и имел связь с партизанами. Они дого-

ворились, что Момчило со своими друзьями подберет еще несколько надежных рабочих из сербов и хорватов, чтобы уйти в лес сразу большой группой.

Осторожно, боясь провала, Стеван Вргович, Душко Георгиевич и Момчило Крклюш начали вести в своей роте агитацию за переход в партизанский отряд, базировавшийся в лесах возле Овруча. В откровенных разговорах многие рабочие, не стесняясь в выражениях, кляли Гитлера и всех фашистов, не скрывая своих чувств, желали им поражения, но как только заходила речь о том, чтобы уйти к советским партизанам, то многие тут же умолкали. Они все еще жили ожиданиями.

— Разве вы не слышали, что владыка Ириней Джирич и депутат парламента Милан Попович требуют у германских властей нашего возвращения? — говорили они. Многие мобилизованные сербы и хорваты все еще жили в мире иллюзий, терпеливо ждали, надеялись на чудо.

В один из июньских дней 1943 года батальон спешно посадили в поезд. Едва людей втолкнули в вагоны, как в разных углах разгорелись жаркие споры. Куда везут? К северу от Коростеня железная дорога расходилась по разным направлениям. Прильнув к щелям, облепив, словно мухи, два крошечных окошка, югославы с замиранием сердца ждали развилки. Если поезд повернет на юг, то можно надеяться на встречу с домом, если же в другую сторону, то всех ждет долгая разлука с родными, новые непредсказуемые лишения и страдания. Эшелон, вопреки желанию всех, повернул на северо-запад, туда, где лежала охваченная огнем всенародной борьбы с оккупантами, непокоренная Белоруссия.

Обитатели вагонов заметно приуныли. Многие безучастно лежали на нарах, уставившись глазами в пото-

лок и предаваясь невеселым думам. Лишь в углу, где расположились трое неразлучных друзей, шел приглушенный разговор.

— В Белоруссии чуть ли не каждый житель связан с партизанами или подпольем,— говорил шепотом Момчило Крклюш.— Как только приедем на место, надо сразу же искать с ними связь.

— Нас держат на положении заключенных,— возмущался Стеван Врговић.— Следят за каждым шагом. В таких условиях найти контакт с населением очень трудно, к тому же они не понимают нашего языка, а мы не знаем русского.

— Истинные друзья говорят не словами, а сердцем,— успокаивал Момчило.— Поверьте мне, что нам удастся уйти к партизанам. Тогда мы зададим жару этим проклятым швабам. Только будьте осторожны, не допускайте опрометчивых шагов.

Состав двигался не спеша, словно в замедленной киносъемке. Мимо проплывали густые хвойные леса, пронизанные солнцем поляны с зеленой и сочной травой по пояс. На крышах вагонов и тормозных площадках с ручными пулеметами и автоматами лежали охранники. Им было не до окружающей их красоты. Все внимание было приковано к лесу, откуда они ждали нападения. Впереди состава паровоз толкал две платформы, груженные песком, которые должны были принять на себя взрыв партизанской мины. Но все обошлось благополучно. Видимо, командование партизанскими отрядами на всем пути следования было хорошо осведомлено о том, кого везут в наглухо закрытых вагонах.

Миновав город Овруч, эшелон попал в Белоруссию, глубокой ночью возле Мозыря пересек по мосту Припять и ранним утром, когда солнце позолотило верхушки высоких мачтовых сосен, состав прибыл на стан-

цию Калинковичи. Несмотря на ранний час, обитатели вагонов не спали. Прильнув к щелям, они рассматривали незнакомые им места. Станция была похожа на осажденную крепость. Кругом колючая проволока, блиндажи, из бойниц которых зловеще торчали дула пулеметов, над деревянными зданиями поднимались смотровые вышки с часовыми, по путям не спеша прохаживались солдаты полевой жандармерии, держа на поводке свирепых овчарок. В такт их тяжелым шагам раскачивались на груди вороненые автоматы.

— Неуютно чувствуют здесь себя завоеватели,— иронически заметил вслух Момчило Крклюш.— По всему видно, что нет фашистам покоя.

Поезд стоял всего несколько минут, потом вновь, подрагивая на стыках, двинулся в путь. От Калинковичей рельсы опять разбегались по сторонам — к Гомелю, Могилеву и Пинску, но эшелон не пошел по ним, а, свернув с главной магистрали, буквально черепашьим шагом двинулся по железнодорожной колее, которая узкой лентой надвое разрезала вековой лес. Было видно, что еще совсем недавно мощные деревья вплотную подступали к полотну, укрывая его своими вечнозелеными кронами, но сейчас, опасаясь партизанских налетов, лес по обе стороны дороги на расстоянии ста метров вырубили. Кругом торчали высокие пни, покрытые крупными янтарными каплями смолы. Пригретые жаркими лучами, сосны и ели источали терпкий запах хвои. По лесной опушке порхали, резвясь на солнце, птицы.

У Василевичей поезд повернул вправо и через два часа остановился на крохотной станции, где батальон югославских рабочих разделили на несколько частей. Около половины его расположилось в райцентре Хойники, первую роту отправили пешком дальше в дерев-

ню Авраамовскую, стоявшую по соседству со станцией, носившей то же самое название.

Молчаливые и подавленные, брели сербы и хорваты по сельской улице. Кругом ни души, не то что человека, даже курицы нигде не видно. Момчило и его друзья с любопытством глядели по сторонам и с радостью отмечали, что деревня обитаема. Они не раз ловили на себе пристальные взгляды местных жителей, смотревших на них из-за наглухо зашторенных окон.

До войны в Авраамовской располагался крупный леспромхоз. Заготовленный в этих местах лес шел в Москву, на Украину, в Поволжье. На лесных делянках трудилось несколько сот человек, и, хотя находились они вдали от крупных городов и сел, жили лесорубы весело и интересно. Своими руками местные плотники срубили просторный клуб с резными карнизами и наличниками. Сейчас в нем расположилась казарма рабочего батальона. Небольшие комнаты отвели командиру роты и фельдфебелю, одно помещение выделили санчасти, которой заведовал Радомир Барабаш, а в зрительном зале сколотили нары и поселили рабочих. В соседних пустовавших зданиях оборудовали конюшню и склады.

Первые дни югославы за пределы лагеря не выходили. Обнесли всю территорию колючей проволокой, оставив лишь один узкий проход, подступы к которому защищал сильно укрепленный бункер. В нем разместились 25 охранников. Такой же бункер югославы возвели и на подступах к железнодорожной станции.

Перед выходом на работу за пределы лагеря Эден Хекшток построил роту на плацу и обратился к ней с краткой выразительной речью.

— Вы должны зарубить себе на носу,— говорил он, покачиваясь на носках,— что любое общение с местным

населением или попытка уйти к партизанам будут караться смертной казнью. Того, кто вздумает отлынивать от работы, также ждет суровое наказание — карцер и военно-полевой суд.

Югославы выполняли тяжелую работу: пилили деревья, таскали бревна и рельсы, тачками возили песок и гравий, уплотняли основание пути, растаскивали после партизанских взрывов разбитые вагоны и платформы. За каждым их движением следили охранники. Стоило кому-нибудь замешкаться, как тут же следовали сильные удары резиновой дубинкой.

Несмотря на строгий режим, группа Момчило Крклюша с первых же дней пребывания на белорусской земле начала искать связь с партизанами. В свою очередь и партизаны поставили перед собой цель — наладить контакты с югославскими рабочими. Эту задачу они возложили на подпольщицу Тамару Васильевну Шаповалову, которая до войны работала учительницей в деревне Хвойное Алексичского сельсовета Хойникского района.

За несколько дней до прихода гитлеровцев среди ночи кто-то осторожно постучал в ее окно. Она открыла дверь и неожиданно для себя увидела на пороге секретаря Хойникского райкома партии Никифора Ануфриевича Бельского. Месяц тому назад он вызывал Тамару Васильевну в райком, предложил ей остаться на оккупированной территории, стать партизанской связной. Шаповалова согласилась. Некоторое время ее никто не беспокоил, и учительница уже начала думать, что в круговерти больших событий о ней просто забыли. И вот первая встреча.

Тамара Васильевна засуетилась:

— Проходите, Никифор Ануфриевич. Сейчас соберу что-нибудь на стол.

— Не стоит беспокоиться, Тамара Васильевна. Я на

минутку. Подпольный райком рекомендует вам со всей семьей переехать на станцию Авраамовскую. Нам надо, чтобы там находились свои люди. Я думаю, что переезд не вызовет подозрений. Ведь вы когда-то, до замужества, работали там в школе. Да и супруг ваш Станислав Иосифович родом оттуда. По-моему, его мать до сих пор там живет. У нее и устроитесь. Перебирайтесь побыстрее, пока не пришли немцы.

Так семья учительницы Шаповаловой, оставшаяся по заданию райкома партии на подпольной работе, оказалась на станции Авраамовская. Обо всем, что они видели, сообщали командованию партизанским отрядом имени Суворова Кириллу Тарасовичу Сацуро и комиссару Николаю Федоровичу Снегирю. Это соединение базировалось в глухом лесу, километрах в двадцати от станции. Сведения собирала не только сама Тамара Васильевна, но и ее муж, тяжело больной Станислав Иосифович Ракито, и даже их семилетний сын Эдик.

Однажды муж слег в постель и ему срочно понадобилась медицинская помощь. Больницы в поселке не было, и Тамара Васильевна обратилась к словацкому офицеру Михаилу Шухе с просьбой провести ее в лагерь к югославам, где имелась санчасть. Словак, который хорошо знал мужа учительницы, привел ее к Радомиру Барабашу и от себя лично попросил врача сходить на квартиру к Шаповаловым.

— Я не против,— сразу же согласился Радомир,— но меня не выпустят из лагеря. К тому же обер-лейтенант предупредил нас, что за связь с местным населением полагается расстрел.

— Ну, эту проблему я беру на себя,— пообещал Шуха.

Захватив чемоданчик с инструментами и медикаментами, Барабаш отправился на квартиру учительницы. Он тщательно осмотрел Станислава Иосифовича,

дал ему таблетки, после которых больному стало легче. Но врач не торопился возвращаться в лагерь, пользуясь несколькими знакомыми русскими словами, он расспрашивал о фотографиях, висевших на стене. Увидев на полке скрипку, спросил разрешения сыграть на ней.

А в это время Тамара Васильевна накрыла на стол, поставила перед гостем рассыпчатую сахарно-белую картошку и миску с огурцами:

— Угощайтесь, пожалуйста, больше ничего нет. Все забрали фашисты.— Барабаш хорошо понял последнюю фразу, но вида не подал.

Доктор ушел из гостеприимного дома только с наступлением сумерек.

О своем посещении дома Шаповаловой Радомир во всех деталях рассказал своим друзьям.

— Чует мое сердце,— уверял он их,— что она или сама связана с партизанами, или, по крайней мере, знает тех, кто водит дружбу с обитателями леса.

— Если это так, то ее посещение нашего лагеря не случайное,— высказал свои предположения Момчило Крклюш.

— Радомиру следует, навещая больного, осторожно навести справки о партизанах,— предложил Стеван Вргович.— Только не надо торопиться, действовать осторожно, не исключена возможность, что это провокация. Гестапо умеет расставлять свои сети.

С той поры посещения югославским доктором учительницы Шаповаловой стали регулярными. Правда, вначале возникло одно серьезное препятствие в лице командира роты Эдена Хекштока, который в ответ на просьбу Михаила Шухи разрешить Радомиру Барабашу посещать больного, для порядка поартачился, потом, сообразив, что доктор может быть ему надежным посредником в обмене продуктов на самогон, дал свое

согласие. Как ни противно было Радомиру заниматься этим грязным делом, все же ради спасения друзей он шел на сделку со своей совестью.

Постепенно между югославским врачом и советской учительницей установилось взаимное доверие. На ломаном языке, состоявшем из понятных им слов и междометий, Барабаш рассказал, что в роте имеется группа рабочих, которая ненавидит фашистов и готова уйти к партизанам. Тамара Васильевна на этот раз ничего не ответила, но по загадочному выражению ее лица и многозначительному молчанию Радомир понял, что женщина ждала этого разговора.

Через несколько дней, уже не таясь, она сообщила Барабашу, что командование партизанским отрядом имени Суворова готово принять югославских братьев в свои ряды. Они решили совершить ночной налет на станцию Авраамовская, разгромить вражеский гарнизон, захватить лагерь и увести в лес всех сербов и хорватов, желающих с оружием в руках бороться с фашистскими захватчиками.

Стеван Вргович, Душко Георгиевич и Момчило Крклюш начали подыскивать людей, готовых перейти к советским партизанам. За несколько месяцев совместной службы они уже хорошо узнали своих товарищей по несчастью и могли с уверенностью назвать тех, на кого можно было положиться. Но до поры до времени Крклюш и доктор Барабаш имя партизанской связной держали в секрете.

Однажды вечером рота возвратилась с тяжелой работы, к тому же пришлось отшагать пешком почти двенадцать километров. Ноги буквально подкашивались от усталости, поэтому многие, не ужиная, легли на нары и тут же забылись в глубоком сне. С трудом добрался до своего места и Момчило Крклюш. В блаженстве растянулся на соломенном тюфяке и в сладкой исто-

ме закрыл глаза. Вдруг кто-то начал его трясти. Момчило с трудом открыл веки и увидел перед собой в полутьме Бранко Новкова. Наклонившись к самому уху, он рассказал, что сегодня его и еще несколько человек оставили на станции грузить на платформы старые шпалы.

— В обеденный перерыв фельдфебель послал меня за кипятком,— говорил, волнуясь, Бранко.— Возле вокзала мимо проходила девушка и, будто невзначай, сунула мне в руку вот эту записку.— И Новков протянул Крклюшу крохотный, сложенный вчетверо, листок бумаги.

Сон у Момчило будто рукой сняло. Одним махом он спрыгнул с высоких нар, вцепился заскорузлыми пальцами в грязную одежду Бранко.

— Зачем ты взял ее? Решил провалить всю нашу организацию? Кто тебя просил вступать в контакт с незнакомым человеком?

Новков стоял бледный и растерянный, не находя слов для оправдания. Видя его искреннее переживание, Момчило стало жаль парня:

— Несколько дней, пока не прояснится ситуация, тебе не следует с нами общаться. Если арестуют, говори, что ты тут же выбросил записку, так как ничего в ней не понял.

Отпустив перепуганного Бранко, Момчило поспешил в санчасть к доктору Барабашу. Возле его кабинета стояла длинная очередь, и, чтобы не вызвать подозрений, Крклюш встал в хвост. Через несколько минут дверь распахнулась и на пороге показался Радомир. Он, окинув взглядом толпившихся в узком коридоре людей, увидел Момчило.

— Заходите, я дам вам таблетки,— обратился он к нему.— Ты что, заболел? — тревожно спросил доктор, прикрывая за собой дверь поплотнее.

— Нет. Со мной все в порядке, но может произойти беда. Сегодня на станции какая-то женщина передала Бранко Новкову записку. Может быть, ты ее сможешь прочитать.— Доктор развернул бумажку и покачал головой: — Написана по-русски, мне знакомы всего лишь два-три слова. По-моему, здесь что-то говорится о партизанах.

— Может быть, гестапо стало известно о наших замыслах и там решили спровоцировать нас? Во всяком случае, предупреди учительницу.

На следующий день, как только роту выгнали на работу, Радомир Барабаш поспешил к Шаповаловой. К его удивлению, Тамара Васильевна выслушала его тревожный рассказ совершенно спокойно:

— Я уже знаю об этом случае. К Бранко подходила Мария Хорошко, партизанская связная, ее нечего опасаться. Но я сделала ей внушение за то, что она поступила неосмотрительно.

Первое время за действиями немецкого гарнизона на станции Авраамовская, отличавшегося особой изощренной жестокостью, пристально наблюдала лишь семья Шаповаловой, но с некоторых пор ей стала помогать смелая партизанская разведчица Мария Хорошко. Когда-то девушка жила в нескольких километрах от станции, в деревне Великий Бор, которая стояла в глубине лесного массива. За связь с партизанами захватчики дотла сожгли деревушку, а заодно и расположенные рядом с ней деревни Осов и Избынь. Населенные пункты полностью уничтожили, а всех жителей погнали в Германию.

Ранним утром длинную колонну мужчин и женщин под охраной вели по улице к железнодорожной станции Авраамовская, где уже их поджидали вагоны с зарешеченными окнами. Тамара Васильевна из-за невысокого забора печально смотрела на понуро бредущих

людей. Вдруг в толпе она увидела свою бывшую ученицу — комсомолку Марию Хорошко. Не отдавая себе отчета за те последствия, к которым мог привести ее отчаянный шаг, она распахнула калитку, схватила девушку за рукав и одним рывком втащила во двор. Потом втолкнула опешившую от неожиданности пленницу в избу, быстро сорвала с нее платье.

— Ложись в постель и замри. Ты моя сестра из Хвойного, приехала погостить,— торопливо проговорила Тамара Васильевна. Выхватила из люльки своего грудного ребенка и положила его под одеяло рядом с Марией.

В сенях раздался громкий топот кованых сапог. Дверь с силой распахнулась, и на пороге выросли двое раскрасневшихся от бега гитлеровцев. Бесцеремонно и торопливо они заглядывали во все углы.

— Кто это? — голубоглазый унтер показал пальцем на лежавшую под одеялом Марию. Малыш сладко спал, обняв своей пухлой ручонкой незнакомую женщину, которая, сжавшись от страха в комок, плотно закрыв глаза, лежала не шелохнувшись. Сердце стучало так сильно, что казалось, удары его раздаются на всю избу.

— Это моя сестра,— как могла спокойно ответила Тамара Васильевна, смело и прямо глядя в глаза фашисту. Тот с секунду поколебался, потом что-то рявкнул стоявшему рядом с ним солдату, и оба они пулей выскочили наружу. Гитлеровцы осмотрели сарай, заглянули в огород. Никого не обнаружив, они бросились догонять ушедшую вперед колонну.

Мария Хорошко стала партизанской связной. Не раз, рискуя жизнью, отправлялась через труднопроходимый лес и болото к партизанской стоянке. Она отличалась необыкновенной храбростью и выдержкой, однако, не имея достаточного опыта подпольной борьбы, иногда

допускала опрометчивые шаги, как это и было с попыткой установить связь с югославскими рабочими. К счастью, все обошлось благополучно.

Антифашистская группа в югославской роте росла быстро. Она пополнялась смелыми и решительными людьми. К ней примкнули Матей Гойдач, Валент Силард, Джордже Драпшин, Мита Бранков и другие.

При очередной встрече Радомир Барабаш передал Тамаре Васильевне просьбу Момчило Крклюша и Стевана Врговича достать у партизан несколько пистолетов, чтобы во время налета на станцию югославы могли разоружить свою охрану. Шаповалова пообещала передать их просьбу командованию. Через несколько дней в тайнике, оборудованном в урочище Хвалеево, лежали пять парабеллумов с патронами. Сын Тамары Васильевны Эдик по одному перенес их в корзине с грибами, а Радомир Барабаш переправил оружие в лагерь.

Наконец партизанский связной передал, что налет на станцию состоится в ночь с 29 на 30 июля. Югославы еще раз уточнили план действий. Каждая пятерка получила четкое задание, кто разоружает охрану, кто готовит подводы и загружает их инструментами, продовольствием и медикаментами, а кто поджигает помещения, блокирует бункер, стоящий у входа в лагерь.

За пять дней до назначенной даты тщательно разработанный план едва не провалился. Утром, как всегда, рота готовилась к выходу на работу. И вдруг неожиданно со стороны станции донеслась оживленная перестрелка. Югославы замерли в растерянности. «Что случилось? — пронеслось в голове Момчило Крклюша.— Неужели по каким-то причинам партизаны изменили дату операции?» Первым его желанием было броситься к тайнику, где хранилось оружие, и вступить в бой. Собравшиеся вокруг него товарищи ждали указаний.

— Может быть, это провокация? — высказал свое предположение Стеван Вргович.— Надо соблюдать спокойствие.

С вышек охранники навели пулеметы на выстроенных в колонну рабочих. В распахнутые ворота, сжимая в руках автоматы, бежали гитлеровцы. В этот день за пределы лагеря югославов вывели на два часа позже обычного. Лишь вечером узнали о случившемся. Словацкий офицер Михаил Шуха передал через Радомира Барабаша подробности утреннего переполоха. Оказалось, что со станции Авраамовская в поселок Хойники вышел обоз с солью. Партизаны, испытывавшие в этом продукте острую нужду, устроили засаду. В результате смелой операции они захватили несколько повозок с ценным грузом, а обозники, прихватив убитых и раненых, вернулись обратно на станцию.

В томительном ожидании прошли еще четыре дня. Накануне побега Радомир Барабаш достал для обер-лейтенанта крепкий первач, чистый как слеза. Потирая руки от предстоящего удовольствия, командир роты быстрее обычного провел вечернюю поверку и закрылся в своей комнате.

После ужина Момчило Крклюш достал из тайника пять револьверов. Один взял себе, другие передал Стевану Врговичу, Матею Гайдачу, Валенту Силарду и Душко Георгиевичу. Им предстояло разоружить охранников, а если этого сделать не удастся, то хотя бы блокировать их в помещении и не выпускать до тех пор, пока рота не выйдет из лагеря.

За окном стояла тихая летняя ночь. Высоко в небе мерцали яркие звезды, светила крутогорая луна. Все кругом пребывало в немом покое. Момчило Крклюшу удалось повсюду поставить дневальными самых надежных людей, поэтому боевые группы заняли удобные позиции без каких-либо помех. Когда ночную тишину

нарушили первые выстрелы, вооруженные пистолетами югославы ворвались в просторную комнату, где жили охранники, и завладели оружием.

В это время Момчило Крклюш, Радомир Барабаш и трое рабочих, сжимавших в руках вместо оружия лопаты, осторожно подошли к комнате, откуда доносился беззаботный храп командира роты. Дверь оказалась изнутри закрытой на крючок. Момчило что было силы ударил по ней плечом, и запор со звоном отлетел на пол. Не мешкая, Крклюш вбежал в комнату и в одно мгновение очутился возле кровати, на которой спал обер-лейтенант. Такая поспешность оказалась как нельзя кстати. Старый служака, хотя и был сильно пьян, протрезвел мгновенно. Привычным движением он потянулся за автоматом, висевшим на спинке кровати, но Момчило опередил его на какую-то долю секунды. Лязгнул затвор, и ствол уткнулся в одутловатое лицо Эдена Хекштока.

— Встать! — сдерживая растущий гнев, проговорил сквозь зубы Крклюш. Ему хотелось разрядить в фашиста весь диск, однако он сдержался.— Быстро одеться! — приказал властно. Трясущимися руками, насмерть перепуганный, командир роты стал натягивать брюки и никак не мог попасть в брючину.— Быстрее! Быстрее! — подгонял его Момчило.— Живко! Возьми мой пистолет. Не спускай с него глаз. Если попытается бежать, пристрели как собаку.— Крклюш отдал револьвер Живке Гойчу, а сам с автоматом в руках бросился за дверь.

Издалека доносились нарастающие звуки стрельбы. С гулким эхом били у станции пулеметы, слышались разрывы гранат. С каждой минутой бой разгорался все сильнее, приближаясь к лагерю. По наступающим партизанам вели огонь с вышек и стоящего у дороги бункера. «Вот-вот атака захлебнется, надо действо-

вать»,— мелькнуло в голове у Крклюша. Он заскочил в казарму. Все рабочие уже проснулись и стояли одетыми, сбившись в дальнем углу, подальше от окон, за которыми полыхало пламя пожаров.

— Всем, кто хочет уйти в лес к партизанам, быстро приготовиться в дорогу и ждать команды,— крикнул Момчило и выбежал на улицу. Рабочие засуетились, рассыпались по нарам, торопливо засовывая в сумки и мешки свои немудреные пожитки.

У выхода из казармы Момчило Крклюш увидел своих вооруженных товарищей.

— Стеван, бери пять человек, подожги вышки с часовыми. Душко, со своими людьми выводи лошадей, собирай обоз. Матей и Валент, помогите доктору погрузить медикаменты.

Никто не перечил. Все сразу же признали в нем командира и беспрекословно подчинялись его приказам. Через несколько минут, словно свечи, запылали деревянные вышки, откуда доносились душераздирающие крики задыхавшихся в дыму и пламени часовых. Югославы выводили из конюшни упиравшихся от страха лошадей.

— Стеван! — окликнул Момчило своего друга Вргович,— поведешь обоз и людей выводи, как только прекратится стрельба из бункера.

С несколькими вооруженными рабочими он побежал в сторону невысокой земляной насыпи, откуда веером рассыпались по сторонам разноцветные огоньки трассирующих пуль. Подбегая к вражескому укреплению, югославы заметили, как к бункеру метнулись чьи-то тени, и тут же оглушительно загремели взрывы. Пулеметы замолчали. И тут Момчило увидел на дороге знакомую фигуру Марии Хорошко.

— Мария! — крикнул он что было мочи и, ломая кусты, бросился ей навстречу.

— Выводите быстрее людей и следуйте за мной. Станцию взять не удалось, но все выходы из нее закрыты.

Колонна двинулась по накатанному тракту, затем свернула на узкую лесную дорогу, которая петляла между деревьями. Уже рассвело, но солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густую крону могучих елей. Выросшие на степных просторах Воеводины сербы и хорваты с тревогой поглядывали на дремучий лес, обступавший их со всех сторон. Они то и дело спотыкались о коряги и корневища деревьев, падали на землю, но тут же вскакивали и молча торопились занять свое место в строю.

Наконец лес поредел. Толстые ели уступили место белоствольным березкам. Сразу посветлело, но легче идти не стало. Под ногами захлюпала вода. К партизанскому лагерю, окруженному с трех сторон непроходимыми болотами, вела единственная дорога, такая узкая, что стоило сделать хотя бы один шаг в сторону от наезженной колеи, как сразу же человек проваливался в вязкую трясину.

Неожиданно из кустов выскочило несколько фигур, одетых в немецкую форму. Шедший впереди колонны вместе с Марией Хорошко Момчило Крклюш вскинул автомат, но девушка опередила его.

— Это наши! — крикнула она и бросилась навстречу молодым парням, загородившим дорогу. То была первая партизанская застава. Югославы впервые видели так близко живых партизан и с нескрываемым любопытством рассматривали их. Это были совсем еще молоденькие ребята, которым едва минуло семнадцать. Крепкие, ладные, их смуглые от загара лица покрывал яркий, здоровый румянец.

Двое сошли с дороги и тут же исчезли в зарослях. Момчило обратил внимание, что в сторону от проезжей

дороги ведет едва заметная гать, выложенная из бревен. Трое остальных партизан двинулись в голове колонны, оживленно разговаривая на ходу с Марией Хорошко, которую они, видимо, знали хорошо.

К партизанскому лагерю добрались лишь к вечеру. Под навесами, сделанными из ивовых прутьев, стояли кони, дымились сложенные из кирпича печи, откуда доносился дразнящий запах наваристого борща. К приходу югославов Сацуро приказал забить последнюю корову.

Встречать братьев-славян высыпали все обитатели лагеря. На крохотной лесной полянке сошлись друг против друга две нестройные шеренги: 140 сербов и хорватов и такое же количество партизан. Комиссар отряда Николай Федороич Снегирь произнес короткую речь:

— Сегодня мы принимаем в нашу дружную партизанскую семью большое пополнение — перешедших на нашу сторону югославских рабочих. Мы — братья по крови и по оружию, а у братьев сейчас одна дорога, одна цель — бить ненавистного врага, который посягнул на свободу советского и югославского народов. Смерть немецким оккупантам!

Лес огласился мощным криком «ура!». И хотя югославы мало что поняли из произнесенной комиссаром речи, они дружно выражали свой восторг.

После ужина командование отрядом пригласило к себе Момчило Крклюша, Стевана Врговича, Радомира Барабаша, Душко Георгиевича и еще нескольких югославских рабочих, руководивших восстанием. Сацура и Снегирь интересовались у них, что за люди пришли в лагерь, каково их настроение и желание:

— Мы имеем возможность тех, кто не хочет воевать в тылу врага, отправить на Большую землю и передать их югославскому посольству. Опросите своих

людей. Каждый должен принять решение, хорошенько обдумав и взвесив свои силы и возможности. Впереди нас ожидают нелегкие испытания, не каждому они под силу.

— Может быть, у вас есть какие-нибудь просьбы или пожелания? — спросил комиссар отряда.

За всех ответил Момчило Крклюш:

— Мы привели с собой обер-лейтенанта Эдена Хекштока, фельдфебеля и пятерых охранников, отличавшихся особой жестокостью. Мы требуем передать их в наши руки, чтобы вынести свой приговор.

— Мы сами не можем решить этот вопрос,— ответил Николай Федорович.— Надо посоветоваться с обкомом партии.

Утром в лагерь приехал командир Полесского объединенного партизанского отряда и секретарь областного комитета КП Белоруссии Иван Дмитриевич Ветров, который внимательно выслушал просьбу югославов.

— Вообще-то, у нас самосудов не существует,— сказал он,— даже самых отъявленных врагов Советской власти наказывают органы советского правосудия.— Но, увидев, как расстроились югославы, заколебался. Ветров хорошо понимал переполнявшее их чувство ненависти и в душе разделял желание сполна рассчитаться с выродками, чьи руки были обагрены кровью невинных жертв, но, с другой стороны, не мог переступить закон и установившееся среди партизан правило — пленных не убивать. И все же после некоторых колебаний секретарь обкома дал свое согласие.

Югославы выбрали состав суда, защитников и обвинителя. Вся рота, отойдя в сторонку от лагеря, расположилась на траве в кружок. Началось слушание дела. Люди с гневом говорили о преступлениях, совершенных стоявшими перед ними в смертельном страхе

нацистами, о загубленных жизнях, издевательствах, которые допускали обвиняемые. Приговор вынесли единогласно — всех пленных фашистов расстрелять! Вскоре над лесом прогремел дружный залп.

По решению Полесского обкома КП Белоруссии из югославов, пришедших в отряд имени Суворова, была создана отдельная интернациональная рота, командиром которой назначили Момчило Крклюша, прошедшего до войны краткосрочные курсы офицеров запаса.

На следующий день в деревне Ремешов рота приняла присягу. Далеко вокруг над окрестностями разносились ее суровые слова: «Клянусь за сожженные города и села, кровь и смерть наших жен и детей, отцов и матерей, насилия и мучения своего народа жестоко отомстить врагу и, не останавливаясь ни перед чем, всегда и всюду смело, решительно и беспощадно уничтожать немецких оккупантов».

Произнося партизанскую клятву, они обещали порабощенному югославскому народу, не жалея жизни, сражаться на земле Белоруссии за освобождение своей далекой родины.

После перехода югославской роты на сторону партизан немцы решили уничтожить отряд имени Суворова. Целыми днями над лесом летали вражеские самолеты. В конце концов им удалось засечь крохотный песчаный островок, приютивший народных мстителей. На рассвете появилось шесть бомбардировщиков. Раздался грохот взрывов, в воздух поднялись столбы воды, со скрипом валились на землю вековые деревья. Оставаться и дальше в лагере — значило обречь отряд на гибель, и командование приняло решение покинуть уже обжитое место и перейти в более безопасную зону.

В поход вышли ночью. Сацура приказал двигаться как можно быстрее, в пути костров не разводить, до

наступления рассвета не курить. За нарушение этих требований — расстрел. Шли по глухим чащобам. Момчило Крклюш и Стеван Вргович подавали пример стойкости, подбадривали уставших, вселяли уверенность в тех, кто падал духом.

Отряд имени Суворова не принадлежал к числу сильных боевых единиц. Он не имел на вооружении ни пушек, ни минометов, в его распоряжении находилось лишь несколько ручных пулеметов, поэтому в открытый бой с крупными подразделениями немецких войск он не вступал.

Перейти незамеченными в новую зону не удалось. При движении по открытой местности фашисты увидели отряд и бросились за ним в погоню. Партизаны торопились к лесу, думая, что немцы не пойдут за ними, но на этот раз гитлеровцы следовали неотступно. Нужно было хотя бы ненадолго задержать противника, чтобы отряд мог оторваться от преследования. Сацура решил заминировать лесную дорогу, по которой немцы шли за ними по пятам.

Вместе с группой партизан на операцию отправилось несколько югославов, знавших саперное дело. Они заминировали один участок дороги, прошли с полкилометра и опять начали ставить мины. Вдали нарастал шум двигающейся колонны. Люди торопились. И вдруг в руках югослава Живоина Драгина взорвался заряд. Когда партизаны подбежали к нему, он был еще жив. Положив своего товарища на плащ-палатку, они поспешили к отряду. За их спиной вздрогнула от мощных взрывов земля — то был прощальный салют первому югославскому партизану, погибшему на земле Белоруссии.

Живоина Драгина похоронили в деревне Рашов (уже после войны его прах перенесли в Хойники) и поспешно двинулись дальше. Фашисты пытались несколько

раз окружить и разгромить отряд. Весь август не давали они покоя, но партизанам, хорошо знавшим местность, удавалось избегать серьезных боев. Однако и в мелких стычках они несли немалые потери. Положение создалось критическое. Раненые мешали быстрому маневру, кончились патроны, подошли к концу запасы продовольствия, табака, соли. Многие югославы заметно приуныли, и Момчило Крклюшу, Стевану Врговичу стоило немалых усилий, чтобы вселить уверенность в своих товарищей.

Наконец проводники из местных жителей провели отряд по нехоженым тропам в глубь обширного массива, куда немцы не сунулись. Впервые за последнюю неделю, расположившись на лесной поляне, залитой теплым солнечным светом, партизаны вздохнули свободно.

— Привести себя в порядок,— приказал Сацура.— Строить землянки. Здесь обоснуемся на всю зиму.

Командир отряда подошел к Крклюшу и Врговичу, сидевшим на поваленной ветром ели:

— Возьмите с собой несколько бойцов. Вы поведете обоз с ранеными к партизанскому аэродрому.

К вечеру небольшой отряд достиг широкой просеки, которая после расчистки служила посадочной полосой для самолетов. Ждали всю ночь, прислушивались, не доносится ли с неба гул моторов. Кругом стояла немая тишина. Всех беспокоила одна мысль — прилетят или нет? И вдруг где-то далеко на востоке послышались неясные звуки. Они нарастали, и вот уже над головой замигали огоньки, и тут же на земле вспыхнули сигнальные костры. Сделав несколько кругов, самолеты пошли на посадку.

Партизаны вытащили из них тюки с грузами и разместили раненых. В числе тех, кто отправлялся на Большую землю, был и серб Живка Гойча. Картина, увиденная на партизанском аэродроме, приободрила

югославов. Они поняли, что не одиноки в обширных лесах Белоруссии, что с ними огромная и сильная Страна Советов, готовая в любую минуту прийти им на помощь. Сербы и хорваты заметно приободрились. Правда, нашлись и такие, кто обратился к командованию отрядом с просьбой отправить их на Большую землю. Их желание было удовлетворено.

Партизаны отряда имени Суворова действовали в основном мелкими группами, поэтому вскоре стало ясно, что использовать югославскую роту в полном составе невозможно. Люди не знали языка и плохо ориентировались в лесу, поэтому сербов и хорватов распределили по ротам, которыми командовали Владимир Юшкевич, Степан Гуща и Карп Шлеч.

Летом 1943 года одновременно с югославским рабочим батальоном в Хойникский район прибыли словацкие и венгерские воинские части. Их расположили вдоль железной дороги Василевичи — Речица, с тем чтобы они охраняли коммуникации от партизанских налетов. Вдоль полотна были построены укрепления с усиленными гарнизонами.

Полесский обком партии решил распропагандировать эти части. Радомир Барабаш, Стеван Вргович и Момчило Крклюш, хорошо владевшие венгерским языком, составили текст листовки-обращения к вражеским солдатам с предложением переходить к партизанам, не вести против них боевых действий. Кроме того, Барабаш написал письмо Михаилу Шухе с предложением прийти на переговоры с командованием партизанского отряда.

Листовки и письмо доставили в Авраамовскую Мария Хорошко и разведчик Александр Бондаренко по кличке Соколик, а через несколько дней, выбрав удобный момент, Станислав Иосифович передал их словацкому офицеру.

Наступил условленный день встречи. На свидание с Михаилом Шухой пошли Кирилл Сацура, Николай Снегирь, Александр Беспалый, Владимир Гордеенко и в качестве переводчиков Радомир Барабаш и Момчило Крклюш. Расположились в зарослях неподалеку от сгоревшего вагона, залегли так, чтобы были хорошо видны все подходы. Подошло назначенное для встречи время, а кругом ни шороха, ни звука. Решили, что Шуха передумал или испугался, и вдруг в неярком свете луны у полотна железной дороги мелькнули тени. Люди подошли к сброшенному с рельсов вагону и остановились, разговаривая о чем-то вполголоса. Партизаны бесшумно вынырнули из кустов и выросли перед венгерскими солдатами. Вместе с Шухой их было пятнадцать.

— Мы примем вас в свои ряды, если вы докажете свою преданность в бою,— обратился к ним Кирилл Сацуро.— Сейчас мы все вместе двинемся к Избыньскому бункеру и уничтожим находящийся в нем гарнизон.

Венгерские солдаты молча последовали за партизанами. К Избыню подошли на рассвете, когда на востоке заалели низко плывущие облака. Остановились на опушке леса, чтобы выработать план действий.

— Пан командир,— обратился к командиру отряда Михаил Шуха.— Разрешите нам одним пойти в бункер. Вы придете к нам на помощь, когда услышите выстрелы.

— Хорошо. Я согласен. Только возьмите с собой Момчило Крклюша.

Солдаты направились к видневшемуся вдали невысокому холмику земли. Не доходя до него метров сто, их окликнули по-венгерски. Михаил Шуха назвал пароль и пояснил, что они возвращаются с задания и нуждаются в отдыхе. Часовой спокойно пропустил их к бункеру.

Внутри вырытого в земле тесного помещения стоял полумрак. Робкие солнечные лучи проникали сквозь три узкие бойницы, у которых стояли пулеметы. Вдоль стены на нарах вповалку лежали солдаты гарнизона. Все спали. Лишь пожилой офицер — их командир,— выбрав место посветлее, брился, густо намыливая свои отвислые щеки. Увидев в дверях Шуху, он спокойно поздоровался с ним, продолжая свое занятие.

— Решили у нас передохнуть? — спросил он, не поворачивая головы.— Устраивайтесь. Сейчас будет подъем, а вы со своими солдатами занимайте их места,— кивнул на нары, откуда доносился храп.

Вошедшие с Михаилом Шухой солдаты расположились так, что загородили стену, на которой висело оружие. Момчило Крклюш встал спиной к пулемету, готовый в любую минуту пустить его в дело. Назвав командира гарнизона по имени, Михаил Шуха спокойно, будто речь шла о каких-то мелочах, предложил ему сдать оружие и поднять своих солдат.

— Мы перешли к советским партизанам,— сказал он,— и пришли сюда, чтобы уничтожить укрепленную позицию. Даю вам пять минут на сборы. Мы отпустим вас без оружия, а бункер сожжем.

Мадьяры отнеслись к этому предложению спокойно. Быстро собрали свои вещи и вышли на улицу. Партизаны прихватили оружие и боеприпасы, облили стены бункера бензином. Из дверей и бойниц полыхнуло жаркое пламя. К полудню в партизанский лагерь прибыло 22 венгерских солдата, которых включили в роту Карпа Шлеча, его заместителем стал словацкий офицер Михаил Шуха. Пулеметы, захваченные в Избыньском бункере, передали только что созданному взводу под командованием Момчило Крклюша.

Уже через несколько дней новое подразделение отличилось в бою. Пулеметчики вместе с ротой Карпа

Шлеча сделали засаду на проселочной дороге. Вскоре показались два автобуса — в одном сидели немцы, в другом — полицаи. Они ехали из Хойников в деревню Лубеньки для проведения карательной операции. Когда машины поравнялись с местом, где притаились партизаны, по ним ударили пулеметные очереди. Одна из машин сразу же запылала. В салоне, охваченном пламенем, метались обезумевшие гитлеровцы. За считанные минуты все было кончено. На дороге остались остовы двух сожженных автобусов и сорок вражеских трупов.

Такую же удачную засаду устроили бойцы этой роты возле Лоева. Каратели, думая, что партизаны не осмелятся появиться рядом с городом, где стоял большой гарнизон, шли в колонне спокойно, не опасаясь нападения. И жестоко за это поплатились. Партизанская атака была смелой и неожиданной. Потеряв убитыми 30 солдат и офицеров, гитлеровцы в панике разбежались. Захватив оружие и радиостанцию, рота скрылась в лесу. В этом бою отличились сербы Джурица Грчар, Бранко Станкович и Бранко Хрнячка, первыми бросившиеся на врага.

Некоторые сербы и хорваты пополнили группы подрывников. Партизанским минером стал Стеван Вргович. Однажды он получил задание с несколькими товарищами взорвать железнодорожный мост. Фашисты усиленно охраняли важный объект, построив на обоих берегах реки доты. Овладеть мостом в открытом бою партизанам было не под силу, вот и решили они провести операцию небольшой группой. Пошли пятеро — двое русских и трое сербов: Стеван Вргович, Джока Коларский и Стеван Васич. Выбрали ночь потемнее, когда над верхушками деревьев нависли черные тучи и по брезентовым накидкам стучали крупные капли дождя. Под покровом темноты партизаны незамечен-

ными подползли к мосту. В немой тишине слышались гулкие шаги часовых. Время от времени они пускали ракеты, и тогда вокруг становилось светло, будто днем.

Нужно было выждать удобный момент. Партизаны решили ждать поезда, чтобы, прикрываясь его шумом, подобраться к мостовым опорам. Наконец ночную мглу прорезал луч паровозного прожектора. Не мешкая, Стеван Васич и Джока Коларский змеей скользнули по мокрой траве, в один миг вскарабкались наверх, установили мину и так же проворно спустились на землю.

— Давайте подорвем мост вместе с поездом,— предложил Стеван Врговић. Все согласились. Расположились в прибрежных кустах. От воды тянуло холодом, но партизаны сидели, не шевелясь, терпеливо ждали своей удачи. И вот где-то на западе зазвенели рельсы. Зная, что мост усиленно охраняется, машинист вел локомотив, не снижая скорости. И вдруг под колесами раздался оглушительный взрыв, пролет моста рухнул в воду, увлекая за собой паровоз и шесть вагонов. С обеих сторон реки немцы открыли яростную стрельбу, но она никому не причинила вреда. Довольные операцией партизаны невредимыми возвратились на свою базу.

Осенью 1943 года Красная Армия подошла к границам Белоруссии и готовилась к новому наступлению. Чтобы не дать возможности гитлеровцам перебросить к линии фронта свежие части и технику, штаб партизанского движения принял решение вывести все белорусские отряды к железным дорогам, чтобы разрушить их.

Бойцов разбили на мелкие группы и каждой дали задание — разобрать или взорвать 500 метров железнодорожного полотна. За время боевых действий в Хойникском районе отряд имени Суворова почти полностью нарушил движение вражеских поездов на участке Ва-

силевичи — Речица, поэтому минерам предстояло действовать на железных дорогах Овруч — Мозырь и Чернигов — Гомель, находившихся более чем в ста километрах от базы. На пути лежали труднопроходимые болота, лесные чащи, водные преграды, в том числе такая большая река, как Днепр.

Взяв двухнедельный запас продовольствия, партизаны отправились в путь. Среди них были сербы Стеван Вргович, Бранко Хрнячка, Джура Бикич, Жарко Майеров, Иоци Коларов, Бранко Станкович и другие. Группа Врговича нашла удобное место для подхода к железной дороге. Решили взорвать пути вместе с поездом. Заложили мину и стали ждать. Неожиданно из-за поворота показалось несколько фашистов, которые тащили за собой на веревке пленного белоруса. Неподалеку от того места, где залегли партизаны, они остановились. Один из гитлеровцев нагнулся к рельсам и тут же отскочил в сторону, как ужаленный, видимо, заметил мину, которую только что установил Вргович. Фашист потянул пленника к смертельному заряду. Наблюдавший за этой сценой Стеван Вргович поймал солдата на мушку. Прозвучал короткий выстрел, и гитлеровец рухнул, словно подкошенный. Почувствовав свободу, пленник одним прыжком перескочил залитую водой канаву и скрылся в зарослях. Оставшиеся в живых солдаты, отстреливаясь, побежали к станции. Вскоре они вернулись на дрезине с пополнением. Не принимая боя, партизаны отошли в лес, затем, совершив быстрый переход по едва заметным тропам, вновь вышли на железную дорогу. На сей раз им повезло. Они подорвали идущий на восток поезд, свалив под откос четыре вагона, затем толовыми шашками разрушили в нескольких местах полотно.

Выполнив задание, партизаны отправились на свою базу. Стояла чудесная пора ранней осени. Дул слабый

ветерок, срывая с деревьев первые желтые листья. В лицо светило уже не жаркое, но по-прежнему яркое солнце. В лесной чаще стояла немая тишина. Вдруг где-то рядом хрустнула ветка. Стеван Вргович поднял руку, и все быстро укрылись за деревьями. Шаги приближались. Уже отчетливо слышались голоса, и вот на узкой тропинке показались трое одетых в немецкую форму. Стеван снял предохранитель:

— Стой! Руки вверх! — крикнул он и только тут увидел, что люди без оружия.

— Кто вы? Что делаете в лесу? — спросил Вргович по-немецки.

— Мы — югославы. Убежали из своей части и ищем партизан.

— Югославы? — удивился Стеван.— Откуда родом?

— Из Нови-Сада,— охотно ответил один из задержанных.

— Из Нови-Сада? — переспросил Вргович.— Врешь, гад! Я сам оттуда и должен был бы знать тебя хотя бы в лицо. Ты шпион. Расстрелять их!

Побледневший как смерть солдат рухнул на колени:

— Из Гайдобре я, честное слово, из Гайдобре,— повторял парень испуганно.

— Это другое дело,— подобрел сразу Вргович и объяснил своим товарищам, что Гайдобре — село, расположенное рядом с Нови-Садом, где с давних времен живут немцы-колонисты.

Переход целой роты югославских рабочих на сторону партизан вызвал брожение во всем батальоне, располагавшемся в деревнях Хойникского района. И хотя после этого случая фашисты ужесточили режим, сербы и хорваты группами и в одиночку убегали в лес. Они становились бойцами отряда имени Чапаева, бригад «За Родину», имени Боженко, Мозырской бригады имени Александра Невского.

Сражались югославы храбро, не жалея своей жизни. Беспримерный подвиг совершил Живка Созданич из Гординовца, воевавший в Мозырской бригаде. Однажды на марше партизаны нарвались на колонну немецких танков. Последовала команда отойти к лесу. По какой-то причине Живка не слышал этого приказа, а когда огляделся, то увидел, что остался один.

Лязгая гусеницами, несколько бронированных машин двигались на его позицию. Созданич не дрогнул, не побежал, хладнокровно расстрелял из противотанкового ружья один танк, потом другой, за ним третий. Только израсходовав все патроны, храбрый партизан отполз к лесу и догнал своих товарищей. Командование бригадой представило Живка Созданича к награде.

Под ударами Красной Армии гитлеровцы отошли за Днепр и начали возводить укрепления на реке Брагинке. Всем партизанским отрядам, расположенным в районе Мозыря, был дан приказ — не дать противнику закрепиться на новых рубежах, постоянно наносить ему удары с тыла. Выполняя эту установку, отряд имени Суворова активизировал свои действия. У деревни Михневка Брагинского района партизаны разбили обоз, уничтожив два десятка фашистов.

Чуть позже разведка сообщила, что со стороны Василевичей движется большой отряд гитлеровцев. Навстречу ему Сацуро отправил взвод пулеметчиков Момчило Крклюша. Партизаны замаскировались на лесной опушке рядом с сожженной деревней Великий Бор. Подпустив противника поближе, сербы буквально скосили пулеметным огнем передние ряды гитлеровцев и без потерь отошли в безопасное место.

Фашисты жили, как на вулкане, не знали минуты покоя. Партизанские пули находили их и днем, и ночью. Однажды на рассвете в расположение отряда из деревни Звишня пришел паренек и сообщил, что к ним

нагрянули немцы, ограбили жителей и теперь, уверенные, что партизаны далеко, спокойно пьянствуют. Деревня действительно находилась в 50 километрах от лагеря. Командир отряда отправил на боевую операцию роту Карпа Шлеча. Вместе с ней пошел со своим напарником и Момчило Крклюш.

Весь день несли они по очереди тяжелый пулемет, старались не отстать от быстро идущих партизан. К деревне подошли в четыре часа утра. Их налет был таким неожиданным и стремительным, что гитлеровцы не успели оказать серьезного сопротивления. Трое фашистов были убиты, 40 взяты в плен.

Крклюш не зря тащил свой пулемет. Он пригодился на обратном пути. Боясь расправы, местные жители погрузили на телеги домашний скарб, забрали с собой оставшуюся скотину и отправились вместе с партизанами. Обоз растянулся почти на четыре километра. Шли очень медленно, и поэтому дорогу Коростень — Киев пришлось переходить днем. Обнаружив колонну, немцы бросились за ней вдогонку, но попали под меткий огонь пулемета Момчило Крклюша. То и дело меняя позицию, он сдерживал неприятеля до тех пор, пока обоз не перешел дорогу и не скрылся в лесу.

Готовясь к длительной обороне, немецкое командование решило очистить от партизан всю прифронтовую зону. Сняв с передовых позиций части регулярной армии, они бросили их на прочесывание леса. В один из осенних дней с заставы сообщили, что по направлению к партизанской базе движутся крупные силы гитлеровцев. В это время в лагере находились члены областного комитета партии, все руководство партизанским движением района, большое число раненых, женщин и детей. Оборону заняли все, кто мог держать оружие, остальным было приказано подготовиться к маршу.

На этот раз, чувствуя свое численное превосходство, немцы шли уверенно, на ходу стреляя из автоматов разрывными пулями. Партизаны давно уже привыкли к разрывам снарядов, бомб и мин, научились укрываться от пулеметного обстрела, но пули дум-дум привели их в нервозное состояние. Укрываясь высокой травой, многие начали отползать, надеясь найти защиту за деревьями, а кое-кто, поддавшись панике, бросился уже бежать к лагерю.

«Еще немного, и случится непоправимое»,— подумал Момчило Крклюш и, волоча за собой пулемет, ящерицей скользнул по траве навстречу вражеским солдатам. Незамеченным он дополз до глубокой, заросшей осокой и молодым ивняком канавы и затаился. Послышалось прерывистое дыхание быстро идущих людей. Момчило раздвинул кусты и увидел спины в зеленых мундирах. Быстро установил прицел на своем «шварцлозе».

— Ну, дорогой, не подведи! — проговорил пулеметчик и пустил первую длинную очередь. Губительный огонь, ударивший по гитлеровцам с тыла, вызвал в их рядах панику. Попав между двух огней, вражеские цепи потеряли стройность. Видя замешательство в их рядах, с криком «ура!» бросились партизаны на врага. Остатки гитлеровского батальона обратились в бегство. После боя Кирилл Сацуро перед строем поблагодарил Момчило Крклюша за проявленное мужество.

Среди убитых фашистов оказался и командир батальона. В его сумке была обнаружена топографическая карта с подробными пометками расположения всех частей, участвующих в карательной операции. Это дало возможность отряду вместе с беженцами выйти из вражеского кольца.

26 ноября 1943 года части 65-й армии генерал-полковника П. И. Батова и 61-й армии генерал-лейте-

нанта П. А. Белова овладели Гомелем и вступили на территорию Полесья.

Во второй половине ноября в расположение отряда имени Суворова из-за линии фронта прибыла рота автоматчиков. Югославы с восхищением разглядывали молодых, крепких ребят, одетых в белые полушубки. С их помощью в районе деревни Турье партизаны оборудовали площадку для посадки самолетов. За несколько дней приземлилось 35 машин с людьми и оружием. Возле деревень Подлуки и Гоголево партизаны вместе с бойцами Красной Армии навели переправы через непроходимые болота, по которым в тыл врага прошли части 193-й стрелковой дивизии.

Взаимодействуя с ее полками, партизаны отряда имени Суворова овладели районным центром и железнодорожной станцией Василевичи и отрезали противнику пути отхода в сторону Калинковичей. Оказавшиеся в кольце гитлеровские войска были полностью уничтожены.

Несколько месяцев сражались югославские интернационалисты в рядах белорусского партизанского отряда имени Суворова. Они участвовали во многих боевых операциях. На счету отряда восемь спущенных под откос эшелонов, уничтожено 125 автомашин, взорвано 26 шоссейных и железнодорожных мостов. Смелыми налетами партизаны разгромили четыре вражеских гарнизона и три управы, вывели из строя четыре тысячи солдат и офицеров.

По-разному сложились судьбы сербов и хорватов, перешедших в июле 1943 года на сторону партизан. Некоторые закончили курсы разведчиков и 18 августа 1944 года были заброшены в Северо-Моравскую область Чехословакии. Возле села Кунчица отряд напоролся на засаду и почти весь погиб. Лишь сербу Павлу Николичу удалось чудом спастись. Местные жители вы-

ходили его и переправили в партизанский отряд, где он провоевал до конца войны. Домой Павел вернулся с тремя наградами: советской медалью «За победу над Германией», югославской «За заслуги перед народом» и чехословацкой «За храбрость».

Момчило Крклюш, Стеван Вргович и многие другие югославы, сражавшиеся на земле Белоруссии, вступили в Первую отдельную югославскую пехотную бригаду, которая формировалась в деревне Карасево, неподалеку от подмосковного города Коломна. В октябре 1944 года прекрасно оснащенная советским оружием бригада под Кладово вступила на территорию Восточной Сербии. Она приняла бой с частями знаменитой фашистской дивизии «Принц Евгений». Трое суток обороняли югославские солдаты подступы к городу Чачак, не давая врагу прорваться к Ужице.

После короткого отдыха в Белграде бригада влилась в состав 5-й ударной Краюшской дивизии, которую перебросили в Боснию. Разгромив фашистов, дивизия вышла к границе с Австрией. К концу войны в бригаде осталось лишь двадцать процентов бойцов, начавших свой боевой путь на земле Советской России. В кровопролитном сражении у Чачака сложил свою голову отважный пулеметчик Момчило Крклюш.

...В благодатный летний день, когда придунайские холмы покрылись пестрым ковром ярких цветов, домой возвратился Стеван Вргович. Вернулся на родную землю победителем.

М. Захарчук

«НАША ПАМЯТЬ С НАМИ ВСЕГДА»

Давно мне обещал Юрий Александрович Сенкевич организовать встречу с Туром Хейердалом. Но, как говорится, мы предполагаем — жизнь располагает. Как раз когда знаменитый путешественник гостил в нашей стране, дела службы забросили меня далеко и надолго от столицы.

Вернулся в Москву, позвонил Сенкевичу. «Извини, старик, что не смог я задержать Тура до твоего приезда,— ответил он в своей обычной полушутливой манере.— У него, понимаешь, тоже дела».

Ему можно шутить. Но каково было мне, когда замысел написать очерк об участии Хейердала в минувшей войне сгинул, не успев обрести даже зримых очертаний. И тут Юрий Александрович, добрая душа,

дал дельный совет. Обратись, сказал он, к ближайшим друзьям Тура. И пусть это будет очерк о Хейердале, написанный ими. Так я и сделал.

Юрий Александрович Сенкевич, полковник медицинской службы, кандидат медицинских наук, ведущий телевизионной программы «Клуб путешественников».

— Тур Хейердал — человек редкой чуткости и обаяния. Я говорил прежде, скажу вновь: если бы наша планета была населена Хейердалами, жизнь на ней была бы прекрасной.

Во всех наших совместных экспедициях Тур был, как правило, обыкновенным матросом, как все мы. Этого требовали обстоятельства. Однако дисциплина в команде (а подобные экспедиции, как и армейская служба, немыслимы без четкости и строгости единоначалия) держалась все-таки на авторитете Хейердала, на безграничном нашем уважении и доверии к нему, как к ученому, специалисту, капитану, просто к личности. Он умел сохранять хорошее настроение людей, их работоспособность в любых самых сложных, порой экстремальных условиях. Для каждого из нас мог найти ободряющее слово, сам показывал во всем пример. Это умение, полагаю, идет прежде всего от личностных качеств ученого. Но в немалой степени — и от приобретенных им в молодости военных навыков.

Касались ли мы с ним этой темы? Да, и неоднократно. Я давно знал об участии Хейердала в норвежском Сопротивлении, равно как и он знал о моей причастности к армии.

Вообще Тур не из тех людей, кто любит по поводу и без повода гулять по волнам памяти, но временами он все же обращался к своему военному прошлому, показывал фотографии той поры.

Вторая мировая война застала Хейердала в Америке, точнее, в Канаде. С первых дней он — двадцатишестилетний — рвался в бой с фашистами. Выбравшись из Штатов, откуда по денежным и некоторым иным обстоятельствам ему было не так просто уехать, он вступил в британскую армию. Из него принялись готовить десантника-диверсанта.

Готовили ускоренно, по сокращенной программе. Но прыжков, естественно, из программы не исключали. Тур прыгал налегке, с полной выкладкой, днем и ночью и — в завершение — с ручным пулеметом.

Пулемет он возненавидел, потому что в воздухе он бил по спине. Метрах в двух-трех от земли его полагалось отвязывать и выпускать из рук, чтобы не мешал посадке. Тур проделывал эту операцию с чувством величайшего облегчения.

Начались ночные прыжки. Земли не видно, как определить, сколько до нее метров? Тур боялся пропустить момент и однажды решил, что недосол всегда лучше, чем пересол. Отвязывал пулемет, что называется, по наитию. Иначе говоря, выбрасывал его с довольно большой высоты, а затем подолгу искал и находил, бывало, под утро.

Вспоминаю, как наш экипаж «Тигриса» (Тору Сузуки из Японии, Детлеф Зойтцек из ФРГ, Норман Бейкер и Норикс Брок из США, Герман Карраско Франко из Мексики, Рашад Низар Салим из Ирака, Карло Маури из Италии, Ганс Питер Бём из Норвегии, Асбьерн Дамхуз из Дании) дружно грохнул смехом после этого рассказа капитана. Смеялся даже Детлеф, который к любым воспоминаниям о войне всегда относился настороженно. А я тогда подумал: неспроста, наверное, в устах фронтовиков — заслуженных фронтовиков — война порой становится чередой забавных приключений. Война — горе, война — подвиг, но она и больше,

12 Заказ № 212

чем что-либо другое, стесняется пафосных, пышных слов, хвастовства.

Однажды Хейердал рассказывал, как он прыгал с заданием приземлиться на двух куполах, основном и запасном. Не в каждой инструкции это рекомендуется, но задание было именно такое.

Открывая запасной парашют, важно было направить его строго по ветру. А на Туре была куртка с капюшоном, и оттого ему казалось, что ветер дует со всех сторон. Кое-как приблизительно сориентировался — и чуть-чуть не угадал. Стропы закрутило, раскрывшийся малый купол потянуло под большой. Тот затрепыхался. Вытянуть полностью запасной из-под основного он не мог, сил не хватало — с грехом пополам удерживал его на полпути. Наконец Тур приземлился, его поволокло, он погасил купол и лежал на снегу, отдыхая от борьбы с парашютом. Подъехала машина, из нее выскочил инструктор. Бледный как снег, он медленно приближался к Хейердалу. Он прекрасно понимал, что могло бы случиться, окажись малый парашют в большом...

Рассказывал нам Тур и о своем друге Бёрне Стенерсене, с которым они вместе занимались в учебном лагере на полуострове Новая Шотландия. Так вот, рядовой 1132 Стенерсен во многом напоминал Швейка. Душа художника по профессии и по призванию не принимала униформы, казарменных порядков. Для него было величайшей сложностью научиться стоять по стойке «смирно». Так, чтобы пятки вместе, носки врозь, под углом шестьдесят градусов, а корпус держать прямо, как штык, с легким наклоном вперед, но чтобы не потерять равновесие.

Стенерсен всегда портил картину строя своей неуклюжей стойкой. Мундир на нем всегда висел мешком, фуражка выглядела на голове случайной, а красноре-

чивая ухмылка говорила о том, что думает рядовой 1132 о воинской дисциплине. Сержант, бедолага, волосы на себе рвал, когда Стенерсен клялся, что носки у него раздвинуты под углом шестьдесят градусов. «Это все ботинки виноваты, больно велики, а если сержант внутрь посмотрит, то увидит там полных шестьдесят градусов». Полные бесстрастия и невозмутимости рассуждения свидетельствовали, что рядовой 1132 был совершенно уверен: норвежцы справятся с фашистами, даже если его носки и не будут раздвинуты под нужным углом.

Для меня ценна не только и не столько сама история о похождениях Стенерсена, которую Тур рассказывал с юмором, сколько вывод, сделанный им уже серьезно. Тур, помнится, сказал: «И что интересно, даже этот до мозга костей штатский человек в конце концов понял, что не время возмущаться и протестовать против дисциплины, не время придумывать что-то новое. Ведь хорошо отлаженная фашистская машина продвигалась на всех фронтах. Значит, нам надо было как можно скорее встать в строй. Организованное зло можно было победить лишь еще большей организованностью каждого из нас».

В продолжение всего плавания наш «Тигрис» постоянно сотрясали разного рода дискуссии. Велись они о чем угодно: о демократии, о национальной политике, о социалистическом содружестве, о том, одолели бы Гитлера без помощи Штатов или нет. Однажды произошел такой эпизод. За обедом сосед сказал соседу:

— Передай кастрюлю с овсянкой, кое-кто еще не ел.

— Кое-кто — это ваш покорный слуга,— уточнил я, спустившись с мостика.

— Мог бы и не объяснять,— развеселился норвежец Ганс Питер Бём.— Знаем, что ты. В армии на

учениях мы называли предполагаемого противника не иначе как «Икс-Союз».

«Эк куда метнуло парня от овсянки»,— подумал я. И тут Тур потребовал тишины:

— Мне думается, что молодым следует быть осторожными в выборе выражений. Им надо было бы знать, что так называемый «Икс-Союз» освободил их родину от фашизма, что на территории Норвегии похоронены тысячи русских солдат, что, вернув свободу Норвегии, русские отвели свои войска за границу и не посягают на независимость страны. Я воевал рядом с русскими. Мне стыдно, что наши генералы обо всем забыли.

Питер, бедняга, замигал, покраснел — выходило, что он получает выговор за поведение государства, чьим гражданином — но никак не полномочным представителем — он является. Столь принципиальная постановка вопроса даже меня — «обиженного» — изумила. Но Тур был прав: на борту «Тигриса» все мы были полпредами своих стран.

Между тем Питер извинялся: Норвегия, мол, ничего против Советов не имеет, термин «Икс-Союз», очевидно, автоматически возник в результате участия Норвегии в НАТО.

— Зачем же вы вступали в НАТО?

— Мы издавна дружны с США, ведь там живут три миллиона норвежцев.

— Почему же тогда вас освобождали не американцы, а мы?

Трудно ему было ответить на такой вопрос. Дом его родителей стоял сто лет и стоит поныне. И ему вдалбливали с малолетства, что на востоке находится большая страна с агрессивным населением, что оттуда в любой момент готовы напасть на маленькую Норвегию, но спасибо добрым людям за океаном — они держат агрессора в узде.

Инцидент исчерпался, да и какой там был инцидент, сболтнул молодой остряк, не подумав, но Тур еще долго волновался и повторял, что «враг» — понятие ответственное и нельзя им бросаться, нельзя им жонглировать.

Почему раньше Тур не разыскивал тех офицеров, вместе с которыми воевал на Севере? Ответить на этот вопрос, по-моему, так же непросто, как и объяснить, почему до сих пор фронтовиков ищут и находят боевые награды. Насколько я знаю Тура, он всегда с головой отдавался работе, поиску научной истины, творчеству. Он привык постоянно быть занятым, трудиться не с оглядкой назад, а с мыслью о будущем. Но, видно, у каждого человека есть события, на которые всегда бывают настроены его душа, его сердце. Те самые, что встретились в пору лучших надежд и чаяний или жестоких испытаний — без них не обходится ничья жизнь. Человек ощущает их постоянное присутствие. И достаточно порой случая, чтобы прошлое отозвалось, нахлынуло, ворвалось в жизнь, соединяя минувшее с настоящим. Для Тура таким событием конечно же была война. Он не раз повторял: «Ваш народ помог нам освободиться от нацистской оккупации. Такое не забывается...»

В один из своих приездов в СССР осенью 1984 года, кстати, седьмой, если вести отсчет от войны, Тур Хейердал сделал все от него зависящее, чтобы встретиться с фронтовыми друзьями.

Тур Хейердал: «Всякий раз, когда я прибываю в Советский Союз, меня встречают добрые друзья. Уезжая от вас, я говорю «до свидания» все большему кругу друзей. И я бесконечно рад этому. Среди них особое место занимает Лев Жданов. Если мои книги

пользуются успехом в СССР, то только потому, что он их хорошо переводит».

Лев Львович Жданов, писатель-переводчик, участник Великой Отечественной войны, бывший гвардии старший сержант. Человек необычайной доброты и эрудиции. Он перевел все научно-художественные книги, статьи и одну научную монографию известного путешественника. Кроме того, каждый раз, когда Хейердал гостит в нашей стране, Жданов непременно сопровождает его как переводчик.

— Что сказать, встреча с Туром (сначала заочная, в 1955 году я перевел его книгу «Экспедиция Кон-Тики») стала моим счастливым талисманом. Он своими работами накрепко привязал меня к документальной прозе. И вот уже тридцать лет перевожу Хейердала, Даррела, Кусто...

Все, что вышло из-под пера Тура,— живо, интересно и увлекательно. Но мне, участнику войны, по-особому дороги фронтовые дневники Хейердала. Наверное, не все читатели знают, что норвежский путешественник почти четыре года своего пребывания в армии вел подробные записи. Они частично опубликованы в книге Арнольда Якоби «Сеньор Кон-Тики». Из них видно, как молодой путешественник-ученый, отец двоих детей, настойчиво добивался, чтобы его зачислили добровольцем в одну из норвежских частей Сопротивления, формирующуюся в Канаде. И добился-таки.

К тому времени Хейердал уже был известен в научном мире, у него были специальные труды, популярная книга «В поисках рая». Конечно, он мог бы и не обивать пороги вербовочных контор, никто его за это не осудил бы. Но, видно, велика была ненависть Хейердала к фашизму и велика преданность родине, если

он, презрев все трудности и невзгоды, сознательно пошел на войну.

Вот как об этом написал в одной из статей известный норвежский полярник, исследователь и писатель Юн Евер, бывший в годы войны комендантом лагеря подразделений ВВС Норвегии:

«Тур поступил на военную службу. Тихий, смирный, респектабельный «дичок» надел синюю форму. Его спросили, чему он научился, что умеет. Но так как ВВС не занимаются ботаникой и археологией, он оказался в разряде «подходящих для специальной подготовки». В военно-воздушных силах это может обернуться поразному. Для Тура это обернулось — держись крепче! — радиошколой. И стоит этот ученый с орлиным носом, гордо делая вид, что создан для того, чтобы сидеть и выбивать ключом морзянку. Сильный, тренированный, ему не надо никаких льгот, он хочет выполнять свой долг.

Тур промолчал. Принял удар с каменным лицом и непроницаемым взглядом, только сжалось его буйное сердце. В радиошколу — это его-то, который дома от неумения сжег свой приемник и вообще подозрительно относится ко всякой технике. «Есть!» — ответил он. А тут еще выяснилось, что в Англии распорядились создать группу для выполнения особых заданий, которую нужно особенно тщательно обучать радиоделу. Все окутано густым покровом тайны, но как будто речь идет о заброске по воздуху в норвежские горы для разведки в тылу врага. В отдаленном будущем. Так или иначе, Тур попадает в эту группу. Закрыв занавеской окно с видом на лес, он гнет спину над книгами и телеграфным ключом. Приказ есть приказ, долг есть долг. Капитан Николайсен говорит, что из Тура выйдет превосходный радист, а уж он-то в этом разбирается».

Страстное желание выполнять свой долг перед родиной Хейердал сохранял в течение всей службы, хотя, откровенно говоря, она долго не отвечала его романтическим представлениям об истинном предназначении армии в войне с таким жестоким и коварным врагом. Дело в том, что правительство Норвегии, находившееся в Великобритании, во всем зависело от английского правительства, которое старалось как можно больше тянуть с открытием второго фронта. И норвежские патриоты, Хейердал в том числе, вынуждены были долго бездействовать. Дневник Ту́ра становится однообразным:

«1.XI. Утром 30 минут длились занятия. Тема — вождение мотоцикла. После обеда лежал в казарме.

2.XI. Лежал в казарме.

10.XI. Приказание нагрузить машину, но ее не нашли. Поэтому лежали в казарме всю первую и вторую половину дня.

11.XI. Велели сгребать листву вокруг замка, но так как граблей не нашли, несмотря на помощь офицеров, лежали в казарме до обеда и после обеда.

23.XI. Утреннее распоряжение: делать то же, что вчера. И мы всю первую половину дня лежали в казарме. Распоряжение на вторую половину дня: делать то, что делали с утра. Поэтому мы после обеда лежали в казарме.

6.I. Весь день дежурил на кухне. Время делил поровну между книгами по этнографии и мытьем жирных тарелок и грязных полов. Рядовой 1135 Хейердал, он же рядовой 2209, он же рядовой 5268 погиб и похоронен, завернутый в половую тряпку».

Тур, естественно, не мог смиренно выносить жизнь лодыря и поэтому делал все от него зависящее, чтобы поскорее принять участие в настоящем деле. Он написал бесчисленное множество рапортов, он упраши-

вал различных начальников заняться их особой «Группой «И», и если невозможно ее сразу отправить на фронт, то пусть хотя бы возобновятся занятия. Ведь он и его товарищи уже многое забыли из того спецкурса, что пройден в Канаде. Наконец он вынужден был пойти на прямую забастовку и отказался выполнять распоряжение капитана, который, как обычно, хотел послать Тура на кухню. За эту дерзкую выходку командование объявило Хейердалу шестьдесят суток ареста, правда, условно. Положение казалось безвыходным. И деятельный, целеустремленный Тур решается еще на один смелый шаг. С немалым риском для себя он добивается аудиенции у министра обороны норвежского правительства Оскара Торпа. Встретившись с министром, Хейердал без всякой дипломатии доложил, что с их «Группой «И», предназначенной для выполнения особо важных заданий, творится что-то непонятное. В лучшем случае им, прекрасно обученным и подготовленным связистам, поручают сгребать листву вокруг английских замков или дежурить в офицерской столовой. Разве для этого он поступал добровольцем в норвежское Сопротивление, оставил семью в Америке?

После этого в дневнике находим запись:

«25.Х. Появился просвет, и становится все более рискованно вести дневник, потому что наконец дело как будто принимает настоящий серьезный оборот.

29.XI. Сижу дома у Бьёрна Рёрхолта в Лондоне. Всю ночь кругом грохотали фау-снаряды. Мы с Бьёрном решили скооперироваться и при первой возможности вместе отправиться на дело...»

Группу расформировали. Офицеров вернули в армию, сержантам предложили выбирать между службой в тыловых армейских подразделениях и так называемыми рискованными заданиями. Стоит ли удивлять-

ся, что Тур предпочел последнее и тотчас попал на новые курсы. Как раз об этом периоде он рассказывал членам экипажа «Тигрис». Там, на курсах для разведчиков, Хейердал изучал различную вражескую технику. Словом, с головой ушел в занятия. И на экзаменах единственный из представителей различных наций получил отличные оценки по всем дисциплинам.

Как раз в это время советские войска, изгнав гитлеровцев из Финляндии в результате Петсамо-Киркенесской операции, вошли в Финмарк, самую северную область Норвегии. 25 октября 1944 года Красная Армия освободила Киркенес — главную северную базу фашистских подводных лодок. Около двухсот тысяч человек из 20-й горнострелковой армии под командованием генералов Шернера, Рендулича, Дитля беспорядочно отступали. (Это, кстати, у Шернера в первую мировую войну служил в полку ефрейтор Шикльгрубер, ставший впоследствии Гитлером.) В особой чести у фюрера были Рендулич и Дитль, но это не мешало им драпать изо всех сил.

Из Англии срочно был выслан в Финмарк норвежский отряд под командованием полковника Арне Дала. Штаб отряда обосновался в Киркенесе, где находился и штаб советских войск. В городе уцелело только три дома, все дороги были разрушены, телеграфные столбы взорваны, продовольствия не было. Связь с Лондоном полковник Дала поддерживал через советские радиостанции в Киркенесе и Москве. В Англии решили снабдить норвежский штаб собственной радиостанцией, чтобы ежедневно получать доклады прямо в Лондон. Для этого выделили трех человек — Рёрхолта, Хейердала и Стабелла. Они оказались в числе тридцати норвежских офицеров, направляемых в Финмарк для выполнения разных заданий. А так как немецкие самолеты и военные корабли все еще блокировали норвежское

побережье, в Финмарк можно было попасть только через Мурманск.

Получив тридцать ящиков с радиоаппаратурой, они погрузились на американский авианосец в Скапа-Флоу на Оркнейских островах, откуда в Мурманск вышел большой конвой — около восьмидесяти союзнических кораблей.

Тур Хейердал: «Самый близкий мой друг из научной среды — Генрих Анохин. Он первым в Советском Союзе поддержал мои научные идеи о расселении народов морским путем. Я рад, что мы в одно время с ним и со Львом Ждановым сражались на фронтах мировой войны, а теперь сражаемся на фронте научном».

Генрих Иосифович Анохин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, бывший гвардии старшина, активный участник комсомольского подполья в Таганроге, мастер спорта СССР, автор многих научных и популярных статей. Вот что он рассказывает о своем друге Туре Хейердале:

— Он обладает редкой и завидной для ученого, занимающегося общественными науками, способностью сочетать стиль работы кабинетного труженика, штудирующего письменные и наглядные источники, со стилем практика, добывающего в полевых условиях, в долговременных экспедициях факты, на основе которых он создает свою гипотезу. Хейердал силен, когда речь идет о письменных источниках и библиографии, но еще более силен, когда речь идет о фактах, которые он держал в руках. Нередко он оказывается единственным

знатоком фактов во всем их разнообразии, ибо он подходит к изучению научной проблемы комплексно, с привлечением данных разных наук. Естественно, чтобы выдержать громадную нагрузку полевого и кабинетного ученого, чтобы следить за научной литературой и совершать экспедиции в разные районы мира, а также выступать с докладами на многочисленных мировых конгрессах, нужно обладать недюжинным здоровьем, гармонично сочетать умственную и физическую работу.

И Тур являет собой образец этой гармонии. В его режиме — повседневное сочетание умственной и физической работы. Итальянский дом Хейердала в тихой деревушке Колла-Микери расположен на горе. Он как бы парит в воздухе над Средиземным морем, которое просматривается в дымке внизу. Горная дорога к деревне и к дому узка и крута, с резкими поворотами. Она заканчивается возле высокой стены — прекрасного произведения искусства средневекового каменщика. За ней простирается усадьба с оливковыми рощами и виноградниками, окаймляющими три старинных башни. В одной из них и работает норвежец. А далекие снежные Альпы оживляют его воспоминания о родной Норвегии.

В дни досуга Хейердал и теперь совершает лыжные походы в эти заснеженные горы. Несколько лет назад, спускаясь по опасным горным трассам, он сломал ногу. Перелом был очень тяжелым, некоторые врачи предрекали ему полную ограниченность в движениях. Однако Тур не сдавался. Он разрабатывал ногу с помощью лично придуманных упражнений. Много путешествовал пешком, работал в саду и на винограднике не столько для поддержания порядка в хозяйстве, сколько для поддержания собственной физической силы.

У него примерно 200 000 квадратных метров земли,

большая часть которой занята сосновым лесом и оливковыми плантациями. Сам он посадил около тысячи черенков винного и столового винограда, в том числе и советские сорта «Тур Хейердал» и «Кон-Тики», выведенные нашими соотечественниками братьями Яковом и Александром Потапенко из Новочеркасска и Ибрагимом Антоновым из Ростова-на-Дону в знак уважения к знаменитому путешественнику.

Юрий Александрович Сенкевич совершенно прав, утверждая, что Хейердалу во многом помогают военная закалка, приобретенные на фронте навыки действовать всегда быстро и четко, брать на себя ответственность. Его особая любовь к нашей стране, к советским людям тоже уходит своими корнями в сороковые пороховые.

В связи с этим я не могу не вспомнить, что говорил Тур Хейердал в одной из передач Би-би-си еще 6 февраля 1945 года: «...Вместе с русским солдатом я доехал по полярной магистрали до норвежской границы... Я пытался поддерживать разговор, пользуясь только тремя словами, которые знал: «Друг, дом, враг». Я сказал: «Россия, Норвегия, Англия, Америка — друг. Германия — враг». Одетый в полушубок водитель рассмеялся и подхватил: «Германия — враг. Норвегия, Англия, Америка, Россия — друг». Мы посмеялись вместе. Через две минуты обмен мнениями повторился. Исчерпав запас слов, мы вместе спели песню про Волгу. В это время машина въехала на новый понтонный мост, и водитель вдруг взволнованно показал на домик неподалеку: «Норвежский дом, норвежский дом!», потом показал на меня: «Твой дом!» Я вернулся в Норвегию. И хотя тысячи миль отделяли меня от родных мест, душа пела...

Приближаясь к Киркенесу, я искал взглядом следы жилья, но кругом все было голо. Широкая заснежен-

ная равнина, низкие холмы с карликовыми березками. И причудливо торчащие из снега, опутанные проводами обломки взорванных телеграфных столбов. Развалины попадались редко, но, присмотревшись, я различил на снегу страшный узор из прямоугольников и квадратов. Это были фундаменты домов, сожженных немцами. Жители Финмарка с помощью русских строят деревянные дома.

...Города нет, развалин не видно, только все тот же клеточный узор, будто занесенные снегом могилы на кладбище. Одиноко стоит печь на месте бывшей пекарни, и ледяные сосульки в ее разинутой пасти напоминают оскаленные зубы. Высокий дымоход — словно монумент, воздвигнутый Адольфом Гитлером в память о фашистской оккупации. Лишь груды тлеющих углей и золы говорили, что разрушение было произведено недавно...

В области жило девять тысяч человек. Немцы хотели всех угнать с собой, но около шести тысяч сумели спрятаться, некоторые — в горах. Там они живут в землянках, в перевернутых лодках, в немецких дотах. Я словно вернулся в каменный век. Я видел мальчугана, одетого в шкуру оленя, на ней еще осталась кровь...»

В другой передаче Хейердал рассказывал: «Слушатели, очевидно, знают, что мы теперь находимся на передовой в Финмарке. За нами стоят русские крепыши в полушубках, напоминающие скорее мирных траперов (охотников.— М. З.), чем грозных воинов. Но достаточно немного побыть с ними, чтобы оценить их солдатский подвиг. Вряд ли есть на свете более неприхотливые и мобильные воины. Их снаряжение безупречно. Русский солдат в Финмарке одет в полушубок, ватные брюки, валенки и меховую шапку. Он не носит с собой ничего лишнего. С ним его оружие и вещевой

мешок, в котором лежит хлеб, сало, лук. Ничего не обременяет, снялся — пошел. Полевые кухни с мясом и щами подходят потом.

В противоположность немцам, которые вторгались во все дома, русские устраивают привал на воле. И, проснувшись ночью, слышишь в заснеженных долинах под волшебными переливами северного сияния волнующие песни. Тут и там горит костер, возле которого отдыхают солдаты — без палаток, без спальных мешков. Если ночью их разбудит мороз, они попрыгают, напевая, вокруг костра и опять садятся вздремнуть».

Хочу еще сказать о том, что мы со Львом Ждановым сопровождали Тура во всех его поездках по стране, бывали на всех его встречах. Примечательно, что везде на вопрос о цели посещения СССР Хейердал неизменно отвечал: «Мой приезд на этот раз преследует не столько научные, сколько личные цели. Мне исполнилось семьдесят лет. День рождения, тем более такой юбилей, принято отмечать среди друзей. Поэтому я здесь. Со многими советскими людьми меня связывает очень давняя и, уверен, самая прочная — фронтовая дружба».

И еще он говорил мне, что больше всего ему запомнилась ленинградская встреча с ветеранами войны П. Сутягиным и М. Янкелевичем. Наверное, это произошло еще и потому, что три солдата минувшей жестокой войны, сражавшиеся бок о бок, впервые встретились вместе спустя сорок лет...

«Боевому товарищу Михаилу с наилучшими пожеланиями от твоего друга в военные и мирные времена Тура Хейердала. 24.X.1984 года». (Надпись на книге «Кон-Тики».)

Михаил Яковлевич Янкелевич, полковник в отставке, председатель Совета ветеранов войны города Калуги. Долгое время он был горвоенкомом, поэтому его знают практически все калужане. Я бы назвал его хранителем военной памяти древнего русского города. Несколько лет он возглавляет городской музей боевой славы, при его участии сооружены многие замечательные памятники ратной доблести воинов-калужан. Живет с дочерью. Несколько лет назад схоронил жену, с которой познакомился, кстати, и женился там, на норвежской земле...

— Для меня эта встреча была во всех отношениях волнующей и необычной. Долго я еще буду ее помнить. О чем мы только не переговорили в тот счастливый для нас вечер. Судите сами: встретились мы в восемнадцать часов. По протоколу на беседу отводилось два часа, а мы разошлись в третьем часу ночи.

В последние месяцы войны я, работник штаба 14-й армии, был назначен начальником группы связи между советским и норвежским командованием. Тогда же впервые встретился с норвежскими офицерами, среди которых был высокий, худой Тур Хейердал. Между нами было полное взаимопонимание. В значительной степени этому, конечно, способствовал переводчик старший лейтенант Игорь Михайлович Дьяконов. Ныне он — профессор, крупный специалист по Ближнему Востоку, живет в Ленинграде. Тур его живо вспомнил: «О, Дьяконов! — воскликнул.— Меня всегда поражала в нем необыкновенная энциклопедичность знаний. К сожалению, он не смог быть вместе с нами. Уехал на научный симпозиум в Италию. Мы с ним разминулись. Его еще хорошо помнит и наш генерал Арне Дала».

Конечно, мы вспоминали с Хейердалом, как вместе выполняли одно боевое задание. Наше командование

послало меня с группой в район Скуганварре, где находился один из фашистских лагерей для русских военнопленных. Гитлеровцы использовали их для строительства укрепсооружений. Вылетели мы самолетом. Приближаемся к аэродрому, а по радио сообщают: приземляться нельзя, немцы заминировали взлетно-посадочную полосу. И тут наш летчик увидел мотоциклиста, разъезжавшего взад-вперед в одном и том же направлении. Догадались: норвежец указывает нам место посадки. Когда приземлились, узнали, что это по заданию лейтенанта Хейердала была разминирована полоса, он же придумал и способ сигнализации.

Лагерь в Скуганварре был обнесен колючей проволокой, по которой гитлеровцы пропускали ток. Военнопленные жили в землянках, попасть в которые можно было лишь ползком. Картина страшная. Хейердал, помню, говорил, что такое никогда больше не должно повториться.

Кстати, мы с Туром Хейердалом в одно и то же время были награждены норвежским орденом Хокона. Есть у нас и одинаковые норвежские медали «За Нарвик».

Я взял с собой на встречу несколько фотографий, сделанных в провинции Финмарк. Хейердал на одной из них с радостью узнал своего командира роты. А взглянув на другую, вспомнил, как гитлеровцы, отступая, уничтожали все: взрывали жилые дома, инженерные сооружения, даже телеграфные столбы и те взрывали, а потом поджигали. Северная Норвегия напоминала после ухода захватчиков нескончаемое пепелище, а чудом уцелевшие жители ютились в землянках. Так что норвежским и советским солдатам приходилось не только воевать с врагом, но и на ходу восстанавливать самые жизненно необходимые коммуникации. И конечно же разминировать огромные территории.

13 Заказ № 212

Наравне с другими эту работу выполнял и Хейердал.

Однажды он вместе с подчиненными восстанавливал линию связи. «Только поставили мы столбы, подсоединили провода, как услышали на другом конце провода русскую речь,— рассказывал Тур.— Я от неожиданности даже растерялся. А потом понял: это советские товарищи решили нам помочь. И у меня от полноты благодарственных чувств даже слезы на глазах проступили».

Мы вспомнили с Туром и о том недоразумении, которое произошло однажды из-за неправильно оформленных документов Хейердала. Его фамилии не оказалось в списке личного состава, переданного через советское посольство в Лондоне. Пришлось Туру вновь отправиться в столицу туманного Альбиона. А когда он вернулся на фронт, то узнал в штабе трагическую весть — часть отряда, из которого он был отозван, нарвалась на фашистов, пересекая на лодке Порсангерский фьорд. Один из его боевых товарищей был убит, остальные ранены и взяты в плен. Дьяконов сказал тогда Хейердалу русскую пословицу: «Не было счастья, да несчастье помогло». А я помню, как болезненно переживал тогда Тур потерю друзей. Война идет последние часы, а люди гибнут, сокрушался он.

Но были у нас на той войне и по-хорошему памятные события. Мы с Туром вспоминали о совместных норвежско-советских вечерах, которые проводились в единственном уцелевшем в Киркенесе бараке, и о спортивных соревнованиях, устраиваемых поочередно то командованием военного округа «Норд», то командованием нашей армии.

В Киркенесе, кстати, мы узнали от норвежцев о Победе. Их радист первым услышал эту радостную весть. Повсюду тогда гремели салюты, везде были подняты советские и норвежские флаги.

Спустя несколько лет после Победы я вновь побывал в знакомых норвежских местах, возглавляя комиссию по перезахоронению останков советских воинов. Никогда не забуду, с какими печально-суровыми лицами провожали норвежские жители нашу скорбную процессию. Каждый гроб, а их было, увы, немало, норвежцы усыпали цветами.

После моего рассказа Хейердал долго думал, а потом сказал: «Знаешь, Михаил, на памятнике павшим советским солдатам в Осло высечено просто: «Норвегия благодарит вас». К этим словам я могу лишь добавить, что наш народ никогда не забудет о вашем великом подвиге. Понимаешь, никогда».

Тур Хейердал: «Область научных интересов Павла Сутягина удивительным образом совпала с теми проблемами, которыми занимаюсь я. Это особенно приятно. И наше фронтовое братство, и наша память о тех, кто ценою собственной жизни даровал мир Европе, останутся с нами навсегда».

Павел Григорьевич Сутягин, капитан 1-го ранга в отставке, доктор географических наук, профессор Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Ведет большую военно-патриотическую работу. Подчеркиваю это не случайно.

Когда Михаил Яковлевич Янкелевич рассказывал о своем боевом товарище, меня, помнится, не оставляло чувство, что где-то я уже слышал эту фамилию. Вспомнил, когда сам Сутягин показал мне фотографию, где были сняты летчик-космонавт В. И. Севастьянов среди преподавателей Ленинградского педагогического. Так вот, несколько лет назад Виталий Иванович, ока-

зывается, рассказывал нам, военным журналистам, о бывшем фронтовике профессоре Сутягине, который ведет в институте огромную работу по героико-патриотическому воспитанию молодежи, и советовал написать о нем. Я себе даже пометил в блокноте адрес будущей публикации. И вот неожиданная встреча с Павлом Григорьевичем.

— Это действительно здорово, что на свете есть такие люди, как Хейердал, умеющие проявлять самые высокие, самые благородные человеческие качества. Их непоколебимая вера в неминуемое торжество добра над злом движет, по-моему, мировым прогрессом.

Вспоминаю, как Тур делился воспоминаниями о фронтовой юности. Он словно вновь ощущал себя солдатом Сопротивления и на наших глазах преображался, отступали годы и естественная усталость. В душе его словно пробуждалась энергия и отвага военной молодости. Я снова видел перед собой не пожилого, известного всему миру путешественника, а молодого лейтенанта.

Присутствовавший с нами на той памятной встрече якутский ученый Юрий Мочанов с восторгом говорил мне позже: «Тур открылся для меня неведомой дотоле гранью. Я уверен: случись снова тяжелое испытание, и этот немолодой человек, как и сорок с лишним лет назад, вновь с оружием в руках будет сражаться за правое дело».

Я тоже так считаю. И залог этой уверенности — постоянная, неутомимая деятельность ученого, направленная на благо мира, на укрепление сотрудничества и взаимопонимания между людьми различных наций и народностей. Наверное, не все читатели знают, что в нескольких африканских странах Хейердал выстроил школы для детей бедняков на свои сбережения. Он выплачивает около десятка стипендий в нескольких вузах мира студентам из развивающихся стран. Непоколе-

бима его вера в человека. Пусть у иных скептиков его активность во имя сохранения мира между народами вызывает снисходительную ухмылку. Дескать, что может сделать один человек, если весь мир разделен на два лагеря. Скептикам Тур противопоставляет свою веру, свою выстраданную убежденность в том, что мир на планете можно и нужно отстоять.

Меня поразило, с каким неподдельным интересом Хейердал расспрашивал о своих соотечественниках, которых в годы войны мне пришлось обучать военному делу. Я понял, что встреча с советскими ветеранами войны явится для него еще одним импульсом в благородной деятельности по укреплению мира во всем мире. Я рассказал ему, какую огромную помощь оказали советским войскам норвежские патриоты. Я вспомнил имена лоцманов Торлейфа Угне, Гуннара Сёдерстрема, разведчиков Сверфе Сёдерстрема, Одвара Сиблунна, Трингве Эриксена и Дагне Сиблунда, братьев Маттисен. Фашисты в свое время казнили двадцать три норвежских патриота за содействие нашей разведке. Простой народ Норвегии всегда с сочувственной любовью относился к Стране Советов, сказал после этого Хейердал.

Конечно, и мы на той памятной встрече о многом расспрашивали норвежского ученого. Кто-то поинтересовался, почему был сожжен «Тигрис». Хейердал ответил:

— На протяжении пяти месяцев на нашем суденышке, которому предрекали гибель в течение двух-трех недель, жили и мирно работали представители одиннадцати национальностей. В тесных условиях нашего плавания мы успешно сотрудничали независимо от наших религий, цвета кожи. В том районе, где мы плавали, много веков назад зародились первые цивилизации. Но цивилизация современная... Мы постоянно получали

телеграммы: слева, в Сомали, война, там вас обстреляют. Изменили курс, но и с другой стороны тоже не было мира... Мы понимали, что плавание дальше продолжать невозможно. Можно было, конечно, покинуть «Тигрис», оставив его гнить в морской воде. Но мы не хотели молчать: единодушно составили и подписали телеграмму генеральному секретарю ООН, в которой призвали прекратить гонку вооружений.

Я позволю себе процитировать лишь небольшую выдержку из этого письма. Всегда зачитываю его своим студентам, рассказывая о миролюбивой деятельности знаменитого норвежского ученого: «...Мы предприняли путешествие в прошлое, чтобы изучить мореходные качества судна, построенного по древнешумерским образцам. Но это было путешествие также в будущее, с целью показать, что люди, стремящиеся к общему выживанию, могут мирно сосуществовать даже на самом тесном пространстве. Нас одиннадцать человек, представляющих страны с различными политическими системами. Вместе мы прошли на маленьком судне-плоте из хрупких стеблей и веревок более шести тысяч километров от республики Ирак, с заходами в Бахрейнский эмират, Оманский султанат и Республику Пакистан, до недавно родившегося африканского государства Джибути. Рады доложить, что, несмотря на разные политические взгляды, в стесненных условиях плечом к плечу боролись с штормами и штилями, постоянно сохраняя верность идеалам Организации Объединенных Наций: сотрудничество во имя совместного выживания.

Сегодня мы сжигаем наше гордое суденышко с абсолютно целыми парусами, такелажем и корпусом в знак протеста против бесчеловечности в мире. Нам пришлось остановиться у входа в Красное море. В окружении военных самолетов и кораблей наиболее циви-

лизованных и развитых стран мира, не получив разрешения на заход от дружественных правительств, руководствующихся соображениями безопасности, мы вынуждены высадиться в маленькой, еще нейтральной республике Джибути, потому что кругом соседи и братья уничтожают друг друга, пользуясь средствами, предоставленными теми, кто возглавляет движение человечества по пути в третье тысячелетие.

Наша планета больше камышовых бунтов, которые пронесли нас через моря, и все же достаточно мала, чтобы подвергнуться такому же риску, если живущие на ней люди не осознают неотложной необходимости в разумном сотрудничестве, чтобы нас и нашу общую цивилизацию не постигла участь тонущего корабля».

Уже прощаясь с нами, Тур спросил: у кого из присутствующих есть внуки? Оказалось: у всех. Хейердал продолжил:

— У меня — пятеро внуков, вот-вот должен появиться шестой. Они должны быть счастливее нас с вами. Природа даровала нам разум. Так давайте им пользоваться в полной мере. Каждый из нас обязан сделать все, чтобы люди помнили: только при общем сотрудничестве наша планета уцелеет и наши внуки и правнуки выживут.

К тому, что рассказали друзья Хейердала, мне остается лишь добавить, что сейчас ученый из Норвегии усиленно работает над рукописью книги «Мальдивские загадки», прервав для этого подготовку к изданию своего полного собрания научных трудов. А потом знаменитый путешественник собирается написать книгу, обращенную к молодежи всего мира. Патриот-интернационалист хочет высказаться перед теми, кто будет жить в третьем тысячелетии.

Г. Нечаев

БОЕВОЕ БРАТСТВО

ЕГО ЗВАЛИ РОЖЕ ДЭКС

С Ростиславом Дмитриевым я встретился в Москве. Я знал, что он бывший белорусский партизан, поэтому попросил его рассказать о себе и своих боевых друзьях.

— Я расскажу вам об одном французе, который сражался в моей роте,— охотно согласился Дмитриев.

...Это было весной 1943 года. Однажды в штабе нашего партизанского отряда появился связной. Да не один, а с каким-то незнакомцем в потрепанном немецком мундире.

— Кто у вас говорит по-французски? — обратился связной к командиру отряда Осману Касаеву.

— А что случилось?

— Да вот пленного захватили. По-немецки — ни бум-бум, одно повторяет: «Жё сюи франсэ, жё сюи франсэ...»

— Значит, француз? — удивился командир, пристально взглянув на рыжеватого крепыша лет двадцати, среднего роста, с серыми глазами.

Касаев позвал меня:

— Ростислав, опроси этого молодца!

Я задал пленному первый вопрос:

— Как вас звать?

— Роже Дэкс,— с радостью ответил парень (наверное, из-за того, что с ним заговорили на родном языке).

— Расскажите о себе все, что пожелаете.

...Оказалось, Роже был сыном члена муниципалитета парижского пригорода Ле-Рэнси. До войны увлекался штангой, был чемпионом среди юниоров Парижа. С оккупацией гитлеровцами летом 1940 года Северной Франции он вместе со своим другом Жаном решил стать борцом Сопротивления: бежать на юг страны, затем — в Англию, чтобы вступить в ряды движения «Свободная Франция», формировавшегося тогда генералом де Голлем. В Марселе друзья купили у рыбака лодку и отправились в далекий и нелегкий путь. Сбившись с маршрута, они вместо Англии попали в Испанию. Жандармы генерала Франко передали их в руки гитлеровцев. Как «контрабандистов сигаретами» (так Роже и Жан представились фашистам), их на три года упрятали в тюрьму. Отчаявшись, друзья завербовались во французский легион, который в начале 1942 года был переброшен в оккупированную Белоруссию, в район города Трубчевска, для борьбы с партизанами. Вскоре Жан погиб. Роже решил один бежать к партизанам. С этой целью оба друга и записались в легион. Отправившись однажды в секрет возле шоссе Минск — Белыничи, Роже ночью вышел к реке Друть. Неподалеку от деревни Прибор, разделявшей партизанский край от гитлеровских оккупантов, Роже на старой лодке

стал переправляться на другой берег. Однако на середине реки лодка перевернулась, и Роже пришлось добираться до берега вплавь. Не успел он выкарабкаться на отмель, как вдруг раздался окрик: «Руки вверх!»...

Так Дмитриев впервые встретился с Роже Дэксом.

В ноябре 1943 года отряд Касаева превратился в 121-й партизанский полк. Дмитриев был назначен командиром 9-й роты 3-го батальона. В его роту попал и Роже Дэкс.

Вместе с советскими партизанами Роже участвовал в налетах на вражеские гарнизоны, в том числе в селе Княжицы, что под Могилевом, ходил в засады на дорогах, выводил из строя транспорт противника. За проявленные бесстрашие и отвагу Дэкс был награжден серебряной медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

— В конце января 1944 года я расстался со своим боевым французским другом,— продолжал рассказывать Дмитриев.— Роже был откомандирован в диверсионную группу при Белорусском штабе партизанского движения. Признаться, я загрустил по нему. Моей постоянной мечтой было желание еще раз увидеть Роже. И вот однажды в этом штабе меня неожиданно кто-то окликнул. Повернув голову, я увидел Дэкса! Он был в униформе немецкого унтер-офицера. Мы обнялись, расцеловались, стали задавать друг другу вопросы. Вскоре к нам подошел молодой человек в мундире офицера СС.

— Познакомься! Это — мой друг Марсель,— представил мне Роже француза.— Мы работаем вместе. Как работаем? — он приложил палец к губам.— Об этом в другой раз, если только...

И все же боевые друзья Дмитриев и Дэкс снова встретились! Это было в июле 1944 года в уже освобожденном Могилеве, где партизанский полк вошел в

состав Красной Армии. Роже с грустью сообщил Ростиславу о гибели Марселя.

— Вечерами Марсель в мундире офицера СС и Роже — в форме унтер-офицера прохаживались по улицам оккупированного Могилева,— заканчивал рассказ Дмитриев.— Подложные документы у них были подписаны и заверены самим комендантом города. При встрече с немецким офицером Марсель, представившись начальником патруля (Марсель хорошо говорил по-немецки), требовал предъявить документы. В момент, когда фашист запускал руку во внутренний карман френча, Роже точным ударом кинжала приканчивал врага. Забирая оружие и документы, патриоты спешно прятали труп в развалинах и скрывались...

Потом Марсель и Роже получили новое задание — проникнуть в гарнизонный клуб и завязать знакомства с офицерами с целью выявления планов гитлеровского командования. Во время выполнения этой операции фашисты схватили Марселя и куда-то увезли. Роже избежал ареста. Так он навсегда расстался со своим боевым другом... И сам он погиб осенью 1944 года в Восточной Пруссии...

ПАРЕНЬ ИЗ ПАРИЖА

Когда в июне 1940 года гитлеровцы оккупировали Северную Францию, Марселю Сози исполнилось двадцать лет. Жгучей ненавистью встретил он в Париже нацистских захватчиков. Он стал борцом Сопротивления, саботажником и франтирером. Гитлеровцы начали преследовать французских патриотов.

В конце 1942 года Сози схватили агенты гестапо на юге страны — в городе Марселе. Но он бежал. Вскоре, однако, под чужим именем попал в облаву, был мобилизован в рабочую команду, а затем и в вермахт.

В мае 1943 года Марсель с запасным батальоном был переброшен в Восточную Пруссию. Там он узнал, что скоро батальон отправят в оккупационные войска в Белоруссию. Обрадовался француз: «Сбегу к русским, буду вместе с ними бить бошей!»

Эшелон с живым грузом прибыл в Минск. Город лежал в развалинах. «Вот что творят нацистские варвары!» — чуть было не произнес вслух Марсель. Но он вовремя спохватился: поблизости стояла группа гитлеровцев.

Молодой, симпатичный «немецкий» солдат пристально присматривался к каждому человеку, встречавшемуся ему на улице, желая в нем угадать подпольщика и партизана, связаться с ним. «Ах, как жаль, что я не знаю русского языка!» — с досадой подумал про себя Марсель. И он решил познакомиться с какой-нибудь местной девушкой. Это ему удалось, когда он был в поселке Смолевичи, что неподалеку от Минска. Там он вежливо остановил приглянувшуюся ему девушку, извинился и представился ей:

— Простите, мадемуазель, я — не немец, я — француз...

Девушка поняла сразу, что француз — из немецкого гарнизона. Таких она уже встречала в округе. Она мило улыбнулась и стала ждать, что он ей еще скажет. Заметив это, Марсель доверительно добавил:

— Мадемуазель, я французский патриот и ищу русских партизан...

По словам «патриот» и «партизан» девушке было ясно, что француз хочет примкнуть к советским партизанам. Она слышала, что в Белоруссии многие французы сражаются с гитлеровскими оккупантами.

Как стало позже известно, это была Наташа из села Жодино. Она уже имела связь с партизанами, действовавшими в районе лесного озера Палик. Наташа про-

информировала о Марселе командира отряда. Однако за несколько часов до ухода в лес к партизанам гитлеровцы арестовали Марселя и Наташу. Видимо, их выследили агенты гестапо. Француза избили, бросили в тюрьму в Смолевичах, а девушку угнали в Германию, где она пропала без вести...

Партизаны напали на тюрьму, и Марсель бежал. Его укрыл в своей избе местный крестьянин. Вскоре в сопровождении одного партизана Марсель ушел в лес, стал бойцом отряда имени Кутузова бригады «Смерть фашизму». Отрядом командовал И. М. Демин, ставший после войны директором Минского автозавода.

Для Марселя начались партизанские будни. Он особенно любил ходить в разведку.

Как-то ранним утром «немецкие» солдаты во главе с Марселем на глазах фашистов угнали легковую машину с важными штабными документами. По дороге в лес прихватили с собой гитлеровского танкиста, танк которого застрял в болотной трясине.

И так день за днем, неделя за неделей. Много Марсель со своими друзьями-партизанами принес бедствий врагу. Он самоотверженно сражался с гитлеровцами вплоть до летнего наступления (июнь 1944 года) советских войск в Белоруссии, когда оккупанты, стремясь предупредить удары партизан с тыла, блокировали Березинские леса. Народные мстители оказались в тяжелом положении.

На болотах в районе озера Палик Марсель 25 июня 1944 года попал в окружение. Фашисты схватили его, избили и отправили в штрафной полевой лагерь «Дюлаг 240», располагавшийся в Борисове. Штрафник и смертник, Марсель Сози скрыл от фашистов свое настоящее имя, назвав себя французским военнопленным Франсуа Дювалем. Перед ним снова встал вопрос: как бежать, как избежать смерти от рук палачей?

Однако судьба и на этот раз была милостива к Марселю — «Франсуа». Теснимые советскими войсками и партизанами в районе Жлобина, войска оккупантов спешно удирали на запад. С собой, в Померанию, они угнали и лагерников. Советские войска вскоре пришли и туда, в логово фашистского зверя. Ночью 29 апреля 1945 года, когда в бараках лагеря послышались далекие раскаты советской артиллерии, вся фашистская администрация бежала. Так Марсель остался в живых.

Когда же в лагере появились первые советские бойцы, Марсель бросился к ним и, крепко сжимая их в своих объятиях, взволнованно проговорил на ломаном русском языке:

— Товарищ, я — партизан... Белоруси... Смолевичи, ля бригад «Смерть фасисм»... Спасибо, камарад... Спасибо, товарищ...

После войны, в 1962 году, Марсель Сози был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, а в 1965 году он снова побывал на белорусской земле, где радушно был встречен советскими друзьями-партизанами.

В настоящее время он живет в Пюто, в пригороде Парижа. Он — инженер-строитель гражданских сооружений.

СЫН ШАХТЕРА

Это случилось в апреле 1943 года. Бойцы партизанского отряда имени Буденного (отряд входил в состав бригады «Победа») устроили засаду на дороге Зельва — Слоним. Не прошло и получаса, как на дороге показался немецкий грузовик с солдатами. Партизаны подпустили его как можно ближе и открыли из автоматов огонь...

Когда партизаны готовы были скрыться, из придорожного кювета поднялся немецкий солдат с винтовкой в руке, закричал по-французски:

— Товарищи, не стреляйте, я — француз!

Это был Леон Эйер, родом из Эльзаса.

Аннексировав Эльзас-Лотарингию, гитлеровцы насильно мобилизовали в вермахт сотни молодых французов. Многие из них были включены в подразделения службы тыла и переброшены во временно оккупированную Белоруссию. В одном таком подразделении находился и Леон Эйер.

Еще накануне отправки в Белоруссию сын шахтера-коммуниста и сам шахтер-комсомолец Леон прямо заявил своим родителям, что не будет служить нацистской Германии, что при первой же возможности с оружием в руках перейдет на сторону советских партизан и вместе с ними будет сражаться с гитлеровцами за Францию и Советский Союз.

И вот через две недели такой случай представился, Леон стал партизаном на советской земле.

Так же поступил и его родной брат Ренэ: он дезертировал из вермахта, не доехав до Варшавы.

Как встретили Эйера советские люди в партизанском отряде?

Вспоминая то время, Леон писал мне:

— ...Час спустя я почувствовал атмосферу товарищества, какого не испытывал никогда в жизни. Каждый партизан стремился дать мне что-нибудь поесть и выпить. Я не знал ни одного русского, ни одного белорусского слова, но когда я с первого же дня почувствовал доброту советских людей, я понял, что нацистская пропаганда была фальшивой...

Леона определили во взвод Константина Татарина.

— Вам, подрывникам и разведчикам, очень нужен такой человек, знающий немецкий язык,— сказал, обращаясь к Татарину, командир отряда Георгий Кириллов.

И действительно, Леонид, или Лёник, как стали Эйера называть партизаны, оказался незаменимым в отряде.

В немецком мундире он часто ходил в разведку, на связь, укладывал мины под самым носом оккупантов. Так, при его участии был пущен под откос эшелон с танками в районе станции Слоним.

— На самые опасные операции,— вспоминал Татарин,— мы брали с собой Эйера, отважного партизана.

Весной 1944 года партизанское командование решило разгромить вражеский гарнизон в селе Острово. Прежде всего надо было снять часовых. Это успешно выполнил Леон, сняв одного из часовых возле ограды, что позволило партизанам без единого выстрела окружить и разгромить гарнизон.

Отличился Эйер и в бою на Виленском тракте, во время блокады, в которой участвовала целая дивизия гитлеровцев.

Вместе со своими советскими друзьями-партизанами Леон пустил под откос восемь вражеских эшелонов!

— Моим лучшим другом всегда был Костя Татарин,— подчеркивал в письме Эйер.— Иногда мы вместе ходили в его родное село Острово, к его матери, чтобы сменить одежду. Мать Кости ухаживала за мной, как за родным сыном...

Последней операцией с участием Эйера было минирование шоссе, по которому гитлеровские оккупанты под давлением наступавших частей Красной Армии, покинув Барановичи, отходили на Запад.

Летом 1945 года Леон Эйер, отдохнув в одном из санаториев в Одессе, вместе с Альбером Морэвиллем, также бывшим партизаном на советской земле, с победой вернулся на свою освобожденную родину.

Все послевоенные годы Леон ни на минуту не забывал своих советских боевых товарищей.

— Я постоянно думал о моих друзьях-партизанах,— писал Эйер.— Это стало для меня болезнью... Я мечтал снова встретиться с ними.

И его мечта сбылась. Осенью 1967 года Леон с женой Жанной, сыном Патрисом и дочкой Соней приехал в гости к своему командиру Константину Татарину. Леон проделал многие сотни километров также для того, чтобы повидать и обнять других боевых друзей, поклониться земле, на которой он сражался с общим врагом советского и французского народов — нацистскими захватчиками.

Надо было видеть встречу старых боевых друзей! Крепкие рукопожатия, братские объятия и слезы радости! Да, им было о чем вспомнить, о чем поговорить, что рассказать друг другу. Суровые годы войны никогда не забудутся!

— Мое пребывание с семьей в Советском Союзе было мечтой и одновременно реальностью,— подчеркивал Эйер.— Бывшие партизаны стремились показать нам все, чего добился белорусский народ... К сожалению, я не встретил многих боевых товарищей — одни из них погибли в годы войны, а некоторые умерли уже в мирное время...

За три недели пребывания в Белоруссии Леон Эйер и его семья посетили места боев, посидели у партизанских костров, осмотрели памятники павшим героям-партизанам, ознакомились с послевоенными отстроенными населенными пунктами бывшего партизанского края, а также с городами Слоним, Гродно, Минск, побывали в школах, кинотеатрах, больницах, колхозах, на предприятиях, и везде дорогим французским гостям советские люди оказывали радушный прием.

А когда семье Эйеров пришло время возвращаться во Францию, настроение у всех разом изменилось.

— Наше расставание было поистине печальным,— писал в заключение Леон Эйер.— Мужчины, женщины и дети из села Острово крепко обнимали нас и плакали. А при посадке в машину советские товарищи мне

говорили: «Лёник, ты снова приедешь к нам! А когда ты вернешься к себе на родину, то скажи соотечественникам, что советские люди любят французов, что они не хотят войны...» Со своей стороны, мы пригласили Костю Татарина и его семью побывать у нас, во Франции...

По возвращении домой, в Гебвилле, Леон Эйер в письме сообщал:

— У себя в доме я организовал небольшую выставку советских подарков, которую уже осмотрели многие разные посетители. Даже моя дочь с помощью учительницы показала школьникам-второклассникам советские книги и русские игрушки, и тем самым они получили первое понятие о Советском Союзе.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1968 года Леон Эйер за мужество и отвагу был награжден орденом Отечественной войны I степени.

В Белоруссии сражались с гитлеровцами более 60 французов. Не все они вернулись после войны на родину — во Францию... Скупы сведения в белорусских документальных фондах об их боевой деятельности, а о многих десятках из них вообще не имеется сведений, если не считать упоминания в списках лишь их имен и фамилий.

Французы-интернационалисты вместе с советскими партизанами самоотверженно сражались в Белоруссии с общим врагом — нацистскими захватчиками. Четырнадцать французских партизан, наиболее отличившихся в боях, были награждены Советским правительством. Благодарный советский народ помнит подвиги славных сынов Франции на советской земле, помнит и никогда не забудет.

Н. Соломин

ПАРТИЗАН ИЗ СТРАНЫ ТЮЛЬПАНОВ

Тишину утреннего леса неожиданно нарушил резкий скрип тормозов и визг трущихся об асфальт резиновых шин. Двое сидевших в дозоре партизан выглянули из-за кустов и увидели выскочивший из-за поворота черный «оппель-капитан».

«Кого это черт несет спозаранку?» — подумал пожилой партизан, глядя на приближающийся автомобиль. В такую рань фашисты редко появлялись на дороге в одиночку. Шло лето 1942 года. К этому времени партизаны вовсю хозяйничали в белорусских лесах. Мужчина в ватнике вопросительно посмотрел на присевшего за кустами веснушчатого парня с густой гривой льняных волос. Перехватив взгляд своего напарника, парнишка потянулся за лежавшей рядом с ним вин-

товкой, но его товарищ прижал палец к губам, давая понять, что торопиться не следует.

Не доехав до места, где залегли партизаны, метров триста, машина остановилась. Из нее вышел высокий, стройный солдат, перехваченный в тонкой талии широким кожаным ремнем. Оглядевшись по сторонам, он подошел к деревянному настилу, перекинутому через глубокий кювет, попрыгал посредине, проверяя его прочность, потом, не поленившись, спустился в кювет и ощупал основание. Не торопясь, он возвратился к машине, сел на кожаное кресло и задумался на минуты две-три, потом принял решение, резко повернул ключ зажигания. Мотор едва слышно заурчал, и послушный его рукам «оппель» тихо тронулся с места.

Машина свернула с шоссе, миновала деревянный настил и, покачиваясь на ухабах, стала углубляться в лесную чащу. Вскоре она скрылась под сенью вековых деревьев.

— Заходи слева,— приказал вполголоса пожилой партизан и с необыкновенной для своего возраста легкостью юркнул в кусты. В один миг он перебежал дорогу, перемахнул через кювет и, прячась за стволами толстых елей, устремился вслед за автомобилем.

Проехав по лесной дороге около километра, «оппель» уткнулся в лежавшую поперек колеи вывороченную с корнем старую, замшелую сосну. Озабоченный шофер обошел ее со всех сторон и, убедившись, что дальше ему не проехать, уселся на подножку своей машины. Неторопливо вытащив из бокового кармана пачку сигарет, жадно закурил.

«Ишь расселся! — зло подумал партизан, не спуская глаз с шофера.— Теперь тебе отсюда не выбраться». Но вот что странно — на лице вражеского солдата не было и тени тревоги. Погруженный в свои думы, он спокойно выпускал колечки дыма. Докурив сигарету,

солдат поднялся во весь свой высокий рост, сложил у рта руки рупором, вобрал в себя побольше воздуха и что было силы закричал на весь лес:

— Э-э-й! Партизанен!

Лес, отозвавшись звонким эхом, стоял вокруг немой и загадочный. Солдат, застыв на месте, вслушивался в таинственную тишину. Ни звука! Только жалобно поскрипывали на ветру верхушки высоких сосен. Выждав паузу, шофер снова что было мочи крикнул:

— Комраден!

И в это мгновение за его спиной раздался тихий спокойный голос:

— Хенде хох!

Незнакомец резко обернулся, вскинул вверх руки. Перед ним стоял худой, заросший щетиной мужик, одетый, несмотря на жаркий июль, в стеганую ватную безрукавку, на груди его висел немецкий автомат. Шофер заговорил на непонятном языке.

— Что он лопочет? — поинтересовался появившийся из-за кустов парнишка.— Вроде не по-немецки шпарит.

— Бог его знает,— ответил пожилой мужчина, не поворачивая головы и не отрывая палец от спускового крючка.— Обыщи-ка его и загляни в машину.

Оружия у солдата при себе не оказалось. Незаряженная винтовка лежала на заднем сиденье. В немой тишине леса под чьими-то шагами хрустнула сухая ветка, затем послышался шелест раздвигаемых кустов, и на дороге показалась группа партизан во главе с комиссаром отряда Ильей Мартыновичем Федоровым.

— Что у вас происходит? — спросил он строго у мужика в ватнике.

— Да вот фриц на машине в лес забрался. Зачем-то партизан кликал.

— Сережа! — обратился комиссар к стоявшему в сторонке вихрастому подростку,— сбегай-ка в лагерь, разыщи Николая (по некоторым источникам Франц.— Н. С.) Станкевича или Эдуарда Эрнста. Пусть придут сюда. Да побыстрее, чтобы одна нога здесь, другая — там.

В отряде «Штурм» роль переводчиков выполняли два подростка. Вскоре они появились, запыхавшиеся от быстрого бега. Поначалу их переговоры с шофером ни к чему не привели. Язык, на котором он изъяснялся, был им непонятен. Потом солдат с явным неудовольствием заговорил по-немецки, и тут выяснилось, что лесной пришелец родом из Голландии и зовут его Римальд де Юнг. В нескольких словах он поведал обступившим его партизанам о своей жизни.

С детства мальчишка грезил морем. После окончания школы поступил в торговый флот. За шесть лет плавания матросом избороздил все моря и океаны. Когда в 1936 году фашисты подняли мятеж в Испании, голландский моряк вступил в интернациональную бригаду и с оружием в руках отстаивал Испанскую республику. После ее поражения Римальд де Юнг оказался во Франции в лагере для интернированных. Пробыл в заключении больше года, до того самого времени, когда во Францию пришли гитлеровцы. Сменив фамилию, голландский антифашист устроился на работу в одну из строительных фирм, возводившую укрепления на Североатлантическом побережье. Возглавлял ее немецкий инженер, который, приметив аккуратного и исполнительного парня, взял его к себе шофером.

Вскоре инженера — члена фашистской партии — перевели в Россию и назначили комендантом города Молодечно. Уезжая из Франции, он взял с собой и своего личного шофера. С первых же дней пребывания

на белорусской земле голландский антифашист решил перебежать к партизанам.

Однажды из телефонного разговора своего начальника с Минском Римальд узнал, что между Заславлем и Родошковичами начал действовать партизанский отряд. 3 мая 1942 года он разгромил в Раевке фабрику осветительных ракет, уничтожив охранявший ее фашистский гарнизон. Через день, перебив охрану, партизаны сожгли имение Бахшты и совершили налет на спиртзавод. Отряд действовал всего в нескольких километрах от города. Выбрав подходящий момент, Римальд вывел из гаража машину и поехал в Маныловский лес, где надеялся встретить партизан.

И вот желание его сбылось. Смущенно улыбаясь, долговязый солдат доверчиво смотрел на сгрудившихся вокруг него вооруженных людей.

— Хочу вместе с вами бить фашистов. Они принесли много бед не только вам, но и моей стране,— закончил свой рассказ Римальд де Юнг.

В штабной землянке, расположенной в центре лесного лагеря, несмотря на поздний час, бодрствовали. За столом, сколоченным из свежеструганных, пахнувших смолой сосновых досок, сидели командир отряда «Штурм» Иван Александрович Гламаздин, комиссар Илья Мартынович Федоров и начальник штаба Иосиф Лазаревич Фогель. Неяркий свет коптилки, сделанной из гильзы противотанкового снаряда, освещал их задумчивые лица. Разговор шел о неожиданном перебежчике, который спал в соседней землянке под присмотром нескольких партизан. Командиры, решая его дальнейшую судьбу, еще и еще раз обдумывали и взвешивали каждое слово, сказанное Римальдом.

— По внешнему виду он не похож на лазутчика,— высказал свою мысль начальник штаба.— Держится скромно, спокойно, не заискивая.

— А если все, что он рассказал, хорошо придуманная легенда? У нас нет возможности проверить,— сомневался Гламаздин.— Мое мнение — глаз с него не спускать, испробовать в серьезном деле. Если он подослан фашистами, то своим поведением обязательно выдаст себя.

Партизанский отряд «Штурм» возник в апреле 1942 года на Красносельской даче из жителей Заславского района, рабочих Минска и группы военнопленных, бежавших из лагерей. За три месяца боевых действий в отряде не произошло ни одного серьезного ЧП. Как ни пытался противник, ему так и не удалось определить стоянку отряда. Не знал он и его численности. Это, конечно, не могло не беспокоить гитлеровцев.

Так кто же он, этот нежданный гость, друг или враг? — думали командиры. На этот вопрос никто из них с уверенностью ответить не мог.

— Завтра я еще раз поговорю с ним,— завершил ночную беседу комиссар.— Поручу какое-либо опасное задание, посмотрим, как он отнесется к этому.

Утром двое партизан ввели де Юнга в штабную землянку. Помимо комиссара в ней находился секретарь Заславского райкома партии Иван Федорович Дубовик. Римальд остановился у порога, голова его едва не касалась бревенчатого потолка.

— С какой целью вы пришли в отряд? — спросил Федоров в упор стоявшего перед ним голландца.

— Хочу вместе с вами бить фашистов,— спокойно ответил Римальд, глядя на комиссара чистыми глазами.

— А чем вы можете это доказать?

— Готов выполнить любое ваше задание.

С березовых нар, сбитых в углу землянки, поднялся Дубовик. Он вплотную подошел к солдату, изучающе посмотрел на него долгим немигающим взглядом.

— На днях во время облавы,— заговорил он хриплым от простуды голосом,— в Минске арестованы несколько наших товарищей. Они помещены в еврейское гетто. Их надо освободить и вывезти в лес. Сможете?

Римальд ответил не сразу, стоял в раздумье, взвешивая свои возможности. Наконец он произнес:

— Постараюсь выполнить ваш приказ.

— Завтра вечером мы будем ждать вас у дороги, в том самом месте, где вы свернули в лес.

Партизанские лошади вытащили легковую машину голландца на шоссе. Римальд сел за руль, включил мотор, и «оппель», рванув с места, помчался в сторону Минска.

С наступлением сумерек усиленный взвод партизан занял позицию по обе стороны от дороги. Затаившись в кустах, бойцы, соблюдая все правила предосторожности, терпеливо ждали возвращения де Юнга. В томительном однообразии проходил час за часом, а заасфальтированное полотно по-прежнему оставалось пустынным. Близился рассвет. Одна за другой гасли в вышине звезды, светлело небо, и наконец первые лучи солнца скользнули по верхушкам сосен. Римальд де Юнг не вернулся.

Напрасно ждали его и на вторую ночь.

— Провел нас фашист,— бушевал Гламаздин.— Теперь жди карателей. Жаль оставлять обжитой лагерь. Вот негодяй! Провел как мальчишек!

Чувствуя свою вину, комиссар молчал, про себя переживая допущенную ошибку. Это он заступился за голландца, поверил ему, хотя где-то в глубине души комиссар все же надеялся на возвращение Римальда. Уж больно чистыми и честными были его глаза.

Когда пришла третья ночь, комиссар вновь направил к шоссе партизан. И вдруг уже перед самым рассветом на дороге появился крытый фургон. Подъезжая

к повороту, грузовик сбавил ход и включил фары. Громоздкая машина осторожно перевалила через зыбкий мостик и въехала в лес. В один миг выскочившие из-за кустов партизаны окружили ее со всех сторон. Римальд де Юнг выпрыгнул из кабины, открыл задний борт:

— Комен, компраден!

Один за другим на землю начали прыгать люди, лица которых выражали страх и смятение. Их было девятнадцать, еще молодых мужчин. Озираясь по сторонам, они искали испуганным взглядом эсэсовцев, но увидели перед собой радостные лица партизан. Когда до сознания узников наконец-то дошла мысль, что они обрели свободу, их охватил буйный восторг. Они обнимались, целовались, прыгали, как дети. Римальд де Юнг смотрел на эту волнующую сцену влажными от слез глазами. Блаженное состояние Римальда прервал властный голос Гламаздина:

— Почему вы задержались на двое суток? — спросил Иван Александрович строго.

— Долго не мог найти подходящую машину,— выдержав пристальный взгляд, спокойно ответил Римальд.

— У вас был приказ освободить только шестерых, а вы привезли девятнадцать. Кто эти люди? — наседал на него командир.

— Узники гетто. У меня в управлении сидит один знакомый. Я сказал ему, что моему коменданту для земляных работ требуются крепкие мужчины. Он подписал мне бумагу на двадцать человек. В последний момент одного охранники высадили из машины.

Отпустив де Юнга, командир и комиссар какое-то время молчали. Каждый обдумывал сложившуюся ситуацию. В отряд прибыла большая группа неизвестных людей. Кто они? Если среди них затесался хотя бы

один предатель, всему соединению грозит опасность.

— Что скажешь, комиссар? — прервал молчание Гламаздин.— Была задача с одним неизвестным, стала с тринадцатью. Положение осложнилось.

— Давай поодиночке поговорим с теми, кто нам хорошо знаком. Все они коммунисты, проверенные люди. На их слова можно положиться.

Разговор с освобожденными из гетто минскими подпольщиками ничего не дал. Никто из них не знал узников, вырвавшихся на свободу благодаря находчивости и смелости де Юнга. Посоветовавшись между собой, командиры решили ради предосторожности прибывших из Минска людей в лагерь не вести. Выбрать для них неподалеку подходящее место для стоянки, дать им в помощь пятерых обстрелянных партизан и создать еще один отряд, дав ему имя «Грозный».

На лесной поляне, сплошь заросшей розовым кипреем, выстроилась нестройная шеренга из двадцати пяти человек. Лишь на правом фланге стояло несколько партизан с винтовками в руках и холщовыми торбочками, в которых лежали самые необходимые для походной жизни вещи. Остальные своим внешним видом мало походили на бойцов. Без оружия, в помятых пиджаках, давно нестиранных рубашках и в легких городских ботинках они производили жалкое и странное впечатление случайно заблудившихся в лесу людей. Они ежились на утреннем холодке, с разлапистых еловых веток капали на них остатки недавно прошедшего дождя.

Гламаздин обошел строй, внимательно разглядывая помятые лица, и остановился напротив Петра Ивановича Тетерина, назначенного командиром.

— С этой минуты,— заговорил он, не повышая голоса,— вы становитесь бойцами нового партизанского отряда «Грозный». К сожалению, всем вам мы не мо-

жем дать оружия, сами бедствуем, придется его добывать в бою с захватчиками. Сейчас наши проводники отведут вас на место вашего будущего лагеря. Обживайте его как следует, впереди нелегкая зима. Мы будем держать с вами постоянную связь и в случае необходимости придем на помощь.

Прозвучала команда. Шеренга вразнобой повернулась через плечо направо и стала углубляться в лес. Внезапно от строя отделилась долговязая фигура голландца. Подойдя к Гламаздину, он что-то быстро-быстро заговорил, показывая рукой на восток. Стоявший рядом с командиром отряда Эдик Эрнст едва успевал переводить его слова:

— Римальд говорит, что может достать оружие.

В глазах у Ивана Александровича вспыхнула искра недоверия:

— Где он его возьмет?

— В гарнизоне деревни Мясота, которая находится в семи километрах от Молодечно, у него есть надежные товарищи. Они помогут ему раздобыть винтовки и патроны к ним. Он просит отпустить его вместе с фургоном, который пригнал из Минска, всего на одни сутки.

Гламаздин бросил быстрый взгляд на Федорова. Комиссар взирал на Римальда с любопытством и удивлением.

«Сомневается!» — подумал командир. Вначале сам пришел в лес, потом привез целую группу неизвестных людей, теперь хочет их вооружить. Что это? Безрассудная храбрость, стремление побыстрее добиться у партизан доверия или тщательно разработанная операция по их уничтожению?

Долговязый голландец терпеливо ждал ответа. Был он уже немолод. По глубоким морщинкам на лбу и складкам у рта можно было с уверенностью сказать,

что ему далеко за тридцать. Но его светлые глаза весело искрились. Он доверчиво и просительно глядел на командира отряда открытым прямым взглядом, добродушная, приветливая улыбка источала непритворную искренность.

«Пожалуй, рискну еще раз»,— решил Гламаздин.

— Пусть едет,— дал он свое согласие и, отвязав от тонкой сосенки понуро стоявшую лошадь, вместе с комиссаром Федоровым поехал по едва приметной тропинке, усеянной первыми облетевшими листьями.

В конце дня с головной партизанской заставы, расположившейся на опушке леса, прибежал связной, сообщивший о возвращении Римальда де Юнга. Командир отряда в сопровождении нескольких всадников тут же выехал к месту встречи. Едва Гламаздин взглянул на поникшую, ссутулившуюся фигуру голландца, как сразу же понял — операция провалилась. И странное дело — Иван Александрович не испытал в этот миг чувства горечи и досады. Совсем наоборот. Ему вдруг стало легко, будто тяжелый груз свалился с его плеч. Привези Римальд оружие, подозрение непременно возросло бы. Так гладко могла протекать только тщательно продуманная операция.

— Что случилось? — спросил он де Юнга, рассматривая зиявшие в бортах рваные отверстия от автоматных очередей.

Римальд рассказал о своей неудачной вылазке. До деревни добрался быстро, без каких-либо происшествий. Легко отыскал своего приятеля, ведавшего хозяйством гарнизона. Увидев перед собой де Юнга, он побледнел, в глазах отразился животный страх.

— Загони-ка машину в проулок, подальше от глаз,— попросил он.

Римальд втиснул грузовик между избой и высокой поленницей дров, сложенной у забора, спрыгнул на

землю. Солдат, вцепившийся в его рукав, потянул за угол. Пугливо озираясь по сторонам, он сообщил, что комендант Молодечно известил все окрестные гарнизоны о бегстве де Юнга к партизанам. Тому, кто задержит его или застрелит, обещалась награда — двухнедельный отпуск на родину.

— Партизанам нужно оружие. Помоги мне раздобыть хотя бы несколько винтовок,— попросил Римальд.

Немец энергично закачал головой:

— Это невозможно. У избы, где хранится оружие, стоят надежные часовые, такие отъявленные фашисты, что к ним не подступиться. Не советую туда соваться. Уезжай побыстрее, иначе тебя схватят, тогда и мне несдобровать. Я могу дать тебе хороший турецкий табак, вчера вечером привезли.

Немецкий солдат метнулся в избу и через пару минут появился с двумя бумажными мешками в руках, которые он швырнул в кузов машины.

— Захвати с собой мальчишку. Он местный, деревенский, арестован за хранение радиоприемника. Сегодня его должны отправить в Молодечно в гестапо.

Солдат поспешно скрылся за забором и вскоре возвратился, волоча за собой худющего подростка. В другой руке он держал небольшой фанерный чемодан. Немец почти силой затолкал мальчишку в кабину:

— Поезжай, Римальд. Да хранит тебя бог!

— Может быть, и ты с нами, Эрнст? — предложил де Юнг.

Приятель его жалко улыбнулся, крутнул головой:

— Я на это не способен.

Римальд вывел машину на улицу. Навстречу ей шло в строю отделение солдат. Нервы напряглись до предела. Но они сошли на обочину, пропустили автомобиль мимо себя. Вереница изб осталась позади. За околицей начиналось ровное открытое шоссе, и в это мгновение

де Юнг увидел окрашенный яркими полосами опущенный шлагбаум. Рядом стояла караульная будка, возле которой Римальд заметил нескольких жандармов с металлическими бляхами на груди.

— Ну, не выдай, родная! — прошептал он и прибавил газу. На бешеной скорости фургон врезался в толстое бревно, преграждавшее шоссе, сломав его, словно спичку, на две половины. Римальд выжимал из мотора все, что мог. Вдогонку раздавались автоматные очереди. Пули с треском рвали деревянные борта и брезентовую обшивку.

— Только бы не попали по баллонам,— молил Римальд,— тогда — крышка.— И на этот раз ему сопутствовала удача.

Закончив свой рассказ, де Юнг легко перемахнул через борт и передал в руки партизан два бумажных куля. В воздухе повис медовый запах дюбека. Заядлые курильщики в отряде за одну закрутку нормального табака готовы были отдать дневную порцию хлеба. Уже который месяц они курили сушеные листья дуба и мелко истолченную кору деревьев. И вдруг на их голову свалился бесценный подарок — два мешка отличного турецкого табака.

На этом счастливое мгновение не кончилось. Римальд открыл дверцу кабины и вытащил из нее еще не пришедшего в себя после испуга парнишку лет шестнадцати, а вслед за ним извлек деревянный чемодан. В нем оказался самодельный радиоприемник.

— Это он сам собрал,— показал Римальд на растерянного паренька.

— Ты откуда, малец? — спросил, обращаясь к нему, Гламаздин.

— Я Ивинский из Мясоты,— чуть слышно ответил парнишка.

— Работает твоя машина? — поинтересовался командир отряда.— Ну-ка, покажи.

Мальчишка закинул на ветви ближайшей ели проволоку и начал вертеть рычажки, установленные на панели. Внутри ящика что-то захрипело, засвистело, послышался треск и сильный гул. Сгрудившиеся вокруг машины партизаны терпеливо ждали... И вдруг раздался знакомый голос московского диктора, передававшего сводку информбюро. Все затаили дыхание. Диктор сообщал о тяжелых боях на Дону. И только после того как голос смолк и зазвучала музыка, партизаны схватили паренька в охапку и начали тискать его в своих объятиях.

— Отпустите вы парня, задушите совсем,— говорил, расплываясь в улыбке, Гламаздин. Сердце его ликовало. До сих пор отряд был оторван от Большой земли. За сводками Совинформбюро ходили за десятки километров в Налибокскую пущу, где располагалась спецгруппа капитана В. В. Щербины. Посыльные постоянно рисковали своей жизнью, нередко попадали в засады и оказывались в руках гитлеровцев или погибали от пуль полицаев.

Бойцы из отряда «Штурм» получили возможность ежедневно слушать сообщения из Москвы. Такой подарок был дороже желанного табака, потому что партизаны больше всего скучали по голосу Родины. Уже со следующего дня парнишка на своем самодельном радиоприемнике начал принимать сводки информбюро. Они переписывались от руки на обрывках бумаги и разносились по отрядам, не имевшим рации, и окрестным деревням.

После неудачной поездки за оружием Римальд замкнулся в себе, стал сторониться людей, постоянно ходил погруженный в свои мысли. По всему чувствовалось, что он тяжело переживает случившееся. Гла-

маздин перевел де Юнга в отряд «Штурм» и поселил в землянку к Эдику Эрнсту и Николаю Станкевичу, поручив им как можно быстрее научить голландца русскому языку.

Трудно было сыскать двух подростков с более противоположными характерами, чем они. Эдик — шумный непоседа, гораздый на веселые проказы и розыгрыши. Водились за ним и более серьезные грешки. Парень любил прихвастнуть и не всегда держал свое слово. Николай, хотя и был постарше своего приятеля всего на год, отличался серьезностью и осмотрительностью, вел себя тихо и скромно. Оба подростка по возрасту годились Римальду в сыновья, и он относился к ним с трогательной отеческой заботой. Юноши звали своего опекуна просто Рем, и вскоре к нему стали обращаться так все партизаны.

Какое-то время Римальда на операции не брали. Оставаясь в лагере, он ни минуты не сидел без дела — чистил картошку, колол дрова, чинил упряжь, со всеми был приветлив и общителен, и это помогало ему в освоении русского языка.

В начале осени в отряд прибыл секретарь Борисовского подпольного межрайонного комитета Компартии Белоруссии Павел Антонович Жукович. Он привез радостную весть о том, что в нескольких десятках километров от лагеря партизаны оборудовали аэродром и стали регулярно принимать самолеты с Большой земли.

— На днях прибудет партия оружия и для вашего отряда. Пошлите за ним надежных людей,— сказал он обрадованному этой вестью Гламаздину.

Для дальнего похода отобрали самых молодых и здоровых партизан. Включили в группу Эдика Эрнста и Николая Станкевича.

— Возьмите с собой и Рема,— посоветовал им Иван Александрович.— Его хладнокровие и выдержка, владе-

ние немецким языком могут пригодиться вам в пути.

В рейд отправились на рассвете. Над болотом стелился белесый туман. По обе стороны тянулся густой лес, настоянный на запахах терпкой хвои и прелых сырых листьев. Через несколько часов чаща сменилась светлой березовой рощей. Впереди лежал луг, заросший редким кустарником. Где-то вдали в утренней тишине раздался голос кукушки. То высланные вперед разведчики подавали сигнал, что путь свободен.

Шли без остановки почти весь день, обходя стороной деревни, в которых стояли немецкие гарнизоны. На отдых решили остановиться на опушке елового бора. Солнце уже зашло за горизонт, когда подошли к намеченному месту. Но прежде чем углубиться в лес, партизаны задержались у едва приметного холмика земли, сверху которого лежал большой гладко обкатанный валун. Все сняли шапки, с минуту молча постояли, склонив головы, и так же бесшумно скрылись в зарослях.

Возле холмика задержались лишь трое — Эдик Эрнст, Николай Станкевич и вместе с ними Римальд де Юнг. Оба подростка, опустившись на колени, будто окаменели, лица их выражали глубокую скорбь. Даже озорной Эдик изменился до неузнаваемости — глаза его были полны безысходной печали.

Наконец они поднялись с земли, нахлобучили на головы шапки.

— Здесь лежит наш друг Иван Соломахин. Редкой храбрости человек,— сказал Рему шагавший рядом Николай.— Это он привел нас в партизаны.— И подросток поведал своему старшему товарищу историю, которая взволновала Римальда де Юнга до глубины души.

...Война застала архангельского паренька Ивана Соломахина на границе. Там он принял свой первый бой. В схватке с фашистами получил тяжелое ранение

в голову и брюшную полость. Гитлеровцы посчитали его мертвым и швырнули в яму вместе с убитыми. Но Иван Соломахин оказался на редкость живучим. Среди ночи он очнулся, с трудом выбрался из рва и пополз к деревне. У околицы его схватили немцы и бросили в сарай, до отказа набитый пленными красноармейцами. Они были уверены, что тяжело раненный солдат долго не протянет. Но в тщедушном теле оказался огромный запас жизненных сил. Уже через несколько дней Иван стал подниматься с земли и мог без посторонней помощи сделать несколько шагов.

Вместе со всеми его отправили в Гданьский лагерь военнопленных, в котором содержались французы, англичане, чехи, бельгийцы, голландцы, поляки, они пребывали в более или менее сносных условиях. К русским же гитлеровцы относились с лютой ненавистью. Размещали их в сырых и холодных бараках, гоняли на самые тяжелые работы, кормили отбросами, зверски избивали за малейшее нарушение режима.

Однажды из Берлина приехало высокое начальство. В сопровождении нескольких эсэсовских офицеров чиновник из министерста вошел в барак к русским военнопленным.

— Есть ли у вас какие-либо жалобы? — спросил он у сгрудившихся вдоль стены узников.

Пленные угрюмо молчали. И вдруг из толпы раздался звонкий мальчишеский голос:

— Жалоб никаких нет, а вот требования имеются.

Чиновник и эсэсовцы вопросительно взглянули на переводчика — что хочет этот русский? И когда он сделал им дословный перевод, гитлеровцы захохотали — требование?

— Это интересно! — говорил сквозь смех прибывший из Берлина чиновник.— Пусть выйдет, скажет, в чем дело?

Сквозь плотную людскую массу продрался небольшого роста белобрысый паренек. На худом теле через рваную гимнастерку клавишами проступали ребра. Это был Иван Соломахин.

Взглянув на него, немцы заржали еще веселее:

— Ну давай, выкладывай!

Иван, глядя прямо в лица палачам, стал говорить:

— Я требую гуманного обращения с русскими военнопленными согласно Гаагской конвенции. Улучшить питание раненым и оказать им медицинскую помощь. Я требую...

Лицо чиновника побагровело, сузившиеся глаза налились кровью. Не сказав ни слова, он повернулся и пошел к выходу. Несколько эсэсовцев бросились к Соломахину, сбили его с ног, со всех сторон посыпались на него удары. Когда пленный перестал шевелиться, его потащили в карцер. Немногим удавалось выйти оттуда живым, но, к удивлению всех обитателей барака, через несколько дней Иван Соломахин предстал перед ними бледный и еще более исхудавший, но не сломленный.

Выйдя из карцера, он в знак протеста против бесчеловечного отношения к военнопленным объявил голодовку и на следующий день не вышел на утреннюю проверку. Двое дюжих эсэсовцев выволокли его из барака и начали избивать перед строем. Ярость охватила всех пленных. Тысячи голосов начали скандировать:

— Со-ло-ма-хин!

Русскую фамилию подхватили в других секторах лагеря.

— Свободу Соломахину! — кричали на французском, английском, польском и других языках.

Комендант лагеря в бешенстве метался по плацу. Он готов был уничтожить пленных всех до единого.

Но как на это посмотрит Берлин? Соломахина вновь отвели в карцер.

Всю эту картину наблюдал лагерный переводчик Эдик Эрнст. Мужество русского парня потрясло его. Родился Эдуард в Данциге. Отец его был немец, мать — полячка. Смышленый подросток отлично владел немецким, польским и русским языками. Оккупировав Польшу, фашисты создали на ее территории десятки лагерей для военнопленных. Эдуарда Эрнста, которому только что исполнилось 16 лет, заставили работать в Гданьском лагере в качестве переводчика.

Жил он на окраине Гданьска в одной квартире с таким же, как и он, подростком Николаем Станкевичем. Родом он был из Литвы, с детства обладал неодолимой тягой к знаниям, мечтал стать инженером. Война перечеркнула все его планы. Захватив Литву, гитлеровцы по закону о трудовой повинности забрали и направили подростка в Гданьский лагерь, где он стал работать переводчиком. Так скрестились пути двух обездоленных мальчишек.

Вечером Эдуард рассказал своему приятелю о мужестве русского парня. Долго в ту ночь они не могли уснуть. Оба ненавидели фашистов, поработивших их родину. У ребят возник смелый план — запастись надежными документами, освободить из лагеря Ивана Соломахина и втроем пробраться в Россию, чтобы там в рядах Красной Армии сражаться с гитлеровскими захватчиками. Отчаянным ребятам удалось осуществить свой замысел. Под каким-то предлогом они вывели Ивана Соломахина за пределы лагеря, переодели его в заранее припасенную одежду и двинулись на восток. Благополучно пересекли всю Польшу, прошли пешком половину Белоруссии. На лесной тропинке возле Заславля ребята наткнулись на дозор из отряда «Штурм» и попросили принять их в ряды народных мстителей.

Нечеловеческие испытания выпали на долю Ивана Соломахина — тяжелейшее ранение, когда его жизнь висела на волоске, ужас концлагеря, труднейший путь длиною в тысячу километров. Через все муки прошел архангельский паренек. Жить бы ему да жить после всех этих испытаний, но судьба распорядилась по-своему. В первом же бою вражеская пуля сразила его наповал. Одно утешение, что нашел он свой вечный покой на родной земле.

...Три дня ждали самолет с Большой земли. Небо заволокли густые облака, шел мелкий нудный дождь. Лишь на четвертые сутки погода улучшилась. По рации сообщили: ждите «гостей» в полночь. Точно в назначенное время в вышине послышался рокот мотора. Партизаны подали условный знак, и тут же над их головами мелькнула огромная стальная черная птица. Она легко коснулась земли и, пробежав по полю несколько десятков метров, остановилась.

Бойцы из отряда «Штурм» выгрузили ящики с оружием и патронами, мешки с теплой одеждой и махоркой, пачки газет. Весь груз распределили поровну между всеми членами группы и с тяжелой поклажей двинулись в обратный путь.

От Бегомльского района, где находился аэродром, до стоянки отряда было около ста километров. Дорога не близкая даже для человека, идущего налегке, а если на спине по два пуда, то каждый шаг дается с трудом. И все же решили за один переход дойти до Колоницы, где остановиться на ночевку. Жители этой небольшой деревни были надежными помощниками партизан, делились с ними теплым кровом и последним куском хлеба.

Несмотря на тяжелый груз, шли ходко, делая через каждые два часа короткие пятиминутные привалы. Солнце уже клонилось к вечеру, когда выбившиеся из сил

партизаны вышли из леса. Картина, которую они увидели, потрясла их. Вместо рубленых изб валялись обгорелые головешки, торчали почерневшие от дыма и копоти печные трубы. За деревней обнаружили груду человеческих тел. Гитлеровцы расстреляли всех жителей — не пожалели ни стариков, ни женщин, ни детей. Де Юнг глядел на эту жуткую картину глазами, полными душевной боли.

В лагере партизан, вернувшихся из похода, встречал командир Федоров. Он поблагодарил их за отличное выполнение трудного задания. Сбросив с плеч мешок, Рем подошел к Илье Мартыновичу и обратился к нему с просьбой:

— Отпустите меня, пожалуйста, из отряда дня на два, на три. Я хочу уничтожить своего бывшего шефа — коменданта Молодечно.

— Это очень рискованно. Полковник осторожен, постоянно ходит с охраной,— засомневался комиссар.

— Он аккуратен до педантизма,— возразил Рем.— За время работы с ним я хорошо изучил распорядок его дня, от которого он не отступает ни на шаг. Я выберу благоприятный момент.

Федоров задумался.

— Этот палач за свои злодеяния уже давно заслужил смерти,— согласился он с Ремом.— Действуйте, только возьмите себе в помощь трех автоматчиков.

— Вы мне не доверяете? — вспыхнул Римальд.

Комиссар приветливо улыбнулся и произнес:

— Мы верим вам, товарищ Рем. Вы идете на рискованное дело, которое одному просто не под силу.

Соблюдая осторожность, Римальд проник в Молодечно, понаблюдал за домом, где жил полковник, осмотрел со всех сторон его резиденцию. Комендант появлялся на улице только в сопровождении нескольких офицеров. «Действовать надо на дороге»,— пришел к выводу Рем.

Он засел в зарослях возле шоссе Минск — Молодечно. Справа и слева от него расположились автоматчики. Морозная ночь подходила к концу. Основательно продрогший Рем постоянно поглядывал на циферблат часов. Скоро шесть. Именно в это время полковник выезжал в Минск с докладом. «Неужели комендант изменил своей привычке?» — подумал Римальд и в этот момент услышал шум мотора. Из-за поворота вынырнула машина. Сбросив скорость на вираже, она притормозила. Де Юнг уже хотел было рывком выскочить на шоссе, но вовремя сдержался. За первым автомобилем шел второй. На нем Римальд увидел знакомый номер. «Вот она, немецкая аккуратность!» — мелькнуло в голове. Одним прыжком голландец выскочил на дорогу и поднял руку. Увидев перед собой человека в форме солдата вермахта, шофер инстинктивно сбросил скорость. Этого мгновения оказалось достаточно Рему, чтобы автоматной очередью прошить шофера. И тут же неподалеку послышалась оживленная стрельба. Партизаны завязали бой с охраной полковника.

«Надо быстрее кончать»,— мелькнуло в голове у Рема. Он бросился к застрявшей в кювете машине, но его остановили револьверные выстрелы. Пули просвистели над самым ухом. Римальд плашмя упал на землю, снял с пояса гранату, вырвал чеку и швырнул ее под колеса автомобиля. Раздался взрыв, и выстрелы смолкли. Римальд подбежал к машине. На заднем сиденье лежали два немецких офицера. В одном из них Рем узнал своего бывшего шефа. Прихватив портфель, стоявший у его ног, он скрылся в лесной чаще.

Дерзкие налеты партизан держали гитлеровские гарнизоны в постоянном страхе. Фашистское командование решило покончить с отрядом «Штурм». Вместе с жандармерией и полицией в операцию включились

солдаты и офицеры 196-го мотопехотного полка, следовавшего из Штутгарта под Сталинград.

Ранним утром 30 октября 1942 года на взмыленной лошади в лагерь из поселка Шаршуны прискакал Николай Власик. Мальчишка был только в нижнем белье, поэтому дрожал от холода. На него набросили полушубок, напоили горячим чаем. Придя в себя, подросток рассказал, что поселок заполонили немцы.

— Их видимо-невидимо,— говорил мальчишка, дрожа всем телом.— У них пушки и пулеметы. Мой дедушка слышал их разговор. Через Слободу и Довбарово они идут на ваш лагерь. Ночью я вышел во двор будто бы по нужде, отвязал лошадь и прискакал к вам.

— Говоришь, немцев много? — переспросил его Гламаздин.

— Дед сказал, человек шестьсот, а может быть, и целая тыща...

Партизан в лагере находилось в это время человек шестьдесят, остальные, разделившись на три группы, ушли на задания, чтобы достойно отметить 25-ю годовщину Великого Октября.

В штабной землянке собрались все оставшиеся в лагере командиры. Мнения разделились. Одни говорили, что надо быстрее сниматься и уходить в другой район, другие предлагали занять оборону вокруг лагеря и драться до последнего. Все ждали, что скажет Гламаздин.

— Надо опередить фашистов,— предложил командир отряда.— 27 партизан устроят засаду у дороги рядом с деревней Новый Двор. Место там высокое, можно держать под обстрелом всю местность. Взвод Тимохина направится в тыл немцам, чтобы в самый нужный момент по сигналу ударить со стороны Радошковичей. Оттуда они вряд ли будут ждать нападения, остальные во главе с Федоровым и Фогелем будут

оборонять подходы к лагерю. Через двадцать минут выступаем.

В считанные секунды весь лагерь пришел в движение. В предрассветной синеве замелькали темные тени. Молча занимали свои места в строю, бесшумно исчезали в глухой чащобе. Под торопливыми шагами хрустели ветки, слышалось тяжелое прерывистое дыхание.

Партизаны двигались по лощине между двумя холмами, окутанными густым туманом. Дорога пошла круто вверх, и белая пелена сразу же пропала. Шедшие впереди на мгновение замерли. Прямо на них двигалась густая колонна гитлеровцев. Все решили доли секунды. Партизаны первыми открыли огонь и с криком «Ура!» бросились вперед вверх по крутому склону. Стреляя на бегу, они полукольцом огибали дорогу, забитую гитлеровцами. Выпуская пулю за пулей, вместе с другими устремился к вершине и Римальд де Юнг. Сердце его учащенно стучало в груди, готовое вырваться наружу. Он понимал, что промедление равносильно смерти. Если гитлеровцы придут в себя — отряду не сдобровать. Слишком неравными были силы.

Дружный огонь неожиданно вынырнувших из густого тумана партизан вызвал в колонне карателей страшную панику. Оставляя убитых и раненых, они бросились к мосту через реку Удра. Командовавший операцией капитан Моссе, пытавшийся остановить своих солдат, организовать оборону, упал, сраженный партизанской пулей.

В этот момент во фланг гитлеровцам ударила группа Тимохина. Фашисты в ужасе заметались по обширному полю. Поняв, что их спасение за рекой, они устремились к мосту. Партизаны преследовали немцев по пятам. И вдруг из ольшаника, протянувшегося вдоль

берега, ударил по ним пулемет. К его дробному стуку присоединились пушки и минометы, которые каратели успели установить на противоположном берегу реки. Партизаны залегли.

За время стремительной атаки Римальд вырвался далеко вперед и поэтому ближе других находился к немецкому расчету. Прижимаясь всем телом к земле, он медленно пополз к огневой точке. Сосредоточив все свое внимание на партизанской цепи, фашисты не видели приближающуюся к ним одинокую фигуру. Когда до кустов осталось метров двадцать, Римальд затаился за болотной кочкой, осторожно приподнял голову. У пулемета лежали двое. Он взял одного из них на мушку, прицелившись в голову, плавно спустил курок. Солдат, вздрогнув всем телом, затих. Его напарник расширенными от страха глазами посмотрел в сторону стрелявшего и тут же, сраженный второй пулей, уткнулся лицом в сырую землю.

Римальд в одно мгновение очутился возле пулемета, развернул его и начал стрелять по мосту и метавшимся по берегу гитлеровцам, затем перенес огонь по артиллеристам, копошившимся возле орудий. В переломный момент боя Римальд де Юнг и партизанский пулеметчик Захар Циклаури уничтожили артиллерийскую прислугу. Потеряв огневую поддержку, фашисты, не останавливаясь, побежали к поселку Шаршуны.

В бою на реке Удра гитлеровцы потеряли 79 своих солдат и офицеров, еще 37 трупов оставили они, напоровшись на засаду. В руки партизан попало одно противотанковое орудие, шесть батальонных и ротных минометов, 12 пулеметов и 3 автомашины с боеприпасами.

После боя на реке Удре Римальда де Юнга зачислили в пулеметный взвод, но жил он по-прежнему в землянке вместе с Эдиком Эрнстом и Николаем Станкевичем.

Честнейший до мелочей, не терпевший ни грана фальши, не признававший неправды даже в безобидной шутке, Рем все больше тяготился присутствием Эрнста. Этот несерьезный, шумливый и неугомонный мальчишка постоянно раздражал его. Конечно, Римальд мог попросить командира переселить его в другую землянку, но голландец всем сердцем привязался к другому подростку — Николаю Станкевичу. Худенький, небольшого роста, с огромными голубыми доверчивыми глазами, он вызывал в глубине души Рема отцовские чувства. Он глядел на скромного, доброго, сдержанного, не по годам серьезного паренька влюбленными глазами. Несмотря на разницу в возрасте, между ними возникла душевная близость. Рем заботился о своем юном друге, как родной отец, переживал, когда Николаю грозила опасность.

Будучи переводчиком, парнишка мог бы постоянно находиться при штабе, но ему не сиделось в лагере. Он рвался в бой, часто упрашивал командиров отпустить его вместе с партизанскими группами на боевое задание.

Однажды одна из таких групп устроила засаду на дороге. Несколько часов пролежали на уже схваченной морозом земле, и за это время на шоссе не появилось ни одной машины. Все порядком промерзли, и командир хотел было уже отвести людей в лес, чтобы поесть и обогреться, как вдруг вдали показалась колонна крытых грузовиков. Подпустив ее на близкое расстояние, партизаны забросали автомобили гранатами. Несколько машин сразу же вспыхнули, из остальных начали прыгать на стылую землю каратели. Они открыли сильный огонь и стали обходить группу со всех сторон, стремясь отрезать ее от леса.

Петляя между кустами и отстреливаясь на ходу, партизаны стали поспешно отходить к видневшимся

вдали зарослям. Им удалось оторваться от погони. Запыхавшиеся от долгого бега, они собрались на запорошенной первым снежком поляне. Не хватало только Николая Станкевича. Решили в лагерь без него не возвращаться. Осторожно подошли к шоссе. Машины уже ушли, и партизаны стали прочесывать всю местность, где произошел бой. Искали до темноты. Николай будто в воду канул.

В ту ночь Римальд не сомкнул глаз. Когда рассвело, он упросил Гламаздина отпустить его на поиски друга.

Целую неделю де Юнг шарил по округе, обходил деревню за деревней. В одной из них он узнал, что в кювете возле Родошковичей крестьяне обнаружили изуродованный труп белобрысого паренька. Фашистские изверги выкололи ему глаза, вывернули руки. Добрые люди похоронили мальчишку на сельском кладбище. Рем побывал на могиле, молча постоял у земляного холмика, укрытого пушистыми еловыми ветками, но он не мог оставаться спокойным до тех пор, пока не удостоверится в том, что именно Николай нашел здесь свой последний приют.

Крестьяне рассказали де Юнгу об одном полицейском, который служил в Родошковичах и был свидетелем бесчеловечной расправы над подростком.

— В нашей деревне живет мать этого полицейского, и он каждую субботу навещает ее,— сообщили они Рему.

Партизаны устроили засаду и поймали предателя. От него они узнали о геройской смерти Николая Станкевича. До леса оставалась сотня шагов, когда его сразила вражеская пуля. Он упал среди кустов и потерял сознание. Каратели, достигнув лесной опушки, дальше не пошли, побоялись, повернули обратно к дороге, и в это время Николай застонал.

Гитлеровцы подобрали парня и швырнули в маши-

ну. В дороге раненый пришел в себя, и немецкий офицер стал его допрашивать. Николай вступил с ним в разговор на чистейшем немецком языке, чем немало удивил сидевших в кузове карателей. Узнав, что пленный — литовец, офицер пообещал сохранить ему жизнь и поместить в больницу.

— Что у тебя общего с этими бандитами? — говорил молодой лощеный фашист.— Поправишься — будешь служить великой Германии.

Николай с трудом приподнялся на локтях и плюнул самоуверенному офицеру в лицо. Пришедшие в ярость гитлеровцы зверски расправились с молодым партизаном и выбросили его на дорогу.

В лагерь Римальд возвратился чернее тучи. Сел у входа в свою землянку на еловый чурбак и молча сидел, уставившись в одну точку. Уже давно густая мгла окутала лес, с неба повалил снег, а голландец не двигался с места. Поздно вечером к нему подошел Захар Циклаури, по-братски обнял за плечи и повел к себе в землянку, без лишних слов освободил место рядом с собой на нарах. Вскоре оба пулеметчика уснули, укрывшись одним солдатским одеялом. С этого дня рассудительный Захар Циклаури и молчаливый, уравновешенный Римальд де Юнг стали друзьями.

Не только в отряде «Штурм», но и в соседних соединениях не было человека, который бы так умело обращался с грозным оружием, как Захар Циклаури. Все, что он знал и умел, грузин охотно передавал Рему, который оказался на редкость способным учеником. Голландец сохранял в бою удивительное спокойствие и выдержку. Партизаны знали, что там, где занял позицию Римальд, враг не пройдет. Его пулемет действовал четко и безотказно.

Лишь однажды он оплошал. Как-то пошел Рем с группой партизан на «железку». Подрывники начали за-

кладывать мину, а он залег неподалеку от них со своим пулеметом. Внезапно откуда ни возьмись — немцы. Меткими очередями Римальд заставил гитлеровцев залечь. «Надо их сдержать, пока наши не уйдут в безопасное место»,— думал де Юнг, посылая очередь за очередью... И вдруг пулемет умолк. Ободренные гитлеровцы, поднявшись во весь рост, бросились вперед. У Римальда еще была возможность скрыться, но он не двинулся с места, пытался устранить неисправность. Фашисты все ближе и ближе, уже отчетливо видны их сосредоточенные лица. И когда до них оставалось с полсотни шагов, пулемет ожил. На врага обрушился град свинца. Под его прикрытием партизанам удалось без потерь уйти от карателей.

Рем тяжело переживал случившееся. Он сам пошел к комиссару Федорову и попросил наказать его за допущенный промах. Илья Мартынович успокаивал вконец расстроившегося Рема:

— Вы не виноваты. Немецкие пулеметы часто отказывают в бою.

— Нет! В наших руках они должны действовать четко,— возражал Римальд.

С той поры он берег свой пулемет пуще глаза, укрывал шинелью от мороза, без конца очищал его от пыли и грязи, постоянно смазывал. Больше ни разу оружие не подводило его.

В середине ноября 1942 года над отрядом «Штурм» нависла смертельная угроза. На его уничтожение были брошены регулярные войска под командованием полковника Купеца. Наместник Гитлера в Белоруссии фон Кубэ незадолго до этого лично вручил ему железный крест за успешную борьбу с партизанами. Пять тысяч хорошо вооруженных и обученных гитлеровцев тройным кольцом окружили 650 партизан. Через каждые пятьдесят метров каратели разложили костры,

освещая по ночам всю местность, с тем чтобы ни одна живая душа не могла проскочить незамеченной.

Несколько раз партизаны пытались вырваться из окружения, но неизменно вновь отходили в глубину леса. Немецкие самолеты беспрерывно бомбили лагерь с воздуха. Обжитую базу пришлось оставить, с каждым днем кольцо затягивалось все туже. Отряд нес большие потери, подходили к концу боеприпасы.

Каждую ночь Гламаздин посылал по разным направлениям разведчиков, чтобы они нашли хоть какую-нибудь щель в обороне противника. Под утро они возвращались ни с чем, измученные, промокшие до последней нитки. Соблюдая правила маскировки, партизаны не разводили костров, не варили горячую пищу. Ели сухари, размоченные в болотной воде. С наступлением сумерек запрещалось даже курить.

Оставаться на месте — означало гибель отряда. Было решено нанести врагу еще один, решающий удар, попытаться любой ценой вырваться из окружения. Все понимали, что предстоит смертельная схватка, и внутренне готовились к ней. Де Юнг и Захар Циклаури должны были идти в первых рядах штурмующих и огнем своих пулеметов прокладывать дорогу остальным.

Атаку назначили на пять часов утра, а среди ночи партизанский дозор задержал в лесу посиневшего от холода паренька. Его доставили в штаб. Им оказался одиннадцатилетний мальчишка из деревни Середняя Заславского района Шура Барсук. Он рассказал, что в их деревне расположился батальон карателей. В новой избе, построенной перед самой войной, разместились немецкие офицеры. Днем они куда-то ушли, а вместо них пришел раскрасневшийся от мороза обер-лейтенант. Плотно пообедав, он лег спать, а снятую портупею положил рядом с собой. Мальчишка с любопытством поглядывал с печки на пистолет в кобуре

и кожаную полевую сумку, лежавшие на краю стола. Его так и подмывало схватить кобуру и сумку и убежать к партизанам. Но чувство страха неприятным холодком подступало к сердцу, удерживало мальчишку. Сладко храпевший немец повернулся к стене. Сашка тихо сполз с печки, схватил со стола вещи и, прижимая их к груди, выскочил в сени, оттуда в огород и кустами — к лесу. Увидев у опушки немцев, он сделал крюк к знакомому болоту, куда часто ходил за клюквой. Просидел в холодной трясине целый день. Вот когда мальчишка пожалел, что, перед тем как стащить у офицера оружие, не оделся потеплее. Дождавшись темноты, Шура прополз между фашистскими заставами.

Отважный мальчишка спас отряд от гибели. В сумке, которую он принес, лежала оперативная карта всей карательной операции. Изучив ее, партизанское командование пришло к выводу, что Савченково болото фашисты оставили неприкрытым, видимо, сочли его непроходимым. Костры, которые опоясывали берег, они разложили для видимости.

Через полчаса партизанские роты пришли в движение. Держа в руках длинные багры и постоянно промеряя ими глубину, умелые проводники повели отряд по зыбкой трясине. Порой зловонная жижа доходила до подбородка. Шли медленно, несли с собой раненых и больных, тащили на плечах тяжелый груз. На рассвете наконец почувствовали под ногами твердую почву и неожиданно обрушились на слабое прикрытие немцев. Опрокинув его, партизаны двинулись в новый район.

По решению Минского подпольного горкома компартии Белоруссии на основе вышедшего из окружения отряда «Штурм» была образована партизанская бригада «Штурмовая». В нее вошли также отряды «Грозный», «За отечество», имени Фрунзе и имени

Жукова. Бригада насчитывала 1464 бойца, представителей 28 национальностей. Кроме белорусов и русских были в ней поляки, чехи, немцы, австрийцы, французы, бельгийцы, испанцы и голландец Римальд де Юнг.

Первой крупной операцией, проведенной бригадой, был разгром вражеского гарнизона в районном центре Логойск. Партизанское командование готовилось к ней тщательно. Подпольщики Николай Дедюля, Павел Павловский и Борис Сосновский основательно изучали маршруты движения патрулей по городу и расположение огневых точек. Все данные они нанесли на схему, которую передали в штаб бригады. Заполучив в свои руки ценные сведения, Гламаздин вместе со штабными работниками составил план предстоящего боя. Главный удар наносился через деревню Зеленый Лог по улицам Советской и Борисовской, где размещались казарма и жандармское управление.

Перед началом операции в отряд пришел подпольщик Афанасий Фурс. Он сообщил пароль, установленный немцами на предстоящую ночь. Под покровом темноты разведчики в белых халатах, среди которых был и Римальд де Юнг, смело вступили на городскую окраину и двинулись по пустынной улице. В немой тишине поскрипывал под ногами смерзшийся снег. Неожиданно от забора отделились две черные тени и назвали пароль. Римальд спокойно вполголоса произнес отзыв. Тут же разведчики поравнялись с вражеским патрулем и в одно мгновение без лишнего шума уничтожили его. Удачно миновали партизаны и вторую заставу. Осечка произошла возле полицейского участка. Схваченный часовой вдруг вырвался и бросился бежать с криком: «Партизаны!» И сразу же в разных концах города вспыхнула оживленная стрельба. Нападавшие быстро захватили полицейский участок, банк, районную управу, продовольственный и фуражный склады.

Упорный бой разгорелся у казармы. Гитлеровцы, укрывшись за толстыми стенами кирпичного здания, не давали партизанам приблизиться к забору из колючей проволоки. И все же несколько смельчаков, невзирая на сильный огонь, подползли к нему и ножницами сделали проходы.

Первым заграждение преодолел комсомолец Ткаченко. Укрывшись за стволом толстого вяза, он ударил из «дегтярева» по второму этажу здания. Под прикрытием его огня партизаны дружно поднялись в атаку, и в это время пулемет умолк. Немцы приободрились, усилили стрельбу. Бежавшие по снегу черные фигуры ныряли в снег, отползали за изгородь, и вдруг... пулемет снова ожил. Это медсестра Надя Харченко, взяв из рук убитого Ткаченко оружие, открыла меткий огонь. Но вскоре вражеская пуля сразила отважную девушку.

Лежавшие в снегу партизаны не смогли сдвинуться с места, стреляли редко, у большинства из них подсумки уже были пустыми. Почувствовав, что в рядах атакующих появилась неуверенность, гитлеровцы предприняли попытку вырваться из осажденной казармы. Они начали дружно выскакивать из окон и дверей и, поливая партизан автоматным огнем, пошли на прорыв.

Трудно пришлось бы осаждавшим казармы партизанам, не подоспей им на помощь пулеметчики Римальд де Юнг и Анатолий Караванов. Они появились в кульминационный момент боя. Длинными меткими очередями они загнали фашистов в подвал казармы, куда полетели гранаты и термические шарики. В боях на улицах Логойска было убито сто семь солдат и офицеров, захвачены богатые трофеи.

Зимой 1943 года в минской зоне действовало 6 партизанских бригад, объединявших 28 крупных отрядов. Они вели успешную борьбу с оккупантами.

Освободили 1088 деревень и удерживали в своих руках территорию, равную шести тысячам квадратных километров.

Гитлеровское командование, готовившее новое наступление на Орловско-Курской дуге, потребовало от оккупационных властей Белоруссии навести в тылу вермахта порядок. Возглавил операцию бригадефюрер СС, генерал-майор полиции фон Готтберг. В его распоряжение передавались все местные гарнизоны, два полицейских полка, пять охранных батальонов, «казачий» и «восточный» батальоны, гренадерский полк, четыре эскадрильи бомбардировочной авиации и семь эскадрилий особого назначения. Немцы ставили перед собой задачу ликвидировать партизан, действовавших вдоль железных дорог Молодечно — Полоцк, Молодечно — Минск, Минск — Борисов и у автомагистрали Минск — Орша, а тех, кто останется в живых, загнать в Паликские и Домжерицкие болота, лишив их поддержки с Большой земли.

Перед началом операции ряды карателей пополнились штрафным батальоном Оскара Дирлевангера, прославившегося кровавыми расправами в Польше. Свое прибытие в Белоруссию батальон отметил заревом пожаров и зверскими расстрелами мирных жителей. В деревне Слобода Логойского района они сожгли 42 двора вместе с 204 ни в чем не повинными людьми. В деревне Липевичи спалили 40 дворов, убив 108 женщин, детей и стариков.

4 апреля гитлеровские молодчики ночью ворвались в деревню Бахметовка. Крестьяне спокойно спали, когда к ним нагрянула беда. Бесшумно войдя в деревню, гитлеровцы стали поджигать избы, а тех, кто пытался спастись из огня, хладнокровно убивали.

Одному из жителей деревни чудом удалось избежать смерти. Он с трудом добрался по весенней рас-

путице до партизан и поведал им о дикой расправе. Поднятые по тревоге бойцы из бригады «Штурмовая» поспешили наперерез карателям, которые направились к поселку Трусевичи. Стремясь сократить путь, партизаны двинулись напрямик лесом, по топи и кочкам, не шли, а почти всю дорогу бежали — боялись опоздать.

Прибыли вовремя. Заняли удобные позиции, и вскоре вдали показались каратели. Когда они приблизились к затаившимся партизанам, на них обрушился смертоносный огонь. Гитлеровцы посыпались с мотоциклов, стали выпрыгивать из автомашин.

Первыми же выстрелами из противотанкового ружья Василий Бречко подбил танк и бронемашину, командир роты автоматчиков Захар Циклаури повел своих бойцов в атаку. Рядом с ним, поливая свинцом из пулемета, бежал Римальд де Юнг. Каратели не выдержали и бросились наутек.

Умело маневрируя, бригада «Штурмовая» уходила от хитроумно расставленных ловушек, наносила по фашистам чувствительные удары. 18 мая 1943 года партизаны разгромили гарнизон в деревне Конотоп. Первыми в нее пробрались разведчик Николай Ришевский и пулеметчик Римальд де Юнг. Им удалось без шума уничтожить часовых у гаража и склада с боеприпасами, после чего отважные партизаны подожгли склад с горючим. Высоко в небо взметнулся столб огня, послуживший сигналом для атаки.

Роты Николая Козицина и Захара Циклаури ворвались в деревню с двух сторон. В скоротечном бою было уничтожено большое количество гитлеровцев, танк, бронемашина, сожжены склады и гараж с автомобилями. За три месяца, с апреля по июль, бригада «Штурмовая» разгромила 5 вражеских гарнизонов, пустила под откос 11 эшелонов, уничтожила 672 окку-

панта. Во всех этих боевых операциях участвовал голландский антифашист Римальд де Юнг.

Вот что писал 2 октября 1943 года командир отряда «Штурм» Леонид Петрович Шубин, представляя его к награде: «Находясь в отряде, Римальд де Юнг проявил себя только с положительной стороны. При проведении боевых операций он всегда действовал храбро, мужественно и стойко. Из своего пулемета он уничтожил не менее ста гитлеровцев, участвовал в разгроме вражеских гарнизонов в Логойске, Конотопе, Роговой и других. Кроме того, участвовал более чем в десяти засадах, в минировании железных дорог, во многих боях при отражении нападений противника на партизан».

Особенно часто выходил Римальд на диверсии в период «рельсовой войны». Подготовка началась с приходом теплых дней. На партизанские аэродромы то и дело приземлялись самолеты, прилетавшие с Большой земли. Они доставляли взрывчатку и детонаторы, магнитные и простые мины. Только одних толовых шашек летчики перевезли 150 тонн.

В один из знойных летних дней по тайным тропам в лагерь пробрался секретарь Минского подпольного обкома партии, уполномоченный ЦК КП Белоруссии Роман Наумович Мачульский. Он привел с собой нескольких опытных инструкторов-саперов. Из самых смелых и наиболее выдержанных и хладнокровных партизан были созданы диверсионные группы. В число подрывников включили и Римальда де Юнга. За каждой группой закрепили определенный участок железной дороги, мосты, переезды, водокачки.

В ночь на 3 августа почти сто тысяч партизан Белоруссии вышли на исходные рубежи. Мощной волной по всей республике прокатились взрывы. Замерли на станциях эшелоны. Они стояли от трех до пятнадцати

суток. Из-за этого гитлеровское командование не могло вовремя перебросить войска к Курску и Орлу, где Красная Армия завершала разгром вражеских войск.

Оккупационные власти в Белоруссии потеряли голову. Нужно было срочно восстановить железные дороги, а рельсов не хватало. Пришлось из двух путей укладывать одну колею, сваривать взорванные рельсы, срочно привозить их из Польши и Германии. Весь август шла борьба не на жизнь, а на смерть. Стоило гитлеровцам в одном месте собрать путь, как в другом уже готовое полотно взлетало на воздух. Немцы усиливали охрану железных дорог, вырубали подступавшие к ним леса, устанавливали вышки с прожекторами и сооружали доты, откуда просматривалась вся местность, перед проходом эшелона по железнодорожной колее прогонялись местные жители, чтобы они ценой своих жизней разминировали полотно. Но никакие меры предосторожности не могли обезопасить составы, идущие на восток. Многие из них по-прежнему летели под откос. В самый напряженный момент битвы под Курском и Орлом германское командование не смогло маневрировать своими войсками.

В конце сентября наступил второй этап «рельсовой войны» под кодовым названием «Концерт». Партизаны из бригады «Штурмовая» вывели из строя железные дороги возле Жодино, Смолевичи, под Молодечно и у самого Минска. Немцам удалось на одном из участков восстановить путь. Медленно двигаясь по только что уложенному полотну, на станцию Ждановичи прибыл первый вражеский эшелон. Отцепившись от головного вагона, паровоз отошел к водокачке, чтобы заправиться водой. Солдаты, разминая затекшие ноги, прогуливались вдоль состава, с удовольствием вдыхая свежий воздух ранней осени... И вдруг окрестности

огласились мощным криком «ура!». Бойцы бригады «Штурмовая» в полном составе дружно атаковали гитлеровцев. Вместе со всеми участвовал в бою и Римальд де Юнг. Партизаны полностью разгромили эшелон, уничтожив более 300 солдат и офицеров, разрушили полотно и станционное хозяйство. Движение поездов вновь было прервано. В тот же день радисты бригады приняли радостное сообщение — советские войска освободили первый белорусский город Хотимск.

Готовясь к летним боям 1944 года, гитлеровцы напрягали все силы, чтобы обеспечить себе прочный тыл. Важное значение они придавали шоссейным дорогам Минск — Варшава и Минск — Слуцк, находившимся под контролем партизан. Разрабатывая план «Корморан», фашистское командование ставило задачу если не полностью уничтожить партизан, то хотя бы снизить их активность.

Против бригад «Дяди Коли» и «Штурмовая» были брошены стоявшие на отдыхе несколько пехотных и полицейский полки, каратели из Минска, Борисово и Молодечно. 28 апреля возле деревни Буденичи они атаковали партизанские позиции. Народные мстители стояли насмерть, защищая последний рубеж сухой земли. Дальше простирались болота.

Над лесным массивом, на опушке которого Римальд де Юнг оборудовал свою огневую позицию, кружили вражеские самолеты с черными крестами на фюзеляжах. Выбрав себе жертву, они с воем устремлялись вниз, поливая свинцом и сбрасывая бомбы. Земля дыбилась от разрывов, кругом раздавались стоны раненых. Пренебрегая опасностью, медсестра Люба Подберезко переползала от одного бойца к другому, делала перевязки, на себе тащила раненых к берегу озера Палик, где их забирали и на лодках перевозили на заболоченный остров.

Ночь принесла лишь кратковременную передышку. С восходом солнца по всему фронту загрохотали пушки и минометы. После часовой артподготовки фашисты ринулись в атаку. Римальд, пожевывая горькую травинку, неотрывно глядел на приближающиеся густые цепи. Подпустив оккупантов поближе, ударил по ним почти в упор. Гитлеровцы, словно подкошенные, валились на влажную от росы траву.

Рядом не переставая работал пулемет Володи Мироновича. Все атаки гитлеровцев разбивались о стойкость партизанской обороны. В один из моментов боя пулемет соседа смолк.

«Погиб Володя»,— с горечью подумал де Юнг, увеличивая угол обстрела. Но через пару минут из-за кустов, где лежал Миронович, раздалась длинная очередь. За пулемет вместо раненого товарища легла медсестра Люба Подберезко. Три атаки предприняли в тот день фашисты, но не продвинулись ни на один шаг.

Тридцать семь суток шли тяжелые непрерывные бои. Кольцо сжималось все туже: в начале июня карателям наконец-то удалось оседлать шоссе Минск — Плещеница. Этот успех дался им дорогой ценой. Гитлеровцы потеряли 6300 солдат и офицеров убитыми и пять тысяч ранеными, оставили на поле боя 27 подбитых и сожженных танков.

Партизаны отошли к озеру Палик в сильно заболоченную местность, где на небольшом клочке земли собралось несколько бригад с обозами и лазаретами. Они потеряли маневренность, из-за непрерывных обстрелов и бомбежек несли огромные потери.

Роман Наумович Мачульский провел в деревне Горелое экстренное совещание командиров, на котором родился приказ: бригадам «Штурмовая», имени Фрунзе и «Большевик» нанести удар между деревнями

Жердяжье и Околово, вырваться из окружения, зайти в тыл противника и за внешним кольцом завязать бой с гитлеровцами, с тем чтобы помочь своим товарищам, находившимся в блокаде.

Иосиф Лазаревич Фогель собрал вокруг себя лучших пулеметчиков бригады.

— После того как будет прорвана оборона противника, вы займете позицию и будете удерживать ее, не давая немцам возможности снова сомкнуть кольцо. Вам надо продержаться около получаса, пока из окружения не выйдут все отряды нашей бригады.

Под покровом ночной темноты партизаны заняли исходные рубежи. И едва на горизонте обозначилась узкая полоска рассвета, в лесу началась оглушительная пальба. Завязался жестокий бой. От взрывов вспыхнула трава, пламя перекинулось на кусты и деревья. В густом дыму партизаны сошлись с немцами в рукопашной схватке. Захватчики не выдержали яростного натиска и расступились. В образовавшийся узкий коридор торопливо двинулись густые колонны партизан и обозы с ранеными.

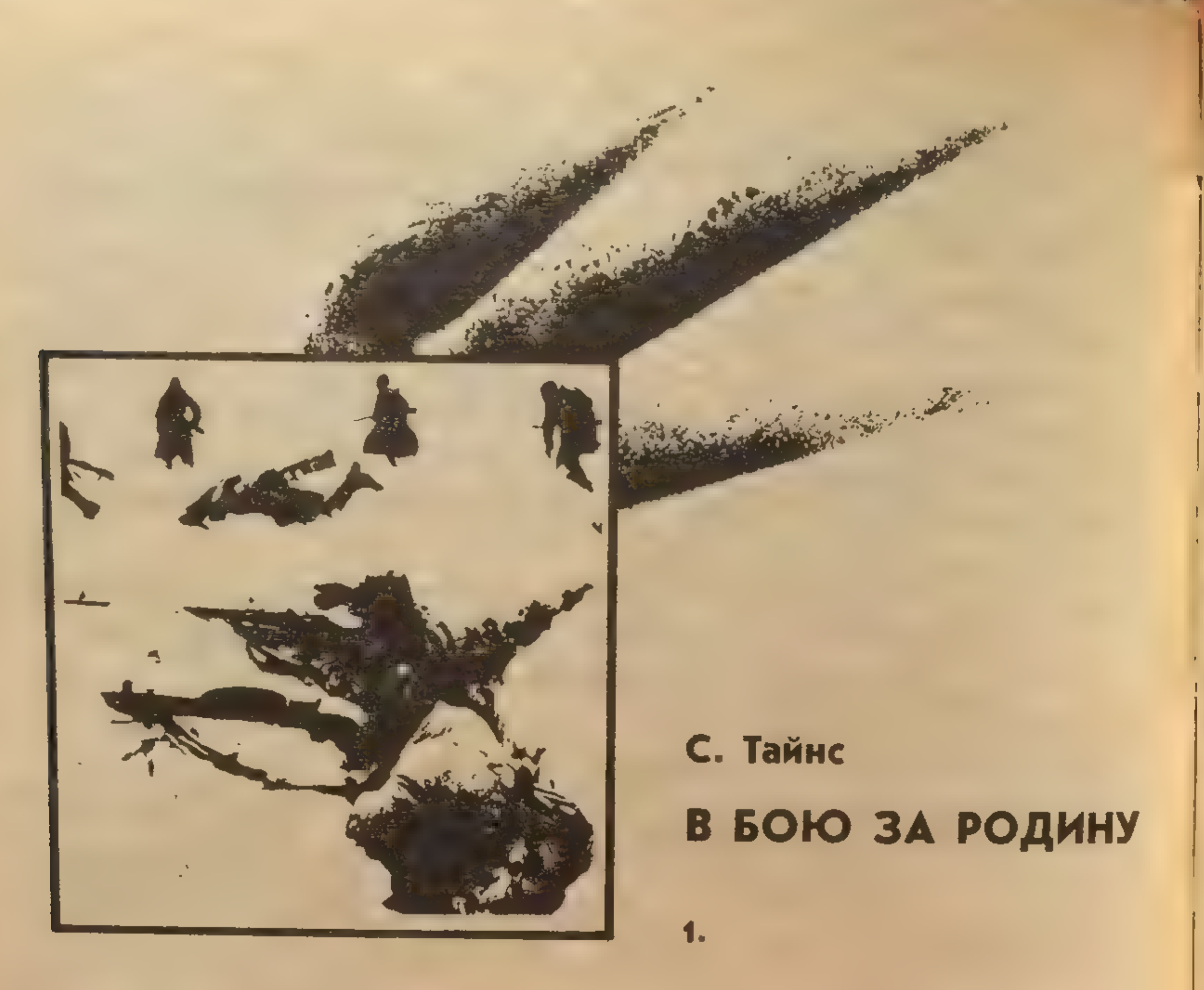
Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки восстановить положение, но наткнулись на плотный пулеметный огонь. Римальд де Юнг, лежа за огромным валуном, стрелял только по видимой цели, берег патроны. Каратели обходили его с двух сторон, подползали все ближе и ближе, но он не думал о себе. Отстреливаясь, Римальд то и дело оглядывался назад. Вот уже показался хвост колонны. «Можно поменять позицию»,— подумал он с облегчением и в этот момент почувствовал сильный удар в левую ногу. От горячей крови набухла штанина. Не обращая внимания на пронизывающую боль, он вновь припал к пулемету.

— Но пасаран! — шептал Римальд, вспомнивший клич испанских республиканцев.— Они не пройдут! —

повторял он его по-русски. Пулемет голландского антифашиста продолжал сеять смерть. И вдруг все разом смолкло. Обмякшее тело Рема подхватили товарищи, но он уже ничего не слышал и не чувствовал. Партизаны вынесли его из боя и похоронили на холме у дороги.

«Скромный, отважный, всегда готовый помочь слабому, прикрыть собой друга, кристально чистый и простой, Римальд де Юнг отдал борьбе с фашизмом свою короткую, но прекрасную жизнь»,— писала о нем партизанская газета.

...Через сорок лет после окончания войны у могилы, где покоится бесстрашный партизан, остановились двое — мужчина и женщина. То были приехавшие из Голландии младший брат и племянница Римальда де Юнга. Рядом с букетами скромных полевых цветов они положили у обелиска несколько огненно-красных тюльпанов, привезенных с родной земли. Крупные бутоны напоминали своим цветом алую кровь храброго Римальда, которую он пролил за свободу и счастье нашего народа.



С. Тайнс

В БОЮ ЗА РОДИНУ

1.

Младший лейтенант Перри должен был поднять взвод в атаку. Сильное натренированное тело, как пружина, вылетело из окопа. Джон Перри встал во весь рост и пошел на врага, чувствуя свою силу и мощь. Все замерли. И с этой, и с другой стороны. Тишину нарушил первым не стрекот пулемета, а зычный командирский протяжный повелительный голос. Над затихшим полем пронесся боевой клич: «Ура! За Родину-у-у!..»

Стояла февральская стужа и тишина. Последняя зима войны с гитлеровцами. За бруствером мерзлого земляного окопа просматривается поле, на краю которого зарылись, как кроты, гитлеровцы. До них рукой подать, и они молчат, зловеще молчат, затаились. Необычно тихо после шквала огня. Особенно мерзко визжат ле-

тящие над самой головой болванки, которые фашисты специально выпускают вместо снарядов. Как ни крепишься, а жуть берет такая, что пронимает до печенок, до неуемной дрожи всего тела, заставляет вжиматься в дно окопа. Прием, рассчитанный на психику человека. После этого ада — и вдруг такое затишье, что сосет под ложечкой. По всем фронтам отступали гитлеровские войска. Советские солдаты уже освобождали в Нижней Силезии Польшу, завершали операции войска 1-го Украинского и развивали наступление 1-го Белорусского фронтов в Восточной Померании, части 2-го Белорусского вышли на побережье Балтийского моря и отсекли главные силы восточно-прусской группировки от центральных районов Германии. А здесь, в Курляндии, в Латвии фашисты оказывали ожесточенное сопротивление, отстаивая каждую пядь чужой земли...

В праздничный день Великого Октября 44-го, после завершения шестимесячных курсов, 22-летний Джон Перри, уроженец США, в торжественной обстановке слушал приказ наркома обороны о присвоении ему звания младшего лейтенанта. Потом назначение в 56-ю стрелковую дивизию и обучение вверенного взвода в резерве. И вот он на передовой. А сегодня младшему лейтенанту Перри приказано первому поднять свой взвод в атаку. От него зависел успех наступления. Джон понимал всю ответственность создавшейся ситуации. Такова уж была судьба командира взвода, что чаще всего действовал он не по инструкции и первым поднимался в атаку. И гибли взводные, выполняя свой долг. Их все время не хватало, и потому готовили замену на фронтовых краткосрочных курсах. Вот и вывели новые младшие лейтенанты на передовые рубежи 56-й стрелковой дивизии обстрелянных и необстрелянных солдат, чтобы выбить из насиженных нор укрепившихся здесь гитлеровцев. И на Джона пал выбор идти первым...

Нет, взводный не боялся этих фашистских штучек. Он бывал в переделках почище этой. Кто знает Красный бор, прозванный «мясным», тот прошел чистилище ада. А Джон Перри прошел через эту мясорубку под Ленинградом. И в душе у него слишком накипело, были к фашистам и личные счеты. Поэтому, взглянув на лица бойцов, он шагнул навстречу смерти, не думая о ней и призывая своих солдат... Вдруг его звонкий крик оборвался, как лопнувшая струна. В воздухе прорезался предательский стрекот пулемета. Но в следующую секунду мощное «Ура-а-а!» перекрыло его. Линия бойцов выплеснулась из окопов и рванулась вперед, а Джон Перри упал на спину, и его открытые глаза смотрели в небо, небо его второй, настоящей Родины, за которую он бился насмерть с 41-го.

В войне с фашизмом все наше общество встало по одну сторону баррикады. Люди разных национальностей рвались на фронт защитить родину социализма. Интернационализм и братство народов проявились на деле. Люди сплотились во имя спасения социалистического Отечества, слились в единую национальную семью. И среди членов этой огромной многоликой общины оказались и американцы по происхождению. И был среди них младший лейтенант Перри, бывший американец, сраженный фашистской пулей.

Он лежал один среди поля, потому что немцы не выдержали той атаки. Настолько мощно и грозно раскатилось подхваченное победное «ура», настолько стремительно накатывалась на них волна разъяренных бойцов, что они обратились в бегство. Потом однополчане Джона и воевавшие здесь из других дивизий солдаты говорили мне: Перри совершил настоящий подвиг, героический поступок. Конечно, никто не хотел

умирать в конце войны. Но я уверен, Джон не думал в тот миг ни о жизни, ни о смерти. А поднялся он первым, как поднимались в атаку многие командиры взводов, поддаваясь безотчетному чувству необходимости выполнить свой воинский долг. И мы все склоняем головы перед памятью взводных, поднимавших в атаку своих солдат и павших в бою за Родину.

Четыре года назад, начав свои журналистские раскопки, я узнал лишь, что младший лейтенант Перри Джон Ананьевич погиб 19 февраля 1945 года. Из Главного управления кадров Министерства обороны СССР на мой дополнительный запрос пришел ответ. Полковник В. Н. Соловьев сообщил: Д. А. Перри захоронен у хутора Спиргус сельсовета Слампе Тукумского района Латвийской ССР на братском воинском кладбище, где установлены общий памятник и мемориальные плиты с именами погибших.

В Риге в Военном комиссариате республики меня провели в мемориальную комнату, созданную в память о тех, кто пал в Великую Отечественную в боях за Родину. Недавно ушедший в запас генерал-майор А. Э. Розенберг любезно откликнулся на просьбу помочь мне. Эта комната — его детище. Пока офицер комиссариата ищет карточку Перри, мы вполголоса, как в храме, беседуем, стоя у бронзовой фигуры скорбящей матери с погибшим воином на руках.

— За освобождение Советской Латвии,— рассказывает Аркадий Эдуардович,— погибло 156 тысяч солдат и офицеров, людей разных национальностей. Отовсюду приезжают к нам на розыски погибших их родственники, однополчане. Вот и возникла идея организовать картотеку вечной памяти. Тем более, что лишь 148 тысяч освободителей республики известны. Поиски остальных продолжаются. Так что картотека работает, и каждый год она пополняется.

Воевавший на этой земле латыш Розенберг, посвятивший затем свою жизнь строительству Вооруженных Сил страны, созданию прочного заслона Советского государства от посягательств извне, говорит как человек, умудренный большим жизненным опытом:

— Память о минувшей войне нельзя предавать забвению. Участники Великой Отечественной выполнили священный долг перед Родиной, и она должна воздать им по заслугам.

Мы должники перед погибшими. И люди не в силах вернуть долг павшим в смертельной схватке с врагом, потому что нет ничего соизмеримого с человеческой жизнью, которая дается один раз. И если она отдана в самую пору цветения во имя нашего счастья, счастливого будущего новых поколений советских людей, то это величайшее на свете самопожертвование, безвозмездный дар человеческому обществу. Советские воины дорогой ценой защитили социалистические завоевания Великого Октября, на которые посягнули фашисты.

Заботливая жена Розенберга пыталась воспротивиться его желанию поехать вместе со мной в Тукумс, когда выяснилось, что машины не будет. Но Аркадий Эдуардович, чувствуется, человек крутого нрава. Он словно стряхнул с себя покорность отставника и решительно назначил встречу рано утром на вокзале у пригородных касс.

В электричке мы разговорились. Розенберг (фамилия эта была подарена вместе со свободой деду-батраку бароном за спасение его тонувшего сына) восемь лет занимал пост военкома республики. И все это время неустанно заботился о том, чтобы дать возможность людям поклониться освободителям нашей многострадальной Родины. 324 воинских кладбища созданы в Латвии. Каждая братская могила находится под опекой

школьников, молодые следопыты занимаются активным поиском неизвестных доселе имен погибших воинов. На одну из таких братских могил, обихоженных юными шефами, ехали мы почтить память покоящегося там командира стрелкового взвода 37-го стрелкового полка 56-й стрелковой дивизии, находившегося в рядах Красной Армии с 1941 года и убитого в бою, как коротко сказано о младшем лейтенанте Перри в поименной картотеке.

— Здесь, на земле Курляндии, как издавна называется эта территория,— переключается Аркадий Эдуардович,— битва была не менее жаркая, чем под Сталинградом и Курском. В «Курляндском котле» оказались немецкие отборные части, полумиллионная армия «Север», хорошо оснащенная техникой, оружием и боеприпасами. Оборонительные линии поддерживали «тигры», наши танки жгли фаустпатронами. Гитлеровцы удерживали этот плацдарм, несмотря на ожесточенные, кровопролитные бои, до конца войны. Я знаю факт фанатической веры в победу, которую внушил им фюрер. Отступая, фашисты уносили с собой всех убитых и скрыто закапывали их, не оставляя следов, создавая впечатление, будто они неуязвимы.

Короткая встреча с ветеранами войны в Тукумсе дополнила картину давних событий. 56-я стрелковая дивизия входила в состав 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, который во второй половине октября 1944 года развернул наступление в направлении Тукумса. О боевом пути 37-го стрелкового полка здесь есть скорбные указатели — массовые захоронения в Виесите, Лестене, Джуксте, Слампе.

Рядом с местным военкоматом братская могила. Военком полковник Калниньш документально подтверждает сказанное Розенбергом. В сохранившемся приказе командующего группой армий «Север» генерал-

полковника Шернера разъясняется смысл той бойни: «...фюрер приказал... защищать Курляндию. Причины этого ясны. На нынешнем этапе войны борьба ведется за Германию, как за крепость. Старый боевой опыт показывает, что у каждой крепости есть внешние форты. Они сдерживают вражеский натиск, ослабляют и раздробляют силы врага, прежде чем он достигнет ее крепостных валов. Курляндия является внешним восточным фортом Германии...» И этот форт было приказано «оборонять до последней капли крови, до последнего солдата». И хотя под ударами наших войск гитлеровцы откатились от Риги, на Тукумском оборонительном рубеже они удержались. Ценою огромных потерь советские воины продвигались буквально метр за метром, вели упорные наступательные и частично оборонительные бои, о которых в исторических формулярах дивизий сказано скупо: «связанные с жестким сопротивлением частей Курляндской группировки противника, бои были исключительно тяжелые...»

На военкомовском «газике» дальше отправляемся в Спиргус. Сопровождать нас вызвался зампред горисполкома Янис Адольфович Морус. Пересекаем Красную площадь. Это название получила бывшая Базарная — после войны в память о проходивших здесь в 1905 году кровопролитных боях пролетариата, взявшего власть в свои руки. Советская власть продержалась тогда 4 дня!

На краю города по пути заезжаем в опытно-показательное тепличное садоводческое хозяйство. Популярные в республике розы здесь выращивают с особой любовью. В 1984 году тукумские розы завоевали медаль на Международной выставке цветов в Эрфурте (ГДР). Эти цветы любви, а также ландыши, сирень, нарциссы, орхидеи представляли хозяйство на выставке цветов на ВДНХ, радовали глаза москвичей, гостей

столицы, делегатов XXVII съезда КПСС. Тукумсцы любят мирные цветы, любят мир. На горном воинском кладбище Кауна-Капи, которое мы проезжаем, высится монументальная фигура женщины. Это памятник «Родина-мать». К его подножию приносят букеты живых цветов, а 8 мая поздно вечером сюда с факельным шествием отправляются горожане и жители близлежащих сел. Стекаются в темноте к памятнику людские потоки, высвеченные горящими факелами, как будто подчеркивая человеческую боль и страдания, память сердец, грозное предостережение противникам мира на Земле.

Приезжают в Тукумский район, на «конец земли», как в переводе звучит этот край, названный древними ливами, родственники, однополчане погибших. А сложили здесь головы, по неполным данным, 8342 советских воина. Ехали и мы возложить букет живых цветов на братскую могилу, где покоится прах около 900 наших бойцов. Подумать только — в одной могиле!

В Слампе Янис Адольфович оживляется. Нынешний зампред Тукумского горисполкома рос на этой земле. В Слампе он учительствовал, был парторгом совхоза «Земгале», самого крупного в районе. Он одним из первых в стране полностью мелиорирован.

— Все дома здесь построены заново,— поясняет Морус.— Символично, что сегодня самые лучшие хозяйства района, в том числе и «Земгале», расположены на землях, где проходила линия фронта, на землях, пропитанных кровью тысяч людей.

Сбоку грунтовой дороги, связывающей Тукумс и Джуксте, за оградой ельника «Братское кладбище советских воинов, погибших в Великой Отечественной войне». Над полотном плит раскидистые туи, на заднем плане на широких вертикальных плитах столбцы фамилий. Среди них отыскиваем по алфавитному порядку: «Мл.

л-т Перри Д. А.». Следом за ним: «Ефрейтор Перцев А. А., рядовые Першин Е. Н., Петрайтис В. К. ...» Русские и литовцы, украинцы и латыши, они сражались вместе, вместе и захоронены здесь, на «конце земли», хотя много среди них из другого конца нашей страны — из Сибири. Но Родина у них общая, и забота была общая. Об этом гласит и мемориальная доска: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Советской Родины».

Положили цветы на припорошенную снегом плиту, сняли шапки и в морозной тишине словно перенеслись в те зимние дни, когда воздух был наполнен грохотом войны, смертельным ливнем пуль и вырастали из земли букеты смертоносных осколков. А затем заехали в хутор Спиргус, где стоят несколько личных усадеб и длинный двухэтажный дом рядом с поросшим бурьяном холмом с зияющей дырой. Это остатки замка бывшего владельца Спиргуса, немецкого барона фон Бетехера. В деревянной двухэтажке, выстроенной после войны заново, нашли очевидца кровопролитной битвы, проходившей рядом. Эмилия Лаци, которой сегодня 79 лет, хорошо помнит те дни и начала бойко описывать минувшие события на родной земле. Она всю жизнь прожила здесь.

— С приходом немцев,— вспоминает старая латышка,— появился хозяин, и мы стали подневольными, работали с утра до вечера на полях. Вместе с нами потом работали и пленные. В замке поселились гитлеровцы в черной форме из СС. Они веселились, устраивали балы. Когда осенью 44-го наши заняли Спиргус, а затем отошли, фашисты ликовали, кричали нам: «Русским капут!» А затем начались здесь сильные бои. С конца января 45-го начались сильные обстрелы, наша артиллерия била по немецким позициям. Кругом было темно от дыма и копоти, снег почернел. В феврале, накануне

освобождения хутора, долго шла артиллерийская дуэль, наши стояли на краю леса. Немцы установили пушки у замка, а нас, жителей и пленных, загнали в подвал замка. Когда советские бойцы отбили Спиргус и выпустили нас из подвала, где мы чуть не задохнулись от дыма, то мы увидели одни пепелища. Сгорел и замок. Кругом почти на каждом шагу лежали убитые. Страшно много погибло здесь людей. Не дай бог, чтобы еще была война. Мы ходим на братскую могилу, кланяемся советским воинам, освободившим нас от фашистской тирании. Среди них и американец, он воевал за нас, а не против нас. Пусть об этом узнают в США!

Зампред Тукумского горисполкома чувствует себя хозяином на этой земле. После войны он учился в средней школе. Вот что помнит Я. А. Морус:

— Школьниками мы собирали металлолом и видели землю, напичканную железом, видели раскуроченные наши танки, которые гитлеровцы жгли фаустпатронами. В направлении нашего пути находятся Джуксте и Пиенава, где проходили ожесточенные бои. От Пиенавы остались камни и поломанные деревья. Здесь был повторен подвиг Александра Матросова.

Прошедший в боях через всю Латвию А. Э. Розенберг дополняет:

— Наша латышская стрелковая дивизия сражалась здесь. Бои шли страшные, немецкая Курляндская группировка была очень плотная и хорошо оснащенная. Противник стянул сюда, на этот клочок земли, отборные части армий «Север», много техники, в том числе новейшие танки «тигр». Между Джуксте и районом Анниекс была сооружена железнодорожная ветка, соединяющая две железнодорожные магистрали. Поэтому немцы подтягивали свежие войска, перебрасывали сюда боеприпасы и технику, маневрировали, беспрерывно контратаковали наши войска. А наступление

велось в узкой полосе. Под Аннииексом меня ранило в голову. Потом, будучи комиссаром республики, я привозил сюда, где наши войска проводили Джукстскую операцию, офицеров, показывал голое поле с единственным уцелевшим деревом. Это впечатляло больше слов.

Находившаяся на правом крыле 2-го Прибалтийского фронта 1-я ударная армия 16 октября 1944 года сразу после освобождения Риги прорвала главную оборонительную полосу противника. Вплоть до 21 октября войска 2-го Прибалтийского фронта продолжали наступать на Тукумс, Салдус, очистили южное побережье Рижского залива от гитлеровских оккупантов, отбросили их на Курляндский полуостров. К концу месяца почти из всей Советской Прибалтики группа армий «Север» была изгнана. 26 из 59 ее дивизий были разгромлены и три уничтожены. И вот примерно полумиллионная армия оказалась на Курляндском полуострове прижатой с суши к морю. В этом последнем котле войны бились с врагом не на жизнь, а на смерть, до победного конца и бойцы 56-й стрелковой дивизии.

На обратном пути проезжаем мимо школы, уникальной не только в республике,— такой не встречал я нигде. Она одноэтажная, и каждый класс имеет свое стоящее особняком светлое современное помещение. Рядом просторный спортивный зал. И подумалось: недаром славен этот совхоз трудовыми успехами, современной агрономией и новым укладом жизни. Мрачная тень войны отступила, но находящаяся в девяти километрах от центра Слампе братская могила, укрывшая землей около 900 бойцов, напоминает земгальцам: «Вы должны жить так, как мы мечтали, борясь за ваше светлое будущее». И они словно выполняют этот наказ павших...

Как появился Джон Перри в СССР и почему, несмотря на его американское происхождение, судя по

отчеству, имя у его отца русское? Было вначале лишь известно, что призывался в Красную Армию он в Ленинграде, в Калининском райвоенкомате. Оттуда прислали копию похоронки, пришедшей на имя его брата Джорджа Перри и не врученной ему из-за «отсутствия адресата» и оставшейся в архиве. За помощью обратился в Советский Красный Крест, чтобы найти следы семьи Перри. К этому были у меня причины более глубокие, чем просто журналистский интерес. Я догадывался, что у Джона судьба несколько схожая с моей. Видимо, его отец, думалось мне, приехал в СССР, как и мой, на заработки и остался здесь навсегда. Мой отец, Джордж Тайнс, звезда американского футбола, выпускник Уилберфорского университета, по специальности зоотехник, не смог найти работу в США и откликнулся на предложение друга поехать в СССР работать по контракту. Здесь и осел он, обзаведясь семьей. И в детстве, и потом, взрослея, я не чувствовал отношения к нему как к чужаку. Напротив, мой отец был уважаем за трудолюбие и честность — простые человеческие качества. Кажется парадоксальным факт: в детстве я не знал даже, что он иностранного происхождения, хотя отец был чернокожим. Во всяком случае, никто не тыкал мне в нос моим происхождением, а отец не любил распространяться о своем прошлом. Позже понял почему — он достаточно хлебнул горя в США, оказавшись безработным с дипломом. И я рос, не ощущая себя сыном эмигранта, жил наравне со сверстниками, зная, что Советский Союз моя Родина, защищать которую пошел бы так же не раздумывая, как Джон Перри.

Из ленинградских архивов удалось узнать: семья Перри приехала в город на Неве с Урала в 1939 году. Тогда же умер и ее глава Ананий Осипович. А мать Джона, Акулина Сергеевна, умерла в блокадном 42-м.

Упоминалось в тех документах и о двух других их сыновьях — Майке и Вильяме, также призванных в армию.

Заместитель начальника управления по розыску Красного Креста Р. Л. Кузнецова выслушала мою просьбу и спросила в свою очередь:

— Где же нам искать следы этой семьи, если в ленинградском архиве не сохранилось о ней никаких данных?

Сам факт, что трое бывших американцев воевали в рядах нашей армии с фашистами, очень заинтересовал ее. Она по-матерински посочувствовала горю этой семьи и сказала решительно:

— Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам рассказать о трех американских парнях, которые сражались с оружием в руках в Великой Отечественной войне нашего народа против фашистской Германии. Я была недавно в США и поразилась, с одной стороны, неосведомленностью американцев о жизни в СССР, извращенному представлению о ней, с другой — попыткам средств массовой информации всячески очернить нас, советских людей, выставить в смешном виде, показать якобы нашу агрессивность, предостерегая о военной угрозе со стороны Советов. Забыли некоторые, что мы вместе воевали против фашизма, и нагнетают психоз антисоветизма.

Много лет добросовестно работает в этом управлении в должности инспектора по розыску Лилия Александровна Нечаева — человек неравнодушный к чужой боли, проявляющий не только служебное рвение, но и трогательное сердечное участие и сострадание к людям, у которых еще теплится надежда найти без вести пропавших родных и близких. Война стирала с земли села, разрушала города, и рвались нити душевных и родственных связей. С годами люди переосмысляют

свою жизнь, оглядываются на пройденный путь, и порой их начинают терзать муки совести оттого, что в суете житейской предали забвению память о неизвестно где захороненном либо затерявшемся солдате минувшей войны. И вот обращаются они к Лилии Александровне, просят, умоляют помочь найти заброшенную могилку или узнать, жив ли человек. А это сделать очень сложно после такой разрушительной войны... Вот и сейчас предстояло Нечаевой проделать кропотливую работу, посылая запросы по многим адресам, порой почти наугад. А задача была поставлена непростая: выяснить биографию семьи Перри и судьбы братьев Джона — Майка, Вильяма и почему-то не получившего похоронку Джорджа.

После меня некоторое время спустя в Красный Крест обратилась с аналогичной просьбой, узнать, живы ли ее мать и братья, выехавшая до войны погостить в США Дороти Перри, не успевшая вернуться обратно к родителям. Видимо, натолкнула ее на это публикация о Джоне в журнале «Совьет лайф» («Советская жизнь»), издающемся в США. Из письма Дороти и выяснилось: семья Перри прибыла к нам из города Эри штата Пенсильвания. Ее глава — рабочий-механик Энди с женой Кати по контракту выехали в СССР с детьми в начале 30-х годов. Причины могут быть разные, но вероятно — поехали, чтобы работать. В то время в США была Великая депрессия — так назывался глубочайший экономический кризис, потрясший Америку и породивший армию безработных.

Почему же семья Перри осталась в СССР, а не вернулась в США по окончании контракта?

Сегодня ни Энди, ни Кати, ни их старшие сыновья не могут ответить на этот вопрос... Они взяли русские имена, приняли советское гражданство.

Мой отец в свое время так отвечал на аналогичный вопрос корреспондента газеты «Лос-Анджелес таймс»:

«Мне понравилась работа и люди, а также их отношение ко мне. Мне очень понравилась эта система, где почувствовал себя свободным». Продлевал контракт несколько раз и в конце концов решил остаться навсегда, став советским гражданином в 1939 году. Он говорил американским журналистам и в Москве и в США, когда посещал родных в 70-е годы, что был уверен в счастливом будущем своих детей в СССР, в крыше над головой, в обеспечении старости.

Наверное, так же бесхитростно ответил бы на поставленный вопрос и Энди Перри, глава многодетной семьи. Видимо, он тоже не раз возобновлял контракт, немало размышлял, где ему будет больше гарантий жить безбедно, не думая о завтрашнем дне, где он сумеет поднять всех детей на ноги. И мой отец, и отец Джона Перри хорошо знали жизнь в Соединенных Штатах, знали истинную цену хвалебному американскому образу жизни. Поэтому оба не захотели возвращаться туда, где одни процветают, а другие влачат жалкое существование. Они убедились, что в Советском Союзе этого нет, что и специалисты с высшим образованием и квалифицированные рабочие без работы здесь не остаются, наоборот, в них постоянная нужда.

Полтора года инспектор Л. А. Нечаева искала следы семьи Перри. А занял ответ на поставленные ей вопросы всего полстранички машинописного текста. Потому что сообщение это было кратко и окончательно подводило черту надежде. На год старше Джона, его брат Вильям был призван в ряды Красной Армии также в Ленинграде в 1941 году, а в начале следующего года умер от истощения в госпитале и похоронен в братской могиле в селе Колпино. Не только от пуль и осколков теряла своих бойцов Красная Армия, оборонявшая Ленинград. Блокадный голод косил людей, как пулеметная очередь. А Вильям сражался с гитлеровцами ря-

довым 65-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии 55-й армии. В феврале 42-го мать, отправившая на фронт троих сыновей, получила жестокое известие о смерти Вильяма.

Не успела Акулина Сергеевна — так Кати стала именоваться в СССР — оправиться от безысходного горя, как на ее голову обрушилось новое. Пришла опять похоронка, в ней сообщалось: 25 марта умер в полевом госпитале Майк. Похоронен здесь же, под Ленинградом, под Грузино. Там побывал и я, видел холм, к которому ведут ступеньки, зажатые с двух сторон плотными рядами елок. Проходишь по этому коридору, и перед тобой возникает плита, на ней длинный перечень фамилий — их двести. Среди них рядовой М. А. Перри. Он похоронен рядом со станцией Пери. И это совпадение названия станции с его фамилией будто подчеркивает принадлежность Майка не к далекой Америке, где он родился, а к нашей стране, которая приняла и по-матерински обласкала, назвала своим сыном.

Живым из троих братьев, ушедших на фронт, оставался лишь Джон. И он тоже сражался здесь, под Ленинградом.

Жестокие удары судьбы вынесла Акулина Сергеевна, потеряв в один год сразу двух сыновей. Но не только это сломило ее — на руках ее, оказывается, было еще четверо маленьких сыновей. В то голодное и холодное блокадное время Акулина Сергеевна наверняка делилась с ними скудным хлебным пайком. И не убереглась сама, ослабела. Ее смерть зафиксирована одновременно со смертью десятилетнего Джимми — оба умерли 8 мая 1942 года. В этот же день 14-летний Джордж поступил в приют и через десять дней с детским садом был переправлен через Ладожское озеро. Дальше след его потерян. Судьба двух последних сыновей Акулины Сергеевны — Митчела и Эфраима, видимо, такая же

трагическая, как и многих ленинградских малышей, умерших от дистрофии в сиротских приютах.

На Пискаревское кладбище отвозили окоченевшие трупы и хоронили в общих братских могилах. Под плитой, обозначенной «Май 1942 года», покоится прах Акулины Сергеевны Перри и ее сына Джимми, а может быть, и Митчела и Эфраима тоже. Сегодня это мемориальное кладбище, где захоронено 470 тысяч жертв гитлеровской 900-дневной блокады, напоминает нам, живым, о величайшей исторической трагедии мирного города, на который за время блокады фашисты обрушили 100 тысяч фугасных и зажигательных бомб, выпустили около 130 тысяч снарядов. И в этом огненном кольце ада войны жили люди, перенося суровые зимы в неотапливаемых домах, испытывая муки голода. Полмиллиона ленинградцев возводили оборонительные сооружения, чтобы превратить город в неприступную крепость. 300 тысяч жителей Ленинграда взяли в руки оружие и отправились на фронт, который был рядом, за чертой города, чтобы отстоять свою жизнь и будущее своих детей...

За Ленинград продолжал драться еще один сын Акулины Сергеевны Перри. Потеряв мать и двоих старших братьев, Джон отстаивал с оружием в руках землю, где они захоронены. Можно представить себе, как исхудавший и изголодавшийся — одна кожа и кости, стиснув зубы, отражал боец Перри яростные атаки озверевшего врага. Но ни он, ни его однополчане, сроднившиеся с Ленинградом, не отступили, не сдали своих позиций, стояли насмерть.

Позже выяснилось, что Джон воевал на Ленинградском фронте в составе 189-й дивизии. А о ней известно, что сражалась она в Красном бору, под Колпино. Весной 1943 года шли здесь такие жаркие бои, что прибывающее пополнение не успевало заменять выбывших, убитых и

раненых. Недаром поэтому прозвали поселок Красный бор «мясным». Дважды выбывал из строя и Джон Перри. Об этом свидетельствуют истории его болезни, которые чудом уцелели.

В здании Лазаретного переулка, где расположен теперь архив, находился в то время батальон выздоравливающих. Здесь после ранений в голову и плечо и отлеживался Джон. Может быть, он умер бы здесь от истощения, как его братья Майк и Вильям, но ему повезло. В феврале 43-го, после прорыва блокады Ленинграда, в город пришли поезда с продовольствием.

Наступил перелом в битве за окруженный город. 14 января 1944 года началась Ленинградско-Новгородская операция советских войск. Была поставлена задача разгромить немецко-фашистскую группировку армий «Север». В этом мощном наступлении участвовал и Джон Перри, а оно завершилось 1 марта снятием блокады и освобождением Ленинградской области, уничтожением трех и разгромом 23 дивизий противника.

Правительство СССР учредило медаль «За оборону Ленинграда». За подвиг войск, массовый героизм и мужество бойцов, населения осажденного города ею было награждено около 930 тысяч человек. Вручили медаль и Джону Перри.

Журналистская интуиция подсказала мне, что в Ленинграде наверняка есть ветераны 56-й стрелковой дивизии, в которой воевал Джон Перри. Ведь свой боевой путь он начал именно отсюда, значит дивизия сражалась под Ленинградом, размышлял я, садясь в поезд «Красная стрела». И не ошибся. Прибыв в город на Неве, сразу отыскал Совет ветеранов 56-й. И там мне посчастливилось. Я встретился с одним из руководи-

телей Совета — бывшим начальником политотдела дивизии Овечкиным Федором Яковлевичем, закончившим войну в звании полковника. И вот мы сидим в его квартире на проспекте Большевиков. Он крепкий старик с живым, хватким умом и удивительно хорошей памятью. Недавно издал боевую историю 56-й стрелковой дивизии, которая очень интересна своей биографией.

— Подняв архивные материалы,— говорит Федор Яковлевич,— я сделал для себя открытие. Оказывается, 56-я дивизия сформировалась в октябре 1919 года под Петроградом, в Колпино. Вот как это произошло. В январе 1918 года для отражения немцев в городе были созданы два добровольческих полка. Первый — из рабочих Выборгского, Василеостровского и Московско-Нарвского (ныне Кировского) районов под командованием легендарного Яна Фабрициуса. Второй полк был сформирован из рабочих Лужского, Порховского и Псковского железнодорожных узлов под командованием прапорщика Черепанова. С 18 по 23 февраля эти полки в пух и прах разгромили немцев под Псковом. Осенью началось формирование дивизии. Кроме двух петроградских, в нее вошли два московских добровольческих полка рабочих Красной Пресни, курсанты курсов «Красные командиры» из Иваново-Вознесенска, два башкирских полка добровольцев. Командующим стал Ян Фабрициус.

В апреле 1941 года,— продолжает Овечкин свой рассказ,— 56-я дивизия в связи с возникшей угрозой военного нападения гитлеровцев была переброшена в Белорусский военный округ и вошла в состав 3-й армии. Она вступила в бой в районе Гродно, Мосты, Сопоцкино. Сражалась в течение двух месяцев и понесла большие потери. Остатки ее направили в Ленинград. Здесь 21 сентября 1941 г. она слилась с 7-й дивизией Народного ополчения и по решению Ставки Верхов-

ного главнокомандования стала кадровой 56-й стрелковой дивизией. Два месяца она обороняла линию: завод «Пишмаш», больницу Форель, Лигово и Урицк, а затем была выведена в резерв и передана 55-й армии. 20 декабря она заняла передний край обороны под Колпино, а на следующий день вступила в кровопролитную битву за тот самый Красный бор. Здесь, под Пушкином, Слуцком (Павлово) и «мясным» бором, на фронте протяженностью 14 с половиной километров и держала дивизия оборону, а 15 января 1944 года вступила в бои за освобождение Ленинграда. Спустя девять дней она выбила немцев из Пушкина, за что получила название Пушкинской. А за освобождение 12 февраля г. Луга к ее имени прибавилось — Краснознаменная. 31 марта дивизия перешла в наступление под Псковом и прорвала первые две «голубые» линии Северного вала противника, известного как «линия Пантера»... Краснознаменная Ленинградско-Пушкинская 56-я стрелковая дивизия первая вошла в Ригу.

Я ворвался в столицу Латвии на танке 13 октября 1944 года,— вспоминает далее ветеран войны Овечкин,— нам было дано боевое задание захватить банк, электростанцию, водонапорную башню. За эту операцию награжден орденом Отечественной войны I степени.

На мой вопрос о Джоне Перри Федор Яковлевич отреагировал сразу:

— Слышал о нем, но лично не знал, хотя в моем политотделе были немцы, поляк и испанец. Перри лично знал Ю. А. Станик, он был командиром учебного взвода курсов, где Джон проходил подготовку. Юрий Адамович сейчас здесь, в Ленинграде...

Я сразу же отправился по адресу. Дверь открыл молодой человек. Оказалось, сын Станика Сергей. Он извинился за отца, сказал, что тот пошел за газетами, не может жить без свежих новостей. Разговорились,

Сергей объяснил, что он аспирант Северо-Западного заочного политехнического института, пишет диссертацию о деталях машин и их обработке ультразвуком. Отец у него в качестве консультанта, поэтому сегодня и свиделись.

Вошел бодрой походкой высокий мужчина и энергично поздоровался. Мы сели за стол и начали беседовать. Он уже знал, что меня интересовало, но я перебил его, попросив сначала рассказать о себе.

Юрий Адамович сказал, что он на три года старше Джона Перри, родился в Оренбургской области, в Ленинграде учился в политехническом институте. Грянула война.

— Я уже был на пятом курсе,— говорит Станик,— однажды вошел в институтскую аудиторию и увидел умирающего студента. Это было 1 января 1942 года, я принял тогда твердое решение пойти на фронт, чтобы не умереть так же бесславно, а отомстить врагу. Пошел добровольцем, воевал на Ленинградском фронте, а в марте 43-го взяли меня на курсы младших лейтенантов, окончил их, вернулся в часть, и меня тут же отозвали обратно. И я стал учить других тому, чему учили меня. Успел сделать один выпуск, и вот прибыл второй и, оказалось, последний набор. Среди них был сержант Джон Перри, которого я помню прекрасно по сей день. Я непосредственно занимался с курсантами строевой и боевой подготовкой и был все время при них. Они шутя называли меня отцом курсов, хотя разницы в возрасте практически и не было. Джона я отличал особо. Он был обаятельный и в то же время толковый, смекалистый парень. У меня с ним не было столкновений по вопросам дисциплины, все приказы выполнял четко. Я не понял, что Джон американец по происхождению. По виду не отличался от русских ребятишек — нос слегка курносый, волосы светлее русых, голос помню до сих

пор, но без всякого акцента. Фамилия не вызывала повышенного интереса, под Ленинградом есть станция Пери. А каких только в то время не давали имен, так что его имя также не вызывало у меня никаких ассоциаций. А когда узнал, что он американских корней, новость не произвела на меня уже особого впечатления. Парень он был надежный, и это главное. Важно, что он был среди нас, а значит, с нами. И я не задавал ему вопросов.

Курсы располагались под Псковом, рассказывает Станик, в Торговецком лесу. Кругом были сожженные гитлеровцами деревни. Шел 1944 год, и за плечами каждого курсанта — жестокие бои. Молодые парни научились защищать родную землю, научились смотреть в глаза смерти, преодолевать холодящий нутро страх. Они ходили в атаки, не пасуя перед лютым врагом, их решимость была настояна на горькой обиде, дикой злости, жажде отмщения, на беззаветной преданности Родине. Но сегодня они учились с раннего утра и до отбоя, потому что им предстояло вести в бой солдат в период решительного наступления, ломая сопротивление врага, каким бы упорным оно ни было. И опаленная войной Псковщина, по которой курсы двигались за фронтом на запад по пепелищам деревень, удваивала, утраивала их ненависть к врагу.

— Джон скупо говорил о себе, был немногословен по характеру, но особенно односложно отвечал, когда кто-нибудь касался темы о его родных,— продолжает Станик.— А причина была серьезная: он потерял мать и братьев, осиротел. И это горе, которое Джон переживал в себе, вызвало товарищеское участие и поддержку курсантов. Они как бы приняли его в свою семью, породнились с ним. Это трудно передать словами, но ребята прониклись к нему симпатией, тянулись к нему, и он ожил, стал общительным. Наверное,

Джон понял, что не одинок, что у многих такие же счеты с фашистами, как у него, и он побратался с ними, поклялся отомстить врагу. Потом, когда я узнал, как погиб Перри, понял его внутреннюю решимость пойти на подвиг. А я именно так оцениваю поступок Джона. Хотя мы все были обстреляны, в конце войны уже было страшно лезть под пули. Это был какой-то безотчетный инстинкт самосохранения, видимо, от близости победы и желания выжить, уцелеть. А в Курляндии немцы специально для устрашения стреляли противотанковыми болванками, повсюду лязгали «тигры». Пугали так, что даже у видавших виды бойцов бегали мурашки по коже. Жуть! А Джон лично поднял солдат в атаку, показал им пример бесстрашия. Он был честный человек, на карту поставил свою жизнь, которая измерялась тогда по другой шкале ценностей. Поэтому я считаю, младший лейтенант, командир взвода Перри совершил на земле Латвии настоящий подвиг. Подняться навстречу ураганному огню в последние месяцы войны было равносильно по сути подвигу Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру пулемета.

Последняя стоянка шестимесячных курсов,— вспоминает Станик,— была в Пюха-Ярве (Святое озеро), в Эстонии. 7 ноября 1944 года курсантам присвоили здесь звание младших лейтенантов. Пешим строем выпускники дошли до станции Пука, что находится неподалеку от Выру, сели в теплушки и добрались до латвийского города Сигулда. Дальше железной дороги не было, проголосовали и на машинах прибыли в освобожденную Ригу, а оттуда по назначениям.

Лейтенант Станик отправился в 85-ю стрелковую дивизию, которая воевала рядом с 56-й, на левом фланге. Под Лиепая, недалеко от хутора Скривили 7 марта 1945 года его ранило в голову и в плечо. До сих пор Юрий Адамович страдает от головных болей, последствий того ранения.

После войны, в 1947 году Станик окончил институт, из которого ушел на Ленинградский фронт, и 27 лет работал в центральном конструкторском бюро Министерства строительных и дорожных работ. Он прошел путь от инженера до главного конструктора проекта. И все эти годы просыпался по ночам, как от удара по голове, и мучился от бессонницы. Это постоянно сказывалось на его работоспособности. Но Юрий Адамович не сдавался, усилием воли прогонял наваливающуюся свинцовую усталость, работал, несмотря на сковывающую мысли тяжесть в голове. Порой не находил себе места от резких головных болей. Спасибо нейрохирургам — немного облегчили участь фронтовика. Потом начал бегать, это тоже помогло. И вот спустя столько лет, лишь в ноябре 1986 года, оформил инвалидность. Прошедшая война физическим недугом постоянно напоминает о себе бывшему лейтенанту пехоты. Она оставила его в живых, но держит в тисках памяти о человеческой жестокости уже более сорока лет. И Станик несет свой тяжкий крест, не ропщет на судьбу, ему ведь все-таки выпало счастье жить в мирное время, иметь семью, растить сына, которому сегодня он дает дельные советы по его диссертационной работе.

Порывшись в бумагах, Юрий Адамович отыскал фотографию, которую бережно хранит многие годы. На снимке, сделанном 7 июня 1944 года, курсанты офицерских курсов нового набора под Печорой (Псковская область) вместе со своими командирами. В первом ряду сидит в центре с медалью на гимнастерке со светящимся от улыбки лицом Джон Перри. По левую руку от него открыто улыбается его сокурсник с наградной планкой. Это, поясняет Станик, друг Перри — Юдин. За ним стоит Юрий Адамович.

— А Сергей Николаевич Юдин жив,— радостно восклицает хозяин,— он воевал вместе с Джоном на

Тукумском направлении. С ним можно встретиться, он здесь, в Ленинграде...

И вот мне открывает дверь плотный мужчина, крепко, по-мужски жмет руки и приглашает в комнату. Сергей Николаевич приехал в Ленинград в 1939 году из Саранска учиться и со второго курса Горного института в июле 41-го пошел добровольцем на фронт. В конце апреля следующего года попал в 37-й стрелковый полк, который стоял тогда под Колпино. С боями дошел до Псковщины. Во время прорыва наступавший полк попал в мешок. После выхода из окружения полк отправили на переформирование. Оттуда младшего сержанта Юдина направили на краткосрочные курсы.

— Сначала Джон и я учились в разных группах,— говорит Сергей Николаевич,— потом в одной. Нам было по 22 года. Мы подружились, Джон был свой парень, добродушный, компанейский, абсолютно русский человек. Характер его мне нравился: очень трудолюбивый. Например, изучали матчасть пулемета «максим» и управление им, Джон вызубрил все основательно и знал, как таблицу умножения. О своем прошлом он не очень распространялся. О родных сказал, что все погибли, не хотел это обсуждать. До войны работал Джон слесарем на заводе. Так что была у него рабочая закалка, и был он простым парнем, как говорят, свой в доску. Вот и все, что могу добавить о нем. О чем Джон мечтал? О будущем вообще никто не заикался, мы знали, что готовят из нас командиров взводов, а взводных в пехоте никогда не хватало...

Собеседник немногословен, но я его понимаю. О друге говорить тяжело, его не столько знаешь, сколько чувствуешь душой. Взаимные симпатии сближают, роднят, связывают людей нерасторжимыми узами дружбы.

И в скупых ответах Юдина, в его оценках человеческих качеств Перри — та осторожность, с которой говорят о близких людях, заботясь об их чести и репутации. Впрочем, и времени-то у них тогда практически не было, чтобы раскрывать друг другу души: на курсах программа сжатая, а освоить ее надо как следует, скидки на краткосрочность не делали. Сергей Николаевич обронил, что «гоняли от подъема до отбоя», и было им не до душещипательных разговоров. Они уже закалились в боях и дружили просто, по-мужски. Юдин, как и Перри, прошел через мясорубку под Красным бором, и это их связывало, как кровное родство.

— В Риге,— продолжал Сергей Николаевич рассказ о боевом пути выпускников курсов,— мы оба получили назначение в 56-ю стрелковую дивизию. Джон попросился в 37-й полк, и мы нашли его на побережье. Нам выделили по взводу, и с конца ноября по февраль 45-го готовили ребят к боям. В середине февраля нас подняли по тревоге, и через Ригу мы сделали бросок.

Вошла жена Юдина Нина Алексеевна, и он прервал разговор, как мне показалось, с некоторым облегчением. Видимо, нелегко касаться больной темы, хотя прошло много времени, бередить душевную рану, которая не зарубцовывается, напоминает о себе до сих пор. Нелегко...

Но вот закончился короткий семейный совет, и Сергей Николаевич по-командирски начал рисовать картину того последнего боя.

— Мы сидели в окопах за большим поселком, который был полностью разрушен — одни стены и кое-где крыши. В то утро нашей артподготовки не было, а огонь со стороны позиций гитлеровцев был очень плотный, пулеметно-автоматный. Мы с Джоном были по соседству, и я видел, как он выскочил из окопа с криком «Ура! За Родину!». Джон пробежал несколько ша-

гов и был скошен. Все произошло на глазах, и нас как будто какая-то пружина выбросила из окопов. Я пробегал мимо Джона, он лежал на спине. Больше я его не видел. Немцы дрогнули, и мы гнали их километра четыре. А вечером меня ранило осколком гранаты. В строй вернулся лишь в апреле сорок пятого...

После войны Сергей Николаевич завершил учебу в Горном институте, три года работал на Чукотке, потом вернулся в Ленинград, где трудился в проектном институте. Сначала проектировал предприятия по добыче асбеста и мела, затем переключился на проектирование цехов по ремонту и механообработке. Как и Станик, он связал свою жизнь с городом, который защищал, за который проливал свою кровь.

Каждый год 9 мая собираются в Пушкине, на привокзальной площади с 9.30—10.00 утра ветераны 56-й Краснознаменной Ленинградско-Пушкинской стрелковой дивизии. После митинга у могилы генерала Хазова, бывшего командующего корпусом, поминают погибших братьев по оружию по исконно русскому обычаю. Вспоминают и Джона Перри.

Возле школы в Колпино в братской могиле лежит Вильям Перри. Детвора шумно пробегает мимо. Ради ее беззаветного веселья отдал он жизнь, не успев завести семью и кучу ребятишек по примеру отца. Ему не суждено было испытать родительского счастья, в 22 года его жизнь оборвалась. Но продолжается жизнь советских детей уже второго послевоенного поколения. За их счастливое детство и светлое будущее боролись Вильям и его однополчане, лежащие вместе с ним под насыпным холмом у школы. И ребята чтут память о них, братская могила хорошо ухожена ими.

В лесу, на территории пионерского лагеря Всеволж-

ского района, под Грузино,— холм, к которому ведут ступеньки, зажатые рядами елок. У холма — плита, а на ней длинный перечень фамилий. Их двести, и среди них — рядовой М. А. Перри. Это Майк, которому также не довелось праздновать Победу над фашизмом, а ради нее он отдал жизнь. «Уроженец США» — так сказано в справке о нем.

Но умер Майк не американцем, а советским солдатом.

2.

«Лежим на сопках южнее Калитвы. Беспрерывный минометный обстрел. Село в огне: видно, враг на самом деле решил его стереть с лица земли,— рассказывает в воспоминаниях о боях на Дону Гарри Эдуардович Айзман, ветеран 89-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова Белгородско-Харьковской дивизии.— Человек производит мобилизацию всех своих нравственных сил в тот момент, когда ближе всего сходятся над ним жизнь и смерть. Так и я, лежа в снегу под Новой Калитвой, неожиданно для себя стал вспоминать давние годы».

Вечно веселого и жизнерадостного, неутомимого и энергичного — таким я знаю подлинного интернационалиста Гарри Айзмана, человека с удивительной и непростой судьбой: родился и рос он в США, а прожил большую часть жизни в СССР, ставшим для него настоящей Родиной.

Имя американского паренька Гарри облетело в 1929—1930 годах весь мир. Он стал в то время самым молодым политическим заключенным на планете. Гарри вырос в рабочей семье нью-йоркского маляра. После смерти родителей жил в доме своего старшего брата Алекса, члена Компартии США. Видимо, усилия Алекса и политическая атмосфера в доме, где часто собирались товарищи брата и сестры-комсомолки, их разговоры

о борьбе американского пролетариата против гнета капиталистической системы наложили отпечаток на сознание юного Гарри. Ему было девять с половиной лет, когда в 1924 году он стал членом одного из первых отрядов американской пионерской организации — юных коммунистов.

«Впервые, десятилетним мальчишкой,— вспоминает Айзман,— я услышал от родных и на сборах отряда о Ленине, о Советской России, о государстве рабочих и крестьян. Моим любимым героем теперь стал рабочий, который активно борется за лучшую жизнь, участвует в забастовках, в рабочих пикетах и демонстрациях. Быть похожим на таких рабочих и самому стать рабочим — стало целью моей жизни». И Гарри включается в активную политическую борьбу. В одиннадцать лет он распространяет листовки Компартии у ворот фабрик и заводов, поддерживая бастующих рабочих. Потом он уже выступает на митингах, в 1927 году его юный голос сердито звучит в защиту Сакко и Ванцетти. И вот бесстрашный пионер выполняет опасные поручения Компартии и комсомола — распространяет революционные воззвания среди американских солдат и моряков. За «разложение» войск в то время давали взрослым до 28 лет каторги, поэтому он смело пошел на риск как несовершеннолетний. Однако возраст ему не помог — в следующем году Гарри впервые был арестован и заключен в тюрьму за организацию и проведение школьной первомайской демонстрации. А в октябре его исключили из школы за издание и распространение в стенах учебного заведения пионерской газеты «Юнг Спарк» («Юная Искра»). Но репрессии не остановили юного политического борца.

О боевом духе американского пионера Гарри можно судить по тому, как реагировали власти на его участие в политических стычках и выступлениях рабочих. В те-

чение двух лет он арестовывался шесть раз, проведя в заключении 269 дней. За участие в пикетах забастовщиков швейников и меховщиков, в демонстрациях против полицейского произвола, за солидарность с героической борьбой партизанского движения во главе с Сандино в Никарагуа, в защиту Советского Союза в связи с событиями на КВЖД.

— Так как все меры, которые принимались нами для вашего исправления, оказались тщетными,— коротко заключил обвинение судья 20 марта 1930 года,— вас придется передать в исправительное заведение, в котором вы останетесь до совершеннолетия!

На сей раз Гарри предстояло пробыть в заключении не несколько месяцев, а пять с половиной лет, так как совершеннолетним в США считается человек, достигший 21 года. Но его выпустили вскоре под влиянием мощной волны протеста, которая вышла за границы США.

«Пионеры всего мира,— призывала газета «Пионерская правда» в 1929 году,— должны поднять голос в защиту Гарри Айзмана. Пусть услышит буржуазия мощный голос нашего протеста. В Вене, Лондоне и Будапеште, Москве, Ленинграде, Гродно, Брянске, Калуге — всюду, где вы есть, юные ленинцы, организуйте митинги, требуйте освобождения из тюрьмы американского пионера Гарри Айзмана». А в следующем году в майском номере журнала «Вожак» было опубликовано воззвание ЦК ВЛКСМ ко II Всемирному слету пионеров, который проводился летом (1930 год) в Берлине. В воззвании говорилось: «Крепка и неразрывна международная солидарность детей трудящихся. Арест американского пионера Гарри Айзмана поднял революционную ярость пролетарских детей всего мира». И Гарри был заочно избран делегатом международного форума в Берлине. «Свободу Гарри Айзману!» — требовали представители юного поколения планеты.

В Советском Союзе началась широкая кампания с целью вырвать американского пионера из тюремных застенков. На призыв Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и «Пионерской правды» собрать «мопрский пятачок», «мопрские гектары» и «октябрьскую копейку», чтобы пригласить Гарри приехать в СССР, откликнулись миллионы советских людей. Общественный резонанс сработал: самому юному политическому заключенному власти США разрешили покинуть пределы страны с условием невозвращения в течение двух лет. Это была победа!

В нью-йоркской тюрьме, несмотря на уговоры «доброжелателей» и откровенные запугивания, Гарри принимает твердое решение уехать в Советский Союз. Он воспользовался случаем, чтобы увидеть Страну Советов, мир социализма, о чем давно мечтал. А заодно — восполнить свой вынужденный пробел в образовании и два года поучиться в советской школе.

«В ночь на 28 ноября около тысячи детей и взрослых,— вспоминает Айзман,— заполнили пристань, где стоял большой океанский пароход, чтобы проводить меня в Советский Союз... 9 декабря 1930 года я впервые ступил на советскую землю, которой суждено было стать моей настоящей Родиной».

В Москве несгибаемого юного борца из США встретили объятиями как друга, единомышленника и сподвижника. Оказав ему радушный прием, окружили вниманием и заботой. Скоро он понял: Москва — это не только столица мира, но и притягательный центр для революционных, национально-освободительных и рабочих движений планеты. Юный американец клянется посвятить всю свою жизнь борьбе за права трудящихся, за мир на Земле.

В Москве сбывается мечта Гарри — стать рабочим. Он поступает учеником фрезеровщика на автозавод

(ныне ЗИЛ) и одновременно учится. Через два года, когда истек срок американской выездной визы, Айзман решает не возвращаться в США и принимает советское гражданство, чтобы стать активным строителем социализма, борцом-интернационалистом.

Комсомолец Гарри работает фрезеровщиком и продолжает учебу. Затем два года учится в Международной Ленинской школе, после окончания которой его выдвигают на руководящую работу в ЦК ВЛКСМ и в Исполком Коммунистического интернационала молодежи (КИМ). «И когда гитлеровский фашизм в 1941 году обрушился на нашу страну,— вспоминает Айзман,— я, как и все советские люди, нашел свое место на передовой, с оружием в руках в рядах Красной Армии выполнял свой революционный долг».

Добровольцем ушел на фронт Гарри Эдуардович защищать Родину. Пехотинец Айзман первое боевое крещение получил в жарких боях на Среднем Дону в конце 1942 года. Он старался записывать в блокнот впечатления о прожитом дне, когда это ему удавалось. И вот я читаю полустертые записи на пожелтевших от времени листках бумаги. Читать их приходится с лупой. Вот что занес в дневник Гарри в декабре 1942 года.

...«Скоро село?» — спрашивали друг друга бойцы роты старшего лейтенанта Рудова. Уже более месяца они беспрерывно гнали на запад немцев и итальянцев из занятых ими в 1942 году сел и городов Среднего Дона. Целую ночь двигались на «своих двоих», снежный буран отяжелял шаг, слепил глаза. Но бойцы шли и шли. Всем не терпелось добраться до села. Оно уже вырисовывалось вдали, можно было различить похожие на большие сугробы крыши хат. И вот мы идем по длинным улицам почти полностью разрушенного села. «Есть ли тут жители?» — гадали мы. Наконец из низенькой хатенки вышла пожилая женщина. «Бабушка,—

крикнул ей солдат,— как называется ваше село?» «Новая Калитва»,— ответила она. Светало, мы шли дальше. Команду «привал» услышали только тогда, когда достигли чуть ли не самой крайней хаты этого огромного села. С группой бойцов вошел я в одну из хат. Сначала она показалась безлюдной, однако вскоре появилась хозяйка. Она смотрела, как мы укладывались на полу, раскручивали свои пожелтевшие от пота портянки, чтобы ноги «отошли».

— Ох, ох, сынки,— негромко повторяла хозяйка.

Она быстро растопила своими умелыми руками русскую печь и поставила на огонь огромный чугун с водой. Я внимательно следил за ее движениями. Для меня, горожанина, и притом еще «иностранца», внутреннее убранство хаты было новым и даже романтичным. На полу места хватило всем. Казалось, сколько бы еще ни вошло народу, для всех нашлось бы место. И это не потому, что хата была большая, просто никто не замечал тесноты.

На столе появился чугун с кипятком, мы стали чаевничать...»

Так состоялось знакомство пехотинца Гарри с селом Новая Калитва, под которым он впервые вступил в открытый бой с фашистами и куда приезжал затем как ветеран Великой Отечественной войны. Памятны были те морозные дни. Ничего романтичного в описаниях их в дневнике Айзмана уже не было. Вот как заполнил он странички блокнота о начале своего боевого пути.

«Дошли мы до каких-то холмов...

— В цепь!

Наш третий взвод растянулся, как резина. Будучи помощником командира взвода, я оказался левофланговым. Шли мы ровно, с винтовками наготове, как будто на тактических занятиях.

— Огонь,— послышалась команда.

Мы стреляли на ходу в направлении противника, которого не видели. Вдруг раздался оглушительный взрыв справа. Оказалось, правый фланг нашего взвода нарвался на минные поля противника. Те, кому посчастливилось остаться в живых, залегли. Теперь совсем близко мы видели фашистские окопы и дзоты. Лежали на открытом заснеженном поле как на ладони. Артиллеристы поддерживали нас и били по противнику. Где-то справа, казалось, совсем рядом «заиграли «катюши». Тепло стало на душе, но подняться и продвинуться вперед мы не могли. Последовала команда — окопаться. Долго лежали в снегу под свистящими пулями, вжимаясь в мерзлую землю каждый раз, когда со стороны фашистских дотов и дзотов летели к нам мины. К счастью, в основном пролетали мимо. Но жизнь каждого из нас была где-то на краю обрыва, и я стал отчетливо вспоминать наиболее яркие картины из своей жизни — именно те, которые поднимали мой боевой дух, чтобы с командой «вперед!» броситься на врага. И вот здесь, на снегу под Новой Калитвой, я дал себе слово, что, если останусь жив, обязательно расскажу детям об этой ужасной войне».

Удержал тогда рубеж третий взвод до прибытия смены. Поздно ночью снялся он с позиции и вернулся в село, в ту же крайнюю хату. Хозяйка, увидев изнуренные лица до костей промерзших солдат, поспешно захлопотала около них, а потом вдруг печально заметила:

— Вчера вас, сынки, было больше.

А наутро произошло событие, которое потом определило место Гарри Айзмана на войне не только как пехотинца. Взвод очнулся от глубокого сна, и хата ожила воспоминаниями о минувшем бое, об ужасных минах, о погибших и раненых, навсегда и временно выбывших из строя. Неожиданно дверь отворилась и вошел

офицер из штаба. Он окинул всех взглядом и сказал:

— Сказали, что среди вас есть американец, который знает все языки.

Гарри подскочил, стал навытяжку, подмигнул товарищам и весело ответил:

— Никак нет, такого не найдется, чтобы все языки знал.

Молодой офицер в ответ улыбнулся и, обращаясь к вставшим и оправлявшим на себе гимнастерки солдатам, сказал:

— Берегите его как зеницу ока, он нам может очень скоро помочь.

Затем взвод, отдохнув за день, занял оборону на одной из высоток рядом с селом, снова окопался в снегу. К вчерашним минометам добавилось нечто похуже — появились фашистские самолеты, они, летая на низкой высоте, поливали из пулеметов, метали бомбы. Во время одной из передышек к Гарри подполз связной из штаба и передал приказ майора Сергиенко немедленно прибыть к нему. Продравшись через кустарники, перейдя через лес, наконец добрались до землянки. Майор дружелюбно встретил Айзмана и сказал:

— Пленного сейчас доставят, повезло разведчикам — взяли «языка», а мы с вами будем его допрашивать. Надо срочно уточнить ситуацию, чтобы не наломать дров, действовать наверняка.

Гарри не совсем бодро отреагировал:

— Постараюсь, товарищ майор.

Но тот не обратил внимание на прозвучавшую в голосе неуверенность, углубился в изучение карты местности с нанесенными цветными карандашами позициями нашего пехотного полка и гитлеровцев. А оказавшийся в роли переводчика старшина Айзман нервничал. Во время работы в Москве как интернационалисту ему приходилось иметь дело с представи-

телями молодежных организаций, компартий разных стран, и он невольно заимел словарный запас некоторых языков для общения с зарубежными друзьями. Но с каким языком будет этот пленный?

Опасения Гарри оправдались — разведчики привели итальянца. Айзман почувствовал себя, как мальчишка на экзамене, не выучивший как раз ту тему, по которой ему задали урок. «Как же я его допрашивать буду, на каком языке переводить?» — в ужасе думал старшина. И начал зондировать почву. На английский язык пленный отреагировал отрицательным «ноу» — нет. Так же и на немецкий. И уточнил, показывая пальцем себе в грудь:

— Итальяно.

Это усугубляло положение. «Неужели нет выхода и я осрамлюсь?» — мелькнуло в голове у горе-переводчика. Но, как бывает в экстремальной ситуации, Айзман ухватился за последнюю соломинку и полностью реабилитировал себя в глазах уже начинавшего недоверчиво смотреть на него майора Сергиенко. Гарри вспомнил: находясь с испанскими детьми в «Артеке», когда ему поручили позаботиться об их отдыхе и досуге, он научился довольно-таки бегло объясняться с испанцами на их родном языке. Но было это в 1937 году, и память могла не удержать приобретенный тогда словарный запас. Айзман попробовал, и сразу фразы на испанском выскочили из него, как пулеметная лента. Итальянский лейтенант зашевелил усиками — языки-то схожие кое в чем. «Язык» заговорил, и вскоре были получены от него все необходимые данные, раскрывавшие намерения и секреты противника.

Потом в послужном списке у Айзмана появится запись: «с апреля 1943 по июль 1945 года — переводчик полка».

Дальше были бои под Белгородом. Кроме фронтового блокнота, у Гарри сохранилась в его архиве

и старенькая потрепанная карта. На ней Белгород обведен красным кружком. Эти места запомнились особенно, здесь шли ожесточенные бои, было пролито много крови. В Белгород наведывался Айзман после войны и, как поклялся под Новой Калитвой, рассказывал детям о зверствах фашистов, о мужестве наших бойцов. И вот однажды ветеран 89-й Белгородско-Харьковской поведал ребятам:

— В Короче произошел такой случай. Как-то ночью с группой бойцов мы зашли в один дом. На полу спали солдаты. Мы тоже прилегли. А утром на этажерке я обнаружил учебник для второго класса начальной школы. На одной из страниц — рассказ «Пионер Гарри Айзман». Очень сжато рассказывалась история моего прибытия в Советский Союз. Я был очень взволнован и потрясен.

Но еще больше была потрясена хозяйка квартиры — старая учительница, когда узнала, что перед ней — старшина Советской Армии Гарри Айзман. На глазах у женщины блеснули слезы. Она рассказала о том, что многие годы она учила ребят быть такими же смелыми и храбрыми, как Гарри.

И еще вспомнил тогда ветеран:

— Белгород. Этот город памятен мне. В честь Орла и Белгорода прозвучал первый салют Родины. Наша дивизия получила почетное наименование Белгородской. После освобождения Белгорода меня приняли в члены Коммунистической партии Советского Союза.

Жаркая битва за Харьков. Опять отличилась 89-я дивизия. И к названию «Белгородская» было прибавлено еще одно имя — «Харьковская».

Впоследствии посещал Айзман и другие города, в освобождении которых ему довелось участвовать. И всюду он выступал перед молодежной аудиторией. Вот еще одна встреча.

— Как пехотинец стрелкового полка,— рассказывал

Гарри в Белоруссии,— я с боями прошел северные районы вашей республики.

Тогда, в 1943-м, под Витебском младший лейтенант Айзман был участником кровопролитных боев.

Его влекла вперед неодолимая жажда мести. Они шли по обуглившейся от пожарищ белорусской земле, и зверская жестокость врага вызывала гнев до спазм в горле, до неистребимо-жгучего желания отомстить за погубленные жизни людей, за сожженные советские города и села. С криком «Ура-а-а!» Айзман перемахнул бруствер окопа и рванулся вперед. Неожиданно рядом возник сноп от разрыва снаряда. Очнулся Гарри в госпитале. Подлечился — и снова в бой.

За освобождение Белоруссии Родина наградила лейтенанта Айзмана орденом «Красная Звезда» и медалью «За боевые заслуги». Среди документов ветерана хранится копия партийной характеристики на Айзмана Гарри Эдуардовича, члена ВКП(б) с июня 1943 года. В ней говорится: «политически развит, хорошо и много работает над повышением своего идейно-теоретического уровня». А дальше коротко приводится послужной список партийной работы офицера: «был членом партбюро полка, парторгом батальона, парторгом штабной организации».

Боевой путь Айзмана пролегал через Курскую дугу, от древнего города Демидова на Смоленщине до Курляндии (Литовская ССР). Вернулся домой победителем.

После войны Гарри работал в антифашистском Комитете советской молодежи, окончил Высшую школу профдвижения, работал в Союзе советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Стал журналистом, активно выступал перед многомиллионной советской молодежной аудиторией.

До конца дней своих Гарри Айзман оставался истинным бойцом-интернационалистом, сыном народа, принявшего его в свою семью.

А. Антонов

В НЕБЕ — ИШЕРВУД

Отправляясь в свое очередное морское плавание, полковник Невилл Ишервуд, обычно уравновешенный, спокойный, на этот раз волновался, словно студент перед первым экзаменом. Конечно, причины для волнений были. Предстоящее плавание никак не могло показаться обычным даже для человека, который полжизни провел в море.

Авианосец «Викториес», на котором базировался отряд морской истребительной авиации полковника Невилла Ишервуда, отправлялся к северным берегам России, и там ему и его трем эскадрильям, две из которых возглавляли майоры Рук и Миллер, предстояло принять участие в боевых действиях вместе с русскими летчиками против фашистско-германских люфтваффе.

Разговоры о том, что англичане будут воевать вместе с русскими, шли давно, с того самого дня, когда фашисты вероломно напали на Советский Союз. Но никто из английских военнослужащих не представлял себе, как это будет. И вот теперь, спустя два месяца после начала войны в России, все стало ясно. Великобритания и Соединенные Штаты Америки приступали к выполнению своего союзнического долга. И в скором времени из английских портов через северные моря пойдут транспортные суда с вооружением, техникой и боеприпасами для Красной Армии. Конвои — большие отряды из военных транспортных и торговых судов и охраняющие их боевые корабли во время переходов морем — нужно будет прикрывать авиацией. Работы предстояло много, смертельных схваток с врагом — тоже.

Как раз об этом всего каких-то два часа назад говорил командующий флотом метрополии адмирал Тови, когда давал напутствие первой группе морских летчиков. Он прибыл на авианосец «Викториес» в сопровождении командующего 1-й эскадрой крейсеров контр-адмирала Гамильтона, вместе с ним обходил строй военных летчиков, пожимал им руки и желал успешного выполнения задания в далеком северном небе России.

Невиллу Ишервуду, уроженцу Новой Зеландии, расположенной и от Англии и от России за двадцать с лишним тысяч километров, никогда не приходилось встречаться с русскими. Даже русских моряков он не встречал, которые бороздили на своих судах все моря и океаны. Но о Советской России он знал немало по рассказам отца Лорена Ишервуда, который в годы первой мировой войны, а потом во время гражданской войны в России побывал там. Отец Невилла был военным моряком Королевского Флота Великобритании.

Дважды его корабль швартовался в Батумском порту Черного моря и один раз стоял на рейде вблизи Архангельска.

Судьба Невилла во многом оказалась схожей с судьбой его отца. Он тоже служил английской короне, служил верой и правдой. Хорошо поднимался по той лестнице, которую зовут карьерой. В свои тридцать с немногим лет был уже полковником Военно-Воздушных Сил Великобритании, командовал большим отрядом морской авиации. Первые боевые вылеты он начал совершать сразу же, как только Великобритания объявила войну Германии — после третьего сентября тридцать девятого года. Но тогда, почти девять месяцев, был период «странной войны». Английские войска не проявляли никакой активности. И только в конце июня 1940 года, когда гитлеровские войска оккупировали Францию, английское правительство всполошилось перед угрозой вторжения бошей на территорию страны.

И тогда начались для Невилла и его эскадрильи настоящие воздушные бои в небе над Ла-Маншем. К лету сорок первого года на боевом счету эскадрильи Ишервуда появились сбитые самолеты врага. Но бои над Ла-Маншем не носили ожесточенного характера. Немецкие летчики избегали открытого боя. «Хейнкели-111» обычно спешили сбросить свой смертоносный груз — лишь бы на территорию Англии — и удирали.

Ишервуд знал по сообщениям газет, что борьба в России против немцев носит ожесточенный характер. «Ничего, держитесь, русские парни, а мы вам поможем разбить фашистов»,— думал в день отплытия «Викториеса» Невилл.

На всем пути следования авианосца «Викториеса» и сопровождающих его крейсеров небо над ними было чистое от вражеских самолетов, а в морских глубинах их не поджидали немецкие подводные лодки. Корабли

шли по возможности вдоль кромки паковых льдов, хранили полное радиомолчание. Так миновали острова Ян-Майнен и Медвежий, взяли курс на Кольский полуостров.

Тем временем в Полярном завершалось согласование всех вопросов, касающихся действий английских летчиков. Еще в конце августа сорок первого года в Полярный прибыла постоянная военно-морская британская миссия во главе со старым морским офицером кэптеном Беваном и начальником штаба миссии коммандером Дэвисом, человеком хитрым, в прошлом подводником и, как слышал Ишервуд, разведчиком в настоящем. Переговоры закончились благополучно. На «Викториесе» была получена радиограмма, и эскадрильи Ишервуда покинули борт авианосца. В воздухе англичан встретили советские истребители капитана Бориса Сафонова и повели к кольской земле. Вскоре все самолеты совершили посадку на аэродроме в Ваенге.

Теплая встреча, которую устроили летчики-сафоновцы союзникам, сразу же внесла во взаимоотношения доверие, помогла зародиться настоящей боевой дружбе. Капитан Борис Феоктистович Сафонов распорядился отдать английским летчикам лучшие помещения для жилья. Его люди помогли гостям наладить быт, создали условия для технического обслуживания полетов и конечно же предполагали поделиться боевым опытом. Но это будет потом. А пока английские летчики привыкали к новым для них условиям.

Когда офицеры собрались на ужин, капитан Борис Сафонов стал рассказывать об особенностях боевой работы летчиков. Помогал ему переводчик.

— Летать нам приходится много. Немцы рвутся бомбить Мурманск, Колу, Полярный, Кандалакшу. Но мы не имеем права дать им волю. Нужно сберечь

порт, коммуникации, чтобы ваши моряки могли с наименьшими потерями приводить транспорты. Мы сделаем для них все, а с вашей помощью — тем более.

— Нам известно, что первые два конвоя в августе прибыли в Россию благополучно,— заметил полковник Ишервуд.— И нас немцы не беспокоили. Как это понимать? — спросил он.

— Все правильно. Но не будем строить иллюзий на будущее, господин полковник,— ответил Сафонов.— Фашисты хорошо представляют себе, что значит для нас Северный морской путь. Мы должны быть начеку!— выделив последнее слово, Сафонов поднял палец.

Ишервуд понял и значение последнего слова и жест.

— На-ше-кю,— повторил он.

Все засмеялись, а Ишервуд громче всех.

Вечер, проведенный в обществе русских офицеров, оставил в душе Невилла хорошие впечатления. Ему понравился молодой командир полка. Ишервуд почувствовал, что в полку Сафонова любят, что сам он храбрый человек. Как понял Ишервуд, он награжден уже высшими наградами страны: ордена Ленина, Красного Знамени говорили о многом. Понравился Ишервуду и командир эскадрильи Петр Сгибнев. «Отважный летчик»,— определил он.

А за столом в это время становилось все оживленнее. Ишервуд видел, что летчики уже не нуждаются в переводчике. Жесты, мимика помогали понять друг друга. Отдыхать разошлись поздно. В эту пору на Кольском полуострове, как повсюду, день сменялся ночью, до наступления полярной ночи было еще далеко.

На другой день утром Ишервуд пришел к Сафонову и попросил показать русские истребители.

— Нам интересно знать, что могут ваши самолеты,— объяснил свое желание Ишервуд.

— Пожалуйста, мы готовы показать наши «ястребки»,— охотно ответил Сафонов. Борис Феоктистович все присматривался к Ишервуду. Невилл это заметил. Спросил через переводчика:

— Чем интересуется капитан Сафонов?

— Он, по-моему, не англичанин,— обратился Сафонов к переводчику.— Спроси, откуда он родом.

— Новая Зеландия,— ответил Ишервуд.

— Спасибо новозеландцам, спасибо вашей стране, что помогает нам бить фашистов,— горячо произнес Сафонов и пожал Невиллу руку.

К землянке Сафонова подошли майоры Миллер и Рук, сержант Хоу. И Сафонов повел их осматривать советские истребители. Ишервуд и сержант Хоу были особенно дотошными. Их интересовало все: вооружение, скорость, маневренность, потолок высоты, продолжительность полета. Получив ответ, Ишервуд и Хоу переговаривались между собой, сравнивали данные советских истребителей со своими, иногда качали головой, в чем-то разочаровавшись, чему-то радуясь. Их поразила огневая мощь наших истребителей. Пушка, крупнокалиберные пулеметы, установки реактивных снарядов явно превосходили вооружение самолетов «Харрикейн». «Русские знают, что делают,— размышлял Невилл,— может быть, у немцев здесь действуют самолеты особого типа — бронированные. Тогда нашим «Харрикейнам» нечего тут делать. А что если...» — но Ишервуд даже и про себя не стал развивать мелькнувшую мысль, понимая, что с такой просьбой обращаться к русским не положено.

Когда осмотр краснозвездных «ястребков» завершился, капитан Сафонов будто бы в шутку, но все поняли, что всерьез, попросил Ишервуда показать свои самолеты.

— Нам ведь нужно знать, каким вас огоньком под-

держивать, когда полетим бить фрицев,— говорил Сафонов с улыбкой, показывая ровные белые зубы.

Ишервуд понял это предложение по-своему. Он догадывался, что русский капитан знает английские самолеты. Оттого и весел, что может утереть нос англичанам. Но потом Ишервуду было стыдно за свою недостойную догадку. Он еще не знал сафоновской черты быть всегда веселым, о самом серьезном подчас говорить с долей шутки.

До стоянки «Харрикейнов» было не больше двухсот метров. Но летчикам не удалось на этот раз до них дойти. Раздался сигнал боевой тревоги, и Сафонов с офицерами поспешили к своим истребителям. Ишервуд все-таки успел спросить Сафонова:

— Вы летите в бой?

— Да,— ответил Сафонов.

— Мы тоже летим,— заявил Ишервуд.

— Нет, ваше время еще не пришло,— довольно твердо сказал Сафонов и побежал к своему самолету.

В это время посты ВНОС уже уточнили направление эскадрильи немецких бомбардировщиков и сообщили, что она летит к Мурманску. Двадцать семь истребителей полка в считанные минуты поднялись в небо и скрылись за горизонтом. Вскоре там, куда улетели советские истребители, завязался воздушный бой. До английских летчиков доносилась стрельба пушек, очереди крупнокалиберных пулеметов, потом — вал за валом — бомбовые разрывы. И вот со стороны Мурманска показался самолет, за ним тянулся шлейф дыма. Ишервуд сразу определил, что это немецкий бомбардировщик «Ю-87». Он быстро терял высоту и наконец стал падать. Потом из-за сопок над горизонтом взвился клуб черного дыма и до англичан долетел мощный взрыв, и все почувствовали под ногами мелкую дрожь земли.

Сержант Хоу, самый молодой в группе летчиков, запрыгал от радости.

— Здорово! Здорово! — кричал он.

— Так им и надо,— заметил майор Рук.

— Мне еще не время курить, но эту победу русских я отмечу трубкой,— деловито произнес майор Миллер.

А полковник Ишервуд радовался успеху советских летчиков молча. Он думал о том, что нужно как можно быстрее освоить это северное небо и включиться в борьбу. «Русским трудно, они напрягают последние силы. Нужно помогать, нужно помогать»,— повторял Ишервуд.

Незаметно пролетели полчаса, и самолеты Сафонова стали возвращаться на аэродром. Сержант Хоу считал машины, заходившие на посадку.

— Двадцать одна, двадцать две... Пяти машин нет. О, еще три,— комментировал он появление сафоновских «ястребков».— Еще где-то два...

Эти два последних истребителя ждали, казалось, целую вечность. К англичанам подошел старший лейтенант Петр Сгибнев.

— Где капитан Сафонов? — спросил Ишервуд.

Старший лейтенант только пожал плечами.

В это время где-то далеко западнее Ваенги раздался приглушенный расстоянием еще один мощный взрыв. И посуровели лица летчиков. Опытные воины знали, что так взрываются только самолеты. Минута молчания была тяжелой, но к группе англичан подошли еще несколько советских летчиков, и старший лейтенант Туманов сказал:

— Сафонов на подходе.

Все облегченно вздохнули. Всматривались в горизонт. В это время из-за ближних сопок на бреющем полете показался «ястребок», с ходу приземлился на

взлетную полосу. Это вернулся без своего ведомого капитан Сафонов.

— И познакомиться как следует не успели с парнем,— рассказывал потом Борис Феоктистович,— всего третий раз сегодня уходил в небо. Увлекся парень.

В этот день фронтовая обстановка еще долго не давала летчикам 78-го смешанного авиаполка ни минуты передышки. В районе реки Титовки завязались ожесточенные бои. Сафонов звено за звеном отправлял своих летчиков на поддержку обороняющейся пехоте. Сафоновцы встречали на подходе к передовым позициям вражеские бомбардировщики, навязывали им бой, заставляли сбрасывать бомбы где попало. На бреющем полете обстреливали цепи атакующих фашистов. Западнее реки Большая Лица разбомбили автоколонну с пехотой.

К вечеру небо над кольской землей стали затягивать тучи, пошел дождь, облачность стала очень низкой. Самолетам в такую погоду работы не было. И, воспользовавшись нелетной погодой, капитан Сафонов решил осмотреть английские самолеты и пришел со своими товарищами к англичанам.

— Господин полковник,— обратился он к Ишервуду, появляясь в землянке,— продолжим нашу работу и прошу ознакомить моих парней с «Харрикейнами».

— Да, конечно, мы в вашем распоряжении,— ответил Ишервуд. Он ждал русских летчиков, надеялся, что потеря боевого товарища не выбьет их из деловой колеи.— Вам обязательно нужно изучить наши самолеты. Скоро вы их будете иметь.— Ишервуду было известно, что с ближайшим транспортом в Мурманск прибудут «Харрикейны».— Итак, за дело.— И полковник повел группу Сафонова к стоянке самолетов. Вместе с ними, попыхивая трубкой, шел и майор Миллер. По пути он сказал Ишервуду:

— Этих парней еще придется учить летать на наших самолетах.

— Не исключено,— согласился Ишервуд.

Когда пришли к машинам, Миллер похлопал одну из них по крылу и многозначительно сказал:

— «Харрикейн» — классный истребитель. Нужен большой опыт, чтобы летать на нем. Не каждый английский летчик его укрощает.

— Вот как! Это любопытно. Разрешите тогда подняться в кабину? — спросил Сафонов Ишервуда.

— Да, конечно,— поспешил он ответить.— Самолет в вашем распоряжении.

Сафонов легко поднялся на крыло, подмигнул своим летчикам — ничего, мы и не таких коней укрощали — и привычным движением проник в кабину, сел в кресло пилота.

Мешал дождь и было не видно, что Сафонов делает в кабине. И тогда Ишервуд, Миллер и переводчик поднялись на крыло. Осмотрев приборы, Сафонов попросил объяснить ему назначение некоторых тумблеров, ручек, приборов. Роль инструктора взял на себя Миллер. Он педантично и значительно стал через переводчика объяснять устройство приборной панели, действия тех или иных агрегатов. Сафонов слушал внимательно, пытаясь запомнить каждое слово. И что удивило Ишервуда, не переспрашивал.

Опытному летчику и без расспросов было видно, что «Харрикейны» в чем-то превосходили советские истребители, а в чем-то значительно уступали. Это Ишервуд понимал по лицу русского аса, особенно когда он придирчиво осматривал вооружение. «Русский прав, это ведь главная сила. Будь скорость, будь маневр, но если сбивать противника нечем, полпенса тебе цена»,— думал Ишервуд.

Сафонов будто угадал невеселые мысли полковника.

— А вы знаете, господа офицеры, что при встрече с «мессершмиттом» вам не выиграть бой. Разве что чудом.— Он говорил эту горькую правду, видимо, еще под впечатлением гибели своего летчика. В его устах она звучала сурово.— Вам нужно срочно менять вооружение. Ну что это за пулеметы! Хлопушки детские, да и только.

— Я готов с вами согласиться,— сказал Ишервуд.— Но как это можно сделать? И сколько уйдет времени?

— Надо подумать, товарищи,— перешел на привычное обращение Сафонов, будто забыл, что перед ним господа, в крайнем случае, граждане иностранного государства.— Надо подумать. Вечером я поговорю с командованием.

— Спасибо,— ответил Ишервуд.

— А теперь проверьте то, что я узнал о ваших самолетах,— обратился он к майору Миллеру.

— Да, я готов вас экзаменовать,— согласился Миллер.— Покажите, где главные приборы управления полетом. Как поднять «Харрикейн» в воздух?

Переводчик едва успевал переводить ответы Сафонова. И по мере того как он отвечал, на лице у Миллера исчезало спокойствие и появлялось удивление.

— Я не нахожу слов, Невилл,— обратился он к Ишервуду.— Кэп Сафонов сейчас может подняться в небо. Это удивительно!

Вслед за Сафоновым Ишервуд разрешил осмотреть кабину и другим трем летчикам, которые пришли к самолету. Они хотя и не так уверенно, как их командир, однако с профессиональным мастерством отвечали Миллеру на его порою каверзные вопросы.

Самолюбие британского летчика было задето. Он рассчитывал поставить русских летчиков в тупик, но не получилось. И спускаясь с крыла самолета, он отделался шуткой:

— Здесь только асы. Господин Сафонов собрал их со всей страны.

Ишервуд остался доволен товарищами Сафонова.

— У нас надежные партнеры по борьбе,— сказал он значительно.

На следующее утро Ишервуд вывел свое первое звено на взлетную полосу. Это была одна из запасных взлетных полос, которую сафоновцы отдали в распоряжение англичан. Из кабины своего самолета Ишервуд видел, как выруливают на взлет машины русских. В одной из них сидел капитан Сафонов, который и будет сегодня за ведущего. Вот ЯК Сафонова заиграл мотором, рванулся вперед и взмыл. Тотчас и Ишервуд послал свою машину на взлет. Может, от волнения, но «Харрикейн» был сегодня не так послушен Невиллу, как всегда. И взлетел он на какую-то долю секунды позже, чем задумал пилот. Но взлетел и стал набирать высоту. Ишервуд не упускал из виду Сафонова. А следом поднимались майор Рук и сержант Хоу. Майор Миллер должен был лететь со следующим звеном.

Невилл увидел, как Сафонов развернулся и взял курс на запад. Он повернул следом и повел за собой звено. Задача этого полета была проста. Сафонов решил познакомить летчиков Ишервуда с реальной обстановкой, с тем чтобы они увидели с высоты полета рельеф тундры, чтобы имели представление о наших коммуникациях, о том, где проходит линия фронта.

Считанные минуты полета — и вот уже линия фронта. Она обозначалась разрывами снарядов, мин. По интенсивности огня Невилл понял, что там, на позициях русских войск, солдатам приходится нелегко. Враг не давал им ни минуты покоя. В отдалении Невилл заметил группу немецких истребителей. Они барражировали над прифронтовыми коммуникациями. Невилл ждал, что Сафонов повернет в их сторону, новозеландцу хо-

телось сойтись с врагом, но в задачу русского командира это, очевидно, не входило и он продолжал полет в заданном направлении. И когда зона действия 78-го авиаполка кончилась, Сафонов повернул самолет к аэродрому.

Вслед за первым звеном англичан в небо одно за другим поднимались новые звенья. И вскоре все летчики группы Ишервуда имели представление о русском небе, о тундре, о линии фронта. Когда первое занятие завершилось, Сафонов пришел к английским летчикам и попросил Ишервуда собрать их. Они уселись на нары, а Сафонов, остановившись возле карты района, где проходили полеты, стал делать разбор урока.

— В целом, друзья, вы производите хорошее впечатление. Умеете летать. Теперь вам остается показать, как вы умеете бить врага. Помните одно, а может быть, вы уже знаете, что фашистские «мессеры» более быстроходны. Значит, нужно лучше использовать маневренность «Харрикейнов». В этом наша сила.— А закончив беседу, он сказал: — Сейчас я еду в штаб. Думаю, что полковник Ишервуд не откажет составить компанию.— Невилл кивнул головой.— Будем просить «добро» на боевые полеты.

И «добро» было получено. Выпросил Сафонов и разрешение сменить по возможности вооружение английских самолетов. Для начала решили оборудовать крупнокалиберными пулеметами и поставить пушки только на самолетах Ишервуда, Миллера, Рука и Хоу. Технический персонал работал по ночам. На третий день первые машины преобразились, стали более внушительными.

И пришло время сразиться с врагом. Сперва Ишервуд и его летчики барражировали на подступах к Мурманску, чтобы встретить и упредить немецких бомбардировщиков, которые каждый день и по нескольку

раз стремились прорваться к городу на бомбежку. Обычно вылетали вместе с сафоновцами. Группа Ишервуда к этому времени получила свое кодовое название: «Бенедикт». И когда в эфире звучало это нерусское слово, сафоновцы знали, о ком речь.

А самостоятельные действия группы Ишервуда начались неожиданно. Последняя декада сентября была очень напряженной на фронте. Гитлеровцы уже чувствовали дыхание суровой полярной зимы и стремились во что бы то ни стало сломить сопротивление русских, прорвать их оборону и овладеть Мурманском. Полк Сафонова не знал в эти дни отдыха. Вылет следовал за вылетом. Летчики валились от усталости с ног. Каждый день в их рядах кого-то недосчитывались.

Однажды теперь уже майор Сафонов, только что вернувшись из штаба, принимал рапорт командира эскадрильи капитана Петра Сгибнева, вернувшегося из очередного боя. А в это время над горизонтом показались девять точек. Сафонов догадался, что к аэродрому приближаются немецкие самолеты. И через минуту-другую фашисты начнут расстреливать машины, бомбить аэродром. Положение создалось критическое. Сафонов отдал команду поднимать истребители. Но сафоновцев опередили.

Наблюдатели группы «Бенедикт» заметили вражеские самолеты чуть раньше. И не успели летчики Сафонова добежать до машин, как из-за сопки поднялась навстречу «мессершмиттам» восьмерка «Харрикейнов». Ишервуд шел впереди. Еще несколько мгновений — и англичане сблизились с немцами. Засверкали очереди трассирующих пуль. Бой завязался почти над самым аэродромом. Немцы стремились прорваться к полю, они видели, как там выруливают на взлет «ястребки», хотели пригвоздить их к земле. Но не удавалось.

«Харрикейны» Ишервуда преградили им путь, навязав ближний бой. Вот Невилл увидел, как немецкий летчик пошел на него тараном. Очевидно, уже знал, что перед ним не русский, который не дрогнет. Но он ошибся, не дрогнул и Невилл. Самолеты сближались, еще секунда и... нет, нервы гитлеровского летчика оказались слабее, чем у новозеландца. Фашист взмыл вверх. И в это время Невилл пропорол ему крупнокалиберными пулями стальное брюхо. «Мессер» как-то нелепо перевернулся, мотор его несколько раз хлопнул и заглох, машина камнем пошла к земле.

Тут же Невилл увидел, как задымился другой немецкий истребитель, который подбил майор Рук. Немец пытался уйти, но Рук сделал разворот, догнал его и добил. Оставляя дымный след, «мессер» протянул еще с километр, а потом по косой линии упал в сопки.

Ишервуд взял на прицел еще один вражеский истребитель. Но немцы уже не думали о том, чтобы прорвать оборону, уцелевшие самолеты стремительно удирали. И все-таки еще одному «мессеру» пришлось покинуть небо. Ишервуд видел, как самолет сержанта Хоу «сел» немцу на «хвост» и прошивал его очередями, пока тот не врезался в сопки. И вот в небе только «Харрикейны» да ЯКи, которые поднялись на помощь англичанам. Но преследовать немцев уже не было смысла. Ишервуд повел своих на посадку, за ними последовали и советские истребители.

Как только «Харрикейны» приземлились, Ишервуд собрал летчиков и поздравил их с победой в этом очень важном для них бою.

— Друзья, я горжусь вами. Этот бой показал, что мы можем бить фашистов. Ситуация была сложной, и, если бы не наш стремительный натиск, враг нанес бы русским большие потери. Спасибо вам, мои боевые товарищи,— пожимая летчикам руки, говорил Ишервуд.

Майора Рука и сержанта Хоу Невилл обнял.— Ваша храбрость выше похвал, майор Рук и сержант Хоу. Я буду представлять вас к награде.

К концу дня в расположение англичан пришел майор Сафонов. Он поблагодарил англичан за товарищескую выручку.

— Спасибо вам от меня лично и от всего полка за то, что выручили нас в беде. А беды не миновать бы, так неожиданно навалились фашисты,— сказал Сафонов тихо. Потом он обратил внимание на сержанта Хоу.— Ваш молодой товарищ проявил в этом бою высокое мастерство. Я наблюдал, как он расчетливо и умело вел бой, как «седлал» фашиста и выдал ему по первое число.

— Хоу смел и решителен,— добавил Ишервуд.

Молодой английский летчик смутился от такой высокой похвалы. Но глаза его сверкали радостью, он был счастлив оттого, что его поздравил с победой прославленный русский «северный» ас.

— Я буду стараться и хочу, чтобы когда-нибудь сказали: Хоу тоже ас севера.

Этот сентябрьский день завершился маленьким праздником. Ишервуд распорядился устроить ужин, и все выпили за первую победу.

— У нас впереди много напряженной работы, много смертельных схваток с врагом,— сказал Ишервуд, поднимая бокал,— и каждый из нас может проявить мужество, находчивость, каждый может стать героем.

— Мы будем бить фашистов, не жалея сил,— ответил Ишервуду майор Рук,— и тогда там, на западе, над нашей родиной меньше будет вражеских самолетов.

Работы отряду Ишервуда предстояло действительно очень много. На другой день объединенная группа русских и английских истребителей, возглавляемая Сафо-

новым и Ишервудом, вылетела навстречу конвою судов, прибывающих в Мурманск. Встретили транспортные суда и сопровождающие их корабли северо-западнее полуострова Рыбачий, на тридцатом меридиане. Погода была пасмурная, море неспокойное. Все это создавало благоприятную обстановку для движения конвоя. Барражируя над судами и кораблями, меняя отряды истребителей, советские летчики почти сутки прикрывали английских моряков, которые, выполняя свой союзнический долг, доставляли сражающейся России танки, самолеты, автомашины, различное военное снаряжение, боеприпасы. Прибыла с этим конвоем и первая партия «Харрикейнов» для советских летчиков. Через несколько дней их получили летчики полка Сафонова.

К этому времени погода над кольской землей стала совершенно нелетной: низкая облачность, дожди, туманы, и сафоновцы с помощью английских техников стали перевооружать «Харрикейны». Некоторый опыт такой работы уже был, и дело шло ходко.

Ишервуд часто приходил на стоянку «Харрикейнов», наблюдал за перевооружением. Теперь он был убежден, что русские поступают правильно. Истребитель с крупнокалиберными пулеметами, с пушкой становился грозной машиной. А когда сафоновцы стали монтировать на «Харрикейнах» реактивные снаряды РС-82 и РС-132, то позавидовал такой огневой мощи истребителей. Он догадывался, какую роль отводили русские ракетным установкам. «Удары по вражеским аэродромам группами таких истребителей будут оставлять там пустыню»,— размышлял новозеландец. Для своих самолетов он не стал просить реактивные установки, считая, что это не положено.

В начале октября полоса дождей прошла. Снова в небе появились вражеские самолеты, снова Ишервуд

по нескольку раз в день поднимал своих парней в воздух. Нередко он отправлял на патрулирование только по два самолета. И если сам летал в паре, то чаще всего брал с собой сержанта Хоу. Они поднимались в небо, шли к линии фронта, там ходили по кругу, зорко наблюдая за горизонтом.

Спокойных дежурств у них пока не было. Фашисты все больше наглели. Сходясь в ближнем бою, Ишервуд видел озлобленные лица гитлеровских асов. Причины злобы он понимал. За каждый метр продвижения вперед фашисты платили тысячами жизней.

Ишервуд восторгался русскими. Ему казалось, что ни одна страна в мире не могла бы так защищаться — и это уже показала жизнь,— как защищают свою свободу советские люди. Как тут не помочь им, если ты честный человек. И новозеландец старался делать для России все, на что он был способен.

Вот и сейчас он зорко следил за окружающим его небом, высматривая врага. Пока в воздухе были только они двое с сержантом Хоу. Но неожиданно Ишервуда будто ударили, он услышал голос Хоу: «Бенедикт-1», вижу цель!» Ишервуд напряг зрение и увидел, как ниже их летел в сторону аэродрома вражеский самолет.

У Невилла, как у охотника при виде дичи, забилось сердце. «Наци» сам шел под стволы пулеметов. И Невилл крикнул в шлемофон: «Бенедикт-2», иду на цель!» И оседлал «мессера». «Видимо, какой-то растяпа,— мелькнуло в голове. Но оказалось, что на «хвосте» у этого «растяпы» нелегко было удержаться. «Мессер» начал стремительно забирать вверх и удирать. Азарт погони захватил Невилла. Хоу тоже поддался соблазну легкой добычи. И они все дальше уходили от района патрулирования. И вдруг Невилл понял, что перед ними никакой не растяпа, а опытный ас. Невилл встречал таких хитрецов. Сейчас он уведет их самолеты от ме-

ста патрулирования, а там... Ишервуд быстро отдал приказ Хоу: «Бенедикт-2», немедленно возвращайся».— «Бенедикт-2» понял!» — ответил Хоу.

Едва они успели вернуться в свой район, как догадка Ишервуда подтвердилась: в сторону Мурманска шла группа бомбардировщиков под прикрытием нескольких истребителей. «Проскочат,— мелькнуло у Ишервуда,— обвели вокруг пальца как мальчишку!» — подосадовал он. И упрямо прошептал: «Ну нет, не на того напали!»

Нацелившись в пространство между бомбардировщиками и истребителями, Ишервуд передал Хоу: «Бенедикт-2», иду в атаку!» — «Иду следом!» — ответил Хоу.

Немцы не ожидали такой дерзости от двух «Харрикейнов» и не изготовились к бою. И Невилл, нацелившись на головной бомбардировщик, забыл о какой-либо опасности, выжал из самолета предельную скорость. И вот она — цель! Ударили крупнокалиберные пулеметы, пушка. Головной «Хейнкель-111» выбросил сноп пламени и задымил. Тем временем сержант Хоу прикрыл командира, сосредоточил огонь на «мессершмиттах». Завязалась неравная дуэль.

Ишервуд сделал второй заход на бомбардировщики. Их осталось восемь. Головной «Хейнкель-111» уже покинул строй, пытаясь сбить пламя, стремительно уходил вниз, разворачиваясь к линии фронта. И не ушел. Летчики выпрыгнули с парашютами, а самолет взорвался в сопках.

Строй бомбардировщиков нарушился. Ишервуд уже бил по новой цели. Хоу, прикрывая его, сбил один «мессершмитт», но тут же увидел, что его самолет загорелся, мотор пострелял и заглох, машина пошла к земле. Он еще пытался планировать, но бесполезно. Тогда открыл кабину и вывалился из самолета, дернул

кольцо парашюта. Ишервуд поразил и второй бомбардировщик. Но сам остался без прикрытия и вынужден был укрыться от истребителей среди бомбардировщиков. В это время появились сафоновцы. Девять «Харрикейнов» ринулись в бой. «Хейнкели-111», сбрасывая бомбы куда попало, пытались уйти от советских истребителей. Лишь «мессершмитты» еще сопротивлялись. Но Ишервуд уже не видел их, он смотрел, как приземлился Хоу. Пора было спешить ему на выручку. Так закончился этот бой в час патрулирования.

Наступило время прибытия очередных конвоев. Ишервуд водил группы «Харрикейнов» встречать суда и корабли. И каждый раз сопровождение оказывалось благополучным. Надо сказать, что в течение всего сорок первого года и до марта 1942 года союзные конвои прибывали в Мурманск благополучно. Первое мощное нападение на английские суда и корабли было совершено в середине марта. Этому нападению подвергся конвой «PQ-13». Оно было комбинированным. С воздуха конвой бомбили пикирующие бомбардировщики «Ю-87», в море атаковали подводные лодки. Было потоплено пять транспортов: четыре в результате бомбежки, один — от торпеды подводной лодки. Ишервуд помнил, как все это происходило. Гитлеровцы подстерегли англичан еще в зоне, которую контролировали не советские корабли и самолеты, а их, английские. Ишервуд тогда был уже в Лондоне.

А пока конвои проходили опасную зону вдоль берегов Норвегии без каких-либо крупных происшествий, особенно на морской территории Советского Союза. И полеты по сопровождению и прикрытию конвоев были для английских летчиков из группы Ишервуда нередко легкой прогулкой.

Ишервуд понимал, что такая обстановка в Северном море стала возможной потому, что русские сковывали

силы противника своей упорной обороной на Кольском полуострове. Вся вражеская авиация, в том числе и дальняя бомбардировочная, была нацелена на эту землю.

Ноябрь сорок первого года выдался в тундре суровым. Морозы доходили до тридцати и более градусов, прошли обильные снегопады, а потом наступила ясная погода. Не было дня в эту пору, чтобы немцы не бомбили Мурманск или железную дорогу, ведущую от Мурманска на Кандалакшу, или города Оленегорск, Мончегорск. Обычно бомбовозы летели под прикрытием истребителей. В первых боях с такими группами самолетов летчики Ишервуда испытывали трудности. Небольшой опыт был только у самого командира и сержанта Хоу. Но сафоновцы и здесь помогли.

В морозный полдень посты ВНОС сообщили, что в направлении Мурманска движется большая группа «юнкерсов» под прикрытием десяти истребителей. В небо поднялись одновременно сафоновцы и летчики Ишервуда. Но еще до этого вылета, при разборе последнего воздушного боя, Сафонов сказал Ишервуду:

— Мы должны сковывать противника своей тактикой. Если бомбардировщики летят под прикрытием истребителей, то надо в первую очередь преградить путь тяжелым машинам и отсечь их от истребителей. Затем одной группе связать истребителей боем, а другой — рассеять бомбардировщики. И бить их поодиночке.

Теперь предстояло применить этот урок в настоящем бою. Навстречу врагу летели двадцать семь «Харрикейнов». Ишервуд пошел со своей группой на перехват «юнкерсов», которые шли ниже «мессершмиттов». На них выходила группа Сафонова. И разъединили строй. Ишервуд и его друзья ударили по бомбардировщикам с фланга и сверху, стали сбивать их с курса, «сели» на «хвосты». Бой развивался скоротечно. Загорелся один «юнкерс», другой. А вскоре и третий вошел

в пике да так и не вышел из него. Строй «юнкерсов» распался, на одиночные машины нападали сафоновцы. Один из «юнкерсов» все-таки прорвался к Мурманску, но уже вблизи города, над заливом его догнал Ишервуд. Выстрелы из пулеметов и пушки оказались точными. Куда угодил ему полковник, неизвестно, только «юнкерс» взорвался в воздухе над заливом. Сбили по самолету Миллер и Рук. А еще пять бомбардировщиков и два истребителя уничтожили сафоновцы. Их командир в этом бою был ранен.

Уцелевшие вражеские самолеты, покидав бомбы где придется, пустились наутек. Их преследовали до самого переднего края обороны. Еще стремительнее удирали «мессеры».

Пришло время возвращаться в Ваенгу на аэродром. Ишервуд сделал радиоперекличку: потерь не было. «Это необыкновенно,— с радостью подумал Невилл,— выиграть такой бой и не потерять ни одной машины...»

Счет сбитых самолетов группой Ишервуда рос с каждым днем. Их уничтожали не только в воздухе, но и на земле. Как-то, когда Борис Сафонов еще лежал в госпитале, Ишервуда пригласил к себе заместитель командира полка капитан А. Н. Кухаренко.

— Тут вот какое дело, господин полковник,— начал Кухаренко,— по данным нашей разведки, в районе Луостари немцы сосредоточивают новые подразделения авиации. Есть предположение, что они готовятся оседлать морские коммуникации. Чем это пахнет, догадываетесь?

— Догадываюсь отлично,— ответил Ишервуд.

— Наша с вами задача — не допустить этого. И командование доверило нам операцию по уничтожению аэродрома в Луостари. Вылет для нанесения штурмового удара назначаю на раннее утро завтрашнего дня,— продолжал замполка.— Вам надлежит выделить пятнадцать машин.

— Будет сделано.

— Час вылета объявлю дополнительно. И помните, господин Ишервуд, операция ответственна и опасна. Постарайтесь собрать добровольцев.

— Да, конечно, такие парни надежнее,— согласился Невилл.

На другой день еще задолго до рассвета Ишервуд и его летчики были на ногах. Добровольцами, оказывается, хотели быть все. И тогда Ишервуд поручил Миллеру и Руку отобрать пилотов по своему разумению, наиболее опытных. С первыми признаками рассвета летчики были уже возле машин. И как только последовал приказ, стали подниматься в небо. Объединенную группу «Харрикейнов» вели капитаны А. А. Коваленко и А. Н. Кухаренко.

Появились русские и английские летчики над целью так внезапно, что немцы не сумели поднять в воздух ни одного самолета. Шли на уничтожение вражеских машин эшелонами. Били из пушек, из пулеметов, пускали реактивные снаряды, сбрасывали бомбы. На аэродроме царила неописуемая паника. Немцы забыли, что должны организовать сопротивление, что у них есть зенитки, что нужно, наконец, спрятаться в укрытия. Нет, они метались среди горящих машин, словно призраки, и падали, сраженные пулями, осколками. После захода последнего эшелона истребителей вражеский аэродром был объят пламенем горящих самолетов. Начались взрывы баков с горючим, боеприпасов.

Выполнив первый заход, Ишервуд отлетел от аэродрома, развернулся, вновь появился над целью и стал фотографировать. «Это потрясающе! — восторгался Невилл.— Этот урок наци запомнят надолго».

Увлеченный ярким зрелищем, Ишервуд на какие-то секунды отключился от окружающей действительности. И это чуть не стоило ему жизни. Выручил все тот же

вездесущий сержант Хоу. Он одним из первых заметил, как к разгромленному аэродрому приближается группа «мессершмиттов». Предупредив друзей об опасности, он опередил тот «мессер», который нацелился на Ишервуда, и его меткая очередь сделала свое дело. Немецкий истребитель будто споткнулся о невидимую преграду и упал свечой на аэродром, там и взорвался.

«Молодец Хоу»,— порадовался за своего сержанта Ишервуд и сам вступил в бой с немецкими истребителями, догнал одного и прошил очередью трассирующих пуль. «Мессер» потянул за собой дымный след и пропал за поселком Луостари. Трех истребителей сбили сафоновцы. Были потери среди русских и англичан. Две машины поразили зенитчики, одну подбили «мессершмитты». Возвращались на аэродром в Ваенгу сосредоточенные на мысли о том, что кого-то уже больше не увидят.

Между тем полковника Ишервуда ждали новости. По распоряжению первого морского лорда Дадли Паунда его отзывали на авианосец «Викториес», где он должен был возглавить новый отряд истребителей «Альбакор». Ишервуд не испытал радости при этом известии. Он уже привык к русскому небу, к боевой и дружественной обстановке в русском полку, у него появились товарищи, друзья, которые надежны и не подведут в беде.

Невилл Ишервуд простился с летчиками своего отряда, с русскими офицерами, посетовал, что не увидит Бориса Сафонова, и вечером 27 ноября уехал в Мурманск, откуда в это время уходили на запад корабли и суда очередного союзного конвоя. Не знал Невилл, что утром этого дня — 27 ноября 1941 года — в Кремле был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Ленина летчиков Британского Королевского Воздушного Флота». В нем говорилось:

«За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Ленина летчиков Британского Королевского Воздушного Флота.

1. Полковника Ишервуд Н. Л.
2. Майора Рук Э. С.
3. Майора Миллер Э. Н.
4. Сержанта Хоу Ч. Ф.».

Этот Указ был подписан М. И. Калининым и А. Ф. Горкиным.

Потом, когда Миллер и Рук будут держать в руках газету «Красная Звезда» за 28 ноября 1941 года и им прочитают Указ и небольшую корреспонденцию об их боевых действиях, Миллер посетует:

— Надо же, если бы еще с неделю Невилл был с нами, то вместе бы порадовались.

О чем же тогда писала «Красная Звезда» в небольшом материале «За что награждены славные английские летчики»? Написано было душевно, но по военному времени немногословно. Это была страничка фронтовой правды.

«Посты ВНОС сообщили о том, что к Мурманску приближаются вражеские самолеты. В воздух немедленно поднялись наши самолеты и направились на запад. Следом поднялись другие звенья.

В воздушных боях с германской авиацией на Севере особо отличились летчики Британских ВВС полковник Н. Л. Ишервуд, майоры Э. С. Рук, Э. Н. Миллер, сержант Ч. Ф. Хоу. Группа полковника Ишервуда сбила 15 фашистских самолетов. Эскадрилья майора Рука — 13. Сами английские летчики активно участвовали в боях. Истребитель полковника Н. Л. Ишервуда неизменно появлялся там, где противник был наиболее силен, коварен и умен.

Отличный летчик, прекрасный стрелок и храбрый человек, полковник Ишервуд одержал несколько эффектных побед в воздухе. В самые же первые дни схваток с врагом сбил три фашистских самолета.

Майоры Э. С. Рук и Э. Н. Миллер всегда умело навязывали противнику бой, быстро и эффектно доводили его до победы. Их противникам редко удавалось уходить благополучно.

Спокойствие, выдержку, умение и верность глаза продемонстрировал также сержант Ч. Ф. Хоу, не отстававший от своих старших товарищей в счете сбитых фашистских машин».

К сказанному стоит добавить, что если сержант Хоу был выдержан и спокоен в воздухе, то при чтении газеты он ликовал, он весь светился радостью. И только сожалел, что нет рядом с ним его учителя полковника Ишервуда.

— Он сказал бы, что я настоящий ас! — говорил своим друзьям Хоу.

Морозный декабрь оказался самым удачным временем года по условиям летной погоды. Аэродром в Ваенге не затихал ни на минуту круглыми сутками, звенья сафоновского полка одно за другим уходили на выполнение заданий. Не отставали от них и английские летчики, хотя им было труднее: донимали морозы. Воздушных боев в это время было меньше. И все-таки раз в сутки обязательно летали в бой с вражескими бомбардировщиками. Зато наземные цели бомбили и обстреливали в каждом вылете. В оперативных сводках декабря часто можно было прочитать такие сведения: разгромлена автоколонна противника между Титовкой и Большой Западной Лицей; уничтожена артиллерийская батарея, взорван бензосклад. Все это были фронтовые будни английских летчиков, действовавших в составе 78-го смешанного авиаполка, которым командо-

вал прославленный летчик Севера Борис Феоктистович Сафонов.

А Невилл Ишервуд тем временем прибыл на авианосец «Викториес», который находился на военно-морской базе острова Исландия. Ишервуд принял большую группу истребителей «Альбакор», и началась тяжелая летная служба 1942 года.

Всю зиму гитлеровцы наращивали свои силы на Севере. Они перебрасывали с других морских баз в Северную Норвегию бомбардировщики и истребители, перегоняли подводные лодки из Балтики. К весне на военно-морских базах Северной Норвегии имелось три миноносца, четыре тяжелых и один легкий крейсер, более десяти эсминцев. Силы все прибывали. Пять эсминцев немцы сняли из Франции, провели их через Ла-Манш почти на виду у английских сторожевых судов и береговых батарей. На аэродромах Норвегии и Финляндии к марту сорок второго года базировалось до четырехсот самолетов.

Ставка Гитлера была обеспокоена беспрепятственным проходом английских и американских конвоев Северным морским путем в советские порты. Главнокомандующий ВМФ Германии адмирал Редер получил строжайший приказ Гитлера блокировать Северный морской путь и не дать возможности ни одному конвою достичь берегов советского Заполярья. И первая большая охота на конвой была предпринята германскими военно-морскими силами в начале марта.

Три дня немцы искали в море конвой «PQ-12». В этих поисках принял участие линейный корабль «Адмирал Тирпиц». На третий день, когда погода испортилась, корабли стали возвращаться на базу. Но ранним утром девятого марта немцы узнали, что не только они охотятся в море, охотились и на них. «Адмирал Тирпиц» был обнаружен группой английских «Альбако-

ров», которых поднял с авианосца «Викториес» полковник Ишервуд.

Командир «Тирпица» адмирал Силиакс срочно потребовал выслать истребители с аэродрома Буде. Но они не пришли. Тогда Силиакс решил проскочить к Лафонтенским островам и укрыться за ними. А в воздух с помощью катапульты поднял самолет, чтобы навязать англичанам бой. Но двадцать пять торпедоносцев уже ринулись на «Адмирала Тирпица», все потонуло в грохоте разрывов.

Бой продолжался всего девять минут. Полковник Ишервуд бросал в каждую атаку по пять-шесть самолетов и каждый раз с разных сторон. «Альбакоры» были встречены мощным зенитным огнем, но атаковали корабль, не обращая внимания на заградительный огонь. Ишервуд не спускал глаз с корабля, но, к ужасу своему, видел, что ни одна торпеда не достигала цели. И хотя на «Адмирале Тирпице» царила страшная паника, он делал неимоверные маневры, и английские самолеты не нанесли ему никакого ущерба. Ишервуд сам в отчаянии бросился в атаку. Но вблизи разорвался зенитный снаряд, и Невилл только стиснул от жгучей боли зубы, когда осколок ударил его в правое плечо. Торпеда, которую он сбросил, прошла мимо цели.

«Альбакоры» еще поливали свинцом палубы вражеского корабля, но бой был проигран, и Ишервуд отдал приказ возвращаться на авианосец. Сам он вернулся на борт авианосца, теряя сознание от потери крови.

Позже, на госпитальной койке корабля, придя в себя после шокового состояния и ранения, Ишервуд часами анализировал неудачу, постигшую его летчиков в бою с «Адмиралом Тирпицем» вблизи Лафонтенских островов. Вывод был малоутешительным: и ему и его летчикам не хватило выдержки и спокойствия. «Встретив

крупного «зверя», охотники растерялись, засуетились и потеряли добычу»,— строго судил себя Ишервуд.

Полковника навестил контр-адмирал Гамильтон. Он был недоволен операцией и высказал свое недовольство Ишервуду. А на прощание сказал:

— И все-таки наш налет на «Тирпица» имел свой положительный результат. Мы изучили снимки, сделанные во время атаки линкора. Он уцелел чудом. Но «травматический случай» не прошел для наци бесследно. Думаю, что у них появился авианосный комплекс.

— Простите, господин контр-адмирал, я не понимаю, о каком комплексе вы говорите.

— Все очень просто, дорогой Невилл. Они теперь боятся наших «Альбакоров», базирующихся на авианосцах. И вряд ли будут выпускать линейные корабли на охоту за нашими конвоями.

Позже Ишервуд узнал, что Гамильтон был почти прав. Лишь разгром немцами конвоя «PQ-17» пошатнул это мнение. Но Ишервуд не был участником той трагедии. До середины апреля он находился на излечении, потом получил отпуск и приехал в Лондон. Там его ждали приятные и волнующие события.

В начале марта 1942 года Советское правительство вручило английским летчикам высокие награды, ордена Ленина, а орден, который должен был получить Ишервуд, отправили в советское посольство в Лондон. В эти же дни советским летчикам-североморцам майору Б. Ф. Сафонову, капитанам А. А. Коваленко, А. Н. Кухаренко и И. К. Туманову глава британской военной миссии в СССР генерал Макфарлан вручил высший авиационный орден Великобритании — Большой Серебряный Крест. 25 апреля полковника Ишервуда пригласили в советское посольство в Лондоне и посол Советского Союза в Великобритании Иван Михайлович Майский вручил полковнику Невиллу Ишервуду заслуженную им высокую награду.

К. Балухта

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Ночной поезд медленно выбирался из города, словно боясь заблудиться в бесконечном хитросплетении стальных путей.

Высунувшись по грудь из окна, Иван Маринов жадно прощался с Москвой — столицей второй своей родины, где оставлял надолго, может быть, навсегда семью, работу, друзей...

На соседний путь неожиданно вынырнул небольшой маневровый паровозик с танками на платформах. Покрикивая осипшим гудком, он стал резво обгонять поезд, бесцеремонно пуская пар в открытые окна, затем круто ушел в сторону, затягивая черным дымом контур города, подсвечивавшийся багряным закатом.

— Вот черт! — выругался Маринов, отпрянув от окна.

— Этому «черту», Иван, теперь не до галантности,— грустно усмехнулся Сыби Димитров.— Видишь, бедняга изо всех сил трудится для фронта.

— Не в пример нам,— проворчал Коста Лагадинов.

— Вот именно,— кивнул Кирил Видинский.

— Да, пока от нас толка маловато,— согласился Сыби, подсаживаясь к Косте и Кирилу.— Правда, мы не бездельничали.

— Я вовсе не против спецподготовки,— ответил Видинский.— Конечно, без нее немыслим успех нашей деятельности в тылу врага. Но не слишком ли она затянулась?!

— В конце концов, опыт подпольной работы у нас есть,— горячо подхватил Лагадинов.— Мы все боролись за свободу Болгарии!

— Добавлю, многие из нас воевали еще и в Испании,— сказал Сыби Димитров.— Однако, друзья, сегодняшняя обстановка, а также специфика задач, поставленных перед нами, требуют несравнимо большей подготовленности в военном, техническом, политическом, морально-психологическом аспектах. Не исключено, что перед заброской мы попотеем еще недельку-другую над освоением какой-нибудь новой науки...

Поезд уже одолел лабиринт пригородных путей и уверенно мчался на юг мимо спящих полей, лесов, поселков, ориентируясь в кромешной темноте по звездам семафоров.

Остаток ночи провели на полках без сна, в глубоком молчании, беспощадно обкуривая друг друга табачным дымом.

Щемящая душу грусть отступила. Мыслями Ивана Маринова теперь безраздельно владели судьбы товарищей — судьбы интересные, сложные, тесно переплетенные между собой...

В 1932 году рабочему ткацкой фабрики из города Сливена Сыби Димитрову не было и тридцати лет, когда его избрали депутатом и председателем парламентской группы от Рабочей партии (так называлась объявленная вне закона БКП). Бесстрашный коммунист использовал трибуну высшего законодательного органа страны против правящего режима, разоблачая его хищническую сущность на примерах рабского положения рабочего класса в стране. Конечно, такой парламентарий был правительству костью в горле, но упрятать его за решетку не позволяла депутатская неприкосновенность. Зато полицейские шпики денно и нощно «опекали» Сыби Димитрова. Однако опытному подпольщику и при таких обстоятельствах удавалось быть в центре нелегальной деятельности партии.

В это время и состоялось знакомство Сыби с двадцатипятилетним коммунистом Кирилом Видинским, за плечами которого уже был солидный стаж подпольной работы. Боевое крещение он получил еще в Сентябрьском антифашистском восстании 1923 года. В Софии Кирил обеспечивал явками членов партии, приезжавших из провинции за инструкциями, политической литературой либо бежавших от преследования полиции. Работа была ответственная, полная тревоги и риска. «Сыби улыбнулся мне так, как улыбаются другу после долгой разлуки»,— вспоминал впоследствии Видинский знакомство с Димитровым.

И действительно, они вскоре стали большими друзьями. Но вот в 1934 году случился провал, грозивший Кирилу арестом. Партия рекомендовала Видинскому срочно покинуть столицу. Скрываясь от преследования, он отправился в приморский город Бургас, где была надежная явка. Приехал, а там — тоже провал...

Коста Лагадинов, родившийся в Пиренейских горах в семье извозчика, рос на редкость смышленым пар-

нишкой. Школьные науки он прошел легко, и благодаря редким способностям и удивительной тяге к знаниям деревенский бедняк смог выдержать экзамены и поступить в университет. Однако вездесущей полиции стало известно, что первокурсник является секретарем окружного комитета комсомола. Косте грозила тюрьма. Ничего не оставалось делать, как оставить университет и отправиться в Бургас, где была надежная явка. Приехал, а там — провал...

При таких неожиданных и весьма драматических обстоятельствах состоялось знакомство Косты Лагадинова с Кирилом Видинским. Друзья по несчастью стали друзьями на всю жизнь. Из Бургаса они перебрались в соседний городок Несебыр, где посчастливилось достать небольшую моторную лодку. Штормящее море нисколько не остудило пыл смельчаков, когда они под покровом ночи отправлялись в плавание к берегам Советского Союза. Путешествие оказалось нелегким, зато упорство было вознаграждено сполна — Кирил с Костой пришвартовались к одесскому пирсу.

Вскоре и Сыби Димитров был вынужден оставить родину и эмигрировать в Советский Союз...

Иван Маринов погрузился в воспоминания, заняв для более или менее объективной оценки своей жизни и деятельности позицию стороннего наблюдателя. Ритмичный стук колес помогал восстанавливать хронологию прожитых лет, а грохот встречных составов, как ни странно, вовремя подчеркивал остроту отдельных эпизодов.

...Первого сентября 1905 года одиннадцатилетний Иван Маринов шел в первый класс разградского реального училища и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Нет, вовсе не из-за жажды знаний, а потому что получил полную свободу действий, перебравшись из родного села Садина в город на квартиру

к чужим людям. Далеко не каждому перепадает такое счастье — жить без надзора! Мысли мальчика всецело были заняты тем, куда с толком расходовать свободное время. Гонять консервные банки по улицам, мериться силами со сверстниками, удить на речке рыбу — само собой. Но что же еще? В городе наверняка найдутся занятия и поинтересней. Синематограф, например! Но где взять деньги?.. С этой проблемой в голове рассеянный первоклассник врезался лбом в рыхлый живот директора училища и тут же получил такую увесистую затрещину, что из глаз брызнули искры вместе со слезами.

При таких обстоятельствах состоялось первое и далеко не последнее знакомство мальчика с отношением преподавательского состава к своим подопечным. Немудрено, что три года спустя, когда старшеклассники организовали в училище стачку за ликвидацию несправедливости, в защиту достоинства ученика, Иван Маринов принял в ней самое активное участие. Стачка потерпела неудачу. Наступили мрачные дни разгула уязвленных амбиций педагогов. Доставалось всем, кто попадал под горячую руку. Но самые ухищренные издевательства, унижения и гонения предназначались бунтарям. Четырнадцатилетнего парнишку подобное отношение не запугало — оно сделало его серьезнее и взрослее. Иван возненавидел произвол и насилие, клялся до конца жизни бороться с этим злом. Детские забавы разом отошли в сторону, уступив место более важным занятиям,— подросток стал посещать типографию своего земляка Димитра Бахнева, которая одновременно являлась и городским клубом коммунистов. Здесь он читал «Работнически вестник», разговаривал с членами партии и вскоре проникся их идеями, поскольку они полностью совпадали с его устремлениями. Но потребовались долгие годы, чтобы понять неизме-

римо большие задачи партии, всю сложность ее науки.

С шестого класса и до окончания училища юноша был активным организатором и членом марксистских кружков.

Летом 1912 года, в ожидании назначения учителем в провинцию, Иван Маринов вместе с другом Бахни Стояновым стали первыми пропагандистами идей партии Димитра Благоева в родном селе Садина и с большим удовлетворением констатировали, что эти идеи находят самую благодатную почву в сердцах бедняков.

Осенью пришла повестка, но не с приглашением учительствовать, а мобилизационная, оторвавшая Маринова от мирных занятий на семь лет. Судьба уготовила Ивану пройти солдатом через три войны.

Первые две из них были короткими и изобиловали калейдоскопической сменой событий. В октябре 1912 года Болгария, Сербия, Греция и Черногория, объединившись в Балканский союз, обрушились на Турцию и через восемь месяцев отобрали у нее почти все европейские владения. На этом 30 мая 1913 года закончилась первая Балканская война.

В этот период в жизни девятнадцатилетнего фронтовика Ивана Маринова произошло знаменательное событие — он стал членом Коммунистической партии Болгарии.

Через четыре недели мира разразилась вторая Балканская война, поставившая достигнутое первой с ног на голову. Вчерашние болгарские союзницы Сербия, Греция, Черногория, к которым присоединились Турция с Румынией, обрушились на Болгарию и за полтора месяца отхватили у нее почти половину территории. На этом закончилась вторая Балканская война.

Не успел Иван Маринов облачиться в гражданский костюм, как его снова призвали в армию — поставили под ружье первой мировой войны.

Солдат едва успевал следить за стремительным ходом событий. Одна капиталистическая страна за другой ввязывались во всемирную драку с целью отхватить себе кусок пожирней в виде источников сырья, сфер влияния, установления мирового господства.

Иван Маринов вместе с другими солдатами-партийцами занимался вовлечением в свои ряды новых сил, выступал с разоблачительными речами под лозунгом «Трудовым людям различных стран мира нет смысла воевать друг с другом в угоду их хозяевам, капиталистам!»

Весть об Октябрьской революции в России солдаты встретили с ликованием. Это великое событие еще больше активизировало деятельность коммунистов на фронте. Мысль о народной революции в родной Болгарии с тех пор не покидала партийцев.

Осенью 1918 года первая мировая война закончилась полным поражением Германии и ее союзниц. Людские потери воевавших стран составили десять миллионов убитых и свыше двадцати миллионов калек.

Вскоре после того, как Иван вернулся с фронта, он повстречал замечательную девушку Васелину. Они полюбили друг друга. Свадьба была скромной — даже по понятиям того бедного времени. Через год у Мариновых родился сын. Они назвали малыша Миленом. В это время Иван учительствовал в селе Опека, не прекращая вести партийную пропагандистскую работу. Втайне он мечтал стать врачом. Мечтал давно, и вот... От болгарских студентов, учившихся в австрийском городе Граце, Маринов узнал, что там находятся самые лучшие в Европе медицинские учебные заведения и клиники. Соблазн был так велик, что осенью 1920 года

он отправился в Австрию испытать судьбу — и поступил в медицинский институт. Сразу же наладил связи с болгарскими студентами-коммунистами. Весной 1922 года совместными усилиями была создана нелегальная студенческая коммунистическая группа, состоящая из сорока человек. Среди руководителей группы был Иван Маринов.

В 1923 году, как и в прошлые годы, Иван вернулся в Болгарию на летние каникулы и попал в круговорот серьезнейших событий. Страну потряс фашистский переворот. Государственную власть захватил оголтелый террорист Александр Цанков, сразу же снискавший себе славу палача болгарского народа.

В стране зрел протест, который вылился в Сентябрьское антифашистское вооруженное восстание, охватившее всю Болгарию.

Эти события застали Ивана Маринова в родном селе Садина, партийная организация которого насчитывала около пятидесяти человек. К коммунистам присоединились и многие члены Земледельческого союза — также ненавидевшие правительство Цанков. Больших трудов стоило вооружиться. У многих винтовки и ружья были времен движения гайдуков, зачастую и более старинные. Подготовившись, Садинский отряд стал ждать сигнала. 21 сентября 1923 года курьер ЦК партии передал по селам указание Васила Коларова и Георгия Димитрова начать восстание в ночь на 23 сентября. Немедленно был сформирован объединенный отряд, состоявший из повстанцев десятка окрестных сел околии (района). В него влились и силы Садина. Командовал объединенным отрядом секретарь околийского партийного комитета Петр Лазаров. В назначенную ночь отряд стремительно развернул боевые действия и смел фашистскую власть на довольно обширной территории околии. Народ восторженно приветствовал повстанцев.

Иван Маринов был назначен комендантом освобожденного Садина и отвечал за организацию охраны села и порядка в нем. Отряд ушел дальше, а в селе был проведен митинг, на котором Маринов подробно разъяснил цели и задачи восстания. Бурные овации не раз прерывали оратора — люди видели в новой, народной власти доброе будущее.

Утром 24 сентября прибыл гонец из соседнего Зарево с просьбой оказать помощь — их село заняли подразделения фашистских войск и полиции. Немедленно сформировался отряд из шестидесяти добровольцев, которых возглавили три командира. Одним из них был Иван Маринов. Вскоре отряд вступил в бой с правительственными войсками у села Зарево. Силы были неравными как в количественном отношении, так и в вооружении. Положение повстанцев могла спасти только помощь объединенного отряда. Но установить связь с ним не удалось — он сам находился в окружении.

Восстание повсеместно терпело неудачу. Немало повстанцев полегло на полях сражения. Тех же, кто был захвачен живыми, ждала жестокая расправа. Фашисты приговаривали участников выступления к длительным срокам тюрьмы, а руководителей — к смерти. Однако многим патриотам удалось найти убежище в соседних странах, еще не зараженных фашизмом.

Иван Маринов избежал смертной казни, перебравшись в Югославию. В Белграде он связался с руководителем болгарских политэмигрантов Гаврилом Геновым, с которым был хорошо знаком по партийной работе еще с 1912 года. Генов тепло встретил друга, помог ему оформить визу в Австрию, снабдил деньгами.

В середине января 1924 года Иван Маринов благополучно добрался до Граца и возобновил учебу в медицинском институте. Одновременно наладил связь с

товарищами по партийной группе. Студенты-коммунисты провели совместное с членами Земледельческого союза собрание, на котором Иван подробно рассказал о недавних событиях в Болгарии. Его избрали секретарем группы.

Иван также принимал участие в организации и функционировании нелегального партийного канала, по которому через Югославию и Австрию переправляли в Советский Союз болгарских эмигрантов, участвовавших в восстании. Для этой цели его квартира долгое время служила перевалочным пунктом. В ней тайно останавливались многие товарищи по партии — известные и малоизвестные, знакомые и незнакомые, но ставшие Маринову братьями навсегда. Главой эмигрантского канала был Иван Винаров, официально значившийся руководителем торговой конторы в Вене.

Совмещать учебу в институте, работу в коммунистической группе, деятельность в звене политэмигрантского канала приходилось Маринову частенько за счет сна, однако чувствовал он себя превосходно — сознание своей нужности с лихвой восполняло затраченные силы. Только мысли о жене и шестилетнем сынишке все больше тревожили душу. Васелина с Миленом хоть и жили у надежных людей, но где гарантия, что на их след не нападут полицейские ищейки?.. Через своих «постояльцев» Иван отлично был осведомлен, каким жестоким репрессиям подвергались в фашистской Болгарии родственники участников восстания.

В 1925 году Маринову сообщили, что решением ЦК БКП его вместе с семьей включили в списки одной из политэмигрантских групп, направляемых в Советский Союз. Двойственные чувства овладели Иваном. Он был счастлив, потому что скоро встретит жену с сынишкой, которых не видел два года. Вместе они будут жить в Советском Союзе, где мечтал побывать с давних пор.

С другой стороны, Ивану было больно расставаться с друзьями-студентами, коммунистической группой, учебой — до получения диплома врача оставался всего лишь год.

Васелина с ребенком благополучно проследовали через ряд звеньев подпольного партийного канала, по которому переправляли из Болгарии участников восстания, и на звене — квартира Маринова, исхудавшие, осунувшиеся, они предстали перед мужем и отцом...

— Милен?! Моя кровинка!! — воскликнул Иван, подхватив малыша на руки.— До чего же ты вырос, сынок! Мужчина, да и только.

— Мы, папа, еще не в Советском Союзе,— подозрительно озираясь, прошептал ребенок,— пожалуйста, радуйся тише.— И тут же, припав к груди отца, так громко разрыдался, что в окнах зазвенели стекла.

— Каков революционер-подпольщик, а! — изумился Иван, безнадежно пытаясь придать голосу бодрость.— Твоя работа, Васелинка, признавайся!

— Моя,— кивнула жена и тоже разрыдалась у него на груди.

Под русскими фамилиями в списках русских эмигрантов, возвращающихся на родину, Мариновы отправились в Советский Союз.

В Москву на Белорусский вокзал поезд прибыл 16 сентября 1925 года. Семья сразу же попала в объятия доброй сотни друзей-болгар, тех болгар, которых Иван Маринов в течение долгих двух лет изо дня в день одного за другим провожал из Австрии в Советский Союз. Встретил семью и давний товарищ Гаврил Генов, расцеловав каждого по-русски троекратно. Никогда еще на долю Васелины с Иваном не приходилось столько счастья. Впрочем, львиная доля все же досталась их сыну. Перепархивая из рук в руки друзей, он хохотал во все горло, размахивая деревянной сабелькой,

выкрикивал пронзительно звонким голосом: «Смерть кровавому палачу Цанкову! Вон фашизм с болгарской земли! К оружию, товарищи!»

— Ур-ра! — дружно кричали болгары, подбрасывая Милена под своды вокзала.

— Ну, мать, держись теперь,— подмигнул жене Иван.— Наш революционер-подпольщик легализовался!

О гостеприимстве советских людей Мариновы слышали давно, в Москве же они убедились в этом воочию. На следующий день семья получила квартиру в столице. Еще день спустя Иван был зачислен на выпускной курс во 2-м Московском медицинском институте.

Через месяц жизнь Ивана Маринова ознаменовалась важным событием — его приняли в ряды ВКП(б).

Успешно выдержав государственные экзамены, Иван получил диплом врача и был зачислен ассистентом в Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний. Васелина стала работать в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

В 1929 году Ивана Маринова пригласили в Центральный Комитет партии с предложением поступить на службу в ряды Красной Армии. Предложение было неожиданным, но он ответил без раздумий:

— Для меня, коммуниста, решение партии — закон. Колебания здесь исключены.

Его назначили врачом-лаборантом Центральной психофизической лаборатории РККА, которая вскоре была преобразована в институт. Иван Маринов стал руководить летным отделом, являясь заместителем начальника института по научной работе со званием бригадного врача. Одновременно он возглавлял кафедру переподготовки военных врачей. С первых же лекций Маринов был приятно поражен отличным воспитанием и высокой дисциплиной аудитории.

В те годы Красная Армия перевооружалась. Военному институту РККА предстояло решить ряд принципиально новых задач. Поле для долгожданной серьезной научной деятельности было обширным. Иван Маринов с головой погрузился в изучение влияния продолжительных высотных полетов, прыжков с парашютом и других перегрузочных факторов на состояние здоровья и психику летчиков. Для этой цели он прошел полный курс авиационной подготовки при непосредственной помощи известных летчиков Валерия Чкалова, Михаила Громова, Георгия Байдукова.

В январе 1933 года Медико-санитарное управление РККА командировало Ивана Маринова, как специалиста по высотным полетам, в военно-медицинскую академию в Ленинград — на кафедру физиологии человека, руководимую Л. А. Орбели. В академии его избрали секретарем партийной организации кафедры.

Спустя год Иван Маринов получил новое назначение — начальника лаборатории Военно-химической академии РККА в Москве. Без отрыва от служебных обязанностей он закончил вечерний факультет академии, получив второй диплом вуза и солидные теоретические знания для продолжения научной работы...

Воскресным утром 22 июня 1941 года Иван Маринов включил радиоприемник и попал на берлинскую станцию. Немецкий язык он знал хорошо — еще со времен учебы в Австрии. Уши резанули истерические вопли Гитлера: фашистский главарь предвещал, что через несколько дней Москва будет в его руках, что Россию ждет скорый конец... Сердце оборвалось — война! Кисти сжались в кулаки, ногти до крови врезались в кожу — война! Хоть и знал Маринов, как знала вся страна, что схватки с фашизмом не избежать, и все же это явилось полной неожиданностью. Не укладывалось в голове, воспринималось абсурдом, дикостью!..

Гитлеровская Германия и ее сателлиты напали на Советский Союз внезапно, вероломно, без объявления войны.

В день начала Великой Отечественной войны Центральный Комитет БКП обратился с воззванием к народу Болгарии, в котором, в частности, говорилось: «История не знает более разбойничьей, более империалистической и контрреволюционной войны, чем та, которую фашизм повел против СССР. И наоборот, нет более справедливой и прогрессивной войны, чем та, которую советский народ ведет против фашистского нашествия и от исхода которой зависит судьба всех народов...

Перед болгарским народом, который в своем огромном большинстве питает безграничную любовь к братскому советскому народу и связывает с ним все свои надежды на лучшее будущее... стоит колоссальная задача не допустить ни в коем случае использования его земли и его армии для разбойничьих целей германского фашизма».

В те дни глава Заграничного бюро БКП, генеральный секретарь Исполнительного комитета Коминтерна Георгий Димитров обратился к ЦК ВКП(б) и Советскому правительству с предложением сформировать полк из политических эмигрантов, нашедших убежище в Советском Союзе, который вошел бы в создающуюся бригаду по обороне Москвы. Согласие было получено, и три болгарина полковники Красной Армии Христо Боев, Цвятко Радойнов, Иван Винаров приступили к организации интернационального полка, в который вошло около тысячи бойцов: триста испанцев, около ста болгар, более двухсот австрийцев, а также десятки венгров, югославов, поляков, чехов, словаков, румын, греков, итальянцев, немцев, англичан, финнов, французов и шесть вьетнамцев. Этот полк вошел в бригаду, известную как ОМСБОН.

Георгий Димитров пригласил к себе командиров интернационального полка и в присутствии своих верных соратников и помощников — Васила Коларова, Станке Димитрова, Георгия Дамянова — обратился к ним:

— Советскому Союзу угрожает смертельная опасность... Страшная угроза нависла над делом революции... Все наши политические эмигранты в СССР немедленно должны включиться в борьбу против врага. Вы понимаете, что я имею в виду, товарищи? Я имею в виду Болгарию! Заграничное бюро нашей партии решило направить специальную группу политэмигрантов в помощь партии. Вам известно, что многие тысячи болгарских коммунистов были уничтожены во время Сентябрьского восстания 1923 года и в апрельские дни 1925 года. Тысячи позднее были брошены в тюрьмы, расстреляны, повешены. Несколько сот сражались в Испании, и немало сложило свои головы на испанской земле. Часть бойцов интернациональных бригад сумела вернуться в Советский Союз или Болгарию, но большинство из них попало в концентрационные лагеря во Франции... Ввиду этого партия в настоящий момент не имеет достаточного количества подготовленных кадров. Как же она поведет народ на вооруженную борьбу?

— Задача таких групп состоит в том,— сказал Васил Коларов,— чтобы проникнуть через линию фронта в Болгарию, которая сейчас фактически является гитлеровским тылом, и там оказать помощь Центральному Комитету по организации антифашистского движения Сопротивления.

— Что касается состава групп,— продолжил Георгий Димитров,— то это согласуйте с Георгием Дамяновым. Следует самым внимательным образом оценить возможности каждого человека. Сейчас на родине нужны не просто бойцы, которые могут только стрелять, а командиры и организаторы, способные повести за собой

массы, возглавить партизанские отряды... Действуйте как можно быстрее. Наш главный интернациональный долг теперь состоит в том, чтобы сделать все возможное для оказания помощи советскому народу.

В интерполк бригады по обороне Москвы, дислоцировавшийся на стадионе «Динамо», в тот же день прибыл Георгий Дамянов. Вместе с Иваном Винаровым, Цвятко Радойновым и Христо Боевым он принялся за отбор болгарских политэмигрантов в отряд специального назначения.

Одним из первых был приглашен Иван Маринов. Его кандидатура была утверждена в считанные секунды при полном единогласии. В этом ничего не было удивительного, так как с каждым из «экзаменаторов» Иван Маринов в разное время выполнял ответственные задания партии, был хорошо им известен...

В отряд было отобрано шестьдесят человек. Список кандидатов с характеристикой на каждого рассмотрело Заграничное бюро БКП и одобрило.

— Эти кадры — золотой фонд нашей партии,— сказал Васил Коларов, просмотрев списки.

Отряд разбили на несколько групп. Самая большая из них состояла из четырнадцати человек. В нее вошли: Цвятко Радойнов — старший группы, Иван Маринов, Сыби Димитров, Кирил Видинский, Симеон Славов, Коста Лагадинов, Димитр Илиев, Иван Петров, Трифон Георгиев, Тодор Гырланов, Ангел Ников, Антон Бекяров, Васил Цаков, Иосиф Байер — чешский интернационалист, радист. Все члены группы были коммунистами с большим опытом подпольной работы. Большинство принимало участие в Сентябрьском восстании, за что трое имели смертные приговоры, а остальные — различные сроки каторги, составляющие в общей сложно-

сти сто лет. Восемь человек воевали в Испании. Трое были с высшим военным образованием — два полковника, один подполковник. Остальные окончили военные школы и курсы.

Болгарские коммунисты отбыли в лагерь, находившийся под Москвой. С раннего утра и до позднего вечера будущие руководители партизанского движения занимались освоением многих дисциплин. Обучались стрельбе из различных видов оружия, минноподрывному и радиоделу, прыжкам с парашютом. Десантники знакомились со спецификой работы во вражеском тылу, тактикой партизанского боя. Большое внимание уделялось изучению индивидуальных задач по предстоящей деятельности в Болгарии. Всяческие записи исключались — все накрепко запоминалось. Подготовка включала и конкретное распределение членов групп по районам, куда им следовало отправиться сразу же, оказавшись на болгарской земле. Здесь придерживались принципа — каждый будет работать в родном краю, где среди родственников, товарищей и близких людей легче законспирироваться, выйти на связь с партией для организации массовой вооруженной борьбы.

Десантников хорошо вооружили. Экипировке тоже придавалось немалое значение: каждому подобрали по два костюма — городского покроя и туристский. Иван Маринов, как военный врач, уложил в свой рюкзак помимо костюмов, боеприпасов и массу различных медикаментов.

18 июля 1941 года три группы численностью около тридцати человек покинули лагерь. Они держали путь в Москву, на Киевский вокзал.

Садясь в поезд, никто не знал, из какого пункта будет заброска. Ясно было только одно — они держат путь на юг, ближе к родине.

Пока о войне напоминали лишь города, затемненные по ночам, да воинские эшелоны, которыми были наводнены все пути на станциях и полустанках. Железная дорога вовсю трудилась для фронта.

Поезд доставил группу в Севастополь, который уже подвергся массированной бомбардировке немецкой авиацией. Судя по серьезным, но не напуганным лицам горожан, их подвижности, но не суетливости, можно было твердо сказать, что севастопольцы готовы к любой неожиданности и в критический момент не подкачают.

На привокзальной площади десантников поджидал желтый автобоус. Через десять минут он резво мчал их по живописному шоссе, удаляясь от города. С одной стороны дороги возвышались невысокие горы в сплошном обрамлении садов, с другой — искрилось теплое Черное море.

Через несколько километров автобус свернул с дороги и, попетляв по проселку, словно заметая следы, подрулил к одинокому двухэтажному особняку, утопающему в буйной зелени запущенного сада. В трехстах метрах к югу лениво плескалось море. Воздух был пропитан острым запахом роз и морских водорослей. Кругом — ни души.

На первом этаже особняка гостей ждал прекрасный обед, а на втором они хорошо отдохнули в уютно обставленных комнатах.

На другой день снова начались занятия. Изучали обстановку в Болгарии. За долгие годы, которые политэмигранты отсутствовали дома, там многое изменилось. Немецкая оккупация тоже наложила свою печать на жизнь страны. Все это надо было хорошо знать, чтобы не попасть впросак.

Особое значение придавалось тренировкам по гребле на резиновых десантных лодках, поэтому болгары часто уходили далеко в море.

7 августа 1941 года группа Цвятко Радойнова получила приказ готовиться в путь.

Было совсем темно, когда катер сбавил ход и пришвартовался к громадной черной туше подводной лодки, чуть покачивающейся на волнах.

Десантники спустились по отвесному трапу в чрево лодки.

— Однако тесновато здесь! — простонал крупный Симеон Славов, потирая ушибленный лоб.

— Виноват,— сказал, едва скрывая улыбку, командир подводной лодки капитан-лейтенант Александр Данилович Девятко,— забыл предупредить, что это не подводный ковчег капитана Немо, а боевой корабль. Здесь не только тесновато, но и... трудновато...

Через несколько часов плавания веселость среди болгар заметно поубавилась. Через сутки острить в состоянии были только пять человек, да и те занимались этим делом по инерции. Остальные девять — лежали пластом, страдая от морской болезни. На море бушевал шторм.

Сменившись с дежурства, моряки спешили в каюту к болгарским товарищам и помогали чем могли.

Советы эти иногда противоречили элементарной логике и наставлениям, но, что удивительно, решительно все они приносили облегчение.

На исходе третьих суток практически все десантники поднялись на ноги и, позавтракав, часами простаивали в очереди, чтобы пять минут покурить на палубе. Покурив, пристраивались в хвост очереди для следующего захода.

В эту ночь акустики уловили шум посторонних моторов. Немедленно была объявлена боевая тревога и лодка, задраив люк, ушла под воду. Через несколько минут корпус ее сильно вздрогнул. Еще. Еще раз, еще... Нервному напряжению десантников не было предела.

— Не волнуйтесь, товарищи,— заглянув в каюту, успокоил комиссар лодки политрук Иван Евдокимович Самойленко.— Обнаружены неприятельские суда — приходится пятиться, маневрировать...

— Почему мы не атакуем?! Чего боимся?! — возмутился с постели Васил Цаков. Он все еще не оправился от морской болезни.

— Всему свое время, Васил. Высадим вас на берег — обязательно атакуем. В этом наша служба.

— Иван Евдокимович, расскажите нам, пожалуйста, о положении на Черном море,— попросил Цвятко Радойнов.

— Расскажу, но в общих чертах, что лежит, так сказать, за пределами военной тайны,— начал комиссар.— Одним из главнейших поставщиков горючего для армии Гитлера является Румыния, обладающая, как вы знаете, богатейшими запасами нефти в районе Плоешти. Оттуда горючее вывозится через черноморский порт Констанца в двух направлениях: вверх по Дунаю — в Германию, и по Черному, Эгейскому, Средиземному морям — в Северную Африку, где орудуют итало-немецкие войска... Однако звучит отбой. Вам, наверное, не терпится покурить?

— Нет, нет, мы вас слушаем. Продолжайте, пожалуйста,— донеслось с разных мест.

— ...Срыву добычи и транспортировки румынской нефти командование Черноморским флотом придает первостепенное значение. Для этой цели район Плоешти подвергается регулярным авиабомбардировкам, надо отметить, исключительно эффективным бомбардировкам. А на морские коммуникации врага нацелены подводные силы. Наша Щ-211, или «щука», как называются на флоте лодки этого типа, при исполнении такого задания. Вот, пожалуй, и все, что могу сказать.

— Сложности большие? — спросил Сыби Димитров.

— Да,— кивнул политрук.— Враг предвидел наши действия. Еще до начала войны он заминировал прибрежные воды Румынии и Болгарии вплоть до Босфора. Кроме того, маршрут нефтяных перевозок прочесывается многочисленными сторожевыми кораблями и авиацией. Мелководье этих мест, а также переменные (дрейфовые) течения тоже в немалой степени осложняют выполнение боевой задачи.

11 августа 1941 года в 3 часа ночи командир лодки объявил:

— Товарищи, в перископе огни Варны. Желающих прошу полюбоваться.

Желающие были все. Даже Васил Цаков нашел силы подняться. Болгары по очереди приникали к окуляру перископа.

— Наконец-то приплыли! Родина!! — ликовала группа.— Пора собираться в дорогу.

— Подождите, собираться еще рановато,— сказал А. Д. Девятко.— Десантироваться будете только следующей ночью. Днем нам предстоит обследовать в перископ обстановку в намеченном районе высадки.

В эту минуту раздался сигнал тревоги. Вахтенный офицер объявил, что лодка вошла в минное поле. Несколько раз раздавался леденящий душу скрежет — борта «щуки» терлись о тросы, на которых поплавками висела смерть. Приходилось стопорить ход, брать назад, вправо, влево. Мины встречались часто. Обстановку осложняло и то, что лодка плохо слушалась руля — ее сносило сильным подводным течением. Требовалось большое мастерство и хладнокровие, чтобы вывести ее из заминированной зоны. Командиру Девятко и его боевым товарищам это удалось сделать!

Прощальный завтрак, к которому пригласили чуть раньше обычного — в семь часов вечера, поразил болгар изысканностью. На стол подавали куриный суп, те-

лячье жаркое с картофельным гарниром, рис со свеклой, блинчики, торт, кофе.

— Раньше я никогда не задумывался о жизни подводников,— обратился Кирил Видинский к советским морякам.— Теперь же мне стало ясно, что каждый из них герой, а вся их служба — подвиг.

Краснофлотцы уложили в рюкзаки десантников по увесистому пакету с продуктами — в дороге пригодится!

Лодка всплыла глубокой ночью в тридцати километрах к югу от Варны — напротив устья реки Камчии. Моряки в считанные минуты накачали пять резиновых лодок, десантники без суеты расселись в них и поплыли к берегу.

— До свидания, друзья! — неслось с палубы подводной лодки.

— До встречи после войны, товарищи! — ответили болгары.

Щ-211 взяла курс к вражеским коммуникациям. 15 августа она обнаружила и атаковала два немецких транспорта, следовавших на Восточный фронт. Первое судно — «Пелес» с двумя тысячами фашистских солдат и офицеров, большим количеством оружия и боеприпасов на борту — было потоплено. Второй транспорт, уклоняясь от торпед «щуки», выбросился на берег. Эта смелая атака Щ-211 открыла боевой счет черноморских подводников в Великой Отечественной войне.

Второй поход лодки был тоже удачным. В сентябре 1941 года она отправила на дно фашистский танкер «Суперга», везший около десяти тысяч тонн нефти. Командование наградило отважного командира Девятко орденом Красного Знамени.

13 ноября 1941 года подводная лодка Щ-211 вышла в свой последний поход. Близ Варны она подорвалась на вражеской мине. Из 46 членов экипажа в живых

остался лишь помощник командира Г. Е. Рядовой, который незадолго до этого был переведен на другой корабль.

Четырнадцать болгарских антифашистов приближались к родному берегу, ориентируясь в кромешной темноте на слух — по характерному шелесту волн, накатывающихся на песок. Оружие держали наготове. Десантники знали, что помимо многочисленных воинских патрулей охрану границы несут и немецко-фашистские подразделения. Не исключено, что встреча с родной землей будет происходить под ураганный шквал свинцового дождя, разрывы гранат...

К счастью, берег был пуст. Хоть никто из эмигрантов не отличался сентиментальностью, однако все они опустились на колени и припали губами к влажному песку родной земли — любящие сыны целовали свою мать — Болгарию, по которой несказанно истосковались за долгие годы разлуки, которой приплыли дать счастливую жизнь!

Разрезав ножами лодки и зарыв их в песке, десантники быстро покинули берег. В лесу группа разделилась надвое.

— Что бы там ни случилось, Иван, помни, я тебя любил, как родного брата,— сказал грустно Сыби Димитров, обнимая Маринова.

— Ты в моем сердце всегда, Сыби! Ступай, добрый друг...

Иван долго смотрел в темноту, которая поглотила Димитрова и его спутников. Горечь разлуки несколько омрачила радость встречи с родиной.

Передвижение по стране было крайне затруднено. Дороги, села, города кишели воинскими и полицейскими патрулями. За 18 лет фашистский режим в Болгарии превратился в отлаженную машину насилия и репрессий. Теперь же, когда страну оккупировали гит-

леровцы, эта машина заработала с удвоенным усердием, перемалывая в своем зловещем чреве малейшие проявления недовольства, свободомыслия, неповиновения. Народ был забит и запуган, опутан сетью шпиков, провокаторов, осведомителей.

Десантникам приходилось пробираться к намеченным районам действий только ночами по лесам, рискуя сбиться с пути, сорваться с горных круч, нарваться на засады. Днем патриоты прятались в укромных местах, по очереди охраняя сон товарищей. Незнакомые места часто преподносили опасные сюрпризы. Как-то под утро они расположились на отдых в горной расщелине, густо поросшей лесом. А когда совсем рассвело, увидели в сотне шагов полицейский бивак — каратели прочесывали местность, обнаружив на морском берегу следы высадки группы. Значительные силы армии и полиции были брошены на поимку десантников. Немецкие оккупанты не вмешивались в действия «коллег», лишь пристально наблюдали, как наблюдает дрессировщик охотничьих собак за работой своих воспитанников, впервые пущенных по следу зверя.

Для безопасности группа разделилась еще раз надвое. Настала пора прощаться с Цвятко Радойновым. Его путь лежал через всю страну в Софию.

Иван Маринов вместе с Кирилом Видинским пробирались в Северную Болгарию — Шуменский и Русенский округа. Дорога была нелегкой, полная неожиданностей и лишений. Наконец через 12 суток, на рассвете 23 августа 1941 года они добрались до явочной квартиры в Шумене. Окружной комитет партии ждал посланцев Георгия Димитрова, предупрежденный об этом курьером ЦК из Софии. «Подводникам» было радостно сознавать, что партия живет, работает, имеет хорошую связь.

В тот же день о прибытии Ивана Маринова и Ки-

рила Видинского известили местных партийцев. Вечером 24 августа состоялось заседание подпольного окружного комитета партии, где секретарь комитета Данчо Димитров обстоятельно информировал о положении в округе. Затем Иван Маринов с Кирилом Видинским рассказали о целях и задачах, с которыми прибыли в Болгарию,— поднять в Русенском и Шуменском округах антифашистские силы на борьбу с болгарскими фашистами и гитлеровскими войсками. На этом совещании была создана боевая группа во главе с Кирилом Видинским.

Иван Маринов немедленно отправился в Русе, чтобы организовать боевую группу там.

25 августа 1941 года из Севастополя на подводной лодке С-32 к берегам Болгарии отправилась вторая группа десантников. Их было девять: Мирко Станков, Аврам Стоянов — руководители группы, Иван Штерев, Делчо Напратанов, Борис Стойлов, Георгий Антонов, Стефан Паджев, Георгий Русев, Васил Додев.

Ночью 28 августа лодка была у намеченного района высадки. Личный состав подводной лодки С-32, насчитывающий около пятидесяти человек, во главе с командиром — капитаном 3-го ранга С. К. Павленко, военкомом — старшим политруком Ф. У. Рыжиковым и помощником командира — А. И. Былинским тепло попрощался с болгарскими друзьями, договорившись непременно встретиться в Севастополе после Победы.

Несмотря на шторм, десантники на трех резиновых лодках благополучно достигли берега у устья реки Камчии. Но далеко не все из них добрались до места назначения...

Сыби Димитров несколько раз нарывался на неприятельские засады, но каждый раз его выручал ручной пулемет. Вскоре, оборванный, голодный, он добрался до родного города Сливена — пункта своей боевой дея-

тельности. Димитрову удалось наладить связь с коммунистами города. Скрываясь в горах в сырой пещере, он горячо взялся за организацию боевого отряда, но осенние холода с рано выпавшим снегом подорвали его здоровье. Ночью товарищи переправили больного Сыби в город к жене Пенке, которая жила с детьми Милке и Вили, девяти и семи лет, у своей матери Марии и двух братьев Митко и Илией — активных участников рабочего движения в Сливене.

Дети не подозревали, что совсем рядом, за стеной есть тайник, в котором живет их отец. Они его не помнили — Сыби эмигрировал в Советский Союз, когда старшему было всего три года. Зато отец имел неограниченную возможность любоваться детьми. Ночами он подолгу простаивал у их постелей, а днем через щель тайника наблюдал за играми малышей во дворе.

Заботливый уход Пенки делал чудеса — Сыби заметно стал набирать силы.

Ночью 7 ноября 1941 года Сыби Димитров сидел в кругу семьи, увлеченно рассказывая, как этот день празднуется в Советском Союзе — День Великого Октября... На улице залаяли собаки. Илия вышел осмотреть двор. У ворот на него набросились полицейские. На шум выбежал брат Митко. Каратели схватили и его. Ищейки ворвались в дом и учинили обыск. Не найдя Димитрова, они заперли всех в доме и принялись обливать стены керосином. Начальник кричал:

— Пусть все сгорят! И дети! Только так можно разделаться с коммунистами!

— Палачи! — вдруг раздался гневный голос Сыби Димитрова.— Все равно вам не удастся победить нас! Вы ответите перед народом!

Прогремел пистолетный выстрел.

Когда каратели вытащили Сыби Димитрова из тайника, он был еще жив. Дети увидели своего отца с простреленной, залитой кровью головой.

Через несколько минут Сыби не стало.

Тяжело пережил весть о гибели друга Иван Маринов. Сыби занимал в его сердце особое место...

Плотный, среднего роста, со смешинкой в карих глазах, Сыби Димитров олицетворял собой типичного болгарина — обладал живым умом, неиссякаемым оптимизмом, огромной энергией, страстным жизнелюбием.

...Маринов грустно улыбнулся, вспомнив, как однажды Сыби шутливо заметил:

— Ты знаешь, Иван, я атеист, но все как-то становится не по себе от жестокой правды, что, когда я умру, душа моя тоже погибнет.

— Будь спокоен, Сыби. Твоя душа бессмертна! Она в сердцах друзей и близких, в сердцах многих людей, которым ты посвятил свою жизнь,— сказал Иван Маринов, думая о славном друге.

В сентябре — октябре 1941 года транспортными самолетами из Симферополя через Черное море в Болгарию были переправлены остальные политэмигранты,— проходившие спецподготовку в лагере под Москвой,— пять групп, в каждую из которых входило по одному красноармейцу-радисту.

Десантники отлично знали, что заброска с воздуха в небольшую страну, опутанную густой сетью полицейского и военно-фашистского аппарата,— дело весьма рискованное. Знали и то, что отсутствие хороших ориентиров, немецкая противовоздушная оборона, незнакомая местность — все это помешает приземлиться в точно назначенных районах, что значительно осложнит их положение. Однако патриоты без тени колебания пошли на этот риск, умом и сердцем понимая, что родина крайне нуждается в их помощи. Один за другим

покидали они борта самолетов, проваливались в черную пропасть ночи, стремительно неслись навстречу неизвестности.

С каждой группой хорошо вооруженных десантников сбрасывалось по семь грузовых парашютов со взрывчаткой, патронами, радиостанциями, продуктами питания, одеждой.

Практически с каждым «парашютистом» Иван Маринов был знаком. Со многими из них его связывали узы дружбы, зародившейся и окрепшей в совместной подпольной работе. С другими судьба сблизила Маринова на второй родине — в Советском Союзе, где им довелось вместе участвовать в мирной созидательной жизни.

Из пяти групп «парашютистов» общей численностью 31 человек погибло 17, 9 были схвачены. Лишь пятерым удалось подключиться к борьбе с фашизмом.

Горько, очень горько было сознавать ему, что рядом плечом к плечу больше не будут работать надежные, опытные революционеры, чьи силы так нужны сейчас партии, народу Болгарии...

При поддержке заведующего военным отделом окружного комитета партии Бояна Былгаранова Иван Маринов возглавил боевую работу в Русенском округе, которая все ощутимее стала заявлять о себе фашистам...

В октябре 1941 года небольшая группа коммунистов во главе с Леоном Таджером, сняв гитлеровских часовых на железнодорожных путях в Русе, уничтожила 70 цистерн с бензином, подлежавшим отправке в Германию.

Фашисты схватили Таджера, зверски пытали его, затем казнили. Перед смертью Леон оставил записку,

в которой говорилось: «Я люблю Москву, как мать, как любимую. Издевательств Гитлера над ней не могу вынести. Я решил отомстить и умереть».

В ответ на эту диверсию полиция, подтянув значительные силы из Варны, организовала в городе и его окрестностях облавы.

Однако это не сорвало работу Ивана Маринова, Кирила Видинского и других коммунистов в Русенском и Шуменском округах по созданию широкой сети подпольных организаций, вовлечению в них новых сил.

Успешно разворачивалась нелегальная деятельность в военных гарнизонах под лозунгом «Ни одного солдата на Восточный фронт!».

Среди населения активно велась антифашистская пропаганда, для чего Иван Маринов и Кирил Видинский организовали выпуск листовок, призывов, бюллетеней. В печати давался обстоятельный разбор обстановки в стране, приводились данные боевых операций подполья. Хорошая связь с ЦК партии, со многими округами страны позволяла быть в курсе событий. А событий было много...

Вслед за первым партизанским отрядом, сформированным на четвертый день нападения Германии на СССР в Разложском крае членом ЦК БКП Николой Парапуновым, появились отряды в окрестностях Батака, Чехлера, Калофера, Карлова, Севлиева, Габрова, Ямбола, Сливена, Варны, Ихтимана, а также начали действовать боевые группы в Софии, Пловдиве, Варне и многих других городах, включая Русе и Шумен. Так, уже в первые месяцы войны гитлеровцев против Советского Союза в Болгарии было положено начало массовому партизанскому движению.

Большое место в печатной пропаганде отводилось событиям на Восточном фронте. Источником информации здесь Ивану Маринову и Кирилу Видинскому слу-

жил радиоприемник, постоянно настроенный на советскую волну. Помещая материалы с печальной правдой о стремительном продвижении фашистов к Москве, Ленинграду, о больших потерях Красной Армии, командиры-подпольщики не боялись посеять тем панику среди населения. Не боялись, потому что хорошо знали свой народ, его искреннюю любовь к русским братьям, знали, что эта правда только усилит гнев, мобилизует массы к активной борьбе против фашизма. Разве могли болгары быть равнодушны к беде народа, с которым их связывала тысячелетняя история дружбы? А кровь, пролитая русскими воинами во время Освободительной войны 1877—1878 годов, положившая конец османскому игу, разве ни о чем не говорила болгарам? Говорила!

И в самые мрачные годы фашизма и гитлеровской оккупации в болгарских гимназиях по-прежнему в обязательном порядке изучался русский язык. Более четырехсот пятидесяти памятников, воздвигнутых болгарским народом русским братьям-освободителям, остались в полной неприкосновенности — фашисты боялись тронуть святыню болгарского народа!

Иван Маринов и Кирил Видинский главное внимание уделяли боевой деятельности подпольных групп по уничтожению живой силы и техники гитлеровцев, истреблению всего того, что предназначалось к отправке в Германию либо на Восточный фронт. С июня по декабрь 1941 года по стране партизанами было совершено более 150 крупных диверсий. В 1942 году эта цифра утроилась.

Чтобы пресечь сопротивление народа, фашистские власти Болгарии прибегли к ряду новых законов, карающих любое проявление непокорности. Особой жестокостью отличались законы, введенные в армии. Они предусматривали смертные приговоры не только

отдельным военнослужащим, но и целым частям и подразделениям. Цель была одна — запугать, сделать из солдат послушное орудие расправы с народом.

Фашистам удалось до конца 1941 года разгромить по стране 34 партийные и комсомольские организации, девять из которых были раскрыты в армии.

В сентябре Иван Маринов через курьера ЦК партии получил известие о том, что руководитель боевой группы в Софии Никола Ботушев и тринадцать его товарищей схвачены. Отважный подпольщик писал в предсмертном письме: «Я жду смерти спокойно, потому что презираю ее! А там, под Москвой и Ленинградом,— в это я твердо верю в последнюю минуту жизни — Красная Армия куёт решительную победу над фашистской чумой... Спасение человечества приближается!»

5 декабря 1941 года советские войска перешли в решительное наступление и к концу января 1942 года, разгромив танковые группировки противника севернее и южнее Москвы, отбросили фашистов на запад в отдельных районах до 400 километров.

Миф о непобедимости немецко-фашистской армии был развеян, план молниеносной войны Гитлера полетел в тартарары.

После победы Красной Армии над гитлеровскими ордами под Москвой болгарскими подпольщиками был проведен ряд крупных диверсий. Подполье решительно заявило фашизму, что и в тылу у него далеко не все благополучно.

Резкий рост движения Сопротивления вызвал у властей замешательство и ответную реакцию, выразившуюся кровавым террором. Болгарский фашизм сконцентрировал все свои силы против Коммунистической пар-

тии. В ней он видел главную опасность, в ее разгроме — свое спасение. Воспользовавшись сетью шпиков, провокаторов, осведомителей, фашисты в первые месяцы 1942 года раскрыли по стране около семидесяти партийных и других антифашистских организаций, схватили более 1800 коммунистов и комсомольцев.

24 апреля 1942 года был арестован Цвятко Радойнов, который возглавлял Военный центр ЦК БКП. За сравнительно небольшой срок Радойнову удалось проделать огромную работу по организации и созданию единого военно-политического руководства поднимавшейся в стране всенародной антифашистской борьбой.

Позже Иван Маринов узнал, как стойко держался в фашистских застенках обреченный на верную гибель его товарищ, и жестоко мучился оттого, что ничем не смог ему помочь.

На процессе-судилище, проходившем с 9 по 13 июня 1942 года в Софии, Цвятко Радойнов сказал:

— В день, когда фашистская армия будет полностью разгромлена, ее остатки станут искать убежища в Германии. Они повлекут за собой и всех тех, кто служил ей и исполнял ее приказы, в том числе и наших правителей. И в этот момент народ должен будет взять свою судьбу в собственные руки... Мы прибыли сюда как раз для того, чтобы подготовить его к тому моменту, который неминуемо наступит в силу законов истории и логики...

26 июня 1942 года в туннелях софийского стрельбища Школы офицеров запаса восемнадцать коммунистов во главе с Цвятко Радойновым были расстреляны. Среди них были семь «подводников» с лодки Щ-211: Цветко Радойнов, Трифон Георгиев, Васил Цаков, Иван Петров, Антон Бекяров, Димитр Илиев, Симеон Славов (капитан Рак), шесть «подводников» с лодки С-32: Васил Додев, Стефан Паджев, Борис Стойков,

Делчо Напратанов, Мирко Станков, Иван Штерев, пять «парашютистов»: Август Попов, Георгий Кратунчев, Иван Йорданов, Милё Минчев, Димо Астаджов.

В тот же день, 26 июня 1942 года, в Черном море близ Севастополя погибло пятьдесят друзей расстрелянных болгар — экипаж подводной лодки С-32, выполнявший не совсем обычное для минно-торпедной лодки задание...

С 5 ноября 1941 года по 3 июля 1942 года части Красной Армии и Черноморский флот героически удерживали Севастополь, не только сковав этим продвижение немецко-румынских войск к Кавказу, но и нанеся им огромный урон — до 300 тысяч человек убитыми и ранеными. Когда город был блокирован врагом с суши, доставку боеприпасов, продовольствия, горючего, а также эвакуацию раненых взяли на себя моряки.

30 мая 1942 года лодка С-32 подключилась к выполнению этой исключительно сложной задачи, требующей от экипажа колоссальной выносливости, воли и мужества. В Севастополь подводная лодка плыла до отказа начиненная боеприпасами во всех внутренних помещениях и даже в шахтах торпедных аппаратов, а одна из цистерн главного балласта была заполнена бензином. Последнее представляло крайнюю опасность, так как создавало угрозу отравления экипажа ядовитыми парами и даже взрыва — герметичность цистерн в любую минуту могла нарушиться от бомбовых и торпедных ударов противника, которых приходилось на лодку в каждом рейсе в среднем по шесть раз. (На «подводные транспорты» в течение июня 1942 года было сброшено 6888 глубинных бомб.)

Семь героических рейсов совершила С-32 в осажденный Севастополь, доставив защитникам города бо-

лее 500 тонн грузов и эвакуировав 140 раненых. 26 июня 1942 года С-32 вышла в восьмой рейс и погибла от торпеды, выпущенной итальянской подводной лодкой СВ-3.

Оборвалась жизнь пятидесяти человек...

1942 год был самым тяжелым в истории Болгарской коммунистической партии, самым трудным годом борьбы против гитлеровских оккупантов и болгарского фашизма.

Был схвачен, осужден и расстрелян пламенный пролетарский поэт-коммунист Никола Вапцаров. Погибли в бою с врагом секретарь Пловдивского окружного комитета Петр Ченгелов. В полицейских застенках палачи насмерть замучили секретаря ЦК комсомола Мальчика. За антифашистскую деятельность арестовали и казнили генерал-полковника болгарской армии Владимира Заимова (в 1972 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза). Погиб Аврам Стоянов, возглавлявший вооруженную борьбу патриотов в Юго-Восточной Болгарии («подводник» с лодки С-32).

Но, несмотря на огромные потери, партия продолжала работать, вовлекать в ряды антифашистов новые силы. В этом году в Болгарии начал создаваться Отечественный фронт, программу которого передала радиостанция «Христо Ботев». «Верховной задачей болгарского народа, его армии и интеллигенции является сплочение в единый фронт для спасения Болгарии»,— прозвучал в эфире призыв Георгия Димитрова 17 июля 1942 года. Уже к зиме в стране насчитывалось более ста комитетов Отечественного фронта.

Тяжелым был 1942 год для Ивана Маринова, Кирила Видинского и их боевых товарищей. Фашисты разгро-

мили многие подпольные организации в городах и селах Русенского и Шуменского округов, подвергнув жестоким истязаниям и уничтожению патриотов. Однако боевая деятельность коммунистов ни на день не прекращалась. С созданием комитета Отечественного фронта в подпольную работу включились секретарь Шуменского окружного комитета партии Груди Атанасов и секретарь Тырговиштенского окружного комитета комсомола Пенчо Кубадинский.

Как-то, вернувшись с боевой операции, Иван Маринов впервые за долгое время улыбнулся — он получил весточку от Косты Лагадинова. Его молодой друг с большим трудом, пройдя пешком через всю страну, добрался до Разлога. От подпольщиков узнал, что в крае уже с июня 1941 года существует партизанский отряд, который возглавляет секретарь окружного комитета БКП, член ЦК партии Никола Парапунов. Коста стал помощником командира. (После гибели Николы Парапунова партизанским отрядом стал командовать Коста Лагадинов.)

Вскоре до Ивана Маринова долетела весть от друга Георгия Антонова, являвшегося одним из организаторов партизанского движения в районе Средна-Горы и Родоп и командовавшего самым большим партизанским отрядом в Болгарии — отрядом имени Антона Иванова.

Начало 1943 года ознаменовалось большим историческим событием — Советская Армия разгромила немецко-фашистские войска под Сталинградом. 22 дивизии гитлеровцев численностью 330 тысяч человек были окружены и уничтожены. Остатки армии врага, насчитывавшие 91 тысячу человек во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, сдались в плен. Победа в Сталин-

23 Заказ № 212

градской битве явилась началом коренного перелома в Великой Отечественной войне.

В Болгарии эта победа отозвалась небывалым подъемом партизанского движения, которое стало нуждаться в новых формах координации. Весной 1943 года БКП приняла решение реорганизовать Военную комиссию Центрального Комитета в Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии с целью более эффективной подготовки и осуществления всенародного вооруженного восстания. Страна была разделена на 12 военно-оперативных зон. Во главе каждой из них находился штаб.

Ивана Маринова назначили начальником штаба 9-й военно-оперативной зоны. Командиром избрали секретаря Шуменского окружного комитета партии Груди Атанасова, его заместителем — Кирила Видинского, политкомиссаром — Тодора Петкова.

В конце лета 1943 года Иван Маринов докладывал об обстановке в 9-й зоне представителю Центрального Комитета партии:

— За два последних месяца созданы Поповский, Омуртагский, Тырговиштенский, Шуменский, Переславский и другие партизанские отряды, которые начали смелые вооруженные операции. Против них брошены войска и полиция. Села и города блокированы. Тем не менее наши партизанские отряды наносят непрерывные удары по врагу. Могу привести десятки примеров, когда малочисленные партизанские группы проявляли мужество и героизм, вызывая восхищение широких народных масс. Каратели жестоко расправляются с пойманными борцами и людьми, помогающими им... Успех антифашистского движения в Шуменском и Русенском округах серьезно сковывает действия фашистских властей. Народные массы, объединившиеся под знаменами Отечественного фронта, готовы к решительному штурму.

Весной и летом 1944 года партизанское движение в Болгарии достигло наивысшего подъема. Эта страна была единственной среди союзников гитлеровской Германии, где вооруженная борьба приняла массовый характер. На территории Болгарии действовали: одна партизанская дивизия, двенадцать бригад, семьдесят отрядов и сотни боевых групп, которые были созданы практически в каждом населенном пункте страны.

Против повстанцев фашистское правительство бросило значительные силы армии, жандармерии, полиции.

В одном из кровопролитных боев, где на одного патриота приходилось более двадцати карателей, ранним утром 1 марта 1944 года у скалистого берега реки Вычи пал смертью храбрых командир прославленного партизанского отряда Георгий Антонов.

Партизанское движение своими дерзкими действиями сковывало не только болгарскую армию, но и четыре гитлеровские дивизии, оккупировавшие страну. В этой крупной группировке — не истощенной боями, хорошо вооруженной — крайне нуждалась германская армия на Восточном фронте, но Гитлер не смел тронуть ее, так как еще больше боялся ослабить свой тыл.

В болгарской армии происходило брожение. Солдаты-коммунисты, объединенные в подпольные группы, поддерживали тесную связь с местными партийцами. Они занимались распространением в казармах листовок, вели агитацию против гитлеровских оккупантов и своего фашистского командования, снабжали повстанцев оружием и боеприпасами.

Задача по разложению армии, которой Военная комиссия при ЦК БКП придавала исключительно большое значение, увенчалась успехом — царскому правительству не удалось вовлечь Болгарию в войну против Советского Союза. Таким образом, Болгария была

единственной страной в Европе среди союзников гитлеровской Германии, ни один солдат которой не участвовал в войне против СССР.

За коммунистическую деятельность многие солдаты были осуждены и расстреляны, но цель, которой они служили и отдали жизнь, была достигнута — в решительный момент часть армии перешла к партизанам, другая — целыми подразделениями сражалась за народное дело, а оставшиеся войска были нейтрализованы.

В конце августа 1944 года Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии Болгарии отдал приказ всем партизанским частям готовиться к решительным действиям по захвату власти в стране.

Красная Армия стремительно продвигалась на запад, сметая на своем пути фашистскую нечисть. 8 сентября 1944 года советские войска форсировали Дунай и вторглись в фашистскую Болгарию, но окончательный удар фашизму на своей земле нанес сам болгарский народ...

9 сентября повстанцы развернули боевые действия по всей территории страны. За один день сокрушительным ударом они переломили хребет монархо-фашистскому режиму. 9 сентября 1944 года в стране было создано народно-демократическое правительство Отечественного фронта.

Народная власть Болгарии по инициативе БКП приняла меры к немедленному подключению страны к борьбе против гитлеровской Германии. Болгарская Народная армия в течение восьми месяцев в едином строю с советскими войсками 3-го Украинского фронта сражалась с фашистами на территории Югославии и Венгрии.

В декабре 1944 года Иван Маринов приехал в Москву. Его принял Георгий Димитров. Разговор был долгим. Вождь коммунистов Болгарии интересовался всем,

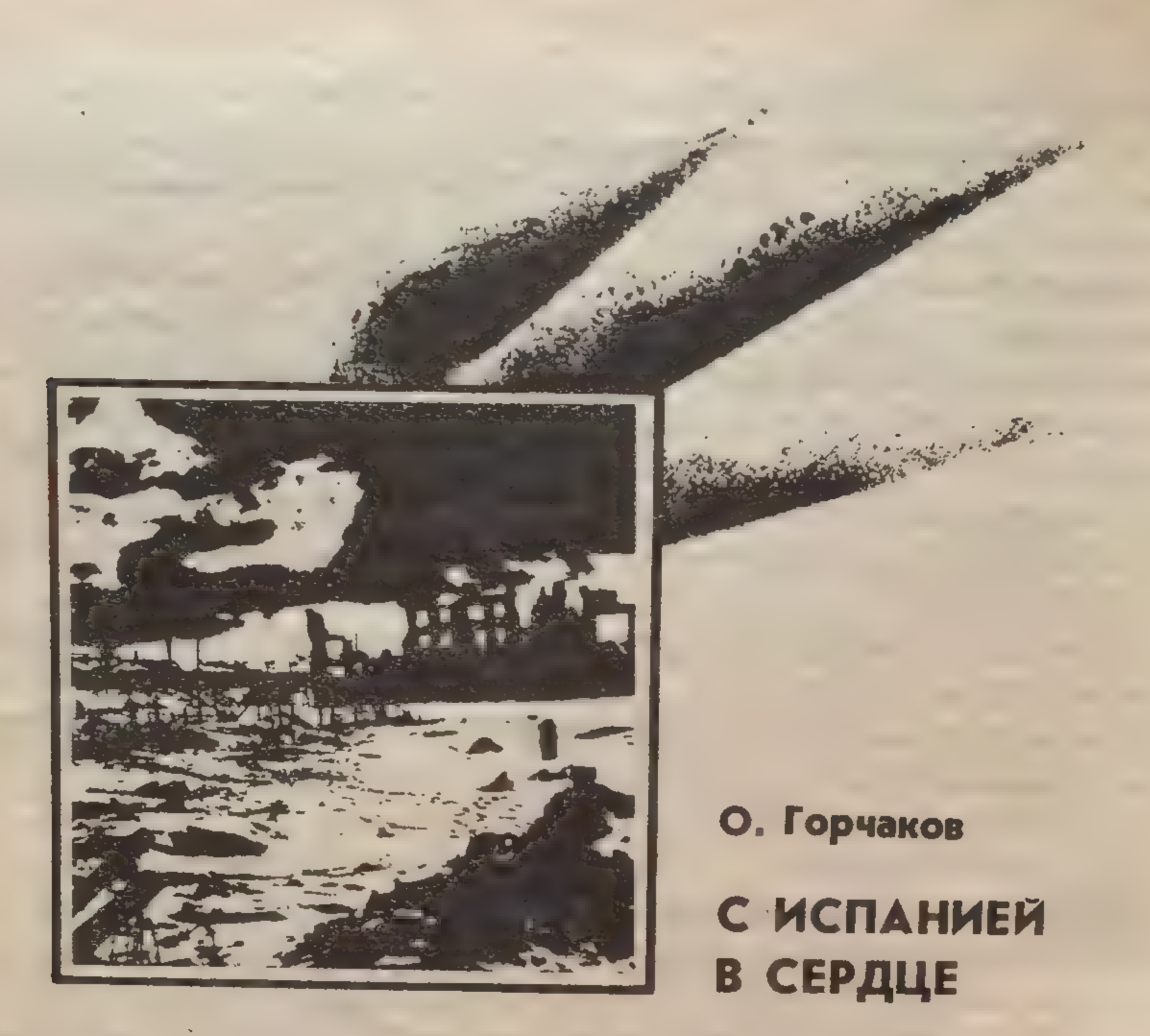
что происходило в стране, в 9-й повстанческой зоне. Иван Маринов подробно рассказал о том, что видел, пережил, о своих товарищах —«подводниках» и «парашютистах».

— Нелегкие испытания выпали на нашу долю в годы фашистского мракобесия,— сказал он в конце,— однако самым мощным оружием в этой борьбе была наша непоколебимая вера в партию, в наше справедливое дело.

В Болгарию Иван Маринов вернулся 6 мая 1945 года. Он возглавил медицинское управление министерства народной обороны.

На окраине Севастополя, в парке, неподалеку от причала, стоит памятник, на котором высечено: «Вечная слава героям! Здесь формировался отряд особого назначения болгарских коммунистов. Высажен на побережье Болгарии подводными лодками Щ-211 и С-32 в августе 1941 года».

На берегу Черного моря у устья реки Камчии возвышается памятник с именами болгарских политэмигрантов, высадившихся с подводных лодок Щ-211 и С-32. Двадцать три имени коммунистов-героев, из которых только троим — Ивану Маринову, Кирилу Видинскому, Костадину Лагадинову — довелось увидеть свою Болгарию свободной, счастливой, народной.



О. Горчаков

С ИСПАНИЕЙ В СЕРДЦЕ

Дело, с которым полковник Старинов прибыл 1 октября 1941 года в Харьков, было настолько секретным, что генерал-майор Невский, начальник инженерных войск Юго-Западного фронта, не доверяя телефону, лично доложил о нем в Военный совет.

— Полковник Старинов? — переспросил член Военсовета Н. С. Хрущев.— Как же, слышал, слышал... Взорвал в тылу Франко не один эшелон. Сегодня из Москвы прилетел?

— Машиной приехал, едва успел проскочить.— Генерал-майор подошел к большой карте на стене.— Вот здесь, между Орлом и Курском. А через час шоссе перерезали немецкие танки. Катукову с его танковой

бригадой тоже удалось проскочить через Орел. Только не в Харьков, а к Москве...

С минуту член Военсовета и начальник инженерных войск молча смотрели карту. Она еще недавно висела в Киеве, пока не захлестнули его 19 сентября синие стрелы, обозначавшие направление ударов противника: одна стрела — 6-я армия фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау, вторая — 1-я танковая группа фельдмаршала Эвальда фон Клейста. Теперь эти стрелы нацелены на кружок, над которым стоит слово «Харьков».

Положение на фронте оставалось угрожающим. Сталин приказал «перейти к жесткой обороне». Но уже было ясно — Харьков не удержать.

Поэтому в городе с нетерпением ждали начальника отдела заграждений Главного военно-инженерного управления Красной Армии.

Когда в кабинет маршала Тимошенко вошел невысокий полковник лет сорока, маршал отложил в сторону бумаги и встал навстречу. В сентябре Ставка назначила его главкомом Юго-Западного направления, а затем командующим Юго-Западного фронта.

— Так вот ты каков, полковник Старинов!

Гимнастерка ладно сидит на плечистом полковнике. В черных петлицах инженерных войск четыре шпалы, на гимнастерке орден Ленина и два ордена Красного Знамени. Этот кадровый командир помнит Фрунзе, Тухачевского, Блюхера, Якира, Смушкевича, Боревича, Берзина, Карбышева. Еще в 1930 году он обучал в Харькове будущих партизан минноподрывному делу...

— Задача, поставленная мне начальником Генштаба,— докладывал Старинов,— такова: массовыми минновзрывными заграждениями содействовать нашим войскам. В мою оперативно-инженерную группу входит

подразделение под командованием подполковника Ястребова — тринадцать специалистов. Это командный состав.

— Маловато,— сказал маршал.— Ну а какая техника у вас?

— ТОС — техника особой секретности. Радиомины. Новейшие мины замедленного действия, электрохимические взрыватели, замыкатели замедленного действия. Начальник Генерального штаба маршал Шапошников привел в качестве примера известную операцию «Альберих», проведенную немцами во Франции в годы первой мировой войны. Разумеется, у нас масштабы иные. Нам нужно устанавливать мины на глубину до двух метров. Лопатой это сделать невозможно, а буров у нас нет...

— Харьковские рабочие сделают для вас буры. Что вы собираетесь минировать?

— Аэродромы, важнейшие объекты города, автодороги...

— Действуй, Илья Григорьевич,— сказал маршал.— Фронт поможет тебе.

Командующий по предложению генерала Невского выделил полковнику Старинову пять саперных батальонов, поставил ему дополнительные задачи.

Полковник Старинов тут же приступил вместе с генералом Невским к составлению плана заграждений. По размаху и объему миннодрывных работ план впятеро превосходил «Альберих», а времени на его выполнение отводилось вдвое меньше. Полковник Старинов начал разрабатывать в ту бессонную ночь первую в военной истории комплексную миннозаградительную операцию в сочетании с действиями военной разведки и партизанского подполья.

Маршал Тимошенко подписал план. Военный совет 3 октября еще больше расширил план, внес много до-

полнений и наметил к заминированию целый ряд новых объектов. И первым среди них был дом 17 на улице Дзержинского. Дом, известный всем харьковчанам. Дом, занятый тогда Военным советом, руководящими деятелями ЦК КП(б)У.

Первым подвигом в этой битве был подвиг харьковских рабочих. Несмотря на эвакуационную лихорадку, на воздушные налеты, на тысячи осложнений и трудностей, рабочий Харьков под руководством горкома и обкома партии с честью выполнил задание: не только в немыслимо короткие сроки наладил серийное производство сложных неизвлекаемых мин, но и внес ряд улучшений в их конструкцию. Большую помощь оказывал полковнику Старинову Харьковский обком партии.

С появлением первых буров и мин сразу начались испытания капризной техники, обучение минеров... Напряженная борьба шла днем и ночью, в дождь и под бомбами. Мины закладывались незаметно. Со стороны казалось, что саперы строят дзоты.

Дело осложнялось из-за действий вражеских лазутчиков. Наметанный глаз полковника Старинова видел то новый булыжник, то заломленную ветку или зарубку на дереве около секретной скважины...

По его приказу минеры делали тысячи скважин, но мины ставили далеко не в каждую, заряжая остальные холостыми макетами.

Но в то же время перед полковником стояла еще одна задача, совершенно противоположная первой. Необходимо максимально сберечь народное добро. Он свято верил, что Красная Армия вернется в Харьков, и вернется скоро. Однако пока обстоятельства складывались не в ее пользу, следовательно, необходимо любыми средствами помешать врагу воспользоваться мощной харьковской индустрией и надо выводить из строя заводы, фабрики, помещения, оборудование так, чтобы

после возвращения советских войск их можно было потом быстро восстановить. Впервые столкнулись наши минеры со столь трудной и крупномасштабной операцией. Минную технику надо было применять крайне расчетливо и осторожно, всегда помня об интересах советского народа.

Военный совет утвердил инструкцию 12 октября. Старинову сказали:

— Только учтите, полковник, за безопасность наших войск и населения вы головой отвечаете.

Еще раз напомнили о необходимости заминировать дом № 17 на улице Дзержинского в полной тайне. Если фашист почует неладное, ноги его там не будет!

Полковник Старинов осмотрел двухэтажный особняк сверху донизу. Это было добротное, удобное, строгого стиля здание, за крепким забором стоявшее в небольшом дворе, обсаженном деревьями. Когда-то в нем жил видный деятель большевистской партии секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор. Перед войной в нем помещался детский санаторий. Даже жалко было минировать, но что поделаешь...

Своему заместителю подполковнику Владимиру Петровичу Ястребову он с глазу на глаз сказал:

— В котельную — одну Эф-десять.

Ястребов понимающе кивнул. Радиомина. Года три-четыре тому назад она называлась БИМИ — по имени ее изобретателей Бекаури и Миткевича.

— Если сюда каждый день будут приезжать минеры в форме, то...

— Будем жить здесь до последнего дня,— перебил подполковник Старинов.— Тогда никто не поверит, что мы спали на минах.

В ту же ночь в крытом грузовике во двор дома № 17 по улице Дзержинского въехала группа минеров: Леонов, Лядов, Сергеев, Лебедев.

Надо было торопиться. Харьков держался из последних сил.

А вскоре Старинов доложил Военному совету о неприятном происшествии. На станции Харьков-1 нежданно-негаданно под паровозом взорвалась мина замедленного действия — неизвестно почему сработал замыкатель замедленного действия и вибрационный замыкатель...

Неужели взрыв вызвала последняя поздняя осенняя гроза?

Вспомнилось суровое напутствие маршала Шапошникова, начальника Генерального штаба, в Москве, сказавшего ему:

— Ни одного несчастного случая! Помните, что мины должны быть безопасны для наших войск!

Хорошо, что обошлось без человеческих жертв. Только машинист был контужен.

В тот осенний день наши войска сдали Брянск...

На электромеханическом заводе полковника Илью Григорьевича Старинова встречают как старого знакомого, показывают ему детали мин, ведут в цехи.

И вдруг в одном из цехов, где привычно слышится украинская и русская речь, что-то привлекает его внимание:

— О, мадре миа! Карамба! Э-э-э, это не работа!..

Язык Испании, язык его второй родины!..

Полковник быстро, будто по команде «кругом», оборачивается, ищет того, кто произнес эти слова, находит и не верит глазам своим.

Франсиско Гульйон! Капитан испанской республиканской армии! Здесь, в Харькове!..

Франсиско вдруг узнает его, и черные маслины его совсем еще юных глаз лезут из орбит...

— Камараде хефе! — кричит на весь цех экспансивный испанец, чудесный парень, настоящий герой.

Все в цехе оборачиваются на этот крик.

— «Зеро»! Родольфо Салуд! Товарищ командир!

И словно не было четырехлетней разлуки, не было финской снежной кампании...

Друзья тискают друг друга в медвежьих объятиях. «Абрандо» — по-испански. Франсиско хлопает полковника по спине, с восторгом разглядывает рубиновые шпалы в черных петлицах. Оба счастливы и, на удивление рабочих-харьковчан, тараторят по-испански.

— Орденов-то у тебя,— гремит Франсиско,— орденов сколько!..

Франсиско горячо трясет руку «камараду хефе»:

— Родольфо! «Зеро»! Да что у тебя с рукой? Что с пальцами? Почему плохо сгибаются?

Чудо, как Франсиско научился говорить по-русски за каких-нибудь три-четыре года. Прежде и двух слов связать не мог.

— На финской «кукушка» клюнула,— смеется полковник.— Снайпер барона Маннергейма царапнул. Пустяки! Сам и виноват: барона этого в революцию упустил. Он ведь у царя в адъютантах ходил...

Но что это! На крик Франсиско невесть откуда сбегается целая толпа испанцев, шумная, как на блошином рынке в Мадриде. Или на корриде. Франсиско Гаспар, бесстрашный летчик из Барселоны, и верный друг его Марьяно Чико, весельчак и балагур из Куэнки, командир дивизии герой-коммунист Мануэль Бельда, мадридец Луис Кастильо... Все они помнят этого «руссо». «Богом диверсий» прозвали в Валенсии «Зеро». Это же Родольфо Вольера! С ним, переобувшись в альпаргатас — веревочные сандалии,— ходили они по горным партизанским тропам. Ходили темными ночами, поэтому у каждого прикреплены были сзади на поясе белые лоскуты с привязанными к ним светящимися гнилушками, чтобы не потерять друг друга во мраке южной ночи.

Прочитай Старинов о такой встрече в романе — ни за что не поверил бы автору. А в жизни — в жизни такое бывает! Расстались в 37-м в Мадриде или Барселоне — встретились вдруг в 41-м в Харькове!..

— Ну, как, други мои, амигос? Хорошо вам живется в Советском Союзе, в Харькове? Уж и не знаю, на каком с вами говорить языке.

— Си, си! Очень хорошо! — галдят, белозубо улыбаясь, сыны знойной Испании, земляки Дон-Кихота. И Хуан Отера, и Анхел Альбарка, и Франсиско дель Кастильо.— Подо эсто буэнос! Все в порядке!..

И вдруг все мрачнеют, меркнут улыбки, хмурятся черные брови.

— На фронт не берут! Говорят — иностранцы!..

Да что это такое! Все они — ветераны большой и славной войны с фашистами. Герои гражданской войны в Испании. Первыми, можно сказать, начали драться с Гитлером и Муссолини, не говоря уж о каудильо! «Ведь мы — коммунисты, карамба!» Все они и сейчас хотят немедленно идти на фронт, драться, сражаться, отдать весь свой боевой опыт, а если потребуется, и самую жизнь за свою вторую родину-мать — Советский Союз!..

— А я в партизаны просился,— со жгучей обидой говорит бывший гверильянс, действовавший плечом к плечу с «Зеро» в тылу врага.— Тоже не взяли! В военкомате говорят — иностранец, мол, невоеннообязанный, не состоишь на воинском учете. Дай нам оружие, «Зеро»! Мы расквитаемся с фашистами за Мадрид, за Испанию!

— Амигос! Клянусь, братья, я помогу вам! — с чувством говорит растроганный Старинов.

Но где испанец, о котором, пожалуй, чаще всего вспоминал Старинов на родине? Где герой Гренады, Кордовы, Пеньяррья?

— А где Доминго Унгрия? — спросил Гульйона полковник Старинов.

И тут же к нему протолкнулся его испанский побратим Доминго Унгрия и обнял своего учителя. Подполковник Доминго Унгрия был его старым, испытанным испанским другом и соратником, первым его учеником в Испании. В 1936 году, когда ему было тридцать восемь лет, Унгрия возглавил первую диверсионную группу с помощью советника Родольфа Вольера. Она проходила подготовку в Бениамете — пригороде Валенсии. Потом этот бывший рабочий, революционер, вырос до командира бригады, до командующего партизанским корпусом. Доминго Унгрия «делал жизнь» по «Чапаеву». Он был влюблен в этот советский кинофильм, смотрел его бессчетное число раз. В таинственном и легендарном 14-м корпусе, с ума сводившем разведки Франко, Муссолини и Гитлера, отличились многие и многие интернационалисты.

— Доминго! Какими судьбами?! — воскликнул Старинов, обнимая друга.

— Долгая история! — отвечал Доминго Унгрия.— В феврале тридцать девятого угнал моторную лодку, болтался по Средиземному морю. Добрался до алжирского берега у Орана. Оттуда махнул во Францию, и вот я тут!..

Из Харькова полковник Старинов писал тогда жене: «Встретился с нашими испанцами, с подполковником Доминго! Ты знаешь, о ком я говорю...»

Член Военсовета встречает полковника Старинова в ш абе Юго-Западного фронта не особенно приветливо. Видно, что генералу вовсе не до него.

— Прочитал твой рапорт, полковник,— сразу говорит он Старинову, сидя за столом в кабинете,— и сна-

чала даже удивился, неужели ты не мог без меня решить это дело? У тебя тут двадцать два человека, а у меня фронт! И ничего я про этих твоих испанцев, про эмигрантов не знаю. Почему мы должны их в армию брать?! На заводе работают? Ну и пусть себе работают, там тоже люди нужны, военный заказ выполняют...

— Товарищ член Военсовета,— страстно говорит обычно столь сдержанный полковник,— разрешите мне прочитать вам страничку, только страничку из дневника — его дал мне сегодня Франсиско Гульйон, который в шестнадцать лет прославился среди защитников Мадрида!..

— Дневник? Страничка? Ну ладно,— генерал озабоченно смотрит на часы,— только быстро!..

— «Харьков. 22 июня 1941 года. Война началась. Война между фашизмом и страной социализма. Какова моя задача? Хочу сражаться, вспомнить боевые дни, бороться с еще большей силой и смелостью, чем прежде...

Жизнь не имеет никакой цены, если не бороться за то, что любишь. Жизнь сама по себе борьба, и жизнь в борьбе — эта самая честная жизнь... Я хочу воевать и буду бороться за то, чтобы мне позволили воевать.

Харьков. 23 июня 1941 года. Все идут на фронт, а я вынужден оставаться дома. Мне двадцать один год, а я остаюсь со стариками и детьми. В шестнадцать лет я воевал в Испании, был капитаном. В голове не укладывается, что я должен сидеть дома в то время, как другие воюют...»

— Эти люди,— с жаром говорит Старинов,— пускали под откос фашистские эшелоны под Монторо и Кордовой, взрывали мосты под Бельмес и Эспиэль... Один Доминго стоит батальона...

Член Военсовета молча берет ручку. В левом верхнем углу заявления полковника Старинова, брызгая

чернилами, быстро пишет резолюцию, бросает на стол ручку, резко встает.

— Передашь генералу Невскому, чтобы зачислил их в один из приданных тебе батальонов. Используй их опыт, полковник!

Так решается судьба не только двадцати двух человек.

Так появляется прецедент для вовлечения многих сотен испанских эмигрантов, солдат Республики, в борьбу с гитлеровцами.

В одном из загородных домиков на северной окраине города, в Померках, где размещается штаб фронта, полковник Старинов оформляет все необходимые документы на «своих испанцев», получает обмундирование, ставит весь отряд на довольствие. В торжественной обстановке принимают испанцы красноармейскую присягу: «Я, сын трудового народа...» Настроение у всех радостное, приподнятое.

И сразу же надо браться за дело. А дело — это мины.

К сожалению, полковник Старинов не может порадовать своих новобранцев хорошими известиями с фронта. За последние несколько дней Красная Армия оставила много городов на Московском направлении — Калугу, Калинин. А Тверь, помнит Старинов русскую поговорку,— в Москву дверь!..

Без сна, без отдыха трудятся двадцать два испанца первого харьковского призыва, включившись без промедления в операцию «Харьков», осваивают на ходу «эмзедушки» — мины замедленного действия, другие роют ямы, обнаженные по пояс, несмотря на прохладную октябрьскую погоду, укладывают взрывчатку. Работают в охотку днем и ночью.

Сводки Совинформбюро читает им их «комиссар» — Хуан Иглезиас, один из самых способных учеников Старинова в Испании, отличнейший минер.

Одних только МЗД наши саперы установили в Харькове более двух тысяч — на железных и шоссейных дорогах, на аэродромах, на оборонительных рубежах, под военными объектами. Самые важные объекты были заминированы тридцатью радиоуправляемыми минами Ф-10. Эти «чудо-мины» легли под здание штаба военного округа, на Холодногорском и Усовском путепроводах.

Вокруг «умной» мины в особняке на улице Дзержинского развернулась настоящая «битва умов». Старинов имитировал (это его собственное выражение) минирование всех лучших домов Харькова, которые только могли приглянуться высокому фашистскому начальству. Его минеры ездили средь бела дня от одного такого дома к другому, будто бы в спешке закладывая в них мины. На самом деле мины приходилось расходовать крайне экономно. «Умные» Ф-10 вообще были дефицитными. Руководил этой отвлекающей операцией военинженер Ястребов. Расчет Старинова в харьковской партии оказался точным...

14 октября Старинов и Ястребов установили в колодце, вырытом в котельной под особняком на улице Дзержинского, поверх мощного толового заряда в 350 килограммов радиомину, а сверху поставили две неизвлекаемые мины.

«Но нам было ясно,— вспоминал И. Г. Старинов,— что если враг не обнаружит мины, то дом будет пустовать, его просто не займут. Для отвода глаз пришлось пожертвовать драгоценным для нас взрывчатым веществом и поставить в куче угля вторую мину, которую противник должен был найти. Это была не обычная мина замедленного действия, а мина с различными ухищрениями, исключавшими возможность ее взрыва, хотя она имела вполне исправный вид. Нам важно было утаить мину, управляемую по радио».

Двадцать четвертого октября, лишь забрезжило утро, гитлеровцы ворвались в город.

Пропуская отступающие части 38-й армии под командованием генерала Цыганова, батальоны Старинова под носом у атакующих гитлеровцев в ходе ожесточенных уличных боев взрывали мосты, минировали раскисшие осенние дороги. Минеры поставили на пути врага свыше 30 тысяч противотанковых мин, установили около тысячи мин-сюрпризов, больше двух тысяч МЗД. Многие осколочно-заградительные мины, установленные в Харькове и вокруг него, были сделаны из 152-миллиметровых снарядов. Огневая мощь мин Старинова равнялась мощному залпу тысяч орудий при исключительной точности попадания.

Фельдмаршал фон Рундштедт назначил комендантом и начальником гарнизона Харькова генерала фон Брауна.

В отличие от своего кузена ракетчика Вернера Георг фон Браун-второй, представитель древнего тевтонского рода фон Браунов, типичный генерал из юнкеров с бобриком и моноклем, не хватал звезд с неба. Это был крайне осторожный и осмотрительный генерал. Карьеру он делал медленно, но верно, не отличаясь личным мужеством, твердо надеясь пережить своих коллег и дотянуть до фельдмаршальского жезла. В русской кампании он без особо тяжелых потерь вел от самых Карпат по русской земле свою 68-ю пехотную дивизию, двигаясь за танками Клейста или Гота на левом фланге группы армий «Юг». При этом он успел «прославиться» как палач Проскурова и Винницы.

Прежде всего он приказал вывесить на стенах города приказ: «Каждый житель, который знает места, где заложены мины, бомбы замедленного действия, под-

рывные заряды, или же подозревает о заминировании каких-то объектов, обязан немедленно сообщить об этом... Каждый, кто скроет известные ему сведения о заминированных участках и не сообщит об этом в комендатуру, будет предан смертной казни...»

В приказе № 98/41 генерал фон Браун объявил, что его саперы обезвредили большую часть мин полковника Старинова. На самом же деле гитлеровцам удалось разминировать лишь 15 процентов МЗД.

Целую неделю ждал генерал, чтобы его саперы очистили Харьков от взрывных устройств. Неся большие потери, гитлеровские вояки каждый раз ликовали, когда находили и удачно обезвреживали советские мины. Они даже и представить себе не могли, что многие мины были ложные, а некоторые вообще неизвлекаемые. Наши минеры играли с гитлеровцами в поддавки, а это... радовало генерала. Фон Браун сначала поселился в маленьком неудобном домишке на окраине Харькова. Вскоре капитан Карл Гейден, командир саперного батальона 68-й дивизии, сообщил: разминирован отличный особняк — дом № 17 на бывшей Дзержинской улице, которой оккупанты поспешили вернуть ее старое название — Мироносицкая.

Прежде всего контрразведка дивизии собрала подробные сведения об этом доме и доложила: дом занимал «народный комиссар», никакие минноподрывные работы не замечались. Если бы они производились, русские начальники ни за что бы не остались в этом доме.

Генерал разместился в нем со всем комфронтом — начальником штаба, адъютантом, штабистами, денщиками и отделением тайной полевой жандармерии. Именно в тот вечер обнародовал он приказ, в котором сообщал населению, что его саперы легко обезвредили большую часть большевистских мин.

13 ноября полковника Старинова вызвали в Военсовет, который вместе со штабом Юго-Западного фронта передислоцировался в Воронеж.

— Как вы думаете, нашли вашу «умную» мину? — спросили его.

Нет, полковник не хотел этому верить, хотя стопроцентную гарантию дать не мог.

Член Военного совета жестко сказал:

— Наши харьковские подпольщики и разведчики сообщили нам, что в доме семнадцать на улице Дзержинского поселился комендант и начальник гарнизона генерал фон Браун.

Вспомните, кто такой генерал фон Браун. Это палач. Он прошел по трупам наших людей на Украине. По его приказам расстреляны, повешены сотни и тысячи советских граждан. В ночь на четырнадцатое ноября палача надо казнить!

А в Харькове в это время исправно, преимущественно по ночам, гремели взрывы, рвались под военными объектами мины испанцев. Всюду караулила оккупантов огненная грохочущая смерть. Она настигала их внезапно.

Генерал фон Браун уже давно не радовался тому, что фельдмаршал фон Рундштедт назначил его начальником гарнизона этого страшного города, города-мстителя. Ко многим объектам — так дьявольски хитроумно были они заминированы — не удалось даже подступиться.

Генерал усилил охрану дома, внутреннюю и внешнюю, превратил его в крепость. Нервы так развинтились, что «хозяин» Харькова уже вздрагивал от шороха падающих листьев в саду. Начались слуховые галлюцинации. Порой ему казалось, что он явственно слышит тиканье часового механизма в стене, под полом, на чердаке. Но никакого часового механизма у «чудомины» не было...

Глубокой ночью генерал-майор Невский проводил полковника Старинова на задание. Их путь лежал не к Харькову, не через линию фронта. Они подъехали в «эмке» к воронежской радиостанции широкого вещания. Вдали слышалась артиллерийская дуэль с 6-й армией гитлеровцев.

Операция была произведена под утро. В 4.00 полковник Старинов скомандовал:

— Взрываем мину номер один!

Радиоинженеры включили ток. От ключа радиста помчались незримые, быстрые, как лучи солнца, концентрические волны энергии.

Побледневшие от волнения Старинов и Георгий Георгиевич Невский молча переглядывались: сработала или не сработала? Каковы результаты взрыва? Ответ на этот вопрос долго не могла дать разведка.

Часы полковника Старинова показывали 4 часа 20 минут, когда в Воронеже, за триста километров от Харькова, он скомандовал:

— Взрываю мину номер два!

Незадолго до полуночи — это было в ночь с 13 на 14 ноября — генерал фон Браун приехал со своим штабным эскортом в свой особняк, поднялся по лестнице на крыльцо, через полчаса улегся спать. Спалось ли ему в ту роковую для него ночь? Об этом уже никто не узнает.

Часы генерала Георга фон Брауна — золотая «Омега» — остановились ровно в 4 часа 20 минут. В одно мгновение не стало ни генерала, ни его офицеров, ни дома № 17 на Дзержинской...

Грохот взрыва разбудил весь город. Его гулкое эхо долго носилось по темным улицам. Застрочили вслепую патрули в разных концах. Вспыхнули, заметались с перепугу лучи прожекторов. А радиомины продолжали взрываться по кодированным командам из Воронежа.

До утра дымилась огромная, обугленная яма со скрученными останками железобетонного скелета. Кое-где на опаленных дубах и липах висели какие-то бесформенные куски и обрывки. Обломки дома раздавили во дворе генеральский «хорьх». Слишком поздно примчались санитарные и пожарные машины с воющими сиренами.

Днем высоко над Харьковом появился наш разведывательный самолет, посланный специально затем, чтобы сфотографировать центр города с улицей Дзержинского. Однако гитлеровские зенитчики открыли сильный заградительный огонь из 88-миллиметровых орудий и четырех спаренных пулеметов, в небо взмыли истребители с крестами. Самолет-разведчик улетел, не выполнив свою задачу: особняк на улице Дзержинского в фотографию не попал.

Вскоре семья фон Браунов в Германии получила запечатанную урну из Харькова. В урне вместо праха генерала Георга фон Брауна лежало несколько горстей украинской земли, земли из воронки в саду дома № 17 по Дзержинской...

23 августа 1943 года Московское радио разнесло по всей стране радостную весть: войсками Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов освобожден Харьков. Ударившись в бегство, немцы-интенданты бросили в Харькове огромные склады с военными материалами и награбленным на Украине добром. Старинову поручили разминировать ряд зданий для партийных и правительственных учреждений и штаба партизанского движения.

Старинов подъехал к тому месту, где должен был стоять дом № 17, вошел в сад. Огромная воронка еще не успела зарасти травой.

Вскоре у полковника Старинова произошла довольно удивительная встреча.

Под Харьковом сдался в плен нашим войскам капитан Карл Гейден — рослый гитлеровец с погонами сапера, тот самый, что «разминировал» особняк на Дзержинской, предназначенный для генерала фон Брауна. Гейден, оказывается, был отправлен штрафником-смертником на фронт, где и сдался в плен при первой возможности, видимо вовремя сообразив, что лучше плен, чем смерть.

Вот что писал о его показаниях на допросе Старинов: «Один из жителей, проворовавшийся торговец, зорко следил за домом № 17 еще тогда, когда Харьков был в наших руках. Он знал, что этот особняк обязательно понравится какому-нибудь важному гитлеровцу, и хотел выслужиться. Явившись в комендатуру, он рассказал немецкому офицеру (им оказался Карл Гейден) обо всем, что успел подглядеть. Офицер поблагодарил его и заставил искать мины вместе с солдатами.

Фашистские минеры методически осматривали дом. Мину искали и в куче угля в подвале. После долгих поисков мину наконец обнаружили и извлекли. После этого Браун переехал в дом № 17...

— Нас сбила с толку ваша первая мина,— рассказывал Старинову, косясь на его ордена, небритый офицер, давно утративший свой гонор и выправку.— Мне и в голову не пришло, что под ней находилась еще одна, более опасная. После катастрофы расстреляли минеров, а меня понизили в должности и послали на фронт...»

Это был сломленный человек, озлобившийся на весь свет из-за погубленной карьеры, взорванной той роковой для него «чудо-миной».

К тому времени полковник Старинов знал, что по специальному приказу Гитлера всюду и везде гитлеровцы

разыскивали радиомину. Нашли они ее не скоро, слишком поздно, чтобы запустить в производство и принять на вооружение.

Этой блестящей операции полковника Старинова и его помощников, советским саперам и военным инженерам, бойцам-испанцам и другим интернационалистам я посвятил книгу «Внимание: чудо-мина!». Она была выпущена в 1973 году издательством «Советская Россия». Вместе с Ильей-Громовержцем, этим человеком из легенды, я ездил в Харьков, побывал во дворе на улице Дзержинского, где когда-то стоял особняк коменданта и начальника гарнизона города Харькова. И через двадцать два года после взрыва там зиял еще заросший сорняком кратер. Вспомнилось нам тогда, что Феликс Дзержинский, чьим именем была названа бывшая Мироносицкая улица, всегда учил нас, что врагам нашей Родины не уйти от возмездия, что те, кто придет к нам с мечом, от меча и погибнут.

Еще можно было встретить тогда харьковских старожилов, которые помнили, как ноябрьской ночью вспорол огненный меч возмездия железобетонную крепость генерала-палача, как разметал он потомков псов-рыцарей.

Испанские волонтеры под командованием Старинова взрывали коммуникации врага под Ростовом-на-Дону, по заданию командующего Южным фронтом генерал-лейтенанта Малиновского пробирались через скованный льдом Таганрогский залив, через торосы и полыньи в тыл врага, чтобы минировать дороги, рвать связь, захватывать «языков». И все это в краю, где морозы и бураны куда свирепее, чем в испанских Пиренеях, не говоря уж о бесснежных равнинах Испании, о Ламанче и Гранаде.

Настал день, когда генерал-лейтенант Малиновский, так же как и Старинов, служивший советником в Испании, подписывая наградные листы на героев, сказал:

— Немцы свои поражения любят сваливать на морозы, а вот испанцы Старинова, жители вечнозеленой страны, оказывается, не жалуются на генерала Мороза. Выходит, дело-то вовсе не в холоде.

Эрера, Кано, Гаспар, Отер, Устаррос, их командир Доминго Унгрия — все они называли «эль колонеля» Старинова своим отцом. Так советские партизаны порой величали любимого командира «Батей».

На южном берегу Таганрогского залива, в станице Шабельской не увядают цветы на могиле лихого партизана, комдива Испанской республиканской армии Мануэля Бельды.

Прославились испанцы-интернационалисты и на Калининском фронте, где их часто принимали за цыган. Там блеснул удалью коммунист и комбат Хосе Виеска. Сын богатого буржуа-капиталиста, он порвал с домом и семьей, мальчишкой участвовал в героическом восстании в Астурии.

Побратимами белорусских, смоленских, брянских и калининских партизан стали майор Энрике Гарсия Канель, лейтенант Хорхе Фернандес, лейтенант Сальвадор Кампильо, минеры Франсиско Гранде и Франсиско Гаспар из Барселоны. Некоторые из них сражались в отряде Героя Советского Союза Орловского, который также прошел сквозь горнило гражданской войны в Испании.

А автор харьковского дневника Франсиско Гульйон, шестнадцатилетний капитан Испанской республиканской армии, стал двадцатилетним капитаном Советской Армии и с особым пылом, отважно сражался в тылу франкистской «Голубой дивизии» на Ленинградском фронте.

— «Но пасаран!»— повторят испанцы свой славный боевой клич.— Они не пройдут! — И много эшелонов, много фашистов не прошло к фронту.

Поредевшие ряды харьковского отряда испанцев пополнились на Северном Кавказе и в Крыму. Около ста пятидесяти испанцев-республиканцев добровольно вызвались сеять смерть в тылу врага. Их перебрасывали через линию фронта по земле, по воздуху и морем, на катерах и подводных лодках. К весне 1943 года число партизан-испанцев перевалило за триста человек.

«Мы сражаемся за вашу и нашу свободу и независимость, против общего врага — фашизма!» — говорили они советским братьям по оружию.

Не вернулся ни в Харьков, ни на любимые свои места в Мадриде — на Восточную площадь и улицу Сан-Бернардо — Франсиско Гульйон, в чей харьковский дневник мы заглядывали.

3 августа 1942 года Франсиско записал в дневник: «Хочу просить полковника Старинова разрешить мне организовать группу...»

С помощью полковника Старинова Франсиско сколотил отряд особого назначения и ушел с ним в тыл врага. Смерчем пронеслась группа Гульйона по вражеским тылам. Вторая родина Франсиско Гульйона наградила «дважды капитана» орденом Ленина — высшим орденом Страны Советов.

Умирая от смертельных ран, слабеющей рукой «крестник» Старинова Франсиско Гульйон написал в своем дневнике:

«Русский народ великий. Я люблю его».

И. Василькова

БРАТЬЯ ВИВО — ЗАЩИТНИКИ ЛЕНИНГРАДА

Мне никто не верил... Откуда им было взяться, парням из Латинской Америки, в самый разгар Великой Отечественной войны у стен Ленинграда? Как они могли в те суровые годы с берегов Атлантики добраться до берегов Невы?

И все-таки я их нашла. Почти десять лет потратила я на поиски двух братьев, добровольцев из Латинской Америки, 40 с лишним лет назад сражавшихся бок о бок с советскими солдатами у стен Ленинграда, двух сыновей известного кубинского коммуниста, а впоследствии профессора Мексиканского национального университета Хорхе Виво Эското...

Летом 1976 года в Москве собрались географы всего мира на очередной международный конгресс.

Среди участников этого форума был и знаменитый географ из Мексики Хорхе Виво Эското. Я много слышала о нем раньше, знала, что он является автором многих книг и учебников по географии и что даже один из островов вблизи Мексики носит его имя. Но я не могла и предположить, что с его именем связана одна из самых волнующих страниц в истории советско-латиноамериканских отношений и в летописи Великой Отечественной войны. От старого профессора — тогда ему уже было 72 года — я узнала, что два его сына — старший Хорхе и младший Альдо воевали добровольцами на Ленинградском фронте, что Альдо погиб где-то под Ленинградом, а старший, Хорхе, и поныне живет в Мексике в маленьком городке близ границы с США.

Старый профессор тогда побывал в Ленинграде, посетил Пискаревское кладбище, другие мемориальные комплексы, но могилы своего сына он нигде не нашел. Домой в Мехико он увозил горстку ленинградской земли, в которой вместе с сотнями тысяч защитников города похоронен и его сын.

Вот с этой встречи и начался мой многолетний поиск двух братьев-интернационалистов. Я посылала запросы в военные архивы, беседовала с ветеранами войны, писала в Мехико и в Гавану, ведь братья родились и до 1934 года жили на Кубе. В круг поиска были вовлечены люди самых разных профессий — ученые, служащие архивов, активисты обществ дружбы, писатели, журналисты, переводчики. Мало-помалу биография двух братьев стала проясняться.

Но неожиданно обрывается главная ниточка поиска, которую я уже держала в руках: вскоре по возвращении в Мехико профессор Виво умирает. А я даже не успела узнать точный адрес его старшего сына. Где-то на границе с Соединенными Штатами...

В одной из своих статей для крупнейшего мексиканского журнала «Сьемпре», московским корреспондентом которого я являюсь более 15 лет, я коротко рассказала историю о двух братьях Виво и попросила откликнуться всех, кто что-нибудь о них знает или слышал...

Первым откликнулся человек, который более 20 лет работает со мной в одном здании, только этажом ниже, старейший переводчик агентства печати «Новости», испанец по национальности Раймундо Гарсиа. «Ты очень удивишься,— сказал Раймундо,— но я прекрасно знал и Альдо и Хорхе. Ведь мы перед войной воспитывались в одном детском доме в Ленинграде. А во время войны я вместе с Хорхе воевал в одном партизанском отряде». Вот ведь как бывает: ищешь за тридевять земель, а находка ждет тебя в нескольких шагах: всего этажом ниже.

«В 1938 году меня вместе с другими детьми испанских республиканцев вывезли из франкистской Испании в Советский Союз,— рассказывает Раймундо.— Сначала мы жили в детском доме под Калугой, где я и познакомился с Хорхе и Альдо, а потом мы переехали в Ленинград. Наш интернат располагался на Невском проспекте. С братьями Виво мы были большими друзьями. Хотя прошло уже много лет, я их обоих очень хорошо помню. Хорхе был спокойный, рассудительный, молчаливый, а Альдо — его полная противоположность: горячий, вспыльчивый, отчаянный, одно слово — сорванец.

Когда началась война, все детдомовцы стали проситься на фронт. Как мы завидовали Хорхе: ему уже исполнилось 18 лет и его сразу же зачислили в партизанский отряд, который формировался в нашем же детдоме. Мне же едва минуло 16, Альдо был на год старше меня. Теперь я мог признаться в одном ма-

леньком подлоге: и я, и Альдо подделали в документах свой год рождения и с помощью такой нехитрой уловки добились-таки, чтобы нас отправили на фронт. Альдо был зачислен в ленинградское народное ополчение, я же попал в тот партизанский отряд, где воевал Хорхе. В октябре 1941 года в бою под Пулковом я был тяжело ранен, а Хорхе контужен. Несколько месяцев мы провели в блокадном Ленинграде — это было самое страшное время блокады: зима 1941/42 года. Лишь в апреле 1942 года по знаменитой «Дороге жизни» нас вывезли из блокированного города и отправили в эвакуацию: меня — в Среднюю Азию, Хорхе — на Кавказ. Больше мы с Хорхе не встречались».

От Раймундо, который все эти годы переписывался еще с одним кубинцем, тоже бывшим однополчанином, Эверардо Альваресом, живущим ныне в Испании, я узнала, что Хорхе недавно переехал в столицу и теперь живет где-то в районе Университетского городка. Но точного адреса он не знал.

Судьба послала мне еще одну совершенно неожиданную встречу. Один мой коллега, зная мою увлеченность поиском неизвестных героев войны, как-то рассказал мне, что живет в одном доме и на одной лестничной площадке с молодой женщиной, которая до замужества носила фамилию Нелли Виво Лаурент. Она никогда не видела своего отца, будучи уверенной, что он погиб на войне, и знает только, что он был испанец. Звоню Нелли по телефону и договариваюсь о встрече. Дверь открывает молодая светловолосая женщина с карими, «испанскими» глазами. Она живет с сыном — двенадцатилетним Леней, в котором я тоже сразу отмечаю что-то «испано-латиноамериканское». Но может быть, мне это только кажется? Нелли достает альбом с семейными фотографиями. С воен-

ного времени осталось всего несколько снимков, которые хранятся в этом доме как самая дорогая реликвия.

— Вот мой отец,— протягивает мне Нелли поблекшую от времени фотографию. На обороте снимка подпись: Хорхе Виво, Ленинград, 1941 год.

Нелли рассказала мне очень грустную и очень сентиментальную историю любви молоденькой медсестры Зиночки к раненому «испанцу», которого русские друзья переименовали из Хорхе в Георга. О том, как Хорхе ездил свататься к родителям Зины, которые жили в деревне где-то под Каширой. И как война снова разлучила их — на этот раз навсегда.

Я попросила Нелли дать мне с собой три фотографии — ее самой, ее сына и Хорхе, каким он был сорок лет назад. И вскоре эти три снимка вместе со мной отправились в Мексику, куда я вылетела в служебную командировку.

Как же найти человека в огромном шестнадцатимиллионном городе? Решаю начать с самого простого — с телефонного справочника. Фамилия Виво встречается всего трижды, но Хорхе среди них нет. Звоню по первому телефону, некоей Мадлен Виво, долго извиняюсь за доставленное беспокойство и, ни на что не надеясь, спрашиваю: не знают ли в этом доме Хорхе Виво?

— Как же не знать?— спокойно отвечают мне на том конце провода.— Это мой старший брат.

И вот я держу в руках столь долгожданный служебный и домашний телефон Хорхе Виво. Десять лет без малого шла я «по следам» этого человека, тянула одну ниточку за другой, а все оказалось так просто.

Через пятнадцать минут Хорхе не вошел, а буквально влетел в холл гостиницы «Прим», где я остановилась. И хотя, конечно, годы сделали свое дело, я лег-

ко узнаю его по фотографии 40-летней давности: то же доброе, открытое лицо, мягкий взгляд, застенчивая улыбка. Мы заняли укромный столик в гостиничном баре и проговорили до позднего вечера.

Да, это тот самый Хорхе, которого я искала все эти годы, и он отлично помнит все, что с ним было 40 с лишним лет назад. Как сразу опустели и посуровели улицы города. В этот же день Хорхе со своими однокурсниками отправились в ближайший военкомат. 18-летний Хорхе был охвачен тогда одной мыслью, одним желанием — с оружием в руках защищать свою вторую родину — Советский Союз, страну, которая дала ему родительский приют, образование, город, где он познал цену настоящей дружбы и любви, город, где прошли годы его духовного становления как человека и гражданина.

Вместе со всеми Хорхе давал партизанскую клятву: «Я клянусь, что умру в жестоком бою с врагом, но не отдам тебя, мой родной Ленинград, на поругание фашистам. Пока бьются наши сердца, пока кровь струится в жилах, я буду сражаться за эту землю, за ее честь и свободу...»

Хорхе помнит все свои походные партизанские дороги, все военные лишения и заботы. Помнит каждый холмик, за которым приходилось часами лежать на снегу в засаде. До мельчайших деталей помнит Хорхе и свой последний бой. Была морозная октябрьская ночь 1941 года. Отряд пытался взорвать немецкий штаб в районе Пулково, но был обнаружен противником. Гитлеровцы обрушили на партизан град снарядов и мин. Плотная огневая завеса накрыла землю. Из 50 человек после этого боя в живых остались лишь восемь. Раненый Хорхе оказался в блокированном Ленинграде. Самые страшные месяцы блокады довелось пережить этому парню, родившемуся на берегах Ат-

лантики. Хорхе — наверное, единственный латиноамериканец, который знает обо всем этом не понаслышке.

— Сейчас трудно даже представить, как можно было вынести такие испытания, трудно даже поверить в то, что все это было с нами, с тобой лично,— вспоминает Хорхе.— Вместо еды — всевозможные суррогаты, вплоть до канцелярского клея. И все-таки мы, как иностранцы, находились в гораздо лучшем положении, чем сами ленинградцы. Жители города отдавали нам последнее, что имели. Но мы, дети южных широт, страдали не столько от голода, сколько от холода. И тем не менее, выписавшись из госпиталя, мы старались в свою очередь помогать городу чем могли: расчищали улицы, работали на заготовках дров, дежурили на крышах во время бомбежек.

Полгода, прожитые Хорхе в блокадном Ленинграде, навсегда остались в его памяти — по его мнению, они были равны опыту целой человеческой жизни...

Все сохранил в памяти бывший ленинградский партизан. Одного он только не знал — что живут в Москве его дочь и внук. Когда я показала ему привезенные с собой фотографии, седой шестидесятилетний мужчина не смог сдержать слез.

Будучи человеком исключительной скромности, он вообще никогда ни одним словом не обмолвился о тех испытаниях, которые выпали на его долю. Он считает, что в то время на его месте каждый поступил бы так же. Вопрос для него и его сверстников в те годы стоял так: умереть или спасти мир от фашизма. Это было время массового героизма, когда на подвиги и на смерть шли так же обыкновенно и буднично, как сегодня мы идем на работу.

И теперь кроме самых близких людей, никто не знает, что живет в Мехико и работает в государственной нефтяной компании «Пемекс» инженером-геологом че-

25 Заказ № 212

ловек, которого с полным правом можно назвать героем Ленинградской битвы.

От Хорхе я узнала историю его младшего брата, Альдо, погибшего под Ленинградом, близ поселка Невская Дубровка. Хорхе помнит, что еще в годы войны однополчане его брата передали ему похоронное извещение, письма и дневник Альдо. Но во время эвакуации в Среднюю Азию эти документы были утеряны. В памяти Хорхе осталось только название — Невская Дубровка. Дату гибели Альдо он не запомнил.

По возвращении из Мексики я решила отыскать могилу солдата-интернационалиста.

Полтора часа езды на электричке с Финляндского вокзала — и вот я на станции Невская Дубровка... Уютный, чистенький, утопающий в снегу поселок районного значения на правом берегу Невы, близ Ладожского озера. Несколько рядов разноцветных коттеджей, веером расходящихся от центральной площади, на которой расположены районный Совет, школа и Дом культуры. Типичный пригородный поселок, каких в России сотни тысяч. Крошечная точка на географической карте... Но ей суждено было яркой страницей войти в историю Великой Отечественной войны советского народа против ненавистного фашизма.

Всего три тысячи человек проживает сегодня в этом поселке и почти триста тысяч навеки остались лежать в этой израненной земле. Триста тысяч жизней было отдано за то, чтобы врагу не достался ни один сантиметр этого крошечного клочка русской земли — два с половиной километра в длину и шестьсот метров в ширину,— вошедшего в летопись войны как легендарный Невский «пятачок».

— Невский «пятачок» как дамоклов меч нависал над флангами немецко-фашистских войск, осаждавших

Ленинград,— свидетельствует участник боев в этих местах генерал армии Герой Советского Союза Иван Федюнинский.— Здесь шли самые упорные, самые ожесточенные бои Ленинградской битвы.

— Нет сомнения в том, что прорыв обороны фашистских войск в этом районе немедленно похоронил бы все планы удушения Ленинграда, которые лелеяли гитлеровцы. Значение «бутылочного горла», протянувшегося вдоль Невы к южной оконечности Ладожского озера, противник отлично понимал. Сюда перебрасывались отборные фашистские дивизии, задачей которых было ликвидировать советский пладцарм у Невской Дубровки. Гитлеровцы бросали в контратаки все новые и новые батальоны. Тысячи мин, снарядов, авиабомб перепахали землю Невского «пятачка» вдоль и поперек. Казалось, ничего живого уже не может остаться на этом клочке выжженной земли. Но, к изумлению врага, плацдарм держался. Советские воины не только отбивали все предпринятые против них атаки, но и сами наносили по врагу чувствительные удары.

В музее боевой славы Невской Дубровки, расположившемся в нескольких комнатах Дома культуры, самый впечатляющий экспонат — это квадратный метр земли, перевезенный сюда с левого берега Невы сразу после окончания боев. То, что лежит здесь под стеклом, даже трудно назвать землей, потому что неизвестно, чего здесь больше — земли или металла. После войны вскопали на глубину штыка один квадратный метр бывшего «пятачка», выбрали из этой земли пули, гильзы, осколки бомб и снарядов, тщательно просеяли и взвесили всю эту «находку». Оказалось, что в одном квадратном метре приневской земли содержится более десяти килограммов стали, свинца и железа... Вот еще одно проклятье войны: истерзанная,

израненная, расстрелянная, мертвая земля, на которой до сих пор — а прошло уже сорок с лишним лет! — ничего не растет.

Вместе с хранительницей местного музея мы направляемся на воинское кладбище, расположенное на окраине поселка. Морозный ветер обжигает щеки. Пар от дыхания сразу же замерзает и оседает на бровях и ресницах густым слоем белого инея. Ободряю себя мыслью, что им тогда было куда тяжелее...

В центре кладбища — скромный памятник рядовому солдату — в каменной плащ-палатке, с каменным автоматом через плечо. Сколько таких обелисков стоит у русских дорог, близ сел и городов?! А за спиной солдата — огромная братская могила, покрытая мраморными и гранитными плитами. На них сотни имен.

Накануне прошел сильный снегопад, и над плитами возвышался полуметровый слой еще не успевшего слежаться пушистого снега. Становлюсь коленями на постамент и руками начинаю разгребать снежный покров, чтобы прочесть выгравированные на камне имена и фамилии.

Сотни фамилий — и за каждой своя жизнь, своя судьба, свои еще не до конца выплаканные слезы. Когда наконец из-под снега показалось написанное золотыми буквами имя Альдо Виво, у меня комок подступил к горлу: такое чувство, словно я разыскала близкого, родного мне человека.

Достаю спрятанный под шубой букет живых цветов и кладу его на могилу. На тридцатиградусном морозе цветы мгновенно затвердевают, как льдинки. Красные гвоздики на ослепительно белом снегу — словно проступившие сквозь камни капли крови, которой так обильно была полита эта земля в годы войны...

Я долго стояла возле этой братской могилы, где похоронены люди самых разных национальностей —

казахи, татары, узбеки, белорусы и вместе с ними сын далекой Латинской Америки,— и думала о неисповедимости человеческих судеб, о смерти и о бессмертии, о смысле жизни, о всеобщей взаимосвязанности всех и вся на этой земле. Ведь я родилась в Ленинграде в самый канун войны и прожила там вместе с родителями всю блокаду. Вот и выходит: защищая мой родной город, Альдо Виво защищал и мою жизнь.

Тогда ему было всего семнадцать...

Что остается от человека, прожившего на земле только семнадцать лет? Что может вместить в себя такая короткая жизнь? Оказывается, очень много, если мерить ее не тем, что ты сделал для себя, а тем, что оставил для других...

17-летняя жизнь Альдо Виво вместила в себя судьбу зрелого человека. Судьбу, в которой было все: и отнятое диктаторским режимом Мачадо детство — Альдо и Хорхе родились на Кубе, и ранняя причастность к революционной борьбе — оба брата воспитывались в семье патриота-интернационалиста, и нелегальное путешествие из Гаваны в Советский Союз через Нью-Йорк и Западную Европу — братья как дети революционера могли попасть в руки контрреволюционеров, не щадивших никого...

А потом были пять лет жизни в Советском Союзе, ставшем для Альдо второй родиной.

В 1934 году Ленинград торжественно встречал посланцев рабочего класса США, Англии, Мексики, Кубы, приехавших в СССР на празднование Первого мая. «Ленинградская правда» писала 27 апреля 1934 года: «С далекого острова Куба прислали трудящиеся своих представителей на Международный пролетарский праздник в Страну Советов... С ними приехал сын известного в странах Латинской Америки революционера Хорхе Виво — 10-летний мальчик Альдо Виво. Он будет

воспитываться в интернациональном детском доме имени Стасовой в городе Иваново».

Маленькие немцы, итальянцы, испанцы, сыновья и дочери патриотов, не вставших перед врагом на колени, обрели в СССР свою вторую родину. Дети борцов. Дети солидарности. Среди них были и юные кубинцы — братья Альдо и Хорхе Виво.

140 мальчишек и девчонок жили здесь тогда единой семьей-коммуной, где все было общее — радости и печали, успехи и неудачи. Здесь они учились не только грамоте и труду, но и интернационализму, солидарности, преданности идеалам свободы и справедливости.

На видном месте в интердоме были вывешены слова из предсмертного письма немецкого патриота Франца Штенцера, замученного фашистами в концентрационном лагере в Дахау. За сутки до казни он писал своим трем дочерям Эмми, Эльзе и Лилли, находившимся в Ивановском интердоме: «Бороться и страдать, жертвовать собой и развивать в себе мужество для служения чему-то высшему, чем собственное «я»,— это дает жизненные силы и лишь это способно придать жизни смысл, лишь для этого стоит жить...»

Когда в детский дом прибывали новенькие, никто не спрашивал, кто ты, откуда, кто твои родители. Здесь это было не принято. Понятия «национальность» здесь просто не существовало. Это был настоящий «детский интернационал».

Бывшие интердомовцы, которых удалось недавно собрать в Москве, хорошо помнят братьев Виво, особенно Альдо. Высокий, красивый, озорной, отчаянно смелый, он был кумиром всех детдомовских мальчишек и девчонок. В нем жила жажда подвигов, и если бы он остался жив, то наверняка сегодня сражался бы с оружием в руках где-нибудь в Сальвадоре или

Гондурасе, отстаивая права обиженных и угнетенных. Так считают его сверстники и друзья по детдому — итальянка Тереза Мондини, грек Никос Ризос, египтянин Хусейн Марон, живущие ныне в Москве. Так же, как Альдо и Хорхе, они были привезены в Советский Союз совсем маленькими детьми перед самой войной да так и остались здесь, приняв советское гражданство. Солидные люди, которым уже за 60, они молодели на глазах, когда начинали вспоминать о годах, проведенных в доме на Красной Талке.

— А помнишь, как мы таскали яблоки из колхозного сада и раздавали их малышам?

— А как прыгали с моста в овраг — смелость воспитывали?

— А как все вместе отмечали дни рождения, как готовили подарки, сочиняли стихи...

Альдо был заводилой во многих интердомовских играх и делах. Вокруг него всегда группировались мальчишки, он был их лидером, их кумиром, потому что не боялся ничего. Египтянин Хусейн Марон, который был другом Альдо, вспоминает такой случай... Это было в загородном пионерском лагере. По традиции открытие лагеря начиналось с подъема пионерского флага. Все выстроились на торжественную линейку, но подъемное устройство на мачте оказалось неисправным и флаг, зацепившись за что-то, никак не поднимался. Тогда Альдо, не задумываясь, ловко взобрался по тонкому стволу мачты на самый верх, поднимая флаг вслед за собой. Но в этот момент мачта закачалась, затрещала, и едва Альдо кубарем скатился вниз, как она рухнула на землю. Можно себе представить, каким героем он всем тогда казался, хотя постоянно ходил с синяками и шишками...

— Это был человек красивый во всех отношениях, яркая, светлая личность, в которую мы все, детдо-

мовские девчонки, были немножко влюблены,— рассказывает итальянка Тереза Мондини.— Уж на что мы, итальянцы,— темпераментный народ, но Альдо был просто сумасшедший, словно внутри него сидел какой-то мотор. Он полчаса не мог усидеть на одном месте. Хорхе был его полная противоположность — спокойный, серьезный, рассудительный, про таких говорят — «наша совесть». Мы тогда и не знали, что они родом из Латинской Америки, что они кубинцы по рождению. Во всех документах они числились как испанцы.

С необыкновенной теплотой и нежностью бывшие интердомовцы говорят о той удивительной атмосфере всеобщего братства, товарищества, взаимовыручки, которая царила в доме на Красной Талке.

Когда прибывали посылки или подарки от родных, они делились поровну на всех. Нарядных платьев и праздничных костюмов было мало и на всех не хватало, поэтому их передавали друг другу и надевали в торжественных случаях по очереди. Здесь не было слова «мое», здесь признавали только слово «наше». Письма из дома от родных читались вслух. Воспитанники детского дома считали и до сих пор считают друг друга связанными кровным родством, все они были братья и сестры, одна большая семья. Неудивительно, что сама эта атмосфера воспитывала хороших, честных людей, умеющих ценить дружбу и знающих цену интернациональной солидарности. Когда началась Великая Отечественная война, все интердомовцы дружно стали проситься на фронт, чтобы защищать свою вторую родину.

Война застала братьев Виво в Ленинграде, куда они в 1940 году приехали для продолжения учебы. Альдо поступил в мореходное училище — он бредил Жюлем Верном, Стивенсоном и мечтал стать моряком. А Хорхе начал учиться в медицинском училище.

22 июня был воскресный день. Город еще спал. По набережным Невы гуляли выпускники школ, встречая новый день. Ленинградцы строили планы, как провести выходной: сделать покупки, сходить в театр или в кино, а может быть, и на футбольный матч — ведь сегодня ленинградская «Красная Заря» должна была играть с сильнейшей командой страны — московским «Динамо». Но в полдень по радио объявили о предстоящем важном правительственном сообщении. Ленинградцы, как и все советские люди, узнали: война!

Сообщение о начале войны застало Хорхе на стадионе, на тренировке студенческой футбольной команды, в которой он был нападающим. Прямо со стадиона Хорхе и его однокурсники отправились в ближайший военкомат — проситься добровольцами на фронт. 100 тысяч ленинградцев явилось в первый день в военкоматы с требованием отправить их в действующую армию.

Альдо в этот день был далеко от Ленинграда: он проходил практику на учебном судне в Балтийском море, близ города Риги. Услышав известие о начале войны, экипаж принял решение — взять курс к берегам Ленинграда и переоборудовать учебное судно в боевое. Вернувшись в Ленинград, Альдо также начинает обивать пороги военкоматов...

В военкомате Василеостровского района города Ленинграда сохранилась справка, в которой сообщается, что действительно 5 июля 1941 года Альдо Виво, 1924 года рождения, был призван добровольно в Красную Армию и направлен в ленинградское народное ополчение. К справке было приложено написанное по-русски от руки заявление Альдо.

Слезы наворачиваются на глаза, когда читаешь эти строки: «Прошу принять меня добровольцем в Красную Армию. Сейчас мне не хватает до 18 лет шести

месяцев, но я полон энергии и готовности отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь на борьбу с фашистскими извергами. Обещаю с честью оправдать оказанное мне доверие».

В музее истории Ленинграда мне показали несколько писем от ветеранов войны, к которым музей обратился с просьбой вспомнить все, что они знали или слышали об Альдо и Хорхе Виво.

«Альдо — я слышала такое имя,— пишет ленинградская пенсионерка участница обороны Ленинграда Александра Савельева.— Помню, в поселок, где мы стояли, пришел десантный полк — на отдых и пополнение. Мы случайно встретились, разговорились и познакомились. Он сказал свое имя, но почему-то говорил, что он — американец, из Америки. Очень красивый парень, среднего роста, говорил по-русски без акцента. Возраст можно дать 21—22 года, одет в форму десантника. Мы с ним встречались несколько раз. Потом их часть отправили на боевые позиции. Обещал писать, но писем так и не было».

Вспоминает ветеран войны, живущий ныне в городе Иваново, Василий Струнников: «В памяти туманно всплыл фронтовой разговор: кто-то сказал однажды, что в нашей дивизии воюет один кубинец. Память уже стала изменять мне, но что-то вяжется с Невским «пятачком», с ноябрем 1941 года. Именно там я услышал это имя — Альдо Виво».

О том, как погиб Альдо, существует несколько версий.

Хорхе помнит, что кто-то из однополчан рассказал такую историю... В одну из ноябрьских ночей 1941 года Альдо вместе с группой разведчиков — таких же отчаянных парней, как он сам, попытались переправиться на левый берег Невы, чтобы взять «языка». В то время переправа через Неву в районе «пятачка» была

делом небывалой храбрости. Немцы сконцентрировали против Невского плацдарма сильную артиллерийскую группу, которая держала под постоянным обстрелом пятисотметровое расстояние от берега до берега. Лодка с разведчиками была засечена противником и обстреляна шквальным артиллерийским и минометным огнем. Все находившиеся там бойцы погибли...

— Нет, тогда Альдо был только тяжело ранен, и, когда его отправляли в госпиталь, никто не надеялся, что он выживет,— говорит бывший комиссар дивизии, в которой воевал доброволец из Латинской Америки, 80-летний Федор Овечкин. Он узнал Альдо по фотографиям, которые я привезла из Мексики, и сказал, что, по его мнению, Альдо воевал до весны 1943 года при политотделе дивизии в группе по разложению войск противника. Погиб Альдо, по словам комиссара, когда пытался тайно проникнуть в расположение противника для сбора разведывательной информации.

А ленинградский энтузиаст, ведущий поиск испанских и латиноамериканских участников обороны Ленинграда, В. Г. Даев считает, что Альдо погиб 5 ноября 1941 года. Он поднял бойцов в атаку. Вражеская пуля сразила его в тот момент, когда он закинул руку, чтобы бросить гранату. Тело героя перевезли на другой берег и там похоронили в братской могиле.

Как все было на самом деле, еще предстоит узнать. Поиск однополчан Альдо — непосредственных свидетелей его гибели продолжается...

Но как бы то ни было, нет сомнений, что погиб Альдо смертью храбрых. Ведь он воевал на Невском «пятачке»...

Федор Яковлевич Овечкин, прошедший всю войну до самого Берлина, видевший на своем веку множество боев — больших и малых, считает, что все они бледнеют по сравнению с тем, что было близ Невской

Дубровки. По числу погибших и героев на квадратный метр этот клочок земли, говорит ветеран, не знал себе равных. Схватки здесь шли буквально за каждый сантиметр земли. С самого начала Великой Отечественной войны немцы в районе Невской Дубровки не смогли продвинуться ни на один дюйм, потому что на их пути стояла стальная стена из сплава мужества и героизма. Из каждых десяти воинов здесь погибло восемь.

Многое из того, что было на Невском «пятачке», сегодня кажется фантастическим, небывалым, говорит Федор Овечкин. На этой полоске приневской земли, словно у подножия вулкана, застыли тонны пепла и слой металла. Поселок Невская Дубровка, ставший в годы обороны средоточием всех боевых усилий по прорыву блокады, был полностью сожжен и разрушен. Были разбиты в щепки и сожжены близлежащие леса, и тем не менее фашистам так и не удалось переправиться на правый берег. Нева оставалась советской территорией от Ладожского озера до Балтики. Это был, считает Овечкин, один из самых выдающихся, самых потрясающих, самых ярких примеров массового героизма и подвига армии и народа в истории Великой Отечественной войны.

На Невском «пятачке» сложил свою голову солдат-интернационалист Альдо Виво. Его жизнь оборвалась несправедливо рано — в 17 лет! Но это была смерть, поднимающая человека над всей жизнью. Смерть во имя жизни. Ценой собственной жизни такие, как Альдо, сохранили жизнь тем, кто был за их спиной, в блокированном Ленинграде, став — пусть крошечной! — частицей Победы. Это вершина возможного.

Перед отъездом из Ленинграда я посетила новый мемориальный комплекс, посвященный защитникам города — павшим и живым. Это воплощенная в камне

память потомков обо всех, кто защищал город на Неве, о военачальниках и рядовых солдатах, о летчиках и моряках, партизанах и ополченцах... На цоколе памятника выбиты слова: «О камни, будьте стойкими как люди!» Ленинград дал миру новые мерки мужества, чести, человеческой стойкости и силы духа... Возрожденный город воздает сегодня почести каждому поименно. В том числе и добровольцу из Латинской Америки Альдо Виво.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1985 года за мужество и отвагу, проявленные в боях против немецкого фашизма, кубинец-интернационалист Альдо Виво посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Своей высшей наградой — орденом Эрнесто Че Гевары первой степени наградил Альдо Виво Государственный совет Республики Куба. «Государственный совет считает,— говорится в Указе, подписанном Фиделем Кастро,— что награждение кубинского интернационалиста орденом Эрнесто Че Гевары первой степени в связи с 40-летней годовщиной разгрома фашизма, знаменует собой посмертное чествование человека, внесшего вклад в освобождение территории СССР и других стран Европы, над которыми сегодня развеваются флаги социализма, за что Альдо Виво отдал свою молодую жизнь».

Жизнь и смерть Альдо, а также судьба его старшего брата Хорхе станут сюжетом многосерийного телефильма, над созданием которого работают два кубинских кинематографиста — Рауль Гарсиа Риверон и Хорхе Алонсо Падилья.

Заслуженные почести воздает советский народ и старшему из двух братьев — Хорхе, единственному из оставшихся в живых латиноамериканских добровольцев, сражавшихся на советско-германском фронте.

62-летний ветеран из Мексики был почетным гостем Советской страны на праздновании 40-летия Великой Победы над немецким фашизмом.

...С волнением ехала я в международный аэропорт Шереметьево встречать Хорхе Виво. Вместе со мной в аэропорт направлялись его бывший однополчанин и друг по Монинскому интердому Карло Драгутин Вареско, хорват по национальности, а также дочь Хорхе от русской жены — Нелли со своим сыном Леонидом. Их волнение было еще большим: ведь Нелли вообще никогда не видела своего отца, больше того, она считала, что он — испанец и погиб на войне.

Быстро пройдя все таможенные формальности, Хорхе вбежал в зал ожидания, роняя от нервного напряжения на ходу сумки и пакеты с подарками.

Когда я подвела его к дочери, он безошибочно узнал ее: оказывается, Нелли как две капли воды похожа на родную сестру Хорхе, тоже живущую в Мехико,— Сильвию. «Доченька моя, здравствуй»,— сказал он по-русски.

— А это твой внук, Леонид,— представила я Хорхе 12-летнего мальчугана в пионерском галстуке.

— А вот этого человека угадай сам,— сказала я, показывая на Карло. Хорхе долго всматривался в его лицо и потом робко, неуверенно спросил: «Неужели это ты, Карлос?» — и два друга, ничего не знавшие один о другом почти 50 лет, горячо обнялись.

По дороге из аэропорта Хорхе с жадным любопытством вглядывался в изменившийся облик города. Возле березовой рощи он попросил остановить машину. Подошел к уже начинающим зеленеть березкам, обнял их, опустился на колени. «Здравствуй, Россия!»

Так спустя 40 лет участник Великой Отечественной войны Хорхе Виво вновь ступил на русскую землю, за которую он четыре десятилетия назад сражался

с оружием в руках бок о бок с советскими солдатами.

Ровно 50 лет назад, летом 1935 года, 12-летним мальчиком он, сын кубинского революционера, подвергавшегося на родине преследованиям полиции, был нелегально привезен из Гаваны в Советский Союз.

В 1936 году в детском журнале «Пионер» появилось открытое письмо советским детям, подписанное именем Георг В. За этим псевдонимом скрывался Хорхе Виво. «Со всех сторон остров Куба, откуда я приехал, окружен морем,— писал маленький патриот.— Я уехал оттуда, когда мне было 12 лет, но я часто вспоминаю своих боевых друзей, с которыми мы вместе работали в одной пионерской организации. Я был секретарем нашей пионерской группы. Собирались мы тайком в парке или на глухой улице. Когда кончались занятия, мы шли продавать революционные газеты. Конечно, открыто их продавать было нельзя. Поэтому мы делали так: внутрь буржуазной газеты клали революционную. Мы заходили в рестораны, продавали там и на улицах. Конечно, нам доставалось от полицейских, поэтому мы ходили не вместе, а стояли неподалеку друг от друга, чтобы помочь в случае беды...

Мой самый лучший друг в Советском Союзе — это негр Нилли из Африки. Мы часто говорим с ним о том, как было бы хорошо устроить везде такую же прекрасную жизнь, как в Советской стране. Здесь для каждого человека есть счастливое место в жизни».

Летом 1946 года Хорхе навсегда уезжает из СССР и поселяется в Мексике, куда еще в 1939 году переехал его отец.

И вот сейчас ветерану предстояло совершить поездку по местам своей юности, вернуться на 50 лет назад...

Когда Хорхе Виво спросили, какой советский город он хотел бы посетить в первую очередь, он назвал

Иваново. Ведь именно здесь он провел первые годы своей жизни в Советской России. Именно здесь, в Ивановском интердоме, он получил первые уроки пролетарской солидарности, братства, интернационализма.

Вместе с Хорхе мы едем в город его детства.

С большим интересом слушает Хорхе пояснения представителя местных властей, сопровождавшего нас в поездке по городу. Сегодня Иваново — крупнейший текстильный центр Советской страны, или, как его здесь называют, город «красных ткачей». Каждый третий метр ткани, выпускаемой в Советском Союзе,— ивановский. Главная улица города — проспект Текстильщиков — украшена яркими красочными портретами. На них изображены самые обыкновенные ивановские ткачихи, которые прославились на всю страну своими трудовыми успехами. Все они удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

«Потрясен тем почетом и уважением, которым пользуется у вас человек труда» — такую запись оставил гость из Мексики в книге отзывов Музея первого Совета.

С волнением переступал Хорхе Виво порог Ивановского интернационального детского дома, где он жил в 1935—1937 годах. Приезд бывшего воспитанника интердома был приятной неожиданностью для всех. Ведь до недавнего времени Хорхе Виво числился в списках погибших. Писатель Валентин Томин, автор книги «Дом на Красной Талке», писал о его судьбе: «Виво Георг. О нем известно немногое — сын кубинского революционера, ушел в первые дни войны в Красную Армию и погиб на Ленинградском фронте». А он приезжает, живой и невредимый, и, улыбаясь, цитирует Марка Твена: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». Дай бог, чтобы таких ошибок и таких чудесных воскрешений было как можно больше...

Когда после занятий нынешние воспитанники детдома — а здесь живет сегодня свыше 300 мальчишек и девчонок из 28 стран мира — собрались в актовом зале на встречу с гостем из Мексики, то вопросам не было конца: «Какие отметки Вы получали?», «Были ли Вы примерным учеником?», «Убегали ли с уроков?», «Сколько Вам было лет, когда Вы пошли на фронт?», «Когда и за что получили медаль?», «Какие изменения Вы увидели в СССР, приехав сюда через 40 лет?»

И Хорхе рассказывал со всей откровенностью, что они были самыми обыкновенными мальчишками, отчаянными и озорными, случалось, и с уроков убегали, но когда над страной нависла беда, они, не колеблясь ни секунды, отправились добровольцами на фронт, чтобы защищать свою вторую родину.

А потом дети стали рассказывать Хорхе о себе, о своей жизни, о том, что привело их сюда, и оказалось, что каждого из них, даже самого маленького — из «нулевочки», как называют здесь учеников нулевого, подготовительного класса, уже коснулось недетское горе и страдание.

Не потому ли в глубине их глаз, даже когда они смеются, все равно спрятана грусть?

...Вот целая семья из Гватемалы — девять детей бывшего профсоюзного лидера страны. На их глазах полицейские жестоко расправились с родителями. Оставшихся сиротами детей как родных принял советский народ.

...Девятилетний мальчуган из Гаити впервые идет на первомайскую демонстрацию. По традиции праздничную манифестацию в Иваново открывает колонна интердетдомовцев — детей пролетарской солидарности. С удивлением смотрит юный гаитянец на это всеобщее ликование: люди поют, смеются, танцуют. Растерянный, он отходит в сторону и высыпает из карма-

26 Заказ № 212

нов груду камней: он и не знал, что демонстрация может быть выражением счастья и радости...

...Когда семилетнего палестинца, у которого при бомбежке погибли все родные, спросили: «Ну как, нравится тебе наш русский лес?», он с грустью ответил: «Нет, очень редкий. От самолетов не спрячешься».

Сегодня эти дети нашли в Советской стране не только приют, но и сердечное тепло, родительскую ласку, заново обрели здесь свое детство.

— Уверен, что вы так же, как и я, навсегда сохраните в своем сердце благодарность к этому дому, к советским людям, приютившим и согревшим вас. Не сомневаюсь, что вы на всю жизнь останетесь верны тем высоким нравственным принципам, тем урокам интернационализма, которые дала вам эта школа,— скажет Хорхе интердетдомовцам на прощание.

Немало волнующих событий и неожиданных встреч было у ветерана в Ленинграде — городе, где его застала война и откуда он добровольцем ушел на фронт.

Начать с того, что Хорхе Виво поселился в знаменитой гостинице «Астория», той самой, где Гитлер планировал осенью 1941 года провести банкет по случаю взятия города на Неве и уже разослал всем почетным гостям пригласительные билеты... Сегодня Ленинград чествовал тех, кто не позволил состояться этому банкету. Среди почетных гостей этого праздника был и Хорхе Виво.

Из окон его гостиничного номера открывался прекрасный вид на золотой купол Исаакиевского собора.

«А тогда, в 41-м, он был закрашен серой краской: видимый в хорошую погоду за 30 километров, купол мог бы служить прекрасным ориентиром для противника,— вспоминает бывший ленинградский партизан.

— Закрываю глаза и словно вижу Ленинград тех далеких блокадных дней: занесенные снегом улицы,

окоченевшие трупы у подъездов, оборванные провода, разрушенные бомбами дома, застывшие посреди дороги трамваи и троллейбусы и не прекращающийся ни днем ни ночью мерный стук метронома, доносящийся из радиоприемников и уличных громкоговорителей... Как радостно сегодня видеть Ленинград снова молодым, снова прекрасным, снова мирным, сияющим позолотой своих куполов и шпилей!»

Однажды утром в номере Хорхе раздался телефонный звонок. Взволнованный голос попросил к аппарату «товарища Виво».

— Георгий, неужели это ты?— прерывающимся от волнения голосом спросили на том конце провода.— Это говорит Иван, твой партизанский командир. Бери машину и немедленно приезжай ко мне.

Через полчаса мы с Хорхе подъезжали к дому номер 28 на Товарищеском проспекте. У одного из подъездов нетерпеливо ходил высокий худощавый мужчина со шрамом на лице... Трудно описать словами эту встречу двух боевых друзей, считавших друг друга погибшими. У всех, кто при этом присутствовал, на глазах выступили слезы.

70-летний Иван Курсов, ныне ленинградский пенсионер, считает, что своей жизнью он обязан «испанцу Виво», как он его тогда называл...

Это случилось 24 октября 1941 года, на рассвете. Партизанская группа, которой командовал Иван Курсов, получила задание взорвать немецкий штаб. Группа была обнаружена и обстреляна шквальным минометным огнем. Лежавший рядом с Хорхе испанец Армандо был убит наповал. Тяжелое ранение в живот получил и сам командир. Хорхе, задетый осколками в нескольких местах, превозмогая боль, вытащил своего командира из-под огня, а Иван был гораздо выше и плотнее Хорхе: он весил почти 100 килограммов. Хорхе тогда не

знал, что командир все-таки останется жив, что он получит еще пять серьезных ранений и дойдет до самого Берлина. Но пять осколков останутся в нем навсегда...

Вместе со своим бывшим командиром Хорхе побывал на том месте, где он принял последний бой. Сегодня здесь раскинулись новые жилые кварталы города и возведен огромный мемориальный комплекс в честь защитников Ленинграда. А тогда на этом месте проходила линия фронта, и в память об этом ленинградцы сохранили бывшие солдатские землянки, окопы и траншеи.

Вместе со своими бывшими однополчанами Хорхе совершил поездку и на знаменитый Невский «пятачок», где он получил первое боевое крещение. С волнением вчитывался он в слова, высеченные на установленном здесь обелиске:

«Вы
Живые
Знайте
что с этой земли
Мы уйти не хотели
И не ушли
Мы стояли насмерть
у темной Невы
Мы погибли
чтоб жили вы».

Долго стоял Хорхе возле могилы своего младшего брата на другом берегу Невы и, опустившись на колени, гладил рукой выгравированное на камне имя...

А потом ветеран побывал на самом празднике Победы. 8 мая ему в торжественной обстановке была вручена медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.».

Эта церемония состоялась в Москве в Музее Вооруженных Сил.

Как почетный гость он был приглашен на торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов, где с речью выступил советский руководитель Михаил Сергеевич Горбачев. Довелось Хорхе присутствовать и на праздничном Параде Победы, который состоялся 9 мая 1985 года на Красной площади. Вместе со своим русским внуком Леонидом он находился на трибуне почетных гостей рядом с Мавзолеем В. И. Ленина. Как дорогого гостя принимали Хорхе Виво в Комитете ветеранов войны, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, в школах и институтах, на заводах и в колхозах. Его снимало телевидение, интервьюировали многочисленные корреспонденты...

Хорхе признался, что он не ожидал этих почестей, этого внимания, внезапно обрушившегося на него. Будучи человеком исключительной скромности, он все эти 40 лет молчал, думая, что ему не поверят, да и не поймут. Он был уверен, что все прошедшее — это лишь факт его биографии, его судьбы и все это уйдет вместе с ним. Он полагал, что в Советском Союзе о нем никто никогда не вспомнит. Как же глубоко он ошибался!.. Ведь все эти годы о нем не только помнили — его искали десятки людей. Мы торопились, чтобы воздать должное неизвестным героям еще при их жизни...

5 сентября 1985 года газета «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении мексиканского гражданина Хорхе Виво, участника партизанского движения в СССР, за мужество и героизм, проявленные в годы второй мировой войны, орденом Отечественной войны II степени.

«Советский народ всегда помнит тех, кто боролся в одних рядах вместе с ним против фашизма, за мир

и за счастливую жизнь для нынешних и грядущих поколений»,— напишет в своей телеграмме, адресованной Хорхе Виво, один из «виновников» этого торжества, известный советский ученый, директор Института Латинской Америки АН СССР В. В. Вольский. Ведь это он первым в нашей стране узнал от старого мексиканского профессора-географа, отца братьев Виво, и первым сообщил в советской печати, что на Ленинградском фронте сражались за Россию два добровольца из Латинской Америки. Именно с этой строчки, опубликованной в журнале «Латинская Америка», и начался мой многолетний поиск.

Известие о награждении Хорхе взволновало всех его друзей, однокашников, однополчан, коллег как в Советском Союзе, так и в Мексике. В государственной нефтяной кампании «Пемекс», где Хорхе Виво трудится уже почти 40 лет, устроили торжественный банкет в честь «русского мексиканца», как его здесь называют. Героя чествовали в посольстве СССР в Мексике, в Институте дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР».

Но, не скрою, особую радость это известие доставило мне. Ведь мне посчастливилось первой отыскать его в Мексике, сопровождать его в поездке по СССР и первой сообщить мексиканскому ветерану о присужденной ему Советским правительством награде. Хорхе Виво стал для меня гораздо большим, чем просто героем моих очерков. Он стал членом моей семьи.

«Инна, сестра моя, ты произвела настоящую революцию в моей жизни и в моей судьбе»,— напишет мне потом Хорхе после того, как посол СССР в Мексике в присутствии многочисленных представителей прессы прикрепит ему на грудь советский орден.

— Эта награда перевернула всю мою душу. Она заставила меня по-иному взглянуть на жизнь, она вер-

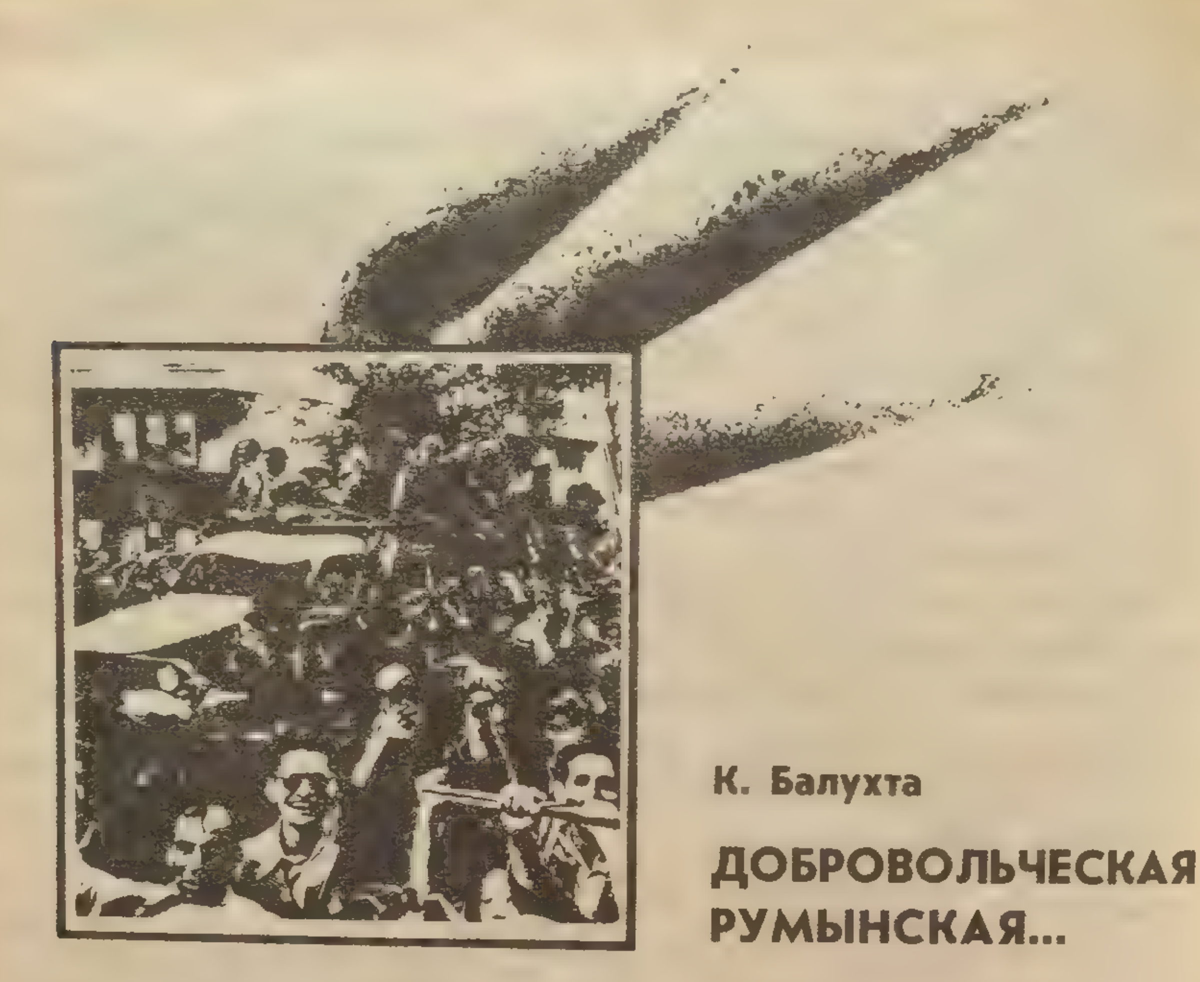
нула мне веру в людей, веру в себя. Сегодня я, наверное, самый счастливый человек среди 18 миллионов жителей мексиканской столицы. Ведь счастье — это прежде всего понимание, что ты нужен людям, это осознание, что ты не напрасно жил, страдал, терпел лишения, боролся и проливал свою кровь. Спасибо вам за то, что вы ничего не забыли, что замечательные слова, выбитые на мраморе: «Никто не забыт и ничто не забыто»— это для вас не только красивая фраза. Это вошло в вашу плоть и кровь, стало сутью советского характера».

Иногда приходится слышать: а зачем все эти почести и награды столько лет спустя? Нужны ли мертвым ордена? Зачем бередить старые раны и вообще имеем ли мы право вторгаться в чью-то жизнь? Нужно ли заставлять людей снова и снова вспоминать те страшные годы?

Да, нужно, потому что память о войне минувшей — это протест против войны будущей.

Да, нужно, потому что время бежит очень быстро. Редеют ряды ветеранов. Годы, как пули, выбивают из жизни одного за другим живых участников великой битвы с фашизмом. Воздадим же должное каждому, кто внес — пусть небольшой — вклад в общую Победу.

Вспомним добрым словом не только полководцев, но и рядовых солдат Великой битвы.



К. Балухта

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ РУМЫНСКАЯ...

Жизнь Румынии в 1940 году резко пошла от плохого к худшему. 6 сентября генерал Антонеску установил в стране кровавый режим военно-фашистской диктатуры. 23 ноября новоявленный бухарестский фюрер «пристегнул» родину к Берлинскому пакту. 4 декабря — вовсе продал отечество Гитлеру, подписав соглашение, которое ставило развитие румынской экономики в прямую зависимость от потребностей «нового европейского порядка». В Румынию немедленно вступили гитлеровские войска, растянулись вдоль румыно-советской границы, заняв все стратегические пункты. Народ превратился в слугу двух господ-уголовников; буржуазия и помещики благоденствовали, видя в таком альянсе скорое осуществление своих планов по созданию «ве-

ликой Румынии», в которую бы входили советские земли вплоть до Буга, включая Одессу.

22 июня 1941 года полчища гитлеровских головорезов вместе с тринадцатью румынскими дивизиями и девятью бригадами ринулись на территорию СССР.

«Уже первые бои на советской территории со всей очевидностью показали, что хвастливые заверения фашистской пропаганды о «скорой победе» — блеф чистой воды,— рассказывал полковник румынской армии Николае Камбря.— Едва переправившись через пограничный Прут, мы столкнулись с прекрасно организованной обороной. Попытки расширить плацдарм закончились безрезультатно. К нам в дивизию приехал «маршал» Антонеску, обеспокоенный топтанием на месте. Он приказал в категорической форме наступать. Но это привело лишь к бесцельным жертвам. А вскоре нас контратаковали. Как сейчас, помню эту смелую контратаку советских бойцов, наступавших под развернутым Красным знаменем. В том бою был полностью уничтожен наш артиллерийский полк, потрепаны другие части. Войска охватила паника. Командир дивизии вместе с гитлеровским советником-майором сбежали. Дело кончилось тем, что дивизию расформировали, передав ее уцелевшие части другим соединениям. Мне пришлось воевать и под Одессой, где мы понесли жестočайшие потери. Моральный дух нашей армии был низкий. Солдаты не хотели воевать за чуждые им интересы вдали от своих очагов».

8 июля 1941 года Центральный Комитет КПР выпустил воззвание: «Историческая ответственность Коммунистической партии Румынии перед румынским народом состоит в том, чтобы организовать в Румынии борьбу на стороне великого советского народа и порабощенных народов для уничтожения кровавого немецкого фашизма и его прислужников во всех странах.

для изгнания немецких оккупантов из Румынии, для свержения находящейся у власти банды предателей во главе с Антонеску, за освобождение страны из-под немецкого кровавого ига, за победу СССР, за свободную и независимую Румынию».

Коммунистическая партия Румынии явилась единственной политической силой в стране, которая ясно разобралась в сложившейся обстановке, правильно понимала национальные интересы народа.

Чем дальше продвигались захватчики на восток, тем больше разгорался аппетит бухарестской правящей верхушки. Теперь она мечтала «масштабней» — о «великой Румынии до ворот Азии». Гитлер на этот счет не скупился: лишь бы Румыния исправно поставляла на фронт нефть, продовольствие, а главное, пушечное мясо. В беседе с Антонеску 27 ноября 1941 года он сказал: «Ваши права и власть на Востоке неограниченны: берите столько, сколько считаете необходимым».

И они «брали». «Специальные команды,— писал начальник штаба 2-го Украинского фронта генерал М. В. Захаров,— созданные с ведома правителей королевской Румынии, на кораблях и по железным дорогам вывозили из Советского Союза станочное оборудование заводов и фабрик, сельскохозяйственный инвентарь колхозов и совхозов. Картины и скульптуры дворцов и музеев, костюмы и партитуру театров, врачебный инструментарий больниц и клиник, личные вещи советских граждан и домашнюю утварь — все тащили фашистские мародеры, а затем на бухарестских улицах открывали магазины по продаже награбленного».

Вместе с тем жизненный уровень простого народа катастрофически приближался к черте нищенского существования из-за бесконечных поборов и реквизиций для нужд войны во имя «великой Румынии до

ворот Азии». Достаточно сказать, что потребление сахара на душу населения Румынии приходилось в 6—10 раз меньше, чем в других странах Европы.

«Чем дальше мы продвигались на восток,— вспоминал подполковник румынской армии Якоб Теклу,— тем мрачнее становились лица наших солдат, я не видел человеческих глаз — все смотрели в землю. Было больно за боль советского народа, было страшно терпеть позорище той трагедии, которая обрушилась на нас. И меня, как и многих других, не покидала мысль — уйти из этой армии, перейти к советским, направить оружие против тех, которые погнали нас на восток. Эти мысли находили все большее распространение в армии, их постоянно и настойчиво проводили представители румынских коммунистов. После долгих бесед с другими офицерами полка, с сержантами и рядовыми темной ночью мы всем полком, со всем снаряжением перешли линию фронта и сдались в плен советским войскам».

В плен попал и полковник Н. Камбря. Начало Сталинградской битвы застало его в должности начальника штаба 5-й пехотной дивизии, которая вскоре оказалась в «котле». 22 ноября 1942 года дивизия вместе с ее командиром генералом Мазарини сложила оружие. «В плен я попал уже убежденным в неизбежном поражении гитлеровской Германии,— рассказывал Н. Камбря.— К этому выводу я пришел на основании горького опыта офицера, воевавшего против Советской Армии с первого дня войны».

В лагерях СССР к тому времени насчитывались десятки тысяч военнопленных румын.

В январе 1942 года в лагере № 99 состоялась первая конференция румынских военнопленных, подготов-

ленная Заграничным руководством ЦК КПР и Румынским национальным блоком в СССР. На конференции присутствовало 876 человек. Делегаты приняли воззвание «К румынскому народу и армии», в котором говорилось: «Спасение родины в наших руках. Спасение Румынии состоит в немедленном прекращении войны. Но ни Гитлер, ни Антонеску добровольно не прекратят войны. Только румынский народ и армия могут положить конец этой войне. Для этого необходимы немедленные и решительные действия как на фронте, так и в тылу».

Участники конференции обратились к советскому командованию с просьбой довести это воззвание всеми возможными средствами до румынского народа и армии, а также до всех румынских военнопленных, находящихся в СССР. Кроме того, ходатайствовали о разрешении издавать свою газету. Через месяц вышел первый номер газеты военнопленных румын «Грайул либер» («Свободное слово»). Редактором ее стал Д. Петреску.

В апреле 1942 года с воззванием к румынскому народу и армии прекратить войну против Советского Союза и активно включиться в антифашистскую борьбу обратилось 1397 военнопленных румын других лагерей.

2 февраля 1943 года 2700 солдат и 43 офицера подали Советскому правительству рапорт, в котором просили дать им оружие в руки и направить на фронт, так как они считают своим долгом бороться вместе с Красной Армией за победу над общим врагом советского и румынского народов и таким путем хотят смыть с себя пятно позора, лежащее на них и их стране за участие Румынии в войне против СССР. Аналогичного содержания заявления, коллективные и индивидуальные, получило и советское командование от нескольких тысяч военнопленных румын.

Правительство СССР с пониманием отнеслось к этой просьбе, предложило румынским антифашистам самим определить форму участия в вооруженной борьбе с фашизмом за освобождение своей страны.

3—4 сентября 1943 года в подмосковном городе Красногорске в помещении антифашистской школы состоялась вторая конференция, которая насчитывала более двух тысяч делегатов от румынских военнопленных всех лагерей. Президиум конференции представляли: коммунисты-антифашисты Дмитру Петреску, Анна Паукер, Георге Стойка; военнопленные Николае Камбря, Якоб Теклу и другие; полковник Советской Армии Самойлов.

Выступления делегатов были однозначны: путь военнопленных румын — это путь борьбы против военно-фашистской диктатуры Антонеску, против немецкого фашизма, за свободу и независимость румынского народа, за дружбу с великим Советским Союзом.

16 сентября 1943 года на специальном совещании представители румынских военнопленных всех лагерей единогласно приняли резолюцию: просить Советское правительство дать разрешение на формирование на советской территории добровольческих частей из румын-антифашистов. «Мы,— говорилось в просьбе,— воодушевлены горячим желанием бороться бок о бок со славной Красной Армией, совместно со всеми антигитлеровскими силами для быстрейшего разгрома гитлеровской армии и освобождения от немецко-фашистского ига всех свободолюбивых народов и вместе с ними и нашего народа».

2 октября 1943 года Советское правительство дало на эту просьбу положительный ответ. Через день, 4 октября, Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о формировании румынской добровольческой пехотной дивизии численностью десять тысяч солдат и офицеров.

Полковник Н. Камбря был назначен командиром этой дивизии, подполковник Л. Тульчану — его заместителем по культурно-воспитательной работе, подполковник Я. Теклу — начальником штаба. Первыми в дивизию вступили 30 румынских эмигрантов-антифашистов, большинство из которых сражались за свободу в Испании: П. Борилэ, Г. Стойка, М. Бурка, С. Шевченко, С. Мунтян, М. Лунгу и другие.

«Солдаты и младшие командиры — сержанты, старшины все как один изъявили желание сражаться против фашизма и внести свой вклад в освобождение Румынии,— вспоминал командир дивизии Н. Камбря.— Среди офицеров было немало и таких, кто не одобрял нашей инициативы, а многие предпочитали не рисковать и отсидеться в лагерях до окончания войны. Тогда я окончательно понял разницу между народом — носителем подлинно патриотических традиций и правящими кругами буржуазно-помещичьей Румынии, выходцами из которых было большинство румынских офицеров. Впоследствии выяснилось, что 88 % пленных солдат и младших командиров подали прошения зачислить их добровольцами. А из 8000 пленных офицеров записалось только 520 человек. Таким образом, если солдат было достаточно для формирования четырех дивизий, то офицеров не хватало для укомплектования командными кадрами и одной дивизии». Советское командование помогло решить эту проблему: в Рязанском пехотном училище был создан специальный учебный центр, который подготовил по программе ускоренного курса 321 офицера из бывших военнопленных румынских солдат.

Советское командование также взяло на себя заботу по оснащению добровольческой румынской дивизии, передав ей 2116 автоматов, 5244 винтовки, 858 пистолетов, 605 ручных и станковых пулеметов, 212 про-

тивотанковых ружей, 160 минометов разных калибров, 48 пушек 45-мм, 12 — 76-мм, 20 — 76-мм, 12 гаубиц 122-мм, 59 радиостанций, 6 легковых автомашин, 98 — грузовых, 17 специальных машин, 44 тягача («студебеккера») и много другого оружия, снаряжения, имущества.

В связи с пожеланиями добровольцев дивизии было присвоено имя национального героя румынского народа Тудора Владимиреску, символизирующее возрождение исторических традиций румыно-русского боевого содружества, стремление к социальному освобождению румынского народа.

В дивизии стала издаваться ежедневная солдатская газета «Ынаинте» («Вперед»).

15 ноября 1943 года на берегу Оки, в Сельцах, под Рязанью, на территории, относящейся к Московскому военному округу, 1-я добровольческая румынская пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску приступила к боевой и политической подготовке.

В этот день, 15 ноября 1943 года, маршал Антонеску письменно отвечал Гитлеру на его требование «немедленно сделать новый военный вклад перед лицом усиливающейся опасности». Опасность исходила от Красной Армии, нанесшей мощный удар на южном крыле советско-германского фронта. «Ваше превосходительство,— писал Антонеску фюреру.— В 1942 году Румыния, идя вместе с немецкой армией в борьбе против большевистской армии, сделала самый большой вклад из всех европейских стран: двадцать шесть дивизий, укомплектованных наилучшим составом и вооружением. Мы потеряли восемнадцать дивизий на Дону и под Сталинградом в результате советского окружения. В боях на Кубани восемь дивизий в течение года

потеряли в общей сложности 25 % вооружения, считая только то, которое было послано из Румынии. Семь из этих дивизий в настоящее время отрезаны в Крыму, а восьмая, сформированная из оставшихся после Донской операции сил, сокращена на $^{1}/_{3}$ в результате боев в Ногайских степях. Мы до настоящего времени потеряли четверть миллиона бойцов, не считая выздоравливающих раненых, и поглотили материальную часть почти двадцати дивизий. Мы несем жертвы, расходуя всю продукцию и весь наш импорт военного характера на содержание наших действующих частей, а также оккупационных и по охране побережья. Войска, мобилизованные внутри страны, в частности новобранцев, мы вынуждены одевать в летнее обмундирование. Говорят ли вам всегда правду относительно вклада Румынии в войну с 1941 года до настоящего времени: что эта война стоит Румынии 300 миллиардов лей; что за этот период мы дали Германии более 8 миллионов тонн нефти, угрожая своим национальным запасам и самим залежам».

Воины 1-й добровольческой румынской пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску носили национальную форму одежды и всю внутреннюю службу строили по своим уставам. Боевая же подготовка организовывалась по советским уставам и наставлениям, поскольку дивизии предстояло воевать в тесном взаимодействии с частями Красной Армии.

Не просто давалась румынским командирам и солдатам советская военная наука, однако они настойчиво постигали ее: осуществляли широкий маневр силами и средствами, вели бои в горно-лесистой местности, в городах и укрепленных районах, форсировали крупные водные преграды, действовали в ночных условиях.

Большую помощь в организации и проведении боевой подготовки дивизии оказали 158 советских офицеров-инструкторов, возглавляемых полковником А. С. Новиковым. Все они отменно владели румынским языком.

Богатый опыт партийно-политической и идейно-воспитательной работы в Красной Армии послужил румынским офицерам-коммунистам блестящим примером по организации культурно-воспитательной работы в своей дивизии. Боевая подготовка в Сельцах продолжалась четыре месяца.

«Мы стремились быстрее попасть на фронт,— вспоминал начальник штаба дивизии Я. Теклу.— Однако советское командование не торопилось. На это у него были основания. Первая комиссия выявила существенные пробелы в боевой подготовке дивизии. И вновь потекли недели усиленных занятий, боевой стрельбы...»

В конце марта 1944 года состоялась вторая проверка. На этот раз румынские добровольцы не подкачали. Генерал-майор К. А. Коваленко отметил в рапорте Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной Армии 30 марта 1944 года следующее: «Вторичная контрольная проверка 1-й румынской добровольческой дивизии показала, что командование дивизии и полков приняло энергичные меры по устранению недочетов, изложенных мною в докладе Вам после первого обследования дивизии.

В настоящее время весь личный состав дивизии вполне освоил материальную часть своего вооружения и может умело применить его в бою.

Достигнуты также положительные результаты по устранению недочетов в организации и проведении ближнего боя и по саперным работам.

В устранении недочетов и вообще во всей работе по сколачиванию румынской дивизии проделал большую работу полковник Новиков».

27 Заказ № 212

30 марта 1944 года личный состав дивизии приносил присягу. Присягу не на верность королю, как это делалось в румынской армии, а на верность трудовому народу Румынии. Каждый воин, встав под трехцветное знамя дивизии, торжественно произносил: «Клянусь моему народу бороться за его свободу и процветание... клянусь воевать за крепкую дружбу между Румынией и Советским Союзом, который дал мне возможность воевать с оружием в руках против общего врага — гитлеровской Германии; клянусь сохранять священное братство по оружию с Красной Армией».

Согласно распоряжению Генерального штаба румынская дивизия 5 и 6 апреля 1944 года со станций Дивово и Рыбное в 13 железнодорожных эшелонах отбыла на юг — в состав 2-го Украинского фронта.

«26 марта 1944 года,— вспоминал начальник штаба 2-го Украинского фронта генерал М. В. Захаров,— в ходе Великой Отечественной войны произошло знаменательное событие: войска 2-го Украинского фронта, решительно громя противника, на 85-километровом участке вышли к государственной границе СССР — реке Прут. С холмов, покрытых виноградниками, воины увидели серебристую ленту реки. Это и была долгожданная граница, откуда 33 месяца назад враг начал топтать и осквернять советскую землю».

Румыния была первой страной, к границе которой подошла Красная Армия.

2 апреля 1944 года Советским правительством было заявлено: «Советское Правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным

Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское Правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника».

Да, сопротивление противника на румынском участке фронта достигло крайнего напряжения. Достаточно сказать, что ко времени выхода советских войск к государственной границе там сконцентрировалось 64 вражеских соединения из 251, имевшихся на всем советско-германском фронте. «Лучше я потеряю белорусские леса, чем румынскую нефть»,— заявил по этому поводу Гитлер на одном из оперативных совещаний в своей берлинской ставке.

Тем не менее войска 2-го Украинского фронта стремительно продвигались вперед, круша усиленную оборону врага. «Ничего удивительного нет, если за время нахождения на позициях у меня волосы поседеют,— писал родственникам в Кунценформ эсэсовец из дивизии «Мертвая голова» Герберт Вансль.— Здесь — ужас, ад. Против нас — противник, вооруженный до зубов, сильный и храбрый. Наше теперешнее существование никак нельзя назвать человеческим. Сегодня пятая ночь, как я не смыкаю глаз. Сейчас русские подтягивают один танк за другим, роту за ротой. Скоро они пойдут в атаку. Их атаки — это наша смерть».

Советские войска успешно освобождали от фашистской нечисти десятки населенных пунктов Румынии в день. К середине апреля 1944 года их уже насчитывалось более 800.

Неоднозначно относились к советским воинам в освобожденных городах и селах Румынии. Уж слишком сильно действовал яд фашистской пропаганды. Однако гуманность красноармейцев, их доброе, деловое отношение к румынскому населению быстро плавило лед страха и недоверия. «Сейчас я убедился в том, как хорошо в действительности ведет себя Красная Армия,— сказал священник Мина Унгурену,— и я готов перейти линию фронта, чтобы рассказать всем румынам, военным и гражданским, что им нечего бояться Красной Армии». Крестьянин Ион Лазырь из села Конэлэу заявил: «Прихода Красной Армии боялись только те, которые верили немецкой пропаганде, а мы, старики, что воевали рядом с русскими в 1916 году против немцев, русских не боялись. Мы знаем, что русские являются нашими друзьями. Они нам помогли и в 1877 году завоевать независимость».

Ровно месяц добиралась румынская дивизия до места назначения по искалеченной войной железной дороге, под откосами которой в бесчисленном множестве валялись скелеты сгоревших составов. Взорванные мосты объезжали медленно — по деревянным времянкам, зловеще шатавшимся под тяжестью вагонов. Сутками простаивали на станциях, забитых эшелонами, осаждаемых тысячными толпами людей, лишенных крова, инвалидами, сиротами. Кровь в жилах стыла у румын при виде этой изможденной, голодной, одетой в лохмотья толпы, при виде городов, представлявших собой сплошные руины, при виде заводов — гигантских нагромождений исковерканного металла, при виде деревень, о которых можно было лишь догадываться по надгробьям сгоревших домов — печам.

К 7 мая 1944 года последний из 13 эшелонов до-

брался до места назначения, и 1-я добровольческая румынская пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску в полном составе сосредоточилась севернее Ямполя — в районе Дзыговки, где была принята комиссией 2-го Украинского фронта. Однако долгожданной команды выступить на передовую не последовало, а последовал приказ продолжить занятия боевой подготовкой. Для румынских антифашистов это явилось сущей пыткой.

Однако 20 августа 1944 года она закончилась. Началась Ясско-Кишиневская операция, в результате которой Красная Армия разгромила 22 немецко-фашистские дивизии, 60 отдельных частей и специальных подразделений, окружила и взяла в плен 3-ю румынскую армию. В этой операции было уничтожено и пленено около 300 тысяч фашистов. Советская Молдавия полностью была очищена от врага.

Ясско-Кишиневская операция лишила гитлеровцев и фашистский режим в Румынии боевой опоры, создала благоприятные условия для победы вооруженного восстания в Бухаресте, которое возглавила Коммунистическая партия Румынии. 23 августа 1944 года военно-фашистская диктатура в стране пала. 24 августа новое румынское правительство заявило о перемирии с СССР, а Германии объявило войну.

Румыния первая среди сателлитов Германии порвала с фашистским блоком и повернула оружие против гитлеровских войск.

Кровавый режим Антонеску обошелся стране страшной нищетой и разрухой, гибелью свыше 600 тысяч солдат и офицеров на советско-германском фронте.

«Памятный день 23 августа,— вспоминал командир дивизии румынских добровольцев Н. Камбря,— застал нас на марше в районе города Яссы. Трудно пере-

дать чувство радости, охватившее нас при получении сообщения о победе вооруженного антифашистского восстания в Бухаресте и свержении диктатуры Антонеску. В освобожденных Яссах мы узнали, что нашей дивизии предоставлено почетное право войти вместе с советскими частями в Бухарест. Командование 2-го Украинского фронта специально выделило для переброски дивизии к нашей столице автомобильный батальон...»

Приказ по этому поводу за подписями Р. Я. Малиновского, М. В. Захарова, И. З. Сусайкова гласил: «1.1-й румынской пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску в ночь на 29.8.44 г. продолжать марш в общем направлении на Бухарест.

Дневки иметь: 29.8 — Бултурешти, Доброшлэвештий, Сусень; 30.8 — Делений, Костешти; 31.8 — Крынчу, Ивешти, Гылка.

Дальнейшее движение дивизии по особому приказу.

2. Для быстрейшей переброски боевой части дивизии 28.8.44 к 15 часам в район Яссы будет подано 150 автомашин, на которые посадить от каждого батальона по 400 солдат из расчета по 80 солдат от трех стрелковых рот, пулеметную роту и спецчасти, исходя из расчета по 25 солдат на машину. Всего 48 машин на полк, а на три полка — 150.

Свои 160 машин использовать под спецчасть, артиллерию и боеприпасы. Солдат на машинах обеспечить продовольствием на 5 суток.

Обоз дивизии и тыла, а также солдат, не вошедших в расчет для перевозки автомашинами, направлять согласно пункту 1 данного приказа.

3. Дивизии на автотранспорте сосредоточиться по указанию представителя штаба фронта генерала Буренина [1] в районе Рымникул-Сэрат.

---

[1] И. Н. Буренин — генерал-майор, представитель штаба фронта при 1-й румынской пехотной дивизии, а затем был военным комендантом Бухареста.

Получение подтвердить, исполнение донести».

«...Не скрою,— продолжал Н. Камбря,— у командования дивизии были опасения, как бы некоторые солдаты, оказавшись в родных местах, не покинули самовольно свои подразделения, чтобы хоть немного побыть со своими близкими, увидеть родителей, жен, детей. Но эти опасения оказались напрасными. Солдаты проявили выдержку, продемонстрировали высокое чувство долга. Впоследствии мне рассказывали, как один младший командир, проезжая по родному селу, увидел у калитки свою жену и двух малолетних детишек. Он замахал руками, закричал, пытаясь привлечь их внимание. Но его не заметили в клубах пыли, не услышали в грохоте проезжавшей колонны. К сожалению, это была его последняя встреча с родными. Он сложил голову где-то в Трансильвании».

30 августа 1944 года в 20 километрах от Бухареста в боевой готовности сосредоточились: подвижная группа 53-й армии 2-го Украинского фронта в составе 375-й и 233-й усиленных стрелковых дивизий, три полка 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску, 6-я танковая армия. Войска ждали разрешения на вступление в столицу Румынии. Ждали румынские добровольцы и не ведали, что второй эшелон их дивизии под командованием полковника Мирчи Хаупта в это время скрестил оружие с гитлеровцами, рвавшимися к городу Васлуй. Бой закончился блестящей победой антифашистов. Они разгромили врага, уничтожив и взяв в плен более 700 солдат и офицеров.

31 августа 1944 года. «Бухарест начинался низенькими домиками предместий, утопающими в садах, узенькими улочками, стекающимися к широким проспектам, которые вели к центру города. Наши регулировщики направляют могучий поток танков, орудий, ма-

шин, маршевых колонн к центральной части румынской столицы. Войска идут сквозь живой коридор — на улицах неоглядное море людей. Вот уже трудно проехать. Стоит остановиться машине или танку, как сейчас же через борт влезают к советским солдатам счастливые, возбужденные радостью румыны. Женщины обнимают и целуют наших бойцов, куда ни глянь — на лицах светлые улыбки.

— Русская армия — ура!— раздаются вокруг голоса ликования.

Вместе с советскими войсками в Бухарест вошли и воины-румыны. Колонне 1-й румынской дивизии имени Тудора Владимиреску было предоставлено право первой вступить в свою столицу»,— вспоминал начальник 2-го Украинского фронта генерал М. В. Захаров.

Румынская газета «Ромыния либерэ» 31 августа 1944 года писала: «Колонны манифестантов прошли через центр города, овациями приветствуя две дружеские братские армии, побратавшиеся в совместной борьбе против общего врага.

Бухарест забыл страшные дни террора нацистской оккупации. Город испытывал радость и счастье. Румынские рабочие с энтузиазмом приветствовали героическое вступление в столицу лучшей армии в мире, Красной Армии-освободительницы...

На состоявшемся митинге первым выступил от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии рабочий Георге Апостол, который сказал: «Товарищи, герои Красной Армии-освободительницы! От имени ЦК РКП и румынского народа передаю вам самые горячие приветствия, полные веры в окончательную победу над гитлеровскими захватчиками.

Выражаем нашу признательность доблестной и героической Красной Армии-освободительнице, которая в совместной борьбе со славной румынской армией

очистит нашу землю от гитлеровских варварских орд...»

От имени Центрального Комитета Союза коммунистической молодежи выступил рабочий Чаушеску[1]: «Дорогие командиры и солдаты Красной Армии! От имени Центрального Комитета Союза коммунистической молодежи, от имени румынской молодежи приветствую вас и поздравляю с прибытием. Вы вашей борьбой помогали румынскому народу свергнуть предательское правительство Антонеску.

Коммунистическая молодежь все время находилась во главе борьбы молодежи против преступной войны Гитлера и Антонеску...

Румынская молодежь принимает вас по-братски и будет бороться рядом с вами до полного уничтожения гитлеровского чудовища...»

В тот день было много горячих слов и рукопожатий, было изобилие цветов и фруктов. Но недолго пришлось торжествовать воинам в столице Румынии. Враг находился совсем близко, достаточно сильный, не хотевший отдавать без боя ни пяди чужой земли.

Из боевого донесения командования 2-го Украинского фронта в Ставку Верховного Главнокомандования от 31 августа 1944 года: «...Подвижной группой в составе 6-й танковой армии, 375-й и 233-й стрелковых дивизий, 1-й пехотной дивизии румын в 8.30 31.8 вошли в столицу Румынии — Бухарест и к 14.00 31.8 вышли на рубеж Буфтя, Сэбэрени, Пошитова, Буда, Дэрэшти.

В результате боев войска фронта овладели 350 населенными пунктами...

За 31.8.44 г. захвачено свыше 4000 пленных...»

Отсчет боевых подвигов румынской дивизии имени

---

[1] Николае Чаушеску был одним из руководителей Союза коммунистической молодежи Румынии.

Тудора Владимиреску, в сущности, начался с этого знаменательного дня и практически не прекращался до полной победы над фашизмом.

Однако самоотверженность добровольцев далеко не всем была по душе в румынской армии. Реакционно настроенная часть офицерства распространяла о патриотах злобную клевету, называла изменниками родины, угрожала расправой после войны.

Военный совет фронта, высоко ценивший добровольческую пехотную дивизию имени Тудора Владимиреску, категорически выступил против подобного антагонизма. Р. Я. Малиновский и И. З. Сусайков писали 6 сентября 1944 года: «Полковнику Камбря. 1-я дивизия румын является наиболее боеспособной частью румынского народа и хорошо выполняет боевые задачи. Румынский народ никому не позволит чернить своих героев, преданных сынов родины и раньше всех понявших необходимость борьбы за свободу и независимость Румынии. Будьте спокойны, честно деритесь и беспощадно бейте врага».

Компартия Румынии настойчиво добивалась очищения армии от фашистских и профашистских элементов, совершивших немало кровавых преступлений в войне против СССР. «Для того чтобы наша армия с успехом выполняла свой долг перед родиной, необходимо коренным образом реорганизовать армию,— говорилось в сентябрьском документе КПР.— В нашей армии должен царить новый дух, дух демократической жизни, соответствующий стремлениям и воле всего народа».

Исключительное внимание уделяла Коммунистическая партия Румынии дивизии имени Тудора Владимиреску. Под ее руководством осуществлялся набор добровольцев для пополнения рядов дивизии. Печать Компартии широко освещала подвиги владимиресковцев на фронте.

Одним из первых прославил добровольческое соединение румынских антифашистов командир взвода 3-го пехотного полка лейтенант Георге Туртурика, получив советский орден Красной Звезды за удивительную находчивость и отвагу. Вскоре о сыне бедного крестьянина Туртурика узнала вся страна. «3-й пехотный полк наступал,— писал полковник Д. Диев.— Стоял погожий сентябрьский день. По иссеченному пулями и осколками снарядов кукурузному полю румынские воины преследовали отступавшего врага. Гитлеровцы предприняли контратаку, бросили в бой танки. Храбро сражался во главе своего взвода лейтенант Туртурика. Метким огнем был подбит один танк, и стальная машина, охваченная пламенем, застыла на месте. Затем подбили вторую машину. Но еще один танк продолжал двигаться вперед, с ходу обстреливая румынские позиции. Вот-вот он прорвется в тыл и причинит большие беды. Лейтенант бросает под танк одну за другой две гранаты. Неудачно! Тогда Туртурика смело вскакивает на броню «тигра», открывает люк башни и кидает туда оставшуюся гранату. Прежде чем герой успел спрыгнуть на землю, «тигр» взорвался. Георге Туртурика погиб. Воодушевленные подвигом отважного офицера, бойцы поднялись в атаку. Противник не выдержал и обратился в бегство».

4 сентября 1944 года подвижная группа 33-го советского стрелкового корпуса при активном участии дивизии имени Тудора Владимиреску заняла важный промышленный центр и узел железных дорог — город Брашов. 8 сентября был освобожден город Сфынту Георге. Здесь гитлеровцы оказали отчаянное сопротивление: пехота, поддерживаемая танками, вела непрерывные контратаки. Однако румынские антифашисты глубоко вклинились в оборону противника и в тесном взаимодействии с советскими войсками и воинами ру-

мынских горнострелковых частей вошли в город. «Мы наступали на основном направлении плечом к плечу с бойцами 202-й советской стрелковой дивизии,— рассказывал Н. Камбря.— Бои в условиях Карпатских гор носили упорный характер. Мы потеряли тогда около трехсот человек убитыми и ранеными. Однако задачу выполнили — противник был выбит из этого важного стратегического пункта на путях через Карпаты. Командир 33-го стрелкового корпуса, в состав которого входила наша дивизия, выразил благодарность румынским добровольцам за проявленную храбрость».

23 сентября 1944 года 337-я советская стрелковая, 1-я добровольческая имени Тудора Владимиреску и 3-я горнострелковая румынская дивизии заняли город Беюш.

«Еще более кровопролитные бои,— вспоминал Н. Камбря,— наша дивизия вела в конце сентября за освобождение города Орадя, близ венгеро-румынской границы. Немцы бросали в бой танковые части. Мы понесли серьезные потери, но нас активно поддерживали советские танкисты. Первого октября, проводя рекогносцировку местности, наша штабная машина натолкнулась на немецкий танк. Танк расстрелял нас в упор, мой начальник штаба и я были тяжело ранены».

Да, бои за крупный город Западной Трансильвании — Орадя были на редкость ожесточенными. В течение семи дней не прекращались гитлеровские атаки, унося сотни жизней советских и румынских воинов. Здесь погибли смертью героев командир 2-го пехотного полка дивизии имени Тудора Владимиреску полковник Ион Бузояну и советский майор Семен Артемович Щерба.

После освобождения Орадя добровольческая дивизия в составе советских войск вступила на территорию

Венгрии. С 13 по 20 октября она сражалась за Дебрецен. Для взятия города и прилегающих к нему районов командование 2-м Украинским фронтом выделило: 6-ю гвардейскую танковую армию, конно-механизированную группу, 33-й стрелковый корпус, две советские и две румынские пехотные дивизии. 19 октября эти части ворвались в Дебрецен, завязав жесточайшую схватку с противником на улицах города. 1-я добровольческая румынская дивизия отличилась особенно. Очищая улицу за улицей, она первой прорвалась к центру города. Утром 20 октября 1944 года Дебрецен был полностью освобожден от фашистов.

Приказом Верховного Главнокомандующего 1-я добровольческая румынская пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску удостоилась почетного наименования Дебреценской, а командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский 11 ноября 1944 года наградил 211 солдат и офицеров дивизии орденами и медалями СССР за успешные действия в этой операции.

После Дебрецена с частями 53-й советской армии, а с 22 декабря 1944 года в составе 49-го советского стрелкового корпуса добровольческая дивизия румын продолжала громить фашистов на венгерской земле северо-восточнее города Дьендьеш, освобождая город Шалготарьян, и в районе венгеро-чехословацкой границы.

В докладе представителя Генерального штаба Красной Армии «О боевой деятельности 1-й румынской добровольческой Дебреценской пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску за период с 1 по 31 декабря 1944 года» отмечалось: «Неоднократно комкор 49 выносил благодарность за отличные бои, особенно за маневренность. Боеспособность дивизии резко повысилась, все солдаты и офицеры стремились только впе-

ред и выиграть бой с меньшими потерями. Офицерский состав в горных условиях показал умение хорошо управлять своими подразделениями».

В декабре дивизия пополнилась отдельным батальоном, сформированным Коммунистической партией Румынии из молодых добровольцев — членов Союза коммунистической молодежи Румынии. В феврале 1945 года молодежный батальон получил первое боевое крещение и прославил себя на чехословацкой земле во время боев дивизии за взятие населенного пункта Алмаш, лежащего на пути к реке Грон. Здесь геройски погибли комсомольцы Константин Годяну и Ион Прикэ. Продемонстрировал высокую отвагу Петру Вышку.

На чехословацкой земле проявил исключительное мужество и героизм сержант Николае Предеску. «В апреле 1945 года рота, в которой он служил, вела бои в районе высоты 618,— писал полковник Д. Диев.— Здесь противник создал сильную оборону, прикрывавшую подступы к реке Грон. Четыре раза ходили румынские солдаты в атаку, но пройти три линии траншей не могли. Из хорошо расположенных огневых точек фашисты каждый раз открывали губительный огонь. Уничтожить огневые точки можно было только с очень близкого расстояния. Командир поручил это сделать группе смельчаков, в числе которых был и сержант Предеску. Смельчаки подползли к самому дзоту, забросали его гранатами и заставили замолчать. Рота немедленно бросилась в атаку и ворвалась в траншеи гитлеровцев. Задача была выполнена. Однако на высоте завязался упорный бой с подоспевшими сюда подкреплениями противника. Отделение, которым командовал Предеску, оказалось отрезанным от роты и попало в очень тяжелое положение. Сержант принял решение — отделению пробиваться на соединение с ротой, а сам остался прикрывать маневр товарищей.

Завязалась неравная схватка. В разгар боя Предеску был ранен и захвачен гитлеровцами. Пытаясь получить от него сведения о румынских и советских войсках, фашисты подвергли его зверским пыткам. Патриот остался до конца верным своему долгу, погиб, но не выдал военной тайны. Когда румынские воины овладели высотой, в одной из траншей они нашли тело изуродованного Предеску».

3 мая 1945 года в дивизию прибыл командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. От имени Президиума Верховного Совета СССР он прикрепил к знамени добровольческой Дебреценской дивизии имени Тудора Владимиреску орден Красного Знамени. В указе о награждении говорилось, что орден Красного Знамени дается дивизии «за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками, за героизм и отвагу личного состава».

Более 1500 солдат и офицеров румынской дивизии были награждены советскими боевыми орденами и медалями. Впоследствии Президиум Великого национального собрания Румынской Народной Республики наградил румынскую добровольческую Дебреценскую пехотную Краснознаменную дивизию имени Тудора Владимиреску орденом «Защита Родины» 1-го класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ С ФАШИЗМОМ

На переплете использован фрагмент плаката художника **Джона Хартфильда.**

Заведующий редакцией **А. В. Никольский**
Редактор **К. О. Меликян**
Младший редактор **Т. К. Сперанская**
Художник **Б. Г. Попов**
Художественный редактор **Е. А. Андрусенко**
Технический редактор **Г. М. Новакова**

ИБ № 7313

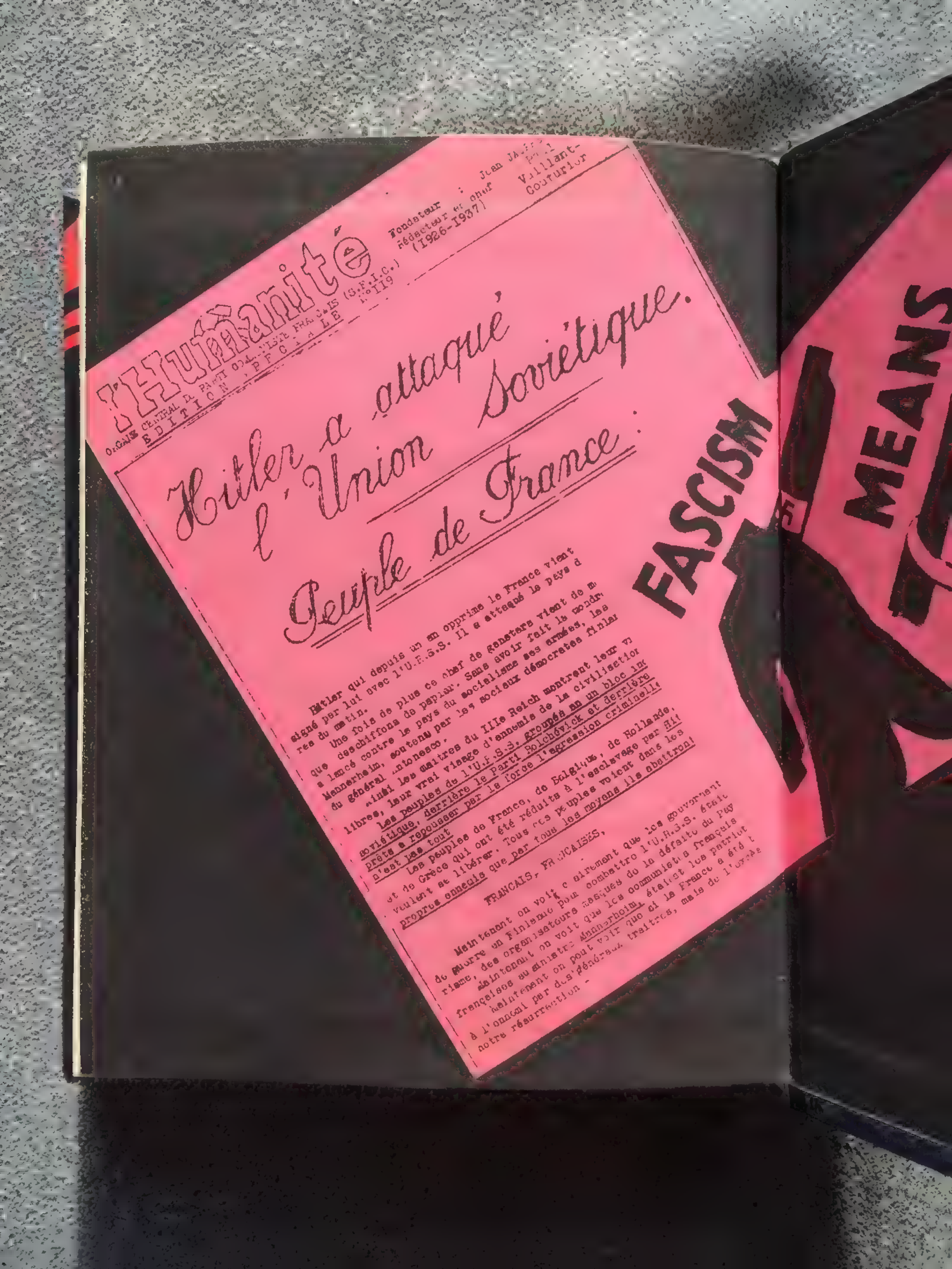
Сдано в набор 03.06.88. Подписано в печать 24.10.88. А 00146. Формат $70\times108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,90. Усл. кр.-отт. 19,43. Уч.-изд. л. 19,13. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 212. Цена 90 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

ата

00146. Формат
ура «Журнальная
кр.-отт. 19,43.
. Цена 90 коп.



l'Humanité

ORGANE CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE FRANÇAIS (S.F.I.C.)
EDITION SPECIALE N°119

Fondateur : Jean JAURÈS
Rédacteur en chef Paul Vaillant-Couturier (1926-1937)

Hitler a attaqué l'Union Soviétique.

Peuple de France :

Hitler qui depuis un an opprime la France vient
signé par lui avec l'U.R.S.S. Il a attaqué le pays d
res du matin.

Une fois de plus ce chef de gangsters vient de m
que deschiffons de papier. Sans avoir fait la moindr
a lancé contre le pays du socialisme ses armées, les
Mannerheim, soutenu par les sociaux démocrates finlar
du général Antonesco.

Ainsi les maitres du IIIe Reich montrent leur v
libres, leur vrai visage d'ennemis de la civilisation

Les peuples de l'U.R.S.S. groupés en un bloc in
soviétique, derrière le Parti Bolchévick et derrière
prêts a repousser par la force l'agression criminelle
n'est pas tout

Les peuples de France, de Belgique, de Hollande,
et de Grèce qui ont été réduits à l'esclavage par Hit
veulent se libérer. Tous ces peuples voient dans les
propres ennemis que par tous les moyens ils abattront

FRANCAIS, FRANCAISES,

Maintenant on voit c airement que les gouvernement
de guerre en Finlande pour combattre l'U.R.S.S. étaie
risme, des organisateurs masqués de la défaite du Pay
Maintenant on voit que les communistes français
françaises au sinistre Mannerheim, étaient les patriot
Maintenant on peut voir que si la France a été t
à l'ennemi par des généraux traitres, mais de l'union
notre résurrection -

JAURES
Paul
Vaillant-
Couturier

...soviétique.

...France :

...France vient
...aqué le pays d...

...nisters vient de m...
...avoir fait la mondr...
...isme ses armées, les
...aux démocrates finlan...

...e Reich montrent leur v...
...nnemis de la civilisation
...S.S. groupés en un bloc im...
...arti Bolchévick et derrière
...forces l'agression criminell...

...rance, de Belgique, de Hollande,
...été réduits à l'esclavage par Hit...
... Tous ces peuples voient dans les
...ue par tous les moyens ils abattron...

...ANÇAIS, FRANÇAISES,

...ent on voit clairement que les gouvernent...
...n Finlande pour combattre l'U.R.S.S. étaie...
...organisateurs masqués de la défaite du pay...
...tonent on voit que les communistes français
...es au ministre Mannerheim, étaient les patriot...
...ntenant on peut voir que si la France a été t...
...onnoi par des généraux traitres, mais de l'excè...
...re résurrection -

FASCISM MEANS WAR

Fascismul

l'Humanité

ORGANE CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE FRANÇAIS (S.F.I.C.)

EDITION SPECIALE N°119

Fondateur : Jean Jaurès
Rédacteur en chef (1926-1937) Paul Vaillant-Couturier

Hitler a attaqué l'Union Soviétique.

Peuple de France :

Hitler qui depuis un an opprime la France vient
signé par lui avec l'U.R.S.S. Il a attaqué le pays d
res du matin.
Une fois de plus ce chef de gangsters vient de m
que des chiffons de papier. Sans avoir fait la
a lancé contre le pays du socialisme ses armées, les
Mannerheim, soutenu par les sociaux démocrates finla
du général Antonesco.
Ainsi les maîtres du IIIe Reich montrent leur v
libres, leur vrai visage d'ennemis de la civilisatio
Les peuples de l'U.R.S.S. groupés en un bloc in
soviétique, derrière le Parti Bolchévick et derrière
prêts à repousser par la force l'agression criminell
n'est pas tout
Les peuples de France, de Belgique, de Hollande,
et de Grèce qui ont été réduits à l'esclavage par Hit
veulent se libérer. Tous ces peuples voient dans les
propres ennemis que par tous les moyens ils abattront

FRANCAIS, FRANCAISES,

Maintenant on voit clairement que les gouvernement
de guerre en Finlande pour combattre l'U.R.S.S. étaie
risme, des organisateurs masqués de la défaite du pay
Maintenant on voit que les communistes français
françaises au ministre Mannerheim, étaient les patriot
Maintenant on peut voir que si la France a été t
à l'ennemi par des généraux traîtres, mais du l'ord
notre résurrection -

90 коп.

SMRŤ NACIZMU!

ПОЛИТИЗДАТ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ С ФАШИЗМОМ